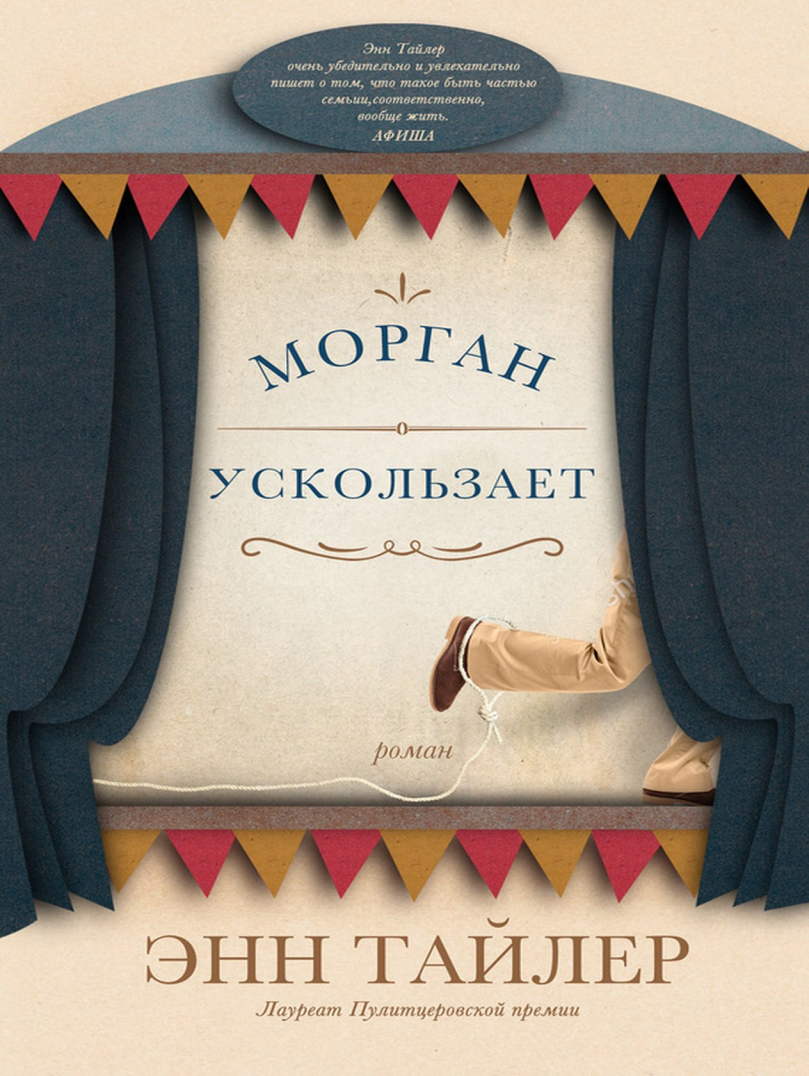
Энн Тайлер
очень убедительно и увлекательно
пишет о том, что такое быть частью
семьи, соответственно,
вообще жить.
АФИША

МОРГАН УСКОЛЬЗАЕТ



роман

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

Морган ускользает
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Морган ускользает
1967
1968
1
2
3
4
5
6
1969
1
2
3
4
5
1971
1
2
3
1973
1

2
1975
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
1976
1
2
3
4
5
6
1977
1
2
3
4
5
6

7
8
1978
1
2
3
4
5
6
7
8
9
1979
1
2
3

Аннотация

Конец 1960-х. Моргану за 40, у него косматая борода, из-за которой он выглядит гораздо старше. Морган – обладатель обширного гардероба из самых причудливых костюмов и удивительных головных уборов: от тропического шлема до наполеоновской треуголки. Каждый день Морган меняет наряды, примеряя новые личины, и в своих странных костюмах он бесцельно прогуливается по улицам, спасаясь от домашней тоски. Его фантазии – бегство из реальности, в которой у него милая, но ничем не примечательная жена, выводок из семи дочерей, несчастливая сестра и полубезумная матушка. Выдумщик Морган заперт внутри своего семейного бытования, ему чудится, что настоящая жизнь, бурная, яркая, необычная, где-то совсем рядом, надо лишь внимательно всматриваться в мир, и однажды он тебе откроется во всем своем многообразии. И как-то раз Морган встречает Эмили и Леона, скитальцев по собственному выбору, показывающих то тут, то там кукольные спектакли. И отныне жизнь

Моргана меняется…

Эксцентричный, причудливый, иронич-ный, грустный и очень теплый роман Энн Тайлер о семье, ее радостях и ужасах.

Энн Тайлер
Морган ускользает

MORGAN'S PASSING by ANNE TYLER
Copyright © 1980 by Anne Tyler Modarressi

Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме возможны только с разрешения владельца авторских прав.
Книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Сергей Ильин, перевод, 2017
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

* * *

Энн Тайлер выросла в Северной Каролине. В университете она специализировалась в области русского языка, истории и литературы. В 1963-м вышла замуж за детского психиатра и романиста — иранца Таги Мохаммеда Модаресси. Ее муж, политический беженец, также писал романы, но на фарси. Через несколько лет пара переехала в Балтимор, где Энн Тайлер живет и поныне. Этот небольшой город стал местом действия многих ее книг. Работать над первым романом писательница начала вскоре после замужества; вышел он в 1964-м, но Тайлер впоследствии была крайне недовольна двумя первыми книгами, как-то в интервью даже призналась, что «с радостью бы сожгла их». Переехав в Балтимор, Энн Тайлер оставила писательство. И только в 1970-м она вернулась к литературе. Лучшим своим романом того периода Энн Тайлер считает «В поисках Калеба», книгу заметил и похвалил Джон Апдайк, написавший: «Смешная, лиричная, честная и элегантная книга… Эта писательница не просто хороша, она дьявольски хороша». 1980-е в американской литературе стали десятилетием Энн Тайлер. Роман «Ужин в ресторане “Тоска по дому”» в 1983-м попал в число финалистов двух самых престижных американских премий —

Пулитцеровской и премии Фолкнера, а также премии *American Book Awards*. Следующий — «Случайный турист» — снова оказался среди номинантов трех премий. И наконец, роман «Уроки дыхания» в 1989-м получил Пулитцеровскую премию и был назван многими изданиями «книгой года». Новый век Энн Тайлер встретила в статусе живого классика, каждая ее книга вызывала живейший интерес. В 2015-м ее роман «Катушка синих ниток» попал в короткий список премии «Букер», а также стал большим мировым бестселлером. Энн Тайлер по-прежнему живет в своем старом доме в Балтиморе, она крайне редко дает интервью и ведет практически затворнический образ жизни.

1967

Каждый год пресвитерианская церковь устраивала пасхальную ярмарку. Ранним субботним утром длинный покатый склон холма, на котором стояла церковь, обрастал шатрами, расписными киосками, аттракционами, предоставляемыми увеселительной компанией «Счастливые деньки», и большими деревянными ларьками на колесах, чьи окна медленно заполнялись намасленным попкорном. Белый кролик в шесть футов ростом чинно кланялся, раздавая драже из корзинки. После полудня за зданием воскресной школы устраивали поиски пасхальных яиц, и победители получали в награду шоколадных курочек. Отовсюду неслась музыка, обрывки томных мелодий переплетались, а в воздухе пахло неизменной сахарной ватой.

Однако климат Балтимора непредсказуем. Иногда для ярмарки бывало слишком холодно. В тот год, когда Пасха пришлась на март, трава подрасти не успела, и поиски яиц обратились в комедию. Они глупо лежали у всех на виду, разбросанные по лысой бурой лужайке, и дети

хватали их руками в варежках. Взрослые в свитерах и шарфах стояли вокруг, нахохлившись. Выглядели они так, точно забрели ненароком не в то время года. Без людей ярмарка производила бы более приятное впечатление — полосатые шатры, плещущие фестонами весенних расцветок, играющая «После бала» карусель и скачущие без седоков пластмассовые лошадки.

В бело-зеленом шатре, освещенном изнутри зеленоватым светом, шел кукольный спектакль, и публику пробирала дрожь при виде Золушки в бальном платье без бретелек. То была перчаточная кукла с круглой головкой и локонами из желтых ниток. Она танцевала с Принцем, причесанным, как мальчик на банке краски «Голландский парнишка». Они так любовно обнимали друг друга — легко было забыть, что это всего лишь две сомкнутые ладони. «Какой у тебя прекрасный дворец, — говорила Принцу Золушка. — Полы словно зеркальные. Интересно, кто их натирает?»

Голос у нее был грудной, насмешливый, нисколько не кукольный. Никто не удивился бы, увидев пар над ее намалеванным ртом.

Принц сказал: «Понятия не имею, мисс… как, вы сказали, вас зовут?»

Вместо ответа она опустила взгляд на свои ноги. Пауза затянулась. На складных стульях заерзали дети. Становилось все яснее, что бальный зал — это никакой не зал, а огромная картонная коробка с вырезанной передней стенкой и марлевой занавеской на задней. Какой-то ребенок среди зрителей сказал:

— Я писать хочу.

— Чш-ш.

«Как вас зовут?» — повторил Принц.

Почему она молчит?

На самом деле, поняли дети, это всего только кукла. Они откинулись на спинки стульев. Что-то пошло не так. Даже на лицах родителей обозначилось недоумение.

Неожиданно Золушка самым неестественным образом упала ничком, из-под юбки ее выскользнула и скрылась за марлевым занавесом человеческая ладонь. Дети вытаращили глаза. На сцене лежала мертвая, пустая оболочка Золушки, откинувшая назад словно бы сломанные руки.

— Все кончилось? — спросил у матери кто-то из детей.

— Тише. Сиди спокойно. Ты же знаешь, чем это кончается.

— Ну а где тогда остальное? Может, пойдем

отсюда?

— Подожди. Там кто-то показался.

Это был взрослый — условно говоря; он ощупью выбрался из-за простыни, которая висела с одного боку сцены. Смуглый худой юноша в штанах хаки и ржавого цвета вельветовой куртке поверх старой, до полусмерти застиранной белой рубашки. В нем ощущалась какая-то ожесточенность — в изгибе губ, может быть, или в вызывающе приподнятом подбородке.

— Леди и джентльмены… — сказал он, проведя ладонью по волосам. — Мальчики и девочки…

— Это Принц, — сказал ребенок.

— Мальчики и девочки, случилась… болезнь. Представление окончено. В кассе вы сможете получить назад ваши деньги.

Он отвернулся, не подождав реакции публики, и ухватился за простыню, но затем ему, похоже, пришла в голову новая мысль.

— Извините, — сказал он и снова провел ладонью по волосам (то-то они были такими всклокоченными и спутанными). И спросил: — Нет ли здесь врача?

Зрители переглядывались — большинству было лет пять. Врача не оказалось. Молодой человек коротко и резко вздохнул, приподнял угол

простыни. Но тут встал сидевший в заднем ряду мужчина.

— Я врач, — сказал он.

Высокий, худощавый, бородатый мужчина в костюме из ворсистой коричневой ткани, вполне пригодной для шитья одеял, в красной лыжной шапочке конусом, с помпоном. Из-под шапочки выбивались пряди вьющихся черных волос. Борода у него была такой растрепанной, черной и лохматой, что определить возраст мужчины было затруднительно. Сорок? Сорок пять? Во всяком случае, он был намного старше обычного зрителя кукольных спектаклей, а ребенок, который мог бы объяснить его присутствие здесь, мужчину не сопровождал. Он вытянул шею, добродушно улыбаясь, поводя из стороны в сторону длинным тощим носом и ожидая, когда ему скажут, чем он может помочь. Молодой человек немного успокоился, напряжение отчасти сошло с его лица.

— Идите сюда, — сказал он, откидывая простыню.

Переступая через ноги взрослых, обходя уже устремившихся наружу детей, доктор направился к молодому человеку. Добрался, вытер о брюки ладони и нагнулся, чтобы пройти под простыней.

— С кем тут неладно? — спросил он.

— С ней, — ответил молодой человек и указал на сидевшую поверх кипы муслиновой ткани светловолосую девушку.

Узкокостная, хрупкая, но с огромным животом, она сидела, баюкая свой живот, оберегая его, и смотрела на доктора спокойными серыми глазами. Губы ее были до того бесцветными, что почти и неразличимыми.

— Понятно, — сказал доктор.

Поддернув брюки, он опустился рядом с ней на колени, наклонился, чтобы положить ладонь ей на живот. Пауза. Доктор хмурился, глядя на стену шатра, что-то прикидывая.

— Да… — Он выпрямился, взглянул девушке в лицо и спросил: — Какие промежутки между схватками?

— Никаких, — насмешливым голосом Золушки ответила девушка.

— Идут одна за другой? А когда начались?

— Около… часа назад, верно, Леон? Когда мы готовились к представлению.

Густые черные брови доктора поползли вверх.

— Очень странно, — сказал он, — что они участились так быстро.

— Ну тем не менее, — прозаически ответила

девушка.

Доктор, покряхтывая, встал, отряхнул колени:

— Что ж, полагаю, для пущей безопасности вам лучше отправиться в больницу. Где ваша машина?

— У нас нет машины, — ответил молодой человек.

— Нет машины?

Доктор поозирался кругом, словно пытаясь понять, как сюда попала вся их оснастка: громоздкая сцена, груда костюмчиков, винная коробка, из картонных отделений которой торчали головы кукол.

— Нас подвез на грузовике мистер Кенни, — сказал молодой человек. — Председатель комитета по сбору средств.

— Ладно. Тогда пошли со мной, — сказал доктор. — Я отвезу вас. — Похоже, его такая возможность искренне обрадовала. Он спросил: — Да, а куклы? Возьмем их с собой?

— Нет, — ответил молодой человек. — Какое мне дело до кукол? Надо поскорее отвезти ее в больницу.

— Как хотите. — Однако, прежде чем помочь молодому человеку поднять девушку на ноги, доктор огляделся еще раз, словно сожалея о неко-

ей утраченной возможности. И спросил: — Из чего они сделаны?

— Что? — не понял молодой человек. — А, да просто из… всякой всячины. — Он протянул девушке ее сумочку и добавил: — Их Эмили делает.

— Эмили?

— Вот она, Эмили, моя жена. А я — Леон Мередит.

— Рад знакомству, — сказал доктор.

— Они из резиновых мячиков, — сказала Эмили.

Встав на ноги, она оказалась даже более хрупкой, чем выглядела до этого. Эмили повела двоих мужчин к выходу из шатра, грациозно ступая и улыбаясь еще остававшимся там детям. Измятая черная юбка неровно прикрывала ее голени, тонкий белый кардиган с прилипшими к нему черными шерстинками и ниточками и близко не сходился на раздувшемся животе.

— Беру обычный дешевенький резиновый мячик, — говорила она, — прорезаю ножом дырку для шеи. Потом натягиваю на него нейлоновый чулок, пришиваю глаза и нос, рисую рот, делаю волосы из…

Голос девушки пресекся, и доктор окинул ее быстрым взглядом.

— Чем чулки дешевле, тем лучше, — продолжала она. — Они розовые и издали больше походят на кожу.

— Далеко нам идти? — спросил Леон.

— Нет-нет, — ответил доктор. — Моя машина стоит на главной парковке.

— Может, лучше «скорую» вызвать?

— Думаю, она не понадобится, — сказал доктор.

— А вдруг роды начнутся раньше, чем мы доберемся до больницы?

— Вы уж поверьте, если бы я считал это хоть сколько-то вероятным, то повел бы себя иначе. У меня вовсе нет желания принимать роды в моем «понтиаке».

— О господи, только не это, — сказал Леон и скосился на руки доктора, которые выглядели не так чтобы очень чистыми. — Но Эмили говорит, что он может родиться в любую минуту.

— Это верно, — спокойно подтвердила Эмили.

Она шла между ними, без какой-либо помощи поднимаясь по склону к парковке. И поддерживала ребенка на весу, как будто он уже существовал отдельно от нее. С плеча Эмили свисала потертая черная сумочка. В солнечном свете волосы ее, уложенные двумя косами вокруг головы, серебри-

лись, вверх выбивались похожие на маленькие штопоры прядки, словно притянутые магнитом металлические опилки. Кожа Эмили казалась холодной, тонкой и бледной, но глаза оставались спокойными. Похоже, она ничего не боялась. И взгляд доктора встретила твердым взглядом.

— Я его чувствую, — сказала она.

— Он у вас первый?

— Да.

— Ага, но тогда он, понимаете ли, никак не может родиться быстро, — сказал доктор. — Самое раннее — глубокой ночью, а то и утром. У вас же и схватки-то начались не больше часа назад!

— Может, так, а может, и нет, — ответила Эмили и вдруг, тряхнув головой, исподлобья посмотрела на доктора. — Вообще-то боль в спине началась еще в два часа ночи. Возможно, это и были схватки, а я просто *не поняла*.

Леон тоже смотрел на доктора, который вроде бы на миг заколебался.

— Доктор?..

— Все мои пациенты уверяют меня, что их ребенок вот прямо сейчас родится, — сказал Леону доктор. — И этого никогда не случается.

Они уже дошли до белого щебня парковки. Ее пересекали самые разные люди — одни только

что приехали и шли, придерживая свои плащи, которые норовил вздуть ветер, другие уже покидали ярмарку — с шариками, плачущими детьми, плоскими картонными коробками с подрагивавшей помидорной рассадой.

— Тебе не холодно? — спросил Леон. — Хочешь мою куртку?

— Все хорошо, — ответила Эмили, хотя под кардиганом у нее только и было одежды, что жалкая черная футболка, а обутые в тоненькие, как бумага, балетные туфельки ноги были голы.

— Ты же наверняка мерзнешь, — сказал Леон.

— Все *в порядке*, Леон.

— Это адреналин, — отсутствующе заметил доктор. Он уже остановился наверху склона и, поглаживая бороду, оглядывал парковку. — Что-то не вижу я моей машины.

Леон произнес:

— О боже.

— Да нет, вон она. Не пугайтесь.

Машина была явно семейная — тупорылая, немодная, с привязанной к антенне красной обтрепанной ленточкой для волос и надписью ПОМОЙ ЕЕ, выведенной пальцем по запыленному крылу. Внутри валялись школьные учебники, грязные носки, спортивные шорты. Доктор, опер-

шись коленями о переднее сиденье, колотил по заднему, пока наваленные грудой киножурнальчики не слетели на пол. А затем сказал:

— Ну вот. Садитесь сзади, там вам будет удобнее.

Сам он уселся за руль, включил двигатель, и тот жалобно, монотонно заныл. Эмили с Леоном расположились сзади. Эмили, обнаружив под правой ногой кед, взяла его двумя пальцами и переложила себе на колени.

— Итак, — сказал доктор. — Какая больница?

Эмили и Леон переглянулись.

— Городская? Университетская? Хопкинс?

— Та, что поближе, — сказал Леон.

— Но в какой вы зарегистрированы? Где работает ваш врач?

— Мы нигде не зарегистрированы, — ответила Эмили, — и врача у нас нет.

— Ясно.

— Поезжайте *в любую*, — сказал Леон. — Главное, чтобы она туда попала.

— Хорошо. — Доктор вывел машину с парковки. Скорости у нее переключались со скрежетом.

Леон сказал:

— Наверное, нам следовало уладить это раньше.

— Вообще-то, да, — согласился доктор. Он затормозил, посмотрел направо, налево и вклинился в поток машин на Фарли-стрит. Они ехали по новому, пока не достроенному толком, не включенному в черту города району: одноэтажные дома, голые, без деревьев, лужайки, еще одна церковь, торговый центр. — Но полагаю, жизнь вы ведете наполовину бродячую.

— Бродячую?

— Привольную. Корней нигде не пускаете, — пояснил доктор.

Он похлопал себя по карманам, нашел пачку «Кэмел». Вытряс из нее сигарету, закурил. Процесс сопровождался такой неуклюжей возней, проклятьями, стараниями подхватить падавшие предметы, что оставалось лишь удивляться, как это другим водителям удалось не столкнуться с ним. Чиркнув наконец спичкой, он затянулся, выдохнул большое облако дыма и закашлялся. «Понтиак» мотало с полосы на полосу. Доктор постучал себя по груди и сказал:

— Вы, я думаю, ездите с одной ярмарки на другую, так? Просто следуете за праздниками, останавливаясь там, куда вас занесет.

— Нет, на самом деле…

— Все-таки жаль, что вы кукол не прихвати-

ли, — продолжал доктор.

Он свернул на улицу пошире. Здесь ему пришлось сбавить скорость, машина тащилась мимо магазинов мебели и ковров по пятам за огромным грузовым фургоном с надписью «Мейфлауэр», полностью заслонявшим обзор.

— Мы не к светофору ли приближаемся? — поинтересовался доктор. — Какой там, красный или зеленый? Ничего не видно. Да, так что же с носами, с носами кукол? Из чего вы сделали нос мачехи? Из морковки?

— Как-как? — переспросила Эмили. — Нос?

По-видимому, она его не слушала.

— Простите, — сказала она. — Из меня какая-то вода течет.

Доктор затормозил, взглянул в зеркальце заднего вида. И встретился взглядом с Леоном.

— Вы не могли бы поторопиться? — спросил тот.

— Я *тороплюсь*, — ответил доктор.

Он еще раз затянулся, держа сигарету большим и указательным пальцами. Воздух в машине стал голубым, расслоился. Впереди «Мейфлауэр» пытался повернуть налево. При его маневренности это могло занять весь день.

— Погудите, — попросил Леон.

Доктор погудел. Потом сжал сигарету зубами и вывернул на правую полосу, где в него едва не врезалась быстро нагонявшая их машина. Теперь гудки неслись отовсюду. Доктор вернулся в левый ряд, включил сигнал поворота налево и понесся к следующему светофору, рядом с которым покачивался знак ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН. С кончика сигареты свисал, подрагивая, длинный столбик пепла. Через секунду он осыпался на пол, на руль, на колени водителя. *После того как кончится бал,* — пропел доктор и снова взял вправо, прорезал стоянку заправочной станции «Ситгоу», резко свернул налево и выехал на нужную ему улицу. — *И загорится заря…*

Одна рука Леона сжимала спинку переднего сиденья, другой он придерживал Эмили. Та смотрела в боковое окно.

— Я всегда хожу на ярмарки, на все, какие бывают в городе, — сказал доктор. — Школьные, церковные, итальянские, украинские… Мне по душе тамошняя еда. И аттракционы. Нравится наблюдать за людьми, которые ими управляют. Каково это — работать на ярмарке? Раньше я брал с собой дочерей, но теперь они выросли, говорят: «Что мне там делать?» Я спрашиваю: «Я вот не слишком стар для них, когда же ты успела

состариться?» Младшей и десяти еще нет. Как она может быть слишком взрослой для ярмарки?

— Ребенок выходит, — сказала Эмили.

— Прошу прощения?

— Ребенок. Я его чувствую.

Доктор снова взглянул в зеркальце. Глаза его были старше всего остального — скорбные, карие, налитые кровью, с дряблыми мешочками цвета помятого банана. Он приоткрыл рот — или Леону это показалось? Во всяком случае, борода доктора удлинилась. А потом укоротилась снова.

— Остановите машину, — попросил Леон.

— Ну… э-э, да, пожалуй, — ответил доктор.

Он припарковался около пожарной водоколонки, перед крошечной пиццерией под названием «Домашняя кухня Марии». Леон растирал запястья Эмили. Доктор вылез из машины и стоял, почесывая голову под лыжной шапочкой, вид у него был озадаченный.

— Простите, — сказал он Леону. Тот тоже выбрался из машины. Доктор наклонился к окошку и спросил: — Говорите, что чувствуете его?

— Я чувствую головку.

— Конечно, она ошибается, — сказал доктор Леону. — Знаете, сколько времени занимают в среднем первые роды? От десяти до двенадцати

часов. Это еще самое малое. Они тянутся и тянутся, уж поверьте. Нет ни малейшего шанса, что младенец уже начал выбираться на свет.

Однако, произнося это, он уложил Эмили на сиденье и приподнял, собирая в аккуратные складки, ее промокшую юбку.

— Да какого же?.. — Оказалось, что ее футболка — вовсе не футболка, а леотард, закрывающий промежность. Доктор поморщился и разорвал его по центральному шву. И сообщил: — Она права.

— Так *делайте* что-нибудь, — попросил Леон. — Что вы собираетесь сделать?

— Идите и купите газет, — велел ему доктор. — Сгодятся любые — «Ньюс Американ», «Сан»… но только свежие, понимаете? Не берите тех, что отдают клиенты закусочных, когда уже прочитают…

— О господи, господи, у меня нет мелочи, — запричитал Леон.

Доктор начал рыться по карманам. Вытащил помятую пачку «Кэмел», две мармеладины с прилипшими нитками, тюбик таблеток от изжоги.

— Эмили, — спросил он, — у вас не найдется мелочи примерно на доллар?

Эмили ответила что-то, походившее на «да», завертела головой из стороны в сторону.

— Посмотрим в ее сумочке, — решил доктор. Они пошарили по полу, среди спортивной одежды и соломинок от содовой. Леон поднял сумочку за ремешок. Порылся в ней, отыскал бумажник и убежал, бормоча: «Газеты. Газеты». Улица была веселая, людная, с замусоренными тротуарами, вдоль которых выстроились рядком закусочные, химчистки, цветочные магазинчики. Перед одним кафе были выставлены газеты в запертых стеклянных ящиках.

Доктор бросил окурок на асфальт, раздавил. Снял пиджак. Закатал рукава и поглубже заправил рубашку в брюки. Затем нагнулся, всунулся в машину и положил ладонь на живот Эмили.

— Дышите верхом груди, — велел он. Мечтательный взгляд доктора, что-то негромко напевавшего, был направлен в противоположное окошко, за которым громыхали грузовики и автобусы. Холодный ветер шевелил темные волоски у него на руках.

По тротуару прошла, щелкая высокими каблуками, женщина, совершенно не заметившая того, что происходило в машине. Потом — две девочки-подростка, поедавшие сливочную помадку из белого бумажного пакета. Шаги их замедлились, и доктор, услышав это, обернулся:

— Вы, двое! Позвоните-ка в «скорую». Скажите, что тут роды начались.

Девочки вытаращили глаза. Два одинаковых кубика помадки замерли на полпути к их ртам.

— Ну? Бегите, — поторопил доктор.

Девочки понеслись к «Домашней кухне Марии», а доктор снова повернулся к Эмили.

— Как дела? — спросил он.

Эмили застонала.

Вернулся с пачкой газет запыхавшийся Леон. Доктор начал расстилать их под Эмили и вокруг нее.

— Ну что же, — будничным тоном заметил он, — какая-никакая антисептика у нас будет.

Леон его, похоже, не услышал. Доктор обернул двумя газетными листами бедра Эмили. Она начинала казаться ему привычной принадлежностью машины. Он повесил спортивный раздел на спинку заднего сиденья, закрепил его на выступе под окном, придавив кедом, который Эмили все это время прижимала к себе.

— Далее, — сказал он, — мне нужны две полоски ткани в два дюйма шириной и в шесть длиной. Оторвите подол от вашей рубашки, Леон.

— Я хочу покончить с этим, — сказала Эмили.

— Покончить? — спросил доктор.

— Я передумала.

Из «Домашней кухни Марии» вышел повар — крупный мужчина в заляпанном томатным соусом переднике. Недолгое время он понаблюдал за Леоном, который стоял в одних джинсах у машины, дергая трясущимися руками за подол рубашки. Ребра Леона торчали наружу, лопатки были заостренными, точно цыплячьи крылья. Слишком молод он был для таких испытаний. Повар подошел, отнял у него рубашку и разодрал ее.

— Спасибо, — сказал Леон.

— Это зачем? — спросил повар.

— Ему нужны две полоски ткани, — пояснил Леон. — Два дюйма в ширину, шесть в длину. А зачем, я не знаю.

Повар, следуя инструкциям, оторвал полоски. Рубашку он вернул Леону, а полоски отдал доктору, и тот аккуратно повесил их на внутреннюю ручку дверцы. Повар оперся широкой мясистой ладонью о крышу машины и наклонился, чтобы кивнуть Эмили.

— День добрый, — сказал он.

— Здравствуйте, — вежливо ответила Эмили.

— Как дела?

— О, хорошо.

— Сначала кажется, что ему охота вылезти оттуда и народиться, — сказал повар, — а потом, что он вроде как назад вернуться хочет.

— Шли бы вы отсюда, — сказал Леон.

Повар пропустил это мимо ушей.

— Те девочки, которых вы послали «скорую» вызывать, — сказал он доктору. — Они по моему телефону звонят, бесплатно.

— Хорошо. — Доктор сжал ладонями головку ребенка — темную, мокрую, блестящую выпуклость. И сказал: — Тужься, Эмили. А вы, Мария, будьте добры, нажимайте ладонями ей на живот, ровно и медленно.

— Ну вот, ну вот, — приговаривал, нажимая, повар.

Леон сидел на корточках на бордюре, покусывая костяшку пальца; рубашку он надел, но не застегнул. За его спиной собралась небольшая толпа. Девочки-подростки стояли притихшие, забыв о пакете со сливочной помадкой. Мужчина спрашивал у всех, вызвана ли «скорая». Старуха рассказывала женщине помоложе о какой-то Декстер, у которой ребенок родился ногами вперед и со множеством осложнений.

— Тужься, — повторил доктор.

Все умолкли. Казалось, даже движение на ули-

це стихло.

Но вот доктор отступил от машины, держа в руках тусклый, скользкий комочек. Что-то сдвинулось. Тихий, сдавленный звук, донесшийся из совсем неожиданного места. Случилось все мгновенно, и в этот миг каждый в толпе смотрел не в ту сторону, а комочек вдруг обратился в воющее, извивающееся, неистовое, гневное мельтешение красных ручек, ножек и спирального телефонного провода.

«Ох», — вымолвила, вновь задышав, толпа.

— Девочка, — сказал доктор. И передал ее повару. — Вы девочку хотели?

— Да кого угодно! — ответил повар. — Была бы только здоровенькая. Привет, малышка.

— Я у Эмили спрашивал, — мирно пояснил доктор. Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать младенца, на удивление громогласного. И, наклонившись к Эмили, доктор нажал обеими руками на ее живот: — Эмили? У вас все хорошо? Потужьтесь, пожалуйста, еще.

Пока он давил ей на живот, Эмили не могла набрать в грудь столько воздуха, чтобы заговорить, но едва он снял с живота ладони, сказала:

— Все хорошо. Дайте мне дочку.

Повару, похоже, не хотелось расставаться с

девочкой. Он покачал ее, прижимая к переднику, ненадолго задумался, вздохнул. И отдал доктору. Тот осмотрел дыхательные пути, казавшийся расплющенным нос, разинутый в крике рот.

— Раз она так шумит, значит, все у нее в порядке, — сказал он и нагнулся, чтобы передать девочку Эмили. Та уложила голову дочери себе на плечо, однако вопли продолжались, тоненькие и неистовые, а после каждого выдоха девочка икала.

— Что вы сделали с полосками ткани? — спросил доктор у Леона.

Леон уже встал, чтобы получше разглядеть малышку. Губы его сами собой растягивались в улыбку, и он старался их приструнить.

— Ткани? — переспросил он.

— Полоски, которые вы оторвали, черт подери. Мы еще далеко не закончили.

— Вы повесили их на дверную ручку, — сказал кто-то в толпе.

— Ах да, — вспомнил доктор.

Он снял одну, склонился внутрь машины и перевязал пуповину младенца. Какими бы тупыми и неуклюжими ни казались его пальцы, он вроде бы знал, что делает. *После того как кончится бал,* — пропел он приглушаемым бородой

голосом. Когда он завязывал вторую полоску, послышался далекий вой, звучавший как продолжение воплей младенца — такой же тонкий, словно разжиженный ветром. Потом вой обрел самостоятельность и стал более пронзительным.

— «Скорая»! — воскликнул Леон. — Я слышу «скорую», Эмили.

— Отправь ее обратно, — сказала Эмили.

— Они отвезут тебя в больницу, лапа. Теперь все будет хорошо.

— Да все уже кончилось! Мне обязательно ехать с ними? — спросила она у доктора.

— Безусловно, — ответил тот. И отступил на шаг, чтобы полюбоваться своими узлами, имевшими немалое сходство с бантами на хвосте воздушного змея. — На самом деле они приехали как раз вовремя. Мне нечем перерезать пуповину.

— Возьмите мой швейцарский нож, офицерский, — предложила Эмили. — Он в сумочке. В нем есть ножницы.

— Замечательно, — сказал доктор и покачался, лучезарно улыбаясь ей, на каблуках. Зубы за его всклокоченной бородой казались очень большими и желтыми.

Сирена приближалась. Показался вилявший

среди машин вращающийся красный фонарь, и вот уже рядом с машиной доктора визгливо затормозила «скорая». Из нее выскочили двое мужчин в белом.

— Где она? — спросил один.

— Мы здесь, — отозвался доктор.

Мужчины распахнули задние дверцы «скорой», со стуком опустили на асфальт носилки — вернее, койку на колесах, слишком узкую и длинную, совсем как гроб, с переизбытком хромированных частей. Эмили попыталась сесть. Младенец замолк, не докончив вопля, словно от изумления.

— Обязательно ехать? — еще раз спросила у доктора Эмили. И пока санитары помогали ей выбраться из машины и укладывали (вместе с газетами) на носилки, она все смотрела на доктора, словно ожидая спасения. — Доктор? Я не переношу больниц. Мне обязательно ехать?

— Конечно, — заверил ее доктор. Он наклонился за сумочкой, положил ее на носилки.

— Леон тоже поедет?

— Непременно.

— А *вы*?

— Я? О.

— Вам лучше поехать, док, — сказал водитель «скорой», разворачивая над Эмили простыню.

— Ну, если хотите, — согласился доктор.

Он закрыл дверцу своей машины и пошел вслед за носилками к «скорой». Внутри обнаружились еще одни, пустые, стоявшие вдоль тех, на которых лежала Эмили. Доктор с Леоном осторожно присели на них с краешку, растопырив колени.

— Весьма элегантно, — сказал Леону доктор. Надо полагать, он имел в виду обустроенность «скорой»: толстый ковер на полу, поблескивающие емкости, какие-то приборы.

Санитары захлопнули дверцы, и внезапно наступила чудесная тишина. Шум улицы стих, за тонированными окнами люди перемещались по тротуару, как обитатели океанского дна, беззвучно и медленно. «Скорая» тронулась. Мимо проплыли кафе и ломбард. Даже сирена звучала теперь приглушенно, точно старомодный радиоприемник.

— Как вы себя чувствуете? — спросил у Эмили доктор.

— Хорошо, — ответила та. Она лежала неподвижно, косы ее растрепались, спутались. Ребенок строго смотрел в потолок.

— Мы вам так благодарны, — сказал доктору Леон.

— Да пустяки, — ответил доктор, и уголки его

рта опустились, как у недовольного чем-то человека.

— Если бы Эмили не была так против больниц, мы бы, наверное, подготовились заранее. Однако ребенок должен был родиться только через пару недель. Вот мы и откладывали.

— К тому же вы, насколько я понимаю, постоянно в разъездах, — сказал доктор.

— Нет-нет…

— Но ваш образ жизни! Вряд ли вам удается планировать что-то на долгий срок.

— Вы заблуждаетесь на наш счет, — сказала Эмили. Под свежей простыней, скрывавшей газеты и мокрую юбку, она выглядела как невинная девушка — чистая, неприступная, с обращенным вовнутрь взором. — Вы считаете нас какими-то бродягами, но это не так. Мы законным образом женаты, у нас обычная квартира, с мебелью. И ребенка мы запланировали давно. Мы собираемся даже использовать службу доставки пеленок. Я уже созвонилась с ней, мне сказали, чтобы я сообщила, когда родится ребенок, и их сразу начнут доставлять.

— Понятно, — покивал доктор. Судя по всему, слушая Эмили, он получал удовольствие. Спутанная борода его покачивалась вверх-вниз, помпон

на шапочке подпрыгивал.

— Мы спланировали каждую мелочь, — продолжала Эмили. — Колыбельку покупать не станем, это излишество. Пока будем использовать обшитую изнутри тканью картонную коробку.

— О, чудесно, — восторженно согласился доктор.

— А когда она вырастет из коробки, закажем алюминиевую детскую кроватку, которую видели в каталоге. Ее легко приспособить под любой матрас. Какой смысл обзаводиться кучей всяких вещей — колыбельками, прогулочными колясками, резиновыми ванночками? Алюминиевая кроватка хороша еще тем, что ею можно пользоваться в отелях или в чужой квартире. И разъезжать с ней удобно.

— Разъезжать, да, — эхом отозвался доктор и зажал ладони между коленей, накреняясь вместе с быстро описывавшей кривую «скорой».

— Но мы не… я хочу сказать, мы иногда выезжаем, но только для того, чтобы давать представления. Где-то за городом люди хотят посмотреть «Белоснежку» или «Золушку». Однако ночуем мы почти всегда дома. Просто мы люди не *инертные*. Вы неверно о нас думаете.

— Разве я называл вас инертными? — спросил

доктор. И посмотрел на Леона: — Называл?

Леон пожал плечами.

— У нас все продумано, — сказала Эмили.

— Да, я вижу, — мягко ответил доктор.

Леон откашлялся.

— Кстати, — сказал он, — мы еще не поговорили об оплате.

— Оплате?

— Ваших услуг.

— О, за неотложную помощь денег не берут, — сказал доктор. — Разве вы этого не знаете?

— Нет, — ответил Леон.

Он и доктор словно старались переглядеть один другого. Леон приподнял подбородок, и свет упал на его скулы. Он был из тех мужчин, которые выглядят постоянно готовыми дать отпор — челюсть выпячена, плечи напряжены.

— Я не принимаю даровую помощь, — сказал он.

— Кто же говорит про даровую? — ответил доктор. — Я ожидаю, что вы назовете в мою честь ребенка.

Он засмеялся — хрипло, взъерошив дыханием бороду.

— А как вас зовут? — спросила Эмили.

— Морган, — ответил доктор. — *Гауэр* Мор-

ган, — уточнил он.

Эмили сказала:

— Наверное, мы можем использовать инициалы.

— Да я пошутил, — ответил доктор. — Неужели вы не поняли?

Он порылся по карманам, нашел пачку «Кэмел», вытряс из нее сигарету.

— Это была шутка, — повторил он.

— Так насчет платы… — начал Леон.

Доктор вынул сигарету из губ, вгляделся в надпись на кислородном баллоне.

— Дело в том, — сказал он, возвращая сигарету в пачку, — что мне сегодня нечем было заняться. Жена отправилась с дочками на свадьбу: ее брат снова женится.

Он ухватился за плечо Леона: «скорая» сворачивала на подъездную дорожку. За окнами мелькнул щит ТОЛЬКО СКОРАЯ.

— Дочери подросли, — продолжал доктор, — у них появились женские дела — с матерью, и отец им не больно-то нужен. Каждая из них казалась, когда появлялась на свет, такой новенькой. Я питал большие надежды, был совершенно уверен, что мы не наделаем ошибок. Наслаждайтесь вашей девочкой, пока сможете, — посоветовал

он Леону.

Малышка испугалась чего-то, вцепилась ручонками в воздух.

— Я вроде как ждал, что у нас мальчик родится, — сказал Леон.

— Ох, Леон! — воскликнула Эмили и притянула малышку к себе.

— Мальчики, да, — сказал доктор. — Мы вот тоже много лет пытались произвести на свет мальчика. Ладно, надейтесь, что у вас получится в следующий раз.

— Мы можем позволить себе только одного… — сказал Леон.

— Одного? Одного ребенка? — переспросил доктор. И, подумав, добавил: — Ну, вообще-то, почему бы и нет? В этом есть… определенный минимализм. Оптимизация. Основательность.

— Все упирается в деньги, — пояснил Леон.

«Скорая» слегка подпрыгнула и встала. Санитары, выйдя из ее передних дверей, направились к задней и впустили в «скорую» грохот огромной, дымящей машины, которая работала прямо перед пунктом экстренной помощи, запахи кипящей в прачечной воды, автомобильных выхлопов, подувядших в кафетерии готовых блюд. Санитары ухватили каталку с Эмили и быстро повезли ее,

скрежеща колесами, к дверям больницы. Леон с доктором соскочили на асфальт и затрусили следом.

— Есть у вас даймы? — прокричал доктор.

— Лаймы? Зачем?

— Даймы! Десятицентовики!

— Нет, извините, — ответил Леон. — А доллар вас не устроит?

— Не для меня, для вас! — прокричал доктор. Они прошли через вращающиеся двери. Он понизил голос: — Не для меня, для вас. Для телефона! Вам же захочется позвонить, сообщить о ребенке.

— Кому я могу звонить? — спросил, разведя руками, Леон.

Доктор остановился, повторил самому себе:

— Кому он может звонить!

Лицо его опять озарилось искренним восхищением, с каким он слушал в «скорой» рассказ о детской кроватке.

Тут медицинская сестра приподняла накрывавшую Эмили простыню, увидела пропитанные кровью газеты, фыркнула и побежала рядом с носилками, которые уже катили по коридору. Другая сестра взяла Леона за локоть и повела к сидевшей в стеклянном закутке машинистке.

Все пришло в движение — гладкое, расторопное, сопровождавшееся быстрым перестуком. Доктор остался один.

Собственно говоря, про него на время забыли. Когда же Леон и Эмили вспомнили о нем, найти его не удалось. Он словно растворился в воздухе. «Он ничего не просил передать?» — поинтересовался Леон у медсестры. Та не поняла, о ком речь. Из родильного отделения вызвали другого врача, акушера. Он сказал, что роды прошли хорошо, ребенок здоров. С учетом всех обстоятельств, сказал он, Эмили следует испытывать благодарность. «Да, — ответил ему Леон, — благодарность к доктору Моргану. Кроме прочего, он даже стоимость своих услуг не назвал». Однако здешний врач никогда не слышал о докторе Моргане. И в телефонном справочнике тот не значился. Он словно и не существовал.

Позже (всего несколько недель спустя, когда воспоминания о родах потускнели и обоим стало казаться, что дочь была с ними всегда) они почти готовы были поверить, что этот человек им привиделся — что это их воображение в минуту нужды нарисовало его. Красная шапочка с помпоном, говорила Эмили, наводила ее на мысль о гноме. Он и вправду мог быть персонажем сказки,

так она говорила, — эльфом, троллем, гоблином, которые находят детей под капустой, отдают в руки приемных матерей и исчезают.

1968

1

Наверное, его можно было назвать человеком, который разваливается на куски. Не исключено, впрочем, что он и на свет появился кусками, не пройдя положенной сборки. Различные части его тела плохо состыковывались одна с другой. Тощие волосатые конечности соединялись слишком крупными суставами; заросшая черной бородой челюсть подвешена была неуклюже, как у Щелкунчика. Да и различные части жизни Моргана протекали словно по отдельности. Жена почти никого из его друзей не знала. Дети ни разу не бывали у него на работе: их мать говорила, что он работает в небезопасном районе. Увлечение прошлого месяца (перетяжка струн на выкупленном в ломбарде банджо с намерением стать затем, и это в сорок два года, музыкантом) не имело ничего общего с увлечением нынешнего: теперь он писал научнофантастический роман, которому полагалось обогатить его и прославить. В романе рассказывалось о гибели Земли. Все эти появившиеся недавно летающие тарелки, утверждалось в романе, принадлежат существам, которые точно знают, что через пол-

тора года наше Солнце выгорит и погаснет. Над Землей они снуют не просто так, развлечения ради, но чтобы выяснить, какое оборудование понадобится, чтобы переместить нас всем скопом на другую планету, в гораздо более устойчивую солнечную систему. Первую главу он написал, однако начальное предложение второй ну никак ему не давалось.

Или посмотрите на его дом: высокое кирпичное здание в колониальном стиле в северной части Балтимора. Даже в то раннее январское утро, когда от солнца остался лишь розоватый тон в непроницаемо белом небе, было ясно, что дом Моргана расшатан и раздроблен. Мраморные ступеньки крыльца стерлись по краям, точно старый обмылок; в окнах первого этажа видны были толстые кружевные шторы, однако на втором, где спали дочери Моргана, шторы были сшиты из фрагментов американского флага, а на третьем, где спала его мать, — снова кружева, за которыми смутно просвечивали свисающие ветви папоротников. Заглянув же внутрь дома, вы обнаружили бы частицы неродственных миров родственных людей: школьные рюкзачки дочерей, наваленные в холле под батареей отопления, которая служила также полочкой для почты,

вешалкой для свитеров и тумбочкой для записок; на кофейном столике гостиной громоздилась скрепленная резинкой башенка из брошюр «Лиги избирательниц», где состояла жена Моргана; у холодного кирпичного камина спала, подергивая лапами, потому что ей снились кролики, старенькая одышливая собака его матери, а под софой покоилась доска для криббеджа (об этом никто не знал, доска уже не одну неделю считалась потерянной). Имелся также наполовину собранный паззл — вид альпийской деревни по весне, — за которым коротала долгие и мрачные стародевичьи дни его сестра Бриндл. Церковную колокольню она сложила, прямоугольную ограду ее — тоже, и целый горный хребет в лавандовых и лиловых тенях, но с небом ей было не сладить, это уж точно. Она никогда не справится с пустой, неизменчивой синью, которая соединяла все со всем.

В застекленном книжном шкафу у двери столовой стояли, завалившись набок, или просто лежали книги — заброшенные Морганом руководства, напоминавшие о разнообразных приступах его энтузиазма (как реставрировать старые картины и полировать старую мебель; как лечить травами любые болезни; как раз-

водить пчел на чердаке). Ниже — ежегодники колледжа Бонни, его жены, которая представала в них веснушчатой, полнокровной девушкой, одетой в форму то одной, то другой спортивной команды; еще ниже — книжки с картинками, когда-то истрепанные его дочерьми, их учебники времен начальной школы, книжки про Нэнси Дрю[1] и принадлежавшая его матери крошечная, пухлая книжечка для автографов, позолоченное название которой съели не то черви, не то плесень, не то просто время, оставив лишь слегка поблескивавший облыселый след — как будто улитка проползла по алому бархату, проложив извилистый, словно бы рукописный росчерк, случайно сложившийся в слово «Автографы». На первой пожелтевшей странице книжечки почерком твердым и элегантным, нынче такой только на свадебных приглашениях и встретишь, было выведено: *Драгоценная Луиза, дядя Чарли не поэт и потому оставляет здесь лишь свое имя, Чарльз Бриндл, Рождество 1911* — неловкое пожатие плеч, признание своей несостоятельности, внят-

[1] Сноски: 1

Серия романов о девушке, детективе-любительнице, выходивших с 1930 по 2004 г. Написанные разными авторами романы выпускались под коллективным псевдонимом Кэролайн Кин. — *Здесь и далее примеч. перев.*

но донесшееся из давних лет, хотя сделавший его человек умер четверть века назад, если не больше, и даже Луиза затруднялась припомнить его. На нижней полке лежали лакированная доска с изображением узлов, которые должны уметь вязать девочки-скауты, и коричневый картонный фотоальбом. Вклеенные в него фотографии были разбросаны во времени до того широко, что целые поколения, казалось, принадлежали к лихому прошлому и норовили поскорее с ним развязаться. Здесь присутствовал отец Моргана Сэмюэль — мальчик в бриджах; рядом с ним стоял Сэмюэль повзрослевший, берущий в жены Луизу (короткая стрижка, поблескивающие чулки). Здесь был малыш Морган в плохо связанных ползунках и Морган одиннадцатилетний, с недавно родившейся сестренкой Бриндл на руках. Судя по его лицу, он бы непрочь уронить ее на пол (и гляньте-ка! Не те же ли это самые ползунки? Только немного поношенные и с новым пятном на груди — или с тенью). А затем вдруг Морган двадцати четырех лет, подстриженный так коротко, как он никогда больше не стригся, — одетый в футболку, он стоит рядом с полненькой, улыбающейся женой, а та держит их первенца. (Сказать, куда подевалось свадебное

фото, трудно, то же относится и к ползункам, поскольку всю одежду Эми составляет обвислая пеленка.) Далее следует небольшая передышка — пятнадцать страниц одних только младенческих фотографий Эми, каждая сделана Морганом в первом гордом порыве отцовских чувств. Эми спящая, кормящаяся, зевающая, купающаяся, изучающая свой кулачок. Эми учится сидеть. Эми учится ползать. Эми учится ходить. Девочкой она была крепенькой, с тем же, что и у матери, благоразумным выражением лица, и выглядела на снимках более реальной, чем все остальные персонажи альбома. Может быть, дело тут было в неторопливости, с которой она пробредала, страница за страницей, сквозь ранние годы своей жизни. В ней проступал дополнительный смысл, как в кадре, на котором застревает кинопленка. (Эксперты наклоняются пониже, один тычет во что-то длинной официальной указкой…) Затем снимки опять набирали скорость. Новорожденная Джин, следом близнецы в миниатюрных очочках, следом Лиз — ее первый день в детском саду. Появилась новая пленка, «Кодахром», она ярче, чем сама природа, снимки теперь всегда делаются на пляже — и это неизменно Бетани-Бич в Делавэре, потому что где же еще может найти

время для забав с фотоаппаратом отец семи дочерей? Альбом создает впечатление, будто эти люди только и знают, что наслаждаться нескончаемым отпуском. Бонни здесь вечно загорелая, плоть ее мягко выпирает над и под цельным купальником «Ластекс». Девочки вечно намазаны кокосовым маслом и поблескивают в крошечных бикини, придерживая ладонями встрепанные ветром волосы и смеясь. Всегда смеясь. А где же слезы, и ссоры, и локти, которые пускаются в ход, чтобы завладеть дополнительными порциями любви, личного пространства, внимания? Где заикание Молли? Или хронические ночные кошмары Сьюзен? Не здесь. Вот они сидят и смеются, и окружающий мир нисколько их не заботит. Под краешками бикини видны полоски кожи побледнее, узенькие, и это единственное напоминание о других временах года. И да, конечно, здесь и Морган. По фотографии в год, перекошенной, нерезкой, сделанной любительской рукой какой-то из дочерей. Вот Морган в помятых трусах, которые развеваются на его бедрах, с заросшим лицом, не тронутый солнцем, демонстрирующий бицепсы и, вероятно, ухмыляющийся, — но разве тут скажешь наверняка? Ведь на голове у него купленная в «Л. Л. Бин» тропическая шляпа,

москитная сеть которой полностью закрывает своими извивами и складками лицо.

Теперь свет уже добрался до лестницы и облил блеском перила, однако укрытые ковровой дорожкой ступеньки были еще темны, и кошка, кравшаяся по ним наверх, оставалась лишь тенью с невидимыми полосками и острой мордочкой, которая выглядела как отдельный от нее росток белизны. Она беззвучно дошла по половицам коридора до северной тыльной спальни, помедлила на пороге и вступила внутрь, двигаясь так целеустремленно, что все мышцы ее тела напряглись. Подойдя к кровати со стороны Бонни, кошка поднялась на задние лапы, чтобы проверить, как нагрето электроодеяло, и, наученная опытом, похлопала передней по матрасу, а затем перешла на сторону Моргана и там похлопала тоже. Сторона Моргана оказалась потеплее. Кошка присела, сжалась и запрыгнула ему на грудь. Морган крякнул и открыл глаза. За окном были именно те минуты зари, когда воздух кажется видимым — ворсистым, как войлок, и готовым в любую секунду расцветиться. Простыни походили на неровный, изрытый снарядами ландшафт; под потолком спальни словно светилась сероватая муть, подобная дыму, что поднимается

над разбомбленными зданиями. Морган закрыл лицо ладонями. «Уходи», — сказал он кошке, но та лишь мурлыкала да чопорно озиралась, притворяясь, будто ничего не слышит. Морган сел, перевалил кошку на Бонни (гнездо спутанных каштановых волос, голое, покрытое пятнышками плечо) и выбрался из постели.

Зимой он спал в термобелье. Одежда — любая одежда — превращалась у него в костюм, ему нравилось ковылять в ванную комнату, подтягивая кальсоны и копаясь в бороде, точно какой-нибудь персонаж на Клондайке. Вернулся он с лицом посветлевшим и более оптимистичным, поскольку увидел себя в зеркале ванной: предстояло принять кое-какие решения. Он открыл стенной шкаф, щелкнул выключателем и постоял, прикидывая, кем ему стать сегодня. Рядом с юбками в складку и блузками Бонни висела плотной чередой его беспорядочная одежда: костюмы матросов, солдат, пароходных шулеров. Выглядели они уцелевшими после какой-то беды остатками гардероба разъездной водевильной труппы. Выше располагались головные уборы — целая полка с уложенными по шесть штук в глубину головными уборами. Морган взял один — вязаную шапочку моряка, — натянул на голову,

посмотрелся в зеркало: гарпунер китобойного судна. Он снял шапочку и примерил широкополую кожаную шляпу, которая целиком укрывала голову и затеняла глаза. Ну да, назад к Клондайку. Морган надел поверх длинных кальсон мятые коричневые рабочие штаны, нацепил полосатые подтяжки, под которые так удобно засовывать большие пальцы. Недолгое время изучал свое отражение. А потом подошел к комоду и порылся в его нижнем ящике.

— Бонни? — позвал он.

— Мм?

— Где мои рэгговские носки?

— Твои что?

— Колючие шерстяные носки, туристские.

Бонни не ответила. Пришлось босиком прошлепать по лестнице вниз, бормоча: «Дурацкие носки. Дурацкий дом. Ни черта не лежит где следует. Ни черта там, где тебе нужно».

Он открыл, чтобы выпустить собаку, заднюю дверь. Снаружи задул холодный ветер. Плитки кухонного пола казались ледяными. «Дурацкий дом», — повторил он. И постоял с зажатой в зубах незажженной сигаретой у разделочного стола, насыпая чайной ложкой кофе в кофеварку.

Кухонные шкафы поднимались до высокого

потолка цвета слоновой кости и были набиты потускневшей серебряной чайной посудой и запылившимся столовым стеклом, которым никто не пользовался. А на переднем плане теснились бутылочки кетчупа, коробки овсяных хлопьев и не шибко чистые пластмассовые наборы для соли и перца, с рисинками в соли, оставшимися с лета, когда все слипалось со всем. Дурацкий дом! Непонятно почему, но все в нем перекосилось. Когда-то он был большим, чинным и щедрым свадебным подарком отца Бонни, человека богатого. Бонни унаследовала часть его состояния. Это она звонила штукатурам, когда дети провалились сквозь пол чердака, она занималась заменой разбитых оконных стекол и обвисших на петлях ставней и латанием трещин в проеденных плющом стенах, но Моргана никогда не покидало чувство: что-то они все же упускают. Ах, если бы они могли выбраться отсюда и начать где-то все заново, иногда думал он. Или продать этот дом! Продать и забыть о нем и купить другой, попроще, без затей. Но Бонни даже слышать об этом не хотела, твердя о налоге на прирост капитала, — Морган ничего в этом не смыслил. Стоило ему заговорить о продаже дома — мигом выяснялось, что сейчас не самое подходящее время.

Три спаленки, рассчитанные на разумное количество детей, едва вмещали всех дочерей, а вечно раздраженным Бриндл с Луизой, считай, и повернуться негде было на третьем этаже. На лужайке дома валялись заржавевшие велосипеды и стояли разрозненные плетеные кресла — вообще-то отец Бонни полагал, что здесь будут церемонно играть в крокет. Мало того, ныне вокруг изобильно произрастали многоквартирные дома, а другие, стародавние, тоже расщеплялись на квартирки, в которые въезжали малопонятные молодые люди, да и машин на улице становилось все больше. Дом вдруг очутился едва ли не в центре города. Вообще говоря, Морган вырос в городе и никаких возражений против него не имел, но все же пытался понять, как же это могло случиться. Насколько он помнил, у него были совсем другие планы. На Бонни он женился, если говорить честно, ради денег, но это не значит, что он ее не любил, просто его зачаровывала определенность, которую, казалось, сообщали ей «такие» деньги. Они как будто парили где-то за ее спиной, наделяя ее стойкостью и готовностью ко всему. Бонни отлично понимала, кто она такая. Ухаживая за ней, Морган специально купил кепку яхтсмена с орлом на кокарде, парусиновые

штаны и блейзер с медными пуговицами — в этом наряде он навещал летний дом ее семейства. Сидел там на террасе, наконец-то обретя в жизни определенное место, и покачивал в руке бокал с «тропическим пуншем», который настойчиво смешивал для него отец Бонни, хотя, вообще говоря, Морган не пил, просто *не мог*. Выпивка делала его не в меру разговорчивым. Развязывала язык. А ему следовало оставаться в рамках избранной им роли.

Оставаясь в них, он и попросил руки Бонни. Ее отец ответил на эту просьбу согласием, а почему — Морган так и не понял. Он был всего-навсего аспирантом без гроша в кармане и знал, что великое будущее ему не светит. В те дни он еще не отрастил бороду и в физиономии его присутствовало нечто обезьянье, отнюдь не изящное. Выходя куда-нибудь с Бонни — на вечеринку одной из ее подруг, — он ощущал себя лгуном и притворщиком. Человеком, влезшим в чужую жизнь. Вот Бонни была в той жизни своей — приятная женщина, двумя или тремя годами старше Моргана, с волнистыми каштановыми волосами, спадавшими на шею этаким пушистым хвостиком. Впоследствии Морган сообразил, что ее отец просто-напросто просчитался. Если ты богата, на-

верное, решил он, совершенно неважно, за кого выходить, ты все равно будешь жить по-прежнему. Вот он и благословил этот брак, и подарил им дом, и полагал, что ничего не изменится. На его счастье, он умер вскоре после их женитьбы. И не увидел, как дом начинает разваливаться, или перекашиваться, или что еще там с ним происходило. Или как юбки Бонни стали удлиняться, а блузки, наоборот, укорачиваться и становиться все более тесными в талии.

— Твой отец давным-давно продал бы этот дом, — часто говорил ей Морган. — Капитал там или не капитал, сказал бы он, а заведите себе новый.

Но Бонни отвечала:

— Зачем? Почему? Чем тебе этот не хорош? Ничего же не изменилось. Кровельщиков я уже вызвала. И покрасили его всего лишь в прошлом мае.

— Да, но…

— Что тебя смущает? Ты можешь назвать что-то, что нуждается в починке? Назови, я сразу все поправлю. Все же в полном порядке, до дюйма, садовники Дэйви даже землю под деревьями удобрили.

Да, но.

Он вышел во двор за газетой. Колючая мерзлая трава хрустела под голыми ступнями, впиваясь в них. Все кругом поблескивало. На льду птичьей поилки валялась сиротливая «вьетнамка». Шипя, он метнулся обратно в дом, захлопнул за собой дверь. Наверху забалабонил словно разбуженный ее хлопком будильник. Скоро они спустятся сюда, протолкнуться негде будет. Морган вытащил из газеты разделы новостей и комиксов, положил их на стул и сел сверху. Затем закурил и раскрыл газету на объявлениях.

ПОТЕРЯНО. *Белое свадебное платье 10 размера. Просьба вопросов не задавать*.

Губы Моргана растянулись в улыбке вокруг сигареты.

Пришла Бонни, тяжело ступая и на ходу застегивая халат, стараясь удержать на ногах соскальзывающие тапки. Волосы не расчесаны, вдоль одной щеки тянется складка ото сна.

— Там не подморозило? — спросила она. — Заморозки на почве, а? Я все собиралась накрыть самшиты. — Она приподняла штору, чтобы выглянуть наружу. — О господи, подморозило.

— Мм?

Бонни открыла дверцу буфета, чем-то погремела. На газете Моргана появилась почерневшая

серебряная пепельница. Он пристукнул по ней сигаретой.

— Послушай, — сказал он. — НАЙДЕНО. *Ювелирное украшение, в парке «Друид-Хилл». Позвонивший должен назвать его*. Я бы позвонил и сказал: кольцо с бриллиантом.

— Это почему? — Бонни извлекла из холодильника упаковку яиц.

— Ну, вряд ли кто-нибудь надевает, отправляясь в зоопарк, настоящие жемчуга или платиновые браслеты, а обручальные кольца носят многие, верно? И потом, кольцо всегда можно описать в общих чертах. Да, я сказал бы: кольцо. Точно.

— Может быть, — согласилась Бонни и разбила яйцо о край сковородки.

— ПОТЕРЯНО. *Верхняя вставная челюсть. Обладает большой нематериальной ценностью*, — прочитал Морган. Бонни фыркнула. Он сказал: — Я вот с нематериальными ценностями покончил.

— Да что ты говоришь? — откликнулась Бонни.

Он слышал, как наверху стучат босые ноги, течет вода, гудят фены. Кухню заполнил аромат кофе, смешавшийся с бодрящим, резким запахом его сигареты. Да, он уже пришел в свою обычную

норму. Сумел прорваться в новый день. Морган развернул газету во всю ширь.

— Люблю объявления, — сказал он. — В них всегда столько личного.

— Ты отнесешь сегодня обувь в починку?

— Обувь?.. Вот послушай: М. Г. *Ничто не прощено и прощено не будет*.

Бонни поставила перед ним чашку кофе.

— Что, если это обращено ко мне? — спросил Морган.

— Почему к тебе?

— М. Г. Морган Гауэр.

— Ты сделал что-то непростительное?

— Поневоле гадать начинаешь. Увидев такое, никуда от этого не денешься.

— Ах, Морган, — сказала Бонни, — почему ты непременно принимаешь напечатанное в газете как что-то личное?

— Потому что читаю *личные* объявления, — ответил он. И, перевернув страницу, прочитал: — ТРЕБУЕТСЯ. *Руководитель геотехнической лаборатории.*

Последние пятнадцать лет Морган, предположительно, искал работу получше. Другое дело, что найти ее он не ожидал.

— А вот еще. *Опытная танцовщица*.

— Ха.

Морган работал на семью Бонни, управлял одним из принадлежавших ей хозяйственных магазинов. Человеком он был кропотливым, любил возиться с техникой. Когда он учился в аспирантуре, его руководитель однажды пожаловался на то, что во время консультации Морган разговаривал с ним через плечо, потому что сидел в углу на корточках и возился с протекающей батареей отопления.

— ТРЕБУЕТСЯ. *Барменша, собачий парикмахер, оператор грузоподъемника.*

Что ему нравилось в этих объявлениях, так это их неординарность. (*Водитель для пожилого джентльмена. Желательно знание Гомера.*) Время от времени он даже откликался, устраивался на работу и бросал на пару дней хозяйственный магазин, предоставляя распоряжаться в нем продавцу. Но потом об этом узнавал Боннин дядя Олли и прибегал к Бонни скандалить, и она вздыхала, смеялась и спрашивала Моргана, что он, собственно говоря, творит. Следует отдать Бонни должное: она никогда не выходила из себя. И обычно принимала его сторону, более-менее.

Он протянул к ней руку — Бонни как раз проходила мимо с кувшином апельсинового

сока, — обнял за бедра, вернее, попытался обнять, однако у нее было на уме другое.

— Где Бриндл? — спросила она. — И где твоя мать? По-моему, я слышала ее шаги не один час назад.

Морган отложил объявления в сторону, вытянул из-под себя страницы новостей. Однако читать там было нечего. Крушения самолетов, поездов, пожары в жилых домах… он перешел к некрологам.

– *Миссис Гримм. Горячая поклонница оперы*, — прочитал он вслух. — *Тилли Эббот. Коллекционер наперстков*. О господи.

Сверху начали спускаться дочери. Они переругивались в прихожей, роняли книги, их транзисторы играли свою песню каждый. Сквозь звучание электрических гитар пробивался гулкий и раскатистый барабанный бой.

– *Питер Джейкобс, сорок четыре года*, — прочитал Морган. — Сорок четыре! Разве можно умирать в таком возрасте?

— Девочки! — позвала Бонни. — Яйца стынут.

— Терпеть не могу, когда не сообщают, что их прикончило, — сказал ей Морган. — Даже «продолжительная болезнь» лучше, чем ничего. А тут вечно — *неожиданно скончался*.

Он согнулся над столом, пропуская кого-то, бочком пробиравшегося позади него.

— Сорок четыре года! Конечно, неожиданно. Ты не думаешь, что это сердечный приступ? Или что?

— Не увлекался бы ты так некрологами, Морган, — сказала Бонни.

Ей пришлось повысить голос, потому что в кухню уже набились девочки. И все они говорили одновременно — о контрольной по истории, о мальчиках и снова о мальчиках, о мотоциклах, о баскетболе, кто у кого взял послушать пластинку и не вернул. О певце, который, по слухам, умер. (Кто-то из них заявил, что, если это правда, она и сама умрет.) Эми возилась с тостером. Двойняшки смешивали в блендере свой диетический напиток. Прилетевший невесть откуда учебник французского ударил Лиз по пояснице.

— Я здесь больше жить не могу, — сказала Лиз. — Ни минуты покоя. И все ко мне лезут. Ухожу.

Но не ушла, а налила себе чашку кофе и села рядом с Морганом.

— Господи боже, — обратилась она к Бонни, — что это у него на голове?

— Обращайся прямо ко мне, не тушуйся, — ска-

зал дочери Морган. — Я, кстати, и ответ на твой вопрос знаю. Не надо стесняться.

— Он непременно должен красоваться в этих шляпах? Он их даже дома носит. Разве обязательно выглядеть таким чудиком?

И это его тринадцатилетняя дочь. Раньше он мог и обидеться, но постепенно привык. Лет около одиннадцати-двенадцати они, похоже, полностью изменяются. Малышками он их любил. Поначалу они были такими маленькими, простыми, полнощекими, кудрявыми и уравновешенными, преданно ковыляли повсюду за Морганом, а потом вдруг садились на жесткие диеты, становились худыми и раздражительными, вытягивались выше матери. Распрямляли волосы, пока те не начинали свисать на лица, точно вуали. Заменяли платья выцветшими джинсами и узкими, короткими футболками. А их вкусы по части мальчиков были жуткими, попросту жуткими. Он глазам своим не верил, глядя на некоторых существ, которых они приводили домой. И вдобавок ко всему они переставали считать Моргана таким уж замечательным. Заявляли, что стыдятся его. Он не мог бы сбрить бороду? Постричься? Вести себя, как положено в его возрасте? Одеваться, как другие отцы? Почему

он курит сигареты без фильтра и снимает с языка табачные крошки? Замечает ли, что все время напевает вполголоса, даже за обеденным столом, даже пока они задают ему эти вопросы?

Он попытался больше не напевать. Ненадолго перешел на трубку, однако слишком сильно прикусил мундштук, и тот сломался. А один раз подстригся короче обычного и обкорнал бороду, отчего она стала квадратной, плотно облегала челюсть. И девочки заявили, что она выглядит как накладная. Как *деревянная*, сказали они.

Он ощущал себя объездчиком норовистой, порывистой лошади, с трудом сохраняющим равновесие, блаженно улыбающимся и старающимся не моргать.

— Нет, ты видишь? Он босой, — сказала Лиз.

— Замолчи и вылей кофе назад, — велела ей Бонни. — Ты же знаешь, тебе пока нельзя кофе.

Вошла, неся стопку учебников, самая младшая, Кэйт. Ей еще не исполнилось одиннадцати, она пока сохраняла полненькое, улыбчивое лицо Бонни. Проходя мимо стула Моргана, она стянула с него шляпу, чмокнула его в затылок и вернула шляпу на место.

— Сладкая моя, — сказал Морган.

Может, им стоит завести еще одного ребенка.

Когда все усаживались за стол, уже и локти девать было некуда. Морган решил удалиться. Встал и, пятясь, как человек, покидающий королевскую особу, — это чтобы никто не увидел комиксов, которые он держал за спиной, — покинул кухню. В гостиной еще один радиоприемник играл «Фантастическую пластмассовую любовь», и Морган остановился, чтобы исполнить маленький танец — босиком, на ковре. Мать сурово взирала на него с кушетки. Маленькая сгорбленная старушка с по-прежнему черными как смоль волосами, она удерживала их, чтобы не рассыпались, черепаховыми гребнями, но волосы и под гребнями курчавились и как будто взбрыкивали, набираясь откуда-то сил. Она сидела, положив на колени покрытые пятнышками руки со взбухшими венами, обвисшее платье ее казалось на несколько размеров больше, чем следует.

— Ты чего не завтракаешь? — спросил Морган.

— Жду, когда там потише станет.

— Этак Бонни придется половину утра на кухне проторчать.

— Когда доживаешь до моих лет, — сказала Луиза, — у тебя почти ничего, кроме еды, не остается, поэтому торопиться с ней я не намерена. Я хочу получить хорошую горячую английскую бу-

лочку, вскрытую вилкой, а не ножом, с тающим в мякише маслом и дымящуюся чашку кофе со взбитыми сливками. И хочу получить их в покое. В тишине.

— Бонни удар хватит, — сказал он.

— Не говори глупостей. Бонни возражать не будет.

И наверное, она была права. Бонни обладала бесконечной гибкостью, способностью принимать все. Это Моргана угнетало присутствие его матери в доме. Он вздохнул, присел рядом с ней на кушетку. Раскрыл газету.

— Сегодня день будний? — спросила Луиза.

— Да, — буркнул он.

Луиза зацепила согнутым пальцем верхушку газеты и оттянула ее вниз, чтобы видеть его лицо.

— А на работу ты не собираешься?

— Со временем.

– *Со временем?* Уже половина восьмого, Морган, а ты даже не обут. Знаешь, что я успела сделать за это утро? Застелила постель, полила папоротники, начистила в моей ванной хромовые трубы. А ты сидишь, комиксы читаешь, и сестра твоя спит как убитая наверху. Что происходит с моими детьми? Откуда у них такие

привычки? «Со временем»!

Он встал, сложил газету и сказал:

– *Ладно*, мама.

— Хорошего тебе дня, — невозмутимо произнесла она.

Когда он выходил из гостиной, она сидела, снова уложив руки на колени, с доверчивостью ребенка ожидая своей английской булочки.

2

В носках с узорами ромбиками, которые никак не вязались с его клондайкским нарядом (но жесткие кожаные ботинки их скрывали), и купленной в «Саннис Сюрплюс» тускло-оливковой парке Морган размашисто шагал по тротуару. Его хозяйственный магазин располагался в центре города, слишком далеко, чтобы добираться пешком, а машина, увы, была разложена частями по полу гаража, сборку он еще не закончил. Приходилось ездить автобусом. Как раз к остановке он и направлялся, попыхивая сигаретой, которую держал большим и указательным пальцами, выпуская из-под полей шляпы облачка дыма. Он миновал скопление домов — старых и новых, многоквартирных, — потом небольшую вереницу аптек, газетных киосков и кабинетов дантистов. Под мышкой он нес бурый бумажный пакет с мокасинами. Они так хорошо сочетались с костюмом Даниэля Буна[2]. Морган носил их столь часто, что мягкая кожа прорвалась на подъ-

[2] Сноски: 2

Даниэль Бун (1734–1820) — американский первопоселенец и охотник, участник Войны за независимость.

еме. Дойдя до угла, он свернул к «Ремонту обуви Фреско», чтобы оставить их там. Ему нравился запах этой мастерской: кожа и машинное масло. Может быть, стоило стать сапожником.

Однако, войдя в мастерскую под звон колокольчика у двери, он никого не обнаружил — только прилавок, на котором вперемешку лежали шильца, карандаши и бланки квитанций, а рядом с черной, похожей на скелет швейной машинкой остывала чашка кофе. Позади прилавка возвышался шкаф с набитыми обувью отделениями.

— Фреско? — позвал он.

— Здесь, — отозвался из глубин мастерской Фреско.

Морган положил пакет на прилавок, зашел за него. Вытащил из шкафа ботинок с окованным медью носком. Интересно, где люди покупают такие? По-настоящему полезная вещь, думал он, очень практичная. Колокольчик звякнул снова. Вошла толстая женщина в меховой накидке, несомненная обитательница одного из новых многоквартирных домов. С краев накидки свисали головки маленьких зверьков, показывавших зубы собственным длинным и тонким хвостам. Женщина со стуком опустила на прилавок вечернюю туфельку на высоком каблуке.

— Хотела бы я знать, что вы собираетесь с этим делать, — сказала она.

— Делать? — переспросил Морган.

— Видите, каблук опять отломился. Прямо когда я в клуб входила, а ведь вы его только что починили. Я там выглядела полной дурой, идиоткой.

— Ну что я могу сказать? — ответил Морган. — Это же итальянское изделие.

— И что?

— А у них полые каблуки.

— Да?

Оба посмотрели на каблук. Полым он вовсе не был.

— Нам такие часто приносят, — сказал Морган и, загасив сигарету, взял туфлю в руки. — Обувь из Италии всегда с полыми каблуками, в них удобно наркотики перевозить, контрабандой. Держатся они, естественно, плохо. Контрабандисты отламывают каблуки без всяких мер предосторожности, никакого уважения к чужой работе. А после приколачивают их как попало и продают обувь какому-нибудь ничего не подозревающему магазину… но, конечно, она уже не та. О, я вам такие истории порассказать могу!

Морган покачал головой. Женщина пристально смотрела ему в лицо, вокруг ее глаз обозначились

легкие, словно наспех нарисованные морщинки.

— Ну хорошо, — вздохнув, сказал он. — Стало быть, в пятницу утром. Фамилия?

— Э-э… Петерсон.

Он записал фамилию на обороте бланка квитанции и сунул его вместе с туфелькой в пустое отделение шкафа.

После ухода женщины Морган сочинил инструкцию относительно мокасин: ГАУЭР. *Почините! Жить без них не могу*. И уложил мокасины рядом с туфелькой, сунув в один скатанную трубочкой инструкцию. А после вышел из мастерской, деловито закуривая под прикрытием шляпы новую сигарету.

На тротуаре сидела, ожидая его, собака матери: поднятая вверх, полная надежды мордочка и два схожих с вигвамами уха торчком. Морган остановился. «Иди домой, — сказал он. Собака завиляла хвостом. — Чего ты от меня хочешь? Что не так?»

Морган направился к остановке автобуса. Собака пошла следом, поскуливая, но он притворился, что не слышит ее. Прибавил шагу. Поскуливание продолжалось. Морган обернулся, топнул ногой. Мужчина в пальто остановился, а затем обошел Моргана по дуге. Собака же только поджалась, тяжело дыша и выжидающе глядя на него. «Ну

что ты ко мне *привязалась*?» — спросил Морган. Он сделал вид, что собирается броситься на нее, но собака не отступила. Конечно, ее следовало бы отвести домой, однако снова оказаться там ему было не под силу. Не мог он, так быстро и бодро отправившись на работу, возвращаться по собственным следам. Вместо этого он повернулся и побежал, придерживая шляпу и топая по тротуару, — собака трусила следом. Она начала падать духом. Морган чувствовал это, но оглянуться не решался. Собака заколебалась, остановилась, глядя ему вслед и судорожно виляя хвостом. Морган, прижав руку к занывшей груди, забрался в автобус. Пыхтя и потея, пошарил в поисках мелочи по карманам. Другие пассажиры искоса поглядывали на него и отворачивались.

Магазинов и офисных зданий за окнами автобуса становилось все больше. Автобус быстро катил по району, в котором когда-то жил Морган, — большая часть окон заколочена досками, на просевших крышах выросли деревья. Да, без него дела здесь пошли плохо. Вот «Матрасная фабрика Арбейтера», «Мадам Савская: Ответы на все вопросы и Приятное решение любовных проблем». Череда стоящих вплотную одноквартирных домов, каждый следующий обветшал

сильнее предыдущего. Морган горбился на сиденье, сжимая металлический поручень перед собой. «Туз пик», «Сэндвич-шоп», обувной магазин «Толстяк». Автобус, направляясь к центру города, покинул родные места Моргана. Он отпустил поручень и начал думать о жизни сидевших вдоль улицы на крылечках людей: женщины в ночной рубашке и виниловой куртке, с бутылкой пива «Роллинг Рок» в руках, пар валит изо рта; двух подталкивавших друг друга локтями и хохотавших мужчин; обнимавшего грязную белую кошку мальчика в больших, не по ноге, тапочках. Моргана начала наполнять успокоительная пустота, схожая с голыми, без рам и стекол, окнами в верхних этажах «Барбекю-бара Сирены».

3

Стоявший в центре города филиал «Хозяйственного магазина Каллена» был до того стар, темен, грязен и наполнен такими густыми запахами, что Моргану нередко казалось, будто он не столько входит в него, сколько окунается головой вперед, так что одни лишь подошвы и остаются торчать наружу. В тыльной части магазина имелся поднятый под стропила помост — там находился его офис: ободранный дубовый стол, папки, бордовый плюшевый диванчик, высокая черная пишущая машинка «Вудсток», ленту которой приходилось перематывать вручную. Когда-то здесь был офис дедушки Бонни. В этом магазине. В самом первом заведении дедушки Каллена. Разумеется, нынче его филиалы имелись повсюду. Почти каждый торговый центр в радиусе пятидесяти миль содержал «Хозяйственный магазин Каллена», однако все они были современными, прилизанными и только этот — настоящим. Иногда в нем появлялся дядюшка Бонни, Олли, грозивший закрыть его. «По-вашему, это магазин? — вопрошал он. — Разве такой может окупаться?» Он окидывал гневным взором

массивные деревянные стеллажи, на которых электроинструменты «Блэк-энд-Деккер», соседствуя со старомодными, наполненными гвоздями ящиками, выглядели попросту глупо. Кривился, глядя на ржавые оконные решетки, покореженные несколькими поколениями грабителей. Морган лишь улыбался, беспокойно подергивая себя за бороду, поскольку знал, что любые его слова раздражают дядю Олли, а значит, лучше помалкивать. Затем дядя Олли в сильной ажитации покидал магазин, а Морган, негромко напевая, с облегчением возвращался в свой офис. Не то чтобы закрытие магазина обратило бы его в безработного — ради Бонни Каллены подыскали бы для него что-нибудь, — просто здесь у него было больше свободы. В своем офисе он разрабатывал с полдюжины проектов, тут под лесенкой помоста были сложены пиломатериалы, в корзинке ИСХОДЯЩИЕ покоился фигурный молоток. Он знал неподалеку хорошую закусочную. Всего в нескольких кварталах отсюда жили его друзья. Почти всю работу выполнял единственный продавец магазина, Баткинс, пусть даже он и не был интересным собеседником.

Когда-то, несколько лет назад, у Моргана работала продавщица по имени Мэри. Очень молодая,

круглолицая, рыженькая, она всегда надевала, чтобы защитить одежду от пыли, свободный серый халат. Морган начал прикидываться перед самим собой, что Мэри — его жена. И вовсе нельзя сказать, что она казалась ему такой уж привлекательной, просто он неторопливо выстраивал в воображении картину: они живут в маленьком городке и владеют семейным хозяйственным магазином, «Ма-и-Па»; может быть, они были влюблены друг в друга еще с детства. Мысленно он состаривал ее. Ему хотелось, чтобы у нее была седина. Он начал носить мятую серую куртку, серые рабочие брюки, думал о себе как о «Хозяйственном Па». Самое забавное: он мог смотреть прямо на Мэри, но рисовать ее с чистого листа, как будто ее рядом не было. А как-то после полудня он стоял на стремянке, укладывая на полку коробки с удлинителями, и ненароком наклонился и чмокнул Мэри в щеку. И сказал: «У тебя усталый вид, Ма. Может, тебе подремать немножко?» Девушка разинула рот, но промолчала. А на следующий день не пришла на работу и вообще больше не пришла. Ее серый халат так и висел в кладовке. Временами, проходя мимо него, Морган печалился по дням, когда он был «Хозяйственным Па».

Но теперь у него имелся Баткинс, расторопный и бесцветный молодой человек, который сейчас выставлял в витрине новые изделия компании «Раббермейд». «С добрым утром», — сказал ему Морган. И поднялся в свой офис. Снял парку, повесил ее на вешалку-стойку, сел за стол, в обтянутое растрескавшейся кожей вращающееся кресло. Предположительно, ему следовало заняться документами — печатать заказы, заполнять счета-фактуры. Вместо этого он выдвинул средний ящик стола и достал чертежи птичьей кормушки. Кормушку он сооружал, чтобы порадовать Бонни. Следующий вторник был их годовщиной. Они женаты уже девятнадцать лет, боже милостивый. Морган развернул чертежи, просмотрел их, водя пальцем в никотиновых пятнах по углам различных полочек и отделений. Кормушка крепилась на столбе, в котором предстояло высверлить четыре отверстия для размещения почечного сала — или кокосового масла, поскольку Бонни твердила, что сало вызывает проблемы с холестерином. Морган улыбнулся. Бонни слегка помешалась на птицах, подумал он. И, придавив чертежи степлером и коробочкой со сверлами, пошел выбирать хорошую доску, с которой можно будет начать.

Большую часть утра он пилил, наждачил и напевал, время от времени прерываясь, чтобы сдвинуть назад шляпу и отереть рукавом лицо. Из лесенок офиса получился прекрасный верстак. В магазин тощей струйкой просачивались покупатели, приобретавшие кто что: мышеловку, фильтр для плиты, спрей от тараканов. Морган напевал «Блюз Управления общественных работ»[3] и намечал карандашом новые линии отпила.

Затем Баткинс отправился на ранний ланч, оставив Моргана хозяйничать в магазине. Пришлось встать, стряхнуть с коленей опилки и обслужить мужчину в рабочем комбинезоне, желавшего купить коробочку для ключей.

— На что она вам? — спросил Морган. — Зачем тратить немалые деньги на жестяную коробочку? Вы заметили, какая там цена стоит?

— Ну, понимаете, на прошлой неделе я запер ключи в машине, вот и подумал — может, стоит спрятать запасной ключ под…

— Послушайте, — сказал Морган, — все, что вам требуется, — это кусок вощеной нитки для зубов. У вас же есть нитка для зубов? Сложите

---

[3] Сноски: 3

Блюзовая песня *(WPA Blues)* американского блюзмена Бига Билла Брунзи (1893–1958).

ее для крепости вдвое, пропустите сквозь ключ, привяжите к решетке радиатора — и пусть запасной ключ висит внутри капота. Очень просто! И ничего вам стоить не будет.

— Да, но эта коробочка…

— Разве рядом с вами не стоит человек, жена которого вечно засовывает ключи от машины неизвестно куда? — спросил Морган.

Мужчина оглянулся.

— Я о *себе* говорю, — пояснил Морган. — Она все мое добро теряет. И никакой коробочки у меня в жизни не было.

— Но все-таки, — упрямо сказал мужчина, — я думаю, лучше ее купить.

— В чем дело? — спросил Морган. — У вас нет нитки для зубов? Не беда! Я вам так скажу: приходите завтра в это же время, я принесу ее для вас из дому. Бесплатно. В подарок. Договорились? Принесу вам ярд или два.

— Господи боже, — сказал мужчина. — Дадите вы мне купить одну паршивую коробчонку?

Морган раскинул руки:

— Конечно. Милости прошу! Бросайте деньги на ветер! Наполняйте вашу жизнь хламом! — Он постучал по клавишам кассового аппарата и сообщил: — Доллар двадцать девять.

— Это *мои* доллар двадцать девять, куда хочу, туда и бросаю, — сказал мужчина, суя деньги в ладонь Моргана. — Маньяк!

— Барахольщик!

Мужчина выскочил из магазина, сжимая в руке коробочку. Морган пробормотал что-то себе под нос и со стуком задвинул ящик кассы.

После возвращения Баткинса Морган и сам отправился на ланч, в кафе «Без балды». Ему нравились тамошние маринованные огурчики. Правда, все прочие клиенты кафе были черными и в разговоры с Морганом не вступали. Казалось, они проводят обеденные перерывы, вручая бармену деньги, что-то бормоча и поглядывая по сторонам из-под полуопущенных век. А Морган тем временем горбился над тарелкой и с наслаждением жевал огурчик. Тот и в самом деле был превосходен. Так прочесночен, что почти шипел. Но к сэндвичу полагался только один. Время от времени он просил добавить второй и всегда слышал: «нет», приходилось заказывать еще бутерброд, который ему и нужен-то не был.

Поев, Морган решил прогуляться. У него имелся постоянный маршрут. И, застегнув парку, он выступил в путь. Воздух так и не прогрелся, лица у встречных прохожих были умученные,

глаза слезились. Морган радовался своей бороде. Он поднял воротник, сжал его пальцами и припустил почти бегом, щурясь от бившего в лицо ветра.

Сначала к Поттеру, торговцу подержанными музыкальными инструментами, но, увы, Поттер был занят — неотесанная молодая простушка пробовала скрипку.

— Отец Морган! — воскликнул Поттер. — Мисс Миллер, познакомьтесь с отцом Морганом, нашим уличным священником. Как дела? Как ваши наркоманы? Выпейте со мной чая!

Однако покупатели были у Поттера редкостью, и Моргану не хотелось ему мешать.

— Нет-нет, — сказал он, поднимая перед собой ладонь. — У меня дела. Благословляю!

И, пятясь, покинул магазин.

Переулком он вышел на Марианна-стрит. За тележкой с хот-догами стояла экзотического обличья женщина с обильными черными волосами. Накрашена она была ошеломительно — медная глянцевая кожа, рот, похожий на ярко-красный порез, и столько туши на ресницах, что каждая казалась ниткой черных бусин. Одета женщина была по-зимнему, в несколько свитеров и пальто, впрочем, Морган знал, со времен

более теплых, что под ними скрывается красное кружевное платье и множество облупленных золотистых браслетов.

– *Zosem pas!* — окликнул он ее.

— О, привет! — ответила женщина. Говорила она с чрезмерной живостью, преувеличенно двигая губами. — Как вы сегодня? Письмо из дома получили?

Морган робко улыбнулся и изобразил недоумение.

— Письмо! — крикнула она. И воображаемым карандашом написала на ладони пару слов. — Письмо получили?

— А! — ответил Морган, внезапно поняв ее вопрос. И, покачав головой, грустно произнес: — *Pok. Kun salomen baso*.

Уголки его губ поползли вниз. Он пристукнул ботинком по колесу тележки.

— Бедняга, — сказала женщина. — Ну, может быть, завтра, а?

– *Brankuso*, — сказал Морган. — *Zosem pas!*

Он помахал рукой, улыбнулся и пошел дальше.

На углу Марианна-стрит и Кросуэлл он замялся. Чего ему действительно хотелось, так это свернуть на Кросуэлл-стрит и пройтись по ней до определенного дома. Кому это повредит? Он там

уже несколько недель не был, завидным образом преодолевал искушение. Морган сунул руки в карманы и пошел в ту сторону.

МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ — извещала табличка в середине квартала. Здание было старым, четырехэтажным. За эркерным окном первого этажа виднелись лоскутные одеяла, куколки из листьев кукурузных початков, образцы вышивок, деревянные поделки и тряпичные куклы. Окна верхних этажей были более узкими, темными, незанавешенными. Морган смотрел, стоя в тени за дверью прачечной самообслуживания, на окна третьего этажа, принадлежавшие Мередитам — Эмили и Леону. Адрес их он выяснил без особого труда, просто нашел в телефонной книге. Он уже знал, что примерно в это время (перед дневным сном ребенка, полагал Морган) кто-нибудь из Мередитов приближается из глубины квартиры к левому окну и открывает его. Наружу высунется рука — бледная рука Эмили или более смуглая Леона, — затем несколько спокойных, задумчивых мгновений, отданных размышлениям о том, как одеть ребенка для прогулки. Моргану это доставляло удовольствие. (Бонни, когда выгуливала младших девочек, просто бросала в коляску первое, что подворачивалось под руку: одеяло,

куртку дочери постарше — ей годилось все.) Он представлял также, как Мередиты капают молоко себе на запястье, прежде чем дать бутылочку дочери, а перед тем, как опустить девочку в ванну, пробуют локтем воду — все по инструкциям, нравилось думать ему. Все по методе. Он ждал с улыбкой, запрокинув голову, засунув руки глубоко в карманы.

Может, он их упустил? Нет, вот они, выходят из стеклянной двери рядом с табличкой МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ. Леон несет малышку на плече. (Коляску они, естественно, не купили.) Ей было уже месяцев девять-десять — пухлое розовощекое дитя в плотном зимнем комбинезончике. Эмили в поношенном свободном плаще и черных туфельках легкой походкой шла рядом с Леоном, держа его под руку, и, подняв живое лицо, разговаривала с малышкой. И то, как одевались Мередиты, Моргану тоже нравилось. По-видимому, они давным-давно решили, какая одежда станет их отличительным признаком, и никогда от этого решения не отступали. Леон неизменно носил чистые брюки цвета хаки и белую рубашку. Из-под рукавов его ржавой вельветовой куртки на полдюйма выступали безупречно белые манжеты. А Эмили надевала один из трех леотардов с

глубоким декольте — коричневый, сливовый или (чаще всего) черный — и с ним такого же цвета запашную юбку из какой-то мягкой ткани, доходившую до середины икр. Морган видел такие наряды по телевизору, в танцах-модерн, и был в восторге от их подвижной изменчивости. Теперь же он обнаружил, что, надеваемые для прогулок, они обращают моду в нечто лишенное значения. Собственно говоря, юбок такой длины в этом году, а то и, подозревал он, в последние десять лет не носили, да и где это слыхано, чтобы молодая женщина предпочитала столь монотонные цвета? Но в этих нарядах, казалось, присутствовала уверенность. Эмили вовсе не выглядела отставшей от моды. А выглядела сильной, простой и лаконичной. Покончившей с дополнительными прикрасами.

Морган с немалым удовольствием воображал, как они едят — две тарелки, два столовых прибора и глиняная плошка для девочки. Ему нравилось думать, что в их ванной комнате можно увидеть лишь кусок мыла «Айвори» и три гостиничных полотенца. Ну и бритвенный прибор Леона, конечно. Но больше ничего. Никаких жестянок с тальком, кремов от прыщей, фенов, детских брекетов вперемешку, никаких переругивающихся

друг с другом флаконов с духами, свисающих лифчиков, нейлоновых чулок и обшитых кружавчиками купальных шапочек. Он жадно глядел Мередитам вслед. Их овальные лица удалялись, покачиваясь, замкнутые и непроницаемые. Круглое, как монета, лицо дочери оставалось различимым еще долгое время после того, как ее родители обращались к нему спинами, но и в нем ничего нельзя было прочитать.

Ему бы следовало перебежать улицу, перехватить их. «Вы меня помните? Доктор Морган. Помните? Какое совпадение! Знаете, я совершенно случайно оказался в этих местах». Дело самое простое. Он мог бы пощупать пульс ребенка, поинтересоваться прививками от дифтерии. Изображать доктора так легко — достаточно простого здравого смысла. Едва ли не слишком легко. С ролью электрика или одного из тех рабочих, что вдувают между стенами домов изолирующую пену, справиться было бы труднее.

И тем не менее что-то удерживало его. Мередиты внушали Моргану страх — их аскетизм, определенность, их расчерченная и размеренная жизнь. И он позволял им уходить неприкосновенными, словно заключенными в прозрачный пузырь.

4

Шли предвечерние часы, углы магазина уже тонули в сумраке. Баткинс подавил зевок, подошел к окну и о чем-то задумался. Морган изобрел нечто вроде сложного гребного колеса, которое будет отпугивать от птичьей кормушки белок. Он старательно шлифовал каждую лопасть и вставлял ее на место. Подобная работа успокаивала и ободряла его. Напоминала ему об отце, методичном человеке, который был бы гораздо счастливее, если бы стал плотником, а не бесталанным учителем английской литературы в средней школе. «Во что всегда верила наша семья, так это в инструменты самого лучшего качества, — не раз говорил отец. — Хочешь что-то сделать — покупай только такие: кованая сталь, ручки из твердой древесины. А после ухаживай за ними. У каждого инструмента — свое место. И не жалей для них средства от ржавчины». Только эти философские взгляды он и высказывал открыто, и Морган держался за них, как за вырезанную в камне заповедь. Отец покончил с собой, когда Морган доучивался в школе. Никаких признаков того, что он впал в отчаяние или заболел (хотя

отец всегда казался немного подавленным), он просто снял одной звездной апрельской ночью номер в мотеле «Уинкен-Блинкен» и перерезал себе бритвенным лезвием оба запястья. Морган немалую часть своей жизни потратил на старания понять, почему это произошло. Ему требовалась причина: безнадежные долги, рак, шантаж, запретная любовная связь — Моргана ничто не испугало бы. Что угодно было предпочтительнее такого туманного, сомнительного ухода из жизни. Может быть, отец был несчастен в супружестве? Попал в лапы рэкетиров? Убил кого-то? Морган перерыл переписку отца, спер ключ от его письменного стола и картонную коробку, в которой отец держал документы. Подверг безжалостному допросу мать, однако та, судя по всему, знала не больше Моргана, а может быть, просто не хотела об этом говорить. Бродила по дому безмолвная, измученная, потом устроилась на работу в «Хацлерс», продавала там перчатки. И постепенно Морган перестал задавать вопросы. Ему начала открываться — так же неуловимо, как оседает пыль, — простая вероятность: а вдруг никакой причины и не было? Вдруг интерес человека к жизни может иссякать, а затем и иссохнуть? Верить в это было более

чем неприятно. Он гнал эту мысль всякий раз, как она приходила ему в голову. И даже сейчас нередко рылся в украденных им документах, но так и не отыскал ничего сверх найденного в самом начале — разложенных в алфавитном порядке инструкций по сборке велосипедов, чистке газонокосилок, установке приводных ремней в пылесосы. Ремонт, замена, обслуживание. Один шаг за другим, и если ты закончил второй, то переходи к третьему, никуда не денешься.

Легко кивая, он шлифовал гребное колесо. И напевал — без всякой мелодии.

По лесенке поднялся Баткинс:

— Если ничего больше не нужно, я ухожу. Увидимся завтра.

— А? — отозвался Морган. — Что, уже пора? — Он распрямился, вытер тылом ладони лоб. — Да, Баткинс, конечно. Пока.

Магазин погрузился в безмолвие, стал расплываться в сумраке. Прохожие спешили по домам, к ужину, сюда не заглядывали. Морган встал, надел парку, прошел по центральному проходу. Выключил свет, запер три массивных, не больно-то взломаешь, замка. Снаружи магазин выглядел как старая фотография: безжизненный, затуманенный, с загадочными выступами и шишками

окон. Возможно, по ночам сюда является призрак дедушки Каллена и бродит в темноте между стеллажами, дивясь электрическим садовым ножницам. Морган поднял воротник и побежал, чтобы успеть на автобус.

5

За ужином взрослые стеснились на одном конце стола, словно стараясь оказаться подальше от детей, — так и не снявший шляпу Морган, Бонни, Луиза и сестра Моргана Бриндл в лавандовом купальном халате. Бриндл унаследовала от матери желтоватое орлиное лицо и сутулость, но не унаследовала жизненной энергии. Она сидела, лениво намазывая маслом ломтики французского батона и раскладывая их по кругу вдоль обода своей тарелки, а между тем Луиза пересказывала слово в слово увиденную ею по телевизору кулинарную программу:

— Сначала он вертикально вставил в кастрюлю телячьи голяшки. Потом полил их соусом из томатной пасты, лимонной цедры, кусочков сельдерея… ну так у него же все заранее запасено было! *Конечно*, готовка выглядит просто, если не видеть, как это все чистят и нарезают.

Морган потянулся мимо матери за солью.

— Настоящую жизнь по телевизору не показывают, — сказала Бриндл.

— В том-то и дело, — согласилась Луиза. — А мне хотелось бы посмотреть, как он выскребает то-

матную пасту из малюсенькой баночки «Хантс».

— Мама, ты это уже говорила на прошлой неделе, — сказала Бриндл. — Сегодня ты смотрела повтор и теперь повторяешь свои же прежние претензии.

— Ничего подобного! На прошлой неделе я о таких программах и не слышала.

— Ты нам тогда все в подробностях описала: лимонную цедру, сельдерей…

— По-твоему, меня подводит память? — спросила Луиза.

— Дамы. Прошу вас, — сказал Морган.

По правде говоря, кое-какие сложности с памятью у матери в последнее время возникали. Иногда она принималась упрямо повторять одно и то же, как будто ее мозг заедал, точно старая пластинка на определенных дорожках. Но если ей напоминали об этом, она лишь нервничала. Морган состроил Бриндл гримасу, та пожала плечами и намаслила еще один ломтик хлеба.

Тем временем его дочери ужинали, погруженные в свою, отдельную неразбериху сплетен, ссор и смешков, — семь худеньких девочек в джинсах плюс еще одна, маленькая, светловолосая, тощенькая подружка Кэйт со штифтиками из искусственных бриллиантов в проколотых мочках

ушей. Она сидела между Кэйт и Эми и пристально смотрела на Моргана, словно не одобряя его. Ему стало не по себе. Он не мог радоваться жизни, когда кто-то — пусть даже случайный прохожий — находил его неприятным. Ужин Морган начал в хорошем настроении, театрально накручивал спагетти на вилку и говорил с сильным итальянским акцентом, но постепенно сник.

— Почему ты все смотришь на меня? — спросил он теперь. — Мы знакомы?

— Сэр?

— Это Кокетт, — сказала ему Кэйт.

— Ага. Кокетт.

— Мы с ней в одном классе учимся. И нам нравится один и тот же мальчик.

Морган нахмурился.

— Один и тот же? — переспросил он.

— Да, Джексон Эпс.

— Вы же всего лишь в пятый класс перешли!

— Он нам и в четвертом нравился.

— Смехотворно, — заявил, повернувшись к Бонни, Морган. Бонни улыбнулась ему; она никогда не знала, в какой момент пора начинать тревожиться. И он спросил у сестры: — Куда катится мир? К чему мы придем? Это все куклы вроде Барби и Кена да косметика «Динь-Динь».

– *Мне* тоже в пятом классе нравился мальчик, — ответила Бриндл.

— Мальчик?

— Роберт Робертс.

— О господи, Бриндл, не заводись ты снова насчет Роберта Робертса.

— Роберт Робертс был уже в пятом классе? — спросила Кэйт. Она подтолкнула Кокетт локтем и объяснила: — Роберт Робертс был детской любовью Бриндл.

— Не только в пятом, — ответила Бриндл, — и в четвертом, и в третьем, и во втором… У нас был общий сборник упражнений по чтению, свой он вечно терял. Еще в детском саду мы как-то зашли в «Дешевые книги Билли» и он приклеил мне на щеку ярлык с надписью НЕМНОГО ПОТРЕПАННАЯ. Он был со мной на первых школьных танцах, и на первом автомобильном свидании, и на пикнике старшеклассников.

Морган вздохнул и забарабанил пальцами по спинке своего стула. Бонни положила себе еще салата.

— А потом, в колледже, я с ним порвала, — сказала, обращаясь к Кокетт, Бриндл. — Вернула ему его школьный перстень, обмазанный свечой, — чтобы перстень держался на моем пальце,

полсвечки извели, не меньше. Пойди я в нем купаться, наверное, утонула бы.

— А почему порвали? — спросила Кокетт.

— Вышла за другого.

— Но *почему*? Почему вышли за другого?

Бриндл отодвинула от себя тарелку, поставила локти на стол. И начала:

— Ну не знаю, стоит ли… Когда я рассказываю о нем, все кажется таким простым, верно? Но, понимаешь, даже в детском саду он иногда вел себя глупо, иногда надоедал мне, а временами я была от него без ума, и когда мы выросли, все только ухудшилось. Он мне то нравился, то не нравился, а порой я и вовсе выбрасывала его из головы. Случалось, что и я переставала ему нравиться. Я это знала, мы вообще знали друг друга слишком хорошо. Мне и в голову не приходило, что так было бы и с любым другим. Я же никого *другого* не знала. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Кокетт явно не понимала — ни слова. Ерзала, поглядывая на тарелку с шоколадными печеньями, которая стояла на приставном столике. Однако Бриндл этого не замечала.

— Вот я и вышла за человека старше меня, — продолжала она. — Он жил в центре города, рядом с прежним домом мамы. Это оказалось

ужасной ошибкой. Он был ревнивым собственником, все время боялся, что я от него уйду. Никогда не давал мне денег, только счета для меня открывал в магазинах, а каждую неделю — чуть-чуть наличных на продукты. И я семь лет покупала еду в кулинарных отделах универсальных магазинов — крошечные баночки ветчины, совсем белые стебли спаржи, обрезки земляных груш и сердцевины пальм — и так экономила и кое-что откладывала. Могла купить несколько мотков пряжи, а потом возвращать их один за другим и получать наличные. Подписывалась на каждую грошовую скидку, на каждое предложение о возврате денег, какое мне попадалось. И под конец семи лет сказала: «Ну все, Хорас, я скопила пять тысяч долларов и теперь ухожу». И ушла.

— Ей потребовалось скопить пять тысяч долларов, — сообщил потолку Морган, — чтобы доехать автобусом от своего дома до моего. Три с половиной мили. Самое большее четыре.

— Мне как будто был брошен вызов, — заявила Бриндл.

— И ведь все то время я предлагал ей помощь.

— Мне как будто хотелось сказать ему: «Видишь? Меня так просто не одолеть, я сильнее, чем ты думаешь».

Моргана всегда интересовало, получает ли человек при рождении лишь строго определенный запас сил, который не пополняется, после того как их используют? Потому что за четыре года, прошедшие со времени, когда она ушла от мужа и словно с неба свалилась на третий этаж дома Моргана, Бриндл его практически не покидала, да и облачалась во что-либо, помимо полинявшего лавандового халата, крайне редко. И по сей день ни разу не заикнулась о том, чтобы подыскать работу или собственную квартиру. А когда ее муж умер от удара — меньше чем через полгода после ее ухода, — ее это вроде бы совершенно не тронуло.

— И ладно, — только и сказала она. — Полагаю, это избавило меня от поездки в Ниро.

— Ты не Рино[4] имеешь в виду? — спросил Морган сестру.

— Все едино, — ответила она.

Собственно говоря, какая-то сила духа обнаруживалась в ней, лишь когда она рассказывала эту историю. Глаза Бриндл становились треугольными, кожа разглаживалась.

— Для меня это было нелегкое время, — про-

[4] Сноски: 4

Город в штате Невада. Там можно очень быстро оформить брак или развод; прозван «бракоразводной столицей мира».

должала она. — Все складывалось так плохо. А Роберт Робертс — ну, я слышала, что он женился на девушке из Гейтерсберга. Стоило мне на секунду повернуться к нему спиной, как он и женился. Это же надо! Да нет, я его не виню. Я понимаю — сама виновата. Сама загубила свою жизнь, никто не помогал, а теперь уже ничего не изменишь, поздно. Я установила все переключатели в нужное положение, определила курс и полетела прямиком к крушению.

Крушению, отозвалось эхо в высоком лепном потолке. Бонни сняла с приставного столика тарелку шоколадных печений, обошла с ней девочек, бравших по два-три сразу. Морган резко наклонился вместе со стулом вперед, наставил на Бриндл любопытный, испытующий взгляд, однако она ничего не заметила.

6

Спустя несколько часов он и Бонни возвращались из кино, тащились по черному, зеркальному тротуару к остановке автобуса. Ночь была мглистая, сырая, более теплая, чем день. Неоновые вывески плавали в радужной дымке, задние огни машин ускользали в туман и, казалось, сжимались, а затем исчезали. Бонни держала Моргана под руку. Ее плащ в складку Морган помнил со времен их первых встреч, туфли на каучуковой подошве издавали при ходьбе что-то вроде пыхтения.

— Может быть, — сказала она, — завтра ты все-таки успеешь снова собрать машину.

— Да, может быть, — рассеянно ответил Морган.

— А то мы уж неделю как автобусом ездим.

Морган размышлял о фильме, который показался ему не очень убедительным. Каждый персонаж был слишком уж уверен в том, как будут поступать остальные. Герой, своего рода двойной агент, строил изощренные планы, основанные на убеждении, что другой, ничего о нем не ведающий человек появится в определенном

месте или примет определенное решение, и этот другой неизменно так и делал. Часовые в самые решительные моменты смотрели в сторону. Высокопоставленные чиновники отправлялись обедать точно в то время, в какое отправлялись всегда. Неужели в жизни этих людей Б никогда не случалось вместо А? Морган плелся по тротуару, неодобрительно глядя на свои ступни. Откуда-то из памяти вынырнули наманикюренные, ухоженные руки героя, умело собирающие винтовку из разрозненных частей, провезенных через границу в кожаном кейсе.

Они добрались до автобусной остановки, постояли, оглядывая улицу.

— Как бы нам всю ночь тут не проторчать, — благодушно заметила Бонни. Она сняла с головы защищавший ее от дождя плиссированный пластиковый платок, стряхнула с него капли.

— Бонни, — сказал Морган, — почему у меня нет вельветовой куртки?

— У тебя есть, — ответила она.

— Есть?

— Черная, с замшевыми отворотами.

— А, эта.

— Чем она нехороша?

— Я предпочел бы куртку ржавого цвета, —

объяснил он.

Бонни окинула его взглядом. Казалось, она хотела что-то сказать, но потом передумала.

Громыхая, подкатил автобус с золотисто светящимися окнами — целая цивилизация, представилось Моргану, плывущая сквозь вселенную. Автобус остановился, сопя, впустил их. Для столь позднего часа в нем было необычайно людно. Свободных парных сидений не осталось. Бонни села рядом с женщиной в форменной одежде медицинской сестры, а Морган, вместо того чтобы подыскать себе место, остался стоять, покачиваясь, рядом с ними в проходе.

— Я хотел бы красновато-ржавую куртку с протертыми локтями, — сказал он.

— Ну, — сухо ответила Бонни, — локти, я так понимаю, тебе придется самому протирать.

— Не знаю, может, найдется что-нибудь в секонд-хенде.

— Морган, ты не мог бы обойтись без секонд-хенда? Владельцы некоторых вещей, которые ты там покупаешь, *умерли*.

— Это еще не причина выбрасывать хорошую одежду.

Бонни достала из кармана скомканный «клинекс», вытерла им мокрое от дождя лицо.

— И хорошо бы еще, — добавил Морган, — купить брюки цвета хаки и по-настоящему старую, мягкую, чисто белую рубашку.

Она вернула «клинекс» в карман и некоторое время молча раскачивалась вместе с автобусом, глядя перед собой. А потом спросила:

— Кто теперь?

— Что значит «кто»?

— Кто так одевается?

— Никто! — ответил он. — О чем ты?

— Думаешь, я слепая? Думаешь, не видела это уже сто раз?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Бонни пожала плечами и отвернулась к окну.

Автобус уже ехал по их району. Над входными дверьми домов светились фонари. Мужчина в шляпе прогуливал бигля. Юноша подносил к сигарете девушки зажженную спичку, прикрыв ее ладонями. На сиденье за спиной Бонни разговаривали две женщины в шубках.

— Я думаю, ты уже слышала новость, — говорила одна. — У Энджи муж умер.

— Умер? — переспросила другая.

— Просто взял и умер.

— Это как же?

— Ну, он побрился, намазался кремом после

бритья, вернулся в спальню, присел на кровать…

— Но от чего же? Сердце?

— Я же тебе и *рассказываю*, Либби…

У Моргана возникло неприятное чувство. Нет, уверенность: его ладонь, сжимавшая прямо перед этими женщинами спинку сиденья, до того отвратительна, что они несут полную чушь, лишь бы не думать о ней. Ему представилось, что он видит свою руку их глазами — точно такой, какой ее видели они: узловатые пальцы, жесткие черные волоски, опилки под ногтями. Хуже того, он видел и себя самого, целиком. Ну и жаба! Жаба в шляпе и с бородой. Собственные глаза ощущались им как огромные, горящие, усталые, обремененные гротескными темными мешочками.

— Взял он носки, — с безнадежной интонацией продолжала первая женщина, — стал их расправлять. Один носок оказался в другом, знаешь, как это бывает…

На Моргана она не смотрела, не хотела снова увидеть его ладонь. Он снял ее со спинки, засунул кулаки под мышки. И так до конца и ехал, ни за что не держась, сильно накреняясь при каждой остановке автобуса.

Дома девочки делали в столовой уроки, Бриндл раскладывала на кухонном столе карты Таро.

Морган прямиком отправился наверх, в постель.

— Ты вроде бы кофе собирался выпить, — сказала Бонни. И окликнула его: — Морган? Не хочешь чашку кофе?

— Нет, сегодня, пожалуй, не стоит, — ответил он, продолжая подниматься по лестнице. — Спасибо, милая.

Морган вошел в спальню, разделся до термобелья, вынул из лежавшей на комоде пачки сигарету, закурил. Впервые за весь день голова его осталась непокрытой. Лоб выглядел в зеркале прорезанным морщинами, беззащитным. Он заметил в бороде белую прядь. Белую! «Господи!» — произнес он. И наклонился, чтобы разглядеть ее получше.

Может, стоит попробовать, подумал Морган, выдать себя за одно из тех чудес света, что проживают в Советском Союзе, — за стодесятистодвадцатилетнего старика, который все еще поднимается в горы со своим козьим стадом? Он приободрился. А что, поездил бы с лекциями по стране, снимал бы в каждом городишке рубашку и показывал публике свою заросшую черным волосом грудь. Журналисты спрашивали бы, в чем его секрет. «Простокваша и сигареты, товарищи, — усмехнулся он в зеркало. И сделал пару

хвастливых, гарцующих шажков. — Никогда и ничего кроме простокваши и русских сигарет».

Повеселев, он подошел к стенному шкафу, вытащил оттуда свою картонную коробку, поставил на кровать. Расхаживая по комнате и готовясь к ночи — включая электроодеяла, прислоняя к спинке кровати подушку, отыскивая пепельницу, — он глубоко затягивался «Кэмелом». Потом забрался в постель, поставил пепельницу себе на бедро. Первым делом следовало справиться с легким приступом кашля. Пепел осыпал нижнюю рубашку. Морган снял с языка табачную крошку. «Ах, товарищщи», — просипел он. И, открыв коробку, взял верхний листок и откинулся на подушку — почитать.

1. Прежде чем начать, ознакомьтесь со всеми этапами.

2. Имейте под рукой следующее: плоскогубцы, крестовую отвертку…

Он опустил листок, посмотрел на черные окна. В милях отсюда, представилось ему, гаснут окна на Кросуэлл-стрит, сначала левое, потом правое. Ребенок пошевелился во сне. Леон снял руку с выключателя, прошел по холодному полу к убогой постели. Затем все звуки дня смолкли, осталось

только тихое дыхание спящих, не видящих снов, неподвижных на стареньких простынях.

Морган тоже выключил свет и поудобнее устроился на ночь.

1969

1

Чего он от них хочет? Создавалось впечатление, что он повсюду — странного вида неотвязная тень, которая плелась за ними во время прогулок, укрывалась в дверных проемах, вжималась в стену за углом какого-нибудь здания. Конечно, они могли — да и следовало бы — просто повернуться к нему. «О, доктор Морган! (Удивленно улыбаясь.) Как мы рады вас видеть!» Но почему-то не получалось. Когда они в первый раз заметили его — а вернее сказать, ощутили присутствие, Гина была тогда еще совсем маленькой, — то даже не сообразили, кто это. Они возвращались в сумерках из похода по магазинам, немного подрагивая от своего рода плавной тьмы, что втекала в проулки за их спинами и вытекала оттуда. Эмили испугалась. Леон рассердился, однако рядом с ним шла Эмили, а на руках он нес Гину и потому обострять ситуацию не хотел. Они просто прибавили шагу и разговаривали друг с другом громко, небрежно, ни разу не упомянув о преследователе. Во второй раз Эмили была одна. Малышку она оставила с Леоном, а сама вышла купить фетра для кукол. И прямо напротив их дома, в арочном гранит-

ном проеме, кто-то быстро отступил во мглу прачечной самообслуживания. Она не обратила внимания, была занята тем, что прикидывала, сколько ярдов ткани ей понадобится. Но вечером, когда вырезала остроконечную шляпу Румпельштильцхена, воспоминание внезапно всплыло в ее голове. Она увидела, как этот человек покидает поле ее зрения, хотя шляпа его остроконечной и не была, скорее плоской — берет, быть может. И все-таки… разве она не видела его и прежде? Эмили вскрикнула:

— Ой! — и положила ножницы на стол. — Угадай, кого я, по-моему, встретила сегодня? — обратилась она к Леону. — Того доктора. Доктора Моргана.

— Ты не спросила, почему он так и не прислал нам счет?

— Нет, вообще-то он… Я его не то чтобы встретила. Ну, то есть он меня не заметил. Вернее, заметил, но вроде бы… Скорее всего, — сказала она, — это был не доктор Морган. Доктор наверняка заговорил бы со мной.

А через месяц или около того он увязался за ней на Бикон-авеню. Она остановилась у витрины магазина детской одежды и почувствовала, что неподалеку остановился другой человек. Повер-

нулась и увидела на некотором расстоянии от себя мужчину, который стоял к ней спиной, оглядывая улицу. Такой мог бы, подумала она, выйти прямо из фильма про приключения в джунглях — костюм «сафари», носки до колен, полусапоги и огромный тропический шлем. По всей его одежде поблескивали никчемные пряжки и колечки на лямках — на плечах, на рукавах, на задних карманах. Никакой опасности от него не исходило, просто один из тех чудаков, на которых часто натыкаешься в городе. Эти люди разыгрывают какую-то лишь им одним понятную роль. Она пошла дальше. А перед тем как перейти следующую улицу, обернулась и увидела его, торопливо приближавшегося, покачиваясь, солдатским шагом, под стать одежде; глаза прикрывал шлем, зато буйная борода торчала всем напоказ. О, не узнать эту бороду было нельзя. Доктор Морган! Она шагнула к нему. А он, поглядев на нее, прихлопнул ладонью по шлему и метнулся в дверь, над которой значилось: ЛУ-РАИ: ИЗЫСКАННЫЕ ПРИЧЕСКИ.

Эмили почувствовала себя нелепо, сообразив, какой открытой и радостной выглядела, собираясь произнести его имя. Но в чем дело? Почему она не нравилась ему больше? Они вроде бы так

заинтересовали его тогда, при рождении Гины.

Леону она ничего не сказала. Он, глядишь, и рассердился бы — с ним ничего заранее не знаешь. Эмили решила, что в любом случае это была просто-напросто необъяснимая встреча — бессмысленная, и раздражать ею Леона не стоило.

В общем, началось все неудачно, можно так сказать. Был момент, когда они могли во всем разобраться честно и откровенно, — был да сплыл. После нескольких подобных инцидентов (разделенных неделями, если не месяцами), когда то одно, то другое мешало им подойти к этому человеку и поздороваться с ним самым естественным образом, обоим стало казаться, что события развиваются, следуя собственным законам. Теперь уже ничего не поправишь. По-видимому, этот человек был сумасшедшим — по крайней мере, одержимым непонятно чем. (Эмили теперь вздрагивала, вспоминая, что это он принимал Гину.) И все же, как отмечал Леон, никакого вреда он не причинил. По правде говоря, Эмили, считал Леон, слишком уж переживает. Нужно просто привыкнуть к этому человеку как к чему-то неотвратимому. Он никогда им не угрожал и даже близко к ним не подходил, потому жаловаться было не на что. Он такая же

часть внешней обстановки их жизни, как стоящие вдоль Кросуэлл-стрит одинаковые дома, или запыленные, хилые, умирающие от выхлопов автомобилей деревья, или куклы в муслиновых саванах, висящие на крюках в чулане тыльной спальни.

2

Сейчас, зимой, работы у них стало поменьше. В рождественскую пору пришлось немного попотеть (праздничные базары, детские праздники в богатых семьях), однако ни ярмарок под открытым небом, ни шумных гуляний, на которых они выступали летом, не было. Эмили использовала это время, чтобы соорудить новую сцену — деревянную, на петлях, складную, — починить некоторых кукол, сшить для них новые костюмы. Нескольких она заменила, что привело к обычному вопросу: как поступить со старыми? Они представлялись ей чем-то вроде мертвых тел — нельзя же взять и выбросить их в мусорный бак. «Пусти их на запчасти, — неизменно советовал Леон. — Сохрани глаза. И нос этот тоже, уж больно хорош». Приставить рябой пробочный нос бабушки Красной Шапочки другой кукле? Не годится. Это будет неправильно. Да и как разодрать бабушкино лицо? Эмили уложила ее в картонную коробку рядом с обшарпанной Красавицей из «Красавицы и чудовища» — самой первой из ее кукол. Сейчас у них была уже третья Красавица, куда более сложная, с лицом, сшитым

из ткани. Куклы изнашивались не от представлений — причина была в детях, которые подходили к ним по окончании спектакля и похлопывали кукол по парикам, гладили по щекам. Лицо Красавицы посерело от следов детских ладошек, а желтые волосы излохматились и выглядели просто ужасно.

Куклы занимали целую комнату — пустую тыльную спальню с уходящими в потолок облезлыми серебристыми трубами. По одной стене расползалось желтое пятно от дождевой воды, рама окна была закрашена так, что и не открывалась, стекла обросли уличной копотью. Когда на них падал после полудня солнечный свет, они словно покрывались белой матовой пленкой. Деревянный пол награждал коленки Гины занозами и чернил ее ползунки. Фаянсовый дверной шишак покрывала сеточка трещин, а сама дверь висела на петлях криво. Эмили, работавшая дотемна при свете настольной лампы с гнущейся шеей, видела под этой дверью не полоску падавшего из коридора света, а клинышек, похожий на длинный кусок круглого пирога.

Эмили допоздна чинила ведьму — всеобщую мачеху, игравшую во множестве пьес. Неудивительно, что она изнашивалась быстрее других.

Один ее черный пуговичный глаз ненадежно висел на ниточке. Эмили сидела на стремянке, единственном в комнате предмете мебели, и завязывала на длинной нитке крепкий узелок.

Наиболее ходовые куклы хранились в ящике из-под калифорнийского шабли, который стоял в углу комнаты, головы их торчали из картонных отделений: две юные девицы (блондинка и брюнетка), принц, лягушка из зеленого фетра, карлик. Другие покоились в чулане, упрятанные в муслиновые мешочки с именными бирками: *Рип ван В. Дурачок. Лошадь. Король*. Эмили нравилось время от времени менять их местами, поручать им непривычные для них роли. Из Рипа ван Винкля, если лишить его съемной бороды, выходил недурной Третий Сын в любой из сказок, где глупые, добросердые Третьи Сыновья получают под конец принцессу и полкоролевства. Ему эта роль была в самый раз. Одна только Эмили знала, что она ему не приличествует, и это, чувствовала она, придавало спектаклю особую пикантность. Эмили сама произносила его реплики (Леон играл двух других сыновей), подпуская в голос избыточную гнусавость. Тем временем настоящий Третий Сын — более смазливый и менее оригинальный — лежал на спине,

бессмысленно улыбаясь, за сценой.

Эмили никогда и не думала, что станет кукловодом, да, собственно, даже сейчас и она, и Леон считали это временной работой. В колледже она изучала математику и получала полную стипендию — единственная в Тэйни, штат Виргиния, девушка, которая не вышла замуж, едва закончив школу, и не пошла работать в «Бумажные изделия Тэйни». Отец Эмили погиб в автомобильной катастрофе, когда она была совсем маленькой, а в начале ее первого университетского года умерла от болезни сердца и мать. Пришлось жить своим умом. Она рассчитывала стать учительницей в средней школе. Эмили нравился спокойный, систематический процесс, по завершении которого беспорядочная мешанина чисел обращается в одно-единственное число, нравилось преобразование и упрощение уравнений, которое и составляет основу преподаваемой в неполной средней школе математики. Однако еще до окончания осеннего семестра она познакомилась с Леоном, студентом предпоследнего курса, увлекавшимся актерской игрой. *Специализироваться* по ней он не мог (в колледже такой специализации не было), поэтому основным предметом избрал английскую литературу, но успевал по

всем предметам едва-едва, поскольку играл в каждой пьесе, какая ставилась в кампусе. Эмили впервые поняла тогда, почему актеров называют «звездами». Когда Леон выходил на сцену, в нем и вправду появлялось что-то ослепительное. Посмотреть на него вблизи — просто жилистый, долголицый и угрюмый молодой человек с немного опущенными внешними уголками глаз и ртом, уже взятым в скобки двумя морщинами-полумесяцами, а на сцене все это производило впечатление силы и глубины. Он был таким собранным. Его персонажи были до того сосредоточены на чем-то своем, что все остальные выглядели в сравнении с ними деревянными. Голос Леона (в повседневной жизни низковатый и мрачный) словно бы улетал дальше прочих. Слова он произносил любовно и предварял их кратчайшими паузами, будто поддразнивая зрителей, и начинало казаться, что он придумывает их на ходу, а не извлекает из памяти.

Эмили считала его чудесным. Она не знала никого похожего на Леона. Собственная ее семья была такой заурядной, тусклой, а детство таким обычным (его — ужасным). Они начали проводить все время вместе: просиживали послеполуденные часы в буфете колледжа за

одной-единственной бутылкой пепси, занимались в библиотеке, переплетя под столом ноги. Слишком стеснительная, чтобы выходить с ним на сцену, Эмили обладала умелыми руками и потому записалась в театр декоратором. Она сколачивала помосты, лестницы, балконы, изображала на полотнищах брезента зеленый лес, а к следующей постановке превращала его в цветастые обои или стенные панели красного дерева. Между тем оказалось, что эта шаткая связь с театром сделала ее жизнь более драматичной. Она смущенно присутствовала при сценах, которые устраивали Леону родители, — отец, ричмондский банкир, произносил длинные тирады, мать вытирала платочком глаза и вежливо улыбалась в пространство. По-видимому, университет уведомил их, что оценки Леона сползли ниже некуда. Если не возьмется за ум, его отчислят за неуспеваемость. Почти каждое воскресенье родители приезжали аж из самого Ричмонда, чтобы посидеть в тесной, забитой мебелью гостиной студенческого общежития, добиваясь от Леона ответа на вопрос: какую профессию он рассчитывает получить, имея средней оценкой «плохо»? Эмили была бы рада обойтись без этих встреч, но Леон хотел, чтобы она присутствовала

при них. Поначалу его родители были с ней приязненны. Потом дружелюбия в них поубавилось. Не из-за чего-то сделанного ею — может быть, из-за чего-то *не* сделанного. Эмили неизменно проявляла в обращении с ними сдержанность, сухое спокойствие. Она происходила из старой квакерской семьи и была склонна, как ей говорили, ощущать себя слишком уютно посреди долгого молчания. Иногда ей казалось, что все идет прекрасно, между тем как окружавшие ее люди отчаянно пытались придумать тему для разговора. И потому Эмили очень старалась быть общительной. Готовясь к встрече с родителями Леона, она накрашивала губы, надевала чулки и старалась заранее запастись нейтральными темами, которые сможет с ними обсудить, и, пока Леон и его отец переругивались, рылась в умственной картотеке, отыскивая возможность отвлечь их.

— Мы теперь на занятиях Толстого читаем, — сказала она матери Леона в одно апрельское воскресенье. — Вам нравится Толстой?

— О да, он у нас есть и в кожаных переплетах, — ответила миссис Мередит, промокая платочком нос.

— Может быть, Леону следует заняться русской

литературой, — сказала Эмили. — Мы ведь и пьесы тоже проходим.

— Пусть сначала сдаст что-нибудь на родном языке, черт побери! — отозвался его отец.

— Но мы это читаем на английском.

— Проку-то? По-моему, его родной язык — монгольский.

Между тем Леон стоял спиной ко всем у окна. Эмили находила его взлохмаченные волосы и отчаянную позу трогательными, но в то же время не могла не удивляться тому, как он сумел довести родителей до их нынешнего состояния. Они ведь не из тех, кто склонен закатывать сцены. Мистер Мередит был человеком солидным, деловым; миссис Мередит — полной такого достоинства и самообладания, что оставалось лишь поражаться предвидению, которое посоветовало ей прихватить с собой носовой платок. И тем не менее каждую неделю что-нибудь шло не так. Было у Леона обыкновение неожиданно бросаться в бой, и проделывал он это быстрее всех, кого знала Эмили. Казалось, он совершает какой-то мысленный скачок, уследить за которым ей не удавалось, и впадает в бешенство, хотя всего секунду назад был совершенно ровен и разумен. Он швырял в лицо родителям сказанные ими

слова, бил кулаком по ладони. Уж слишком он возбудим, думала Эмили. И она снова обратилась к миссис Мередит.

— Сейчас мы занимаемся «Анной Карениной», — сообщила она.

— Все это коммунистическая писанина, — объявил мистер Мередит.

— Это… что?

— Ну а как же, трактора, пролетарии соединяйтесь, убийство царя и Анастасии…

— Ну, я не… по-моему, это было немного позже.

— Вы что же, из этих университетских левых?

— Нет, но я не думаю, что Толстой дожил до этого.

— Конечно, дожил, — сказал мистер Мередит. — Где бы, вы думаете, был ваш дружок Ленин без Толстого?

— Ленин?

— Вы и это отрицаете? Послушайте, девочка моя. — Мистер Мередит с серьезным видом наклонился к ней, переплел пальцы. (Наверное, так он сидит в банке, подумала Эмили, объясняя какому-нибудь фермеру, почему не может дать ему ссуду под урожай табака.) — Едва Ленин пролез к власти, как первым делом вызвал Толстого. Толстой то, Толстой это… Каждый раз, как им

требовалась письменная пропаганда, он говорил: «Попросите Толстого. Попросите Льва». Так все и было! Неужели вам не рассказали об этом в колледже?

— Но… я думала, что Толстой умер в тысяча девятьсот…

— Сороковом, — заявил мистер Мередит.

— Сороковом?

— Я тогда университет заканчивал.

— О.

— А Сталин! — продолжал мистер Мередит. — Послушайте, это же *одна* шайка была. Толстой и Сталин.

Леон вдруг отвернулся от окна и покинул гостиную. Слышно было, как он поднимается этажом выше, к спальням. Эмили и миссис Мередит переглянулись.

— Если хотите знать мое личное мнение, Толстой был для Сталина чем-то вроде бельма на глазу, — возвестил мистер Мередит. — Понимаете, *прогнать* Толстого он не мог, малый стал к тому времени слишком известен, но при этом и слишком консервативен. Вы, конечно, знаете, что он был человеком обеспеченным. У него были большие земли.

— Да, верно, большие, — согласилась Эмили.

— А это, сами понимаете, было не очень удобно.

— Да, пожа…

— Вот Сталин и говорит своим прихвостням: «Штука в том, что он староват. Плохо соображающий старикан, да еще и крупный землевладелец».

Эмили кивала, слегка приоткрыв рот.

Леон, топая, спустился по лестнице. И вошел в гостиную, держа в руках открытый словарь.

— «Толстой, Лев, — вслух прочитал он, — тысяча восемьсот двадцать восьмой — тысяча девятьсот десятый».

Наступило молчание.

— Родился в восемьсот двадцать восьмом, умер в девятьсот…

– *Ладно*, — перебил его мистер Мередит. — И к чему это нас приводит? Не пытайся сменить тему, Леон. Мы говорили о твоих оценках. Твоих жалких оценках и дурацком актерстве.

— Я отношусь к моему актерству серьезно, — сказал Леон.

— Серьезно! К актерству?

— Заставить меня отказаться от него ты не можешь, мне двадцать один год. Я свои права знаю.

— Не указывай мне, что я могу, а чего не могу, —

потребовал мистер Мередит. — Предупреждаю, Леон, если ты не откажешься, я заберу тебя из колледжа, я еще не оплатил следующий год обучения.

— Ах, Берт! — воскликнула миссис Мередит. — Ты этого не сделаешь! Его же в армию призовут!

— Армия — лучшее, что может случиться с этим мальчишкой, — заявил мистер Мередит.

— Ты не можешь!

— Ах, не могу? — Он повернулся к Леону: — Сегодня ты поедешь с нами домой, и пока я не получу подписанное тобой и заверенное у нотариуса обязательство отказаться от всего, что не связано с учебой, — от пьес, от девушек… — Он махнул туго обтянутой розовой кожей ладонью в сторону Эмили.

— Держи карман шире.

— В таком случае собирай вещички.

Миссис Мередит всплеснула руками:

— Берт!

А Леон сказал:

— С удовольствием. К ночи меня здесь не будет. И дома тоже — ни сейчас, ни когда-либо.

— Видишь, что ты натворил? — спросила мужа миссис Мередит.

Леон вышел из комнаты. Сквозь окна гостиной

с маленькими панельками рифленого стекла Эмили смотрела, как его угловатая фигура, пересекая двор колледжа, раз за разом вывихивается, распадается и воссоединяется снова. Эмили осталась наедине с родителями Леона, похоже, замолчавшими надолго. Она чувствовала себя одной из них, женщиной, которая проведет остаток жизни среди тяжелых драпировок той или иной гостиной, — маленькой, обратившейся в сухую палочку старухой.

— Извините, — произнесла она, вставая. Вышла в коридор, тихо прикрыла за собой дверь и побежала вслед за Леоном.

Нашла она его у фонтанчика перед библиотекой, неторопливо бросавшим камушки в воду. Когда запыхавшаяся Эмили подошла к нему и тронула за руку, он на нее даже не взглянул. Лицо Леона светилось теплым оливковым светом, который она находила прекрасным. Глаза — продолговатые, с тяжелыми веками — казались полными замыслов. Эмили верила: никогда ей не повстречать другого столь же решительного человека. Даже очертания его тела представлялись ей более резкими, чем у прочих людей.

— Леон? — окликнула она. — Что ты будешь делать?

— Поеду в Нью-Йорк, — ответил он так, точно планировал это уже не один месяц.

Эмили всегда мечтала увидеть Нью-Йорк. Она сжала руку Леона. Впрочем, он ведь не позвал ее с собой.

Чтобы увильнуть от его родителей — вдруг те разыскивают его, — они пошли в темный итальянский ресторанчик рядом с кампусом. Леон разговорился насчет Нью-Йорка. Может быть, сказал он, ему удастся найти работу в какой-нибудь летней труппе, а если повезет, получить эпизодическую роль во внебродвейском театре. Он все время говорил «я», не «мы». Эмили понемногу охватывало отчаяние. Ей хотелось найти какой-то изъян в его лице, которое казалось таким одухотворенным в сумраке ресторана.

— Сделай мне одолжение, — попросил Леон, — сходи в мою комнату, уложи вещи, самые необходимые. Я боюсь, что мама с папой будут ждать меня там.

— Хорошо, — сказала она.

— И принеси мою чековую книжку, она лежит в верхнем ящике туалетного столика. Мне понадобятся деньги.

— Леон, у меня есть восемьдесят семь долларов.

— Сохрани их.

— Это остаток карманных денег, которые дала мне тетя Мерсер. Мне они не понадобятся.

— Перестань ты наконец *суетиться*! — потребовал он, но все же прибавил: — Прости.

— Да ничего.

Они вернулись в кампус, Леон остался ждать у фонтана, а Эмили пошла в его комнату. Родителей в гостиной уже не было. Два кресла, в которых они сидели, пустовали, их обшивка, тихо вздыхая, постепенно расправлялась, стирая оставленные мистером и миссис Мередит отпечатки.

Эмили поднялась по лестнице к спальням. Здесь она почти не бывала. Девушки сюда допускались, но заглядывали редко, в этой части общежития ощущалось что-то неловкое. Двое юношей перебрасывались в коридоре мячом для софтбола. Когда Эмили бочком миновала их, они нехотя остановились, а едва отойдя от них, она снова услышала за спиной шлепки по мячу. Она постучала в дверь 241. Сосед Леона по комнате отозвался:

— Да.

— Это Эмили Кэткарт. Можно мне войти, забрать для Леона кое-какие вещи?

— Конечно.

Он сидел, откинувшись вместе со стулом назад от своего стола, и занимался, судя по всему, только тем, что с помощью аптечной резинки обстреливал канцелярскими скрепками висевшую на стене пробковую доску. (Как она сможет полюбить, утратив Леона, еще кого-то?) Скрепки, ударяясь о доску, падали в стоявшую под ней металлическую мусорную корзинку.

— Мне нужен его чемодан, — сказала Эмили.

— Под той кроватью.

Эмили вытянула чемодан. Он был покрыт пылью.

— Мередит нас покидает? — спросил сосед.

— Он уезжает в Нью-Йорк. Только родителям его не говорите.

— В Нью-Йорк, значит? — без особого интереса произнес сосед.

Эмили начала вынимать из стенного шкафа рядом с кроватью Леона одежду, которую видела на нем чаще всего, — белые рубашки, брюки-хаки, любимую, как она знала, вельветовую куртку. Ей нравилась длина его брюк — она в таких утонула бы.

— А ты с ним собираешься? — спросил сосед.

— Не думаю, что он этого хочет.

Еще одна скрепка щелкнула по доске.

— Я поехала бы, но он меня не позвал, — сказала Эмили.

— Ну да, у тебя скоро экзамены. Должна же ты получить свои «отлично» и «отлично с плюсом».

— Поехала бы не задумываясь, — сказала она.

— Я так понимаю, он предпочитает путешествовать налегке.

— Это его комод?

Сосед кивнул, со стуком опустил передние ножки стула на пол.

— Ты же не думаешь, что на *моем* стояла бы твоя фотография, — сказал он. — Без обид, разумеется.

Фотография, подаренная ею Леону на Рождество, стояла за будильником, все еще в выданном фотостудией паспарту с волнистыми краями. Изображенная на ней девушка лишь отдаленно, надеялась Эмили, была похожа на нее. Эмили не любила напоминаний о своей внешности. Обычно она разгуливала по кампусу, видя его сквозь глазные отверстия своего тела, но вовсе об этом теле не думая, и испытала малоприятное потрясение, когда ее заставили усесться на фортепианный табурет, наклонить под неестественным углом голову и вспомнить о своей слишком светлой коже и белесых ресницах, ко-

торые имели свойство исчезать с фотоснимков. «Улыбнитесь, — сказал фотограф. — Я, знаете ли, не расстрельная команда». Она быстро изобразила нервную улыбку, чувствуя, с какой натужностью ее губы растягиваются поверх зубов. А когда фотограф пригнулся к аппарату, мгновенно стерла улыбку с лица. И оно получилось на снимке трезвым, пристальным, опасливо напряженным, с поджатыми, как у старой девы, губами.

Снимок Эмили в чемодан не положила. А когда вернулась к ждавшему у фонтана Леону, то притащила не только его чемодан, но и свой.

— Мне все равно, что ты скажешь, — объявила Эмили. Произносить это она начала, еще не приблизившись к нему, уж очень ей хотелось высказаться. Она пыхтела и покачивалась: все-таки два чемодана — это не шутка. — Я еду с тобой. Ты не можешь бросить меня здесь!

— Эмили?

— Думаю, нам следует пожениться. Жизнь в грехе не очень удобна, — продолжала она, — но если ты предпочитаешь, я согласна и на такую. А если велишь мне остаться, все равно поеду. Нью-Йорк тебе не принадлежит! Поэтому не трать попусту слов. Я влезу в автобус и усядусь позади

тебя. И после скажу таксисту: «Поезжайте за той машиной!» А в отеле попрошу портье: «Дайте мне, пожалуйста, номер рядом с его номером».

Леон усмехнулся. И она поняла, что победила. Опустила чемоданы на землю и стояла, глядя ему в глаза, но не улыбаясь. Собственно говоря, победила она с помощью намеренной, рассчитанной пылкости, которой на самом деле не обладала, и немного встревожилась, обнаружив, как легко его одолеть. А может быть, она его вовсе и не одолела, просто Леон знал, чего ожидает зритель: когда девушка является к тебе со своим чемоданом и ведет себя неподобающим образом, ты должен усмехнуться, развести руками и сдаться. Усмешка была не лучшим из выражений, появлявшихся на лице Леона. Эмили никогда не видела его таким несобранным, колеблющимся. Лицо Леона стало каким-то асимметричным.

— Эмили, — сказал он, — что же я буду с тобой делать?

— Не знаю, — ответила она.

Ее и саму уже начинал тревожить этот вопрос.

Под вечер они выехали в Нью-Йорк автобусом «Грейхаунд». А на следующий день обосновались (впрочем, это больше походило на походную стоянку) в меблированной комнате с раковиной в

углу и уборной в конце коридора. И в четверг поженились — быстрее закон попросту не допускал. «Когда я получала водительские права, — думала Эмили, — церемоний и то было больше». Вопреки ожиданиям, брак отнюдь не перевернул всю ее жизнь.

Эмили нашла место официантки в польском ресторане, Леон — всего лишь на время — устроился уборщиком в театр. Ранними вечерами он обходил разного рода кофейни, в которых выступали с чтениями актеры и поэты. Если Эмили в этот день не работала, брал с собой и ее. «Разве они не ужасны? — спрашивал он. — Я бы справился лучше». Эмили тоже так думала. Как-то раз они услышали монолог, исполнявшийся настолько бездарно, что она и Леон встали и пошли к выходу, актер же прервал чтение посреди строки и закричал: «Эй, вы! Не забудьте деньги в чашку положить!» Эмили и положила бы — она была готова на все, лишь бы избежать скандала, — но Леон разозлился. Она почувствовала, как он задержал дыхание и словно увеличился в размерах. К тому времени она уже знала, как далеко он может зайти, прогневавшись. Она сложила ладонь горсткой, словно собиралась взять его за локоть, но не прикоснулась к нему. Когда Леон

раздражался, его лучше было не трогать. Но тут он выпустил воздух из груди и позволил Эмили увести его, хоть актер еще и кричал что-то им в спину.

Лето выдалось страшно удушливое, с грозами и черными тучами. Жара в их комнате производила впечатление живого существа. И они все время оказывались на грани полного безденежья. Эмили и не понимала раньше, сколь большое значение имеют деньги. Она чувствовала, что должна дышать помельче, сберегать силы, оставаться неприметной, проскальзывая мимо людей побогаче. У них с Леоном начались ссоры по поводу того, как тратить их скудный денежный запас. Он был более расточительным — транжирой, так она говорила. А Леон называл ее скупердяйкой.

В июле Эмили перепугалась, решив, что забеременела. Она словно угодила в капкан, ее охватил ужас; признаться Леону она не посмела. А потому, когда выяснилось, что не беременна, не смогла и поделиться с ним своим облегчением. Эти переживания отложились в ее памяти. Она часто перебирала их, пытаясь найти в них какой-то смысл. Что же это за брак, если ты не можешь рассказать мужу о таких вещах? Да, но ведь он бы раздулся от гнева, а потом опал, как

перестоявшее тесто. Брак был *ее* идеей, сказал бы Леон, и кто, как не она, вечно распространяется о том, как мало они могут себе позволить. Эмили представляла себе эту сцену настолько ясно, что почти поверила — так все и было. И затаила обиду на Леона. Иногда она вспоминала, как плохо он себя вел, и глаза ее наполнялись слезами. Но ведь не вел же! Даже возможности для этого не получил! (Так сказал бы Леон.) Тем не менее она все равно винила его. И посетила клинику планирования семьи, и сказала там, что если забеременеет, то муж ее убьет. Конечно, выражалась она фигурально, однако по тому, как глядел на нее социальный работник, догадалась, что в этом районе не всегда существует грань между тем, что фигурально, а что нет. Социальный работник посмотрел на руки Эмили и спросил, нет ли у нее других проблем. Ей хотелось рассказать о том, как она одинока, как скрывала от мужа страх перед беременностью, но было совершенно ясно, что ее проблема не такая уж и серьезная. В этом районе женщин иногда убивали. Эмили чувствовала, что кажется социальному работнику легковесной и пустой, она и пришла-то к нему в леотарде и юбке с запахом, словно позаимствованной из «Танца-модерн». А здесь на женщин нападали

насильники, их избивали мужья. Между тем муж Эмили никогда и пальцем ее не тронул бы. Уж в чем, в чем, а в этом она была уверена. И не сомневалась, что находится в волшебном круге безопасности.

Эмили была не из гневливых женщин. Самое большее, на что она была способна, — это легкая вспышка запоздалого негодования, нападавшего на нее время от времени задним числом, после того как происходило нечто, что ей не понравилось бы, заметь она это вовремя. Возможно, будь она повспыльчивее, то знала бы, за какую ниточку следует дернуть, чтобы успокоить Леона. А так ей оставалась лишь роль зрительницы. Эмили напоминала себе: «Он может обижать других, но не меня». Эта мысль порождала в ней тихий всплеск удовольствия. «Он иногда бесится, — сказала она социальному работнику, — но не позволит даже волосу упасть с моей головы». Разгладила юбку и посмотрела на свои белые, бескровные руки.

В августе Леон познакомился с четырьмя актерами, которые задумали создать импровизационную группу под названием «С ходу». У одного из них имелся автофургон, они собирались разъезжать по Восточному побережью. («В Нью-Йорке пробиться трудно», — сказала одна из

участниц труппы, Паула.) Леон присоединился к ним. С самого начала, думала Эмили, он был лучшим из них, иначе они его и не взяли бы, тем более с таким балластом — женой, которая впадала на публике в ступор и только зря место в фургоне занимала. «Я могла бы декорации строить», — сказала им Эмили, однако выяснилось, что они играют без декораций, на голой сцене. Идея была такая: выступать в ночных клубах, предлагая публике выбирать темы для импровизаций. Эта затея приводила Эмили в ужас, однако Леон сказал, что на лучшую школу он и надеяться не мог. Леон упражнялся с ними в квартире Барри Мэя, владельца фургона. Репетировать по-настоящему они не могли, но, по крайней мере, учились работать совместно, обмениваться сигналами, подавать друг другу реплики, которые мало-помалу приближали их к завершению сценки. Комедийной, конечно, ни о чем другом, говорили они, в ночном клубе и думать нечего. Сценки выстраивались вокруг ситуаций, которые пугали Эмили, — потеря багажа, взбесившийся дантист, — и, просматривая их, она сохраняла на лице легкую, отчасти язвительную хмурость, от которой не могла избавиться, даже смеясь. Вообще говоря, потерять багаж — ужасно. С ней такое

однажды случилось, и, пока его не нашли, она всю ночь заснуть не могла. Да и представить себе, как взбесился твой дантист, тоже слишком легко. Эмили покусывала костяшку пальца, глядя, как Леон выходит на сцену, на его широкие, резкие жесты, на развалистую походку от бедра. В одном скетче он играл мужа Паулы. В другом — жениха. Целовал ее в губы. Конечно, это было только игрой, но как знать? Иногда если долго изображаешь какого-то человека, то им и становишься. Разве такого не бывает?

Начали они в сентябре. Выехали из Нью-Йорка в фургоне, погрузив туда все свои земные богатства, в том числе и два пухлых чемодана Эмили и Леона вместе с рифленым серебряным кофейником, который тетя Мерсер подарила им на свадьбу. Первым делом направились в Филадельфию, где у Барри был знакомый, дяде которого принадлежал бар. Три вечера подряд они играли скетчи перед публикой, а та продолжала говорить без умолку, тем же никаких не подавала, так что приходилось ее дурачить: идеи поступали от Эмили, садившейся ради этого у стойки бара. Потом перебрались немного южнее, в Хейтсвилл. Они вроде бы заранее договорились там о выступлениях, однако договоренность обернулась

пшиком, и кончилось все тем, что выступать им пришлось в таверне, которая называлась «Клуб Уздечка» и оформлена была словно конюшня. У Эмили сложилось впечатление, что большинство тамошних посетителей были людьми семейными, однако супругов своих и супружниц оставили дома. Плотные мужчины в деловых костюмах, женщины с опрысканными лаком и позолотой волосами, одетые в платья, которые были им на размер малы, — все сплошь средних лет. Они тоже разговаривали во время скетчей, однако идеи подсказывали. Одному мужчине захотелось увидеть сценку, в которой девочка-подросток объявляет родителям, что собирается бросить школу и стать стриптизершей. Женщина предложила показать супружескую чету, поругавшуюся из-за попыток жены скормить мужу неведомые деликатесы. Оба сюжета вызвали у публики легкий всплеск веселья, актерам же удалось обратить их в довольно забавные скетчи, однако Эмили не покидала мысль, что эти двое говорили о том, что с ними и вправду случилось. Мужчина сильно походил на жалкого, неутешного отца-неудачника; женщина была столь кипуче весела, что, вполне вероятно, и вправду недавно сбежала от скучного мужа. Зрители пытаются сбагрить

свою боль актерам, догадывалась Эмили. Даже смех этих мужчин с красными, припухлыми лицами и женщин, храбрившихся под ношами похожих на башни причесок, и тот казался болезненным. Для третьего скетча мужчина, сидевший за столиком с тремя другими, предложил следующее: жена вбивает себе в голову, что ее муж, общительный малый, который любит немного выпить в компании друзей, — он может пить, а может и не пить, да вообще способен завязать с этим делом, как только захочет, — если захочет, конечно, — так вот, она вообразила, что муж становится алкоголиком. «Покажите, как она понемногу съезжает с ума, — попросил мужчина, — как разбавляет водичкой “Джек Дэниэлс”, звонит доктору и “Анонимным алкоголикам”. И если муж просит выпить, приносит ему имбирный эль с размешанной в нем чайной ложкой бренди “Мак-Кормик”. А когда он хочет выйти из дома, чтобы провести вечерок с приятелями, говорит…»

— Прошу вас! — поднял руку Барри. — Оставьте и нам что-нибудь!

И все рассмеялись — кроме Эмили.

В «Клубе Уздечка» им предстояло выступать три вечера, однако во второй Эмили смотреть

их не пошла. Бродила почти до десяти вечера по городу, оглядывая темные витрины «Кресги», «Магазина одежды Линн», «Мира вязания». Время от времени мимо пролетала набитая подростками машина, и те что-то кричали ей, однако Эмили не обращала на них внимания. Она казалась себе настолько старой по сравнению с ними, что удивлялась, как они вообще ее замечают.

В аптеке, единственном из оставшихся к тому времени открытыми заведении, она купила дорожную косметичку на молнии с пустыми пластмассовыми пузырьками и крошечным тюбиком «Пепсодента». Денег у нее и Леона в это время практически не было. Спали они раздельно — Эмили и другие две женщины в ночлежке «ИМКА», мужчины в фургоне. Уж никак не могли себе позволить косметичку ценой в 4,98 доллара. Эмили, и виноватая, и довольная, торопливо вернулась в свою комнату и начала перебирать вещи — тщательно перелила в один из пузырьков лосьон для рук, вставила в виниловую петельку косметички свою серебряную расческу. Строго говоря, косметикой она почти не пользовалась, места в запиравшейся на молнию сумочке было куда больше, чем требовали ее принадлежности. Не следовало ее покупать. Эмили не могла

даже попросить, чтобы ей вернули деньги, — пузырек-то она уже использовала. Ее начало подташнивать. Она порылась в своем чемодане, отбрасывая белые школьные блузки, джинсы, скудное нижнее белье (если носишь только леотарды, белье не требуется). Когда она закончила, в чемодане остались только два запасных леотарда, две запасные юбки, ночная рубашка и косметичка. А стоявшая у ее кровати небольшая картонная корзинка для мусора наполнилась полупрозрачными, смятыми, дешевенькими ненужностями.

Третье представление в «Уздечке» отменилось, вместо них выступила подруга двоюродного брата владельца, исполнительница жестоких романсов. «Я и не знал, что они еще существуют», — признался Леон. Выглядел он подавленным. По словам Леона, он уже не был уверен, что получаемый им опыт ценен настолько, насколько он ожидал. Однако Барри Мэй, бывший более-менее лидером их группы, сдаваться отказывался. Он хотел попытать удачи в Балтиморе, где, говорил он, полным-полно баров. А кроме того, у одного из них, у Виктора Эппла, жила в Балтиморе мать, которая могла бесплатно их приютить.

Едва попав в Балтимор, Эмили поняла, что ни-

чего у них тут не выйдет. Они долго колесили по городу (Виктор умудрился заблудиться), и тот показался ей тесным, зажатым: все эти сумрачные, стоящие вплотную однотипные дома, некоторые шириной всего в одну комнату; проулки, заваленные старыми покрышками, бутылками, кроватными пружинами; крылечки, на которых горбились никчемные с виду, бессмысленные люди. Зато мать Виктора понравилась ей сразу. Миссис Эппл была рослой веселой женщиной с размашистой походкой, короткими седыми волосами и обветренным лицом. Она владела магазином под названием «Мастера на все руки», равно как и домом, в котором тот находился, — в комнатах жили всякого рода ремесленники, и некоторые, пока не встали на ноги, платили за проживание деньги чисто символические. Она отвела актерам квартиру на третьем этаже, немеблированную, обветшалую, но чистую. Ее разделял надвое темный коридор, с одной стороны которого располагались гостиная и спальня, а с другой — кухня и еще одна спальня. Коридор упирался в старенькую ванную комнату, прямо перед окном которой давным-давно вырос другой дом. Ничего, кроме старых губчатых кирпичей, увидеть из этого окна было нельзя, что Эмили

непонятно почему утешало. Только этот вид и внушал ей тогда уверенность в завтрашнем дне.

Ныне она думала, что, осваиваясь в новых местах, человек расходует какие-то фрагменты своей личности. И большие куски ее собственной были отломлены и оставлены в Нью-Йорке, Филадельфии, Хейтсвилле — в городах, где она аккуратно раскладывала по чужому облупленному комодику принадлежавшую когда-то ее матери серебряную расческу и щетку для волос и пыталась изобразить близкое знакомство с чужими облезлыми стенами и растрескавшимися потолками. Она хвостом ходила за миссис Эппл — просто ничего не могла с собой поделать. Вытирала в магазине пыль с резьбы мебели ручной работы, научилась управляться с кассовым аппаратом. Обслуживала в часы бойкой торговли покупателей — не за плату, а лишь ради солнечных запахов свежего дерева и только что сотканной ткани, ради живого, нецеремонного дружелюбия миссис Эппл.

Эмили с Леоном разложили свои спальные мешки в передней спальне, Виктор расстелил разномастные одеяла в углу гостиной. Барри, Паула и Дженис спали втроем поперек кровати в тыльной спальне (попытки разобраться в

их отношениях Эмили давно оставила). Днем Барри отправлялся искать работу, а все прочие играли дома в карты. В скетчах они больше не упражнялись и даже не упоминали о них, хотя иногда, наблюдая за их партией в покер, Эмили думала, что этим ребятам все кажется скетчем. Проигрывая, они стонали и рвали на себе волосы, а выигрывая, подпрыгивали, бросали карты в потолок, трубили «Та-таа!» и раскланивались. Гласные звуки были у них протяжнее, чем у большинства людей, и они нередко как бы выделяли курсивом отдельные слова. Эмили приходилось говорить так же, чтобы пробиться сквозь создаваемый остальными шум и гомон. Она поймала себя на том, что и сама меняется. Услышала вдруг, как произносит слова с нажимом, растягивая их. А однажды увидела свое отражение в зеркале — маленькое, сухое лицо бледно, как у призрака, одна рука напыщенно выброшена вбок, как будто она, Эмили, стоит в плаще и шляпе посреди какой-то сцены. Она умолкла на середине фразы и руку опустила.

Балтиморским барам актеры оказались не нужны. Люди заходят туда, чтобы *выпить*, говорил Барри, это пьющий город. Однажды он едва не наступил на валявшегося поперек входной двери

человека, не то бесчувственного, не то мертвого, так Барри и заходить в этот бар не стал — какой смысл? Прошла неделя, потом две. Питались они дешевыми консервами из тунца, миссис Эппл быстро перестала приглашать их к ужину. Их коробка с гримом как-то сама собой развалилась. Похожие на толстые палочки мела тюбики с жутковато-розовым телесным тоном закатились в угол комнаты да там и остались, испуская стародевичьи ароматы увядших цветов. Дженис с Паулой больше не разговаривали, Дженис перетащила свой спальник на кухню.

Затем Барри нашел работу, но только для себя. Знакомый его знакомого ставил пьесу собственного сочинения. Когда Барри объявил об этом, Эмили отсутствовала — помогала в «Мастерах на все руки». К ее возвращению Барри уже укладывал свои вещички в рюкзак. Нижняя губа у него распухла. Леона не было, все остальные сидели на полу, глядя, как Барри трясущимися руками сворачивает джинсы.

— Твой муж — сумасшедший, — сказал он Эмили. У него даже голос дрожал.

— Что случилось? — спросила Эмили, и все заговорили одновременно. Барри не виноват, сказали они, в этой жизни каждому приходится

думать прежде всего о себе, чего еще ожидал Леон? В частностях случившегося Эмили так и не разобралась, но основную идею ухватила. И удивилась, обнаружив, что почти не огорчена. В повреждении, полученном Барри, было даже что-то приятное, на взгляд Эмили. В самой середке припухлости губа треснула, приобретя сходство с перезрелой сливой.

— Ну ладно, — сказала Эмили, — полагаю, все к лучшему.

— Попомни мои слова, — предостерег ее Барри, — ты живешь с опасным человеком. Не понимаю, как ты его не боишься?

— О, *меня* он никогда не тронет, — ответила Эмили. Она не могла понять, почему Барри относится к этой истории так серьезно. Разве драма, преувеличенные жесты — не рядовое в жизни этих людей явление? Она вынула из волос несколько шпилек, заколола пару прядей повыше. Остальные смотрели на нее. А она чувствовала себя грациозной, и на сердце у нее было легко.

Дженис и Паула вернулись в Нью-Йорк; Дженис собиралась принять сделанное ей когда-то предложение руки и сердца. «Надеюсь, оно еще остается в силе», — сказала она. Что думает делать

Паула, Эмили не знала, да ее это и не интересовало. Она устала от коллективной жизни. Ладила со всеми хорошо, до самого конца, и попрощалась достаточно любезно, хотя втайне раздражало каждое их слово.

Остался Виктор. Вполне симпатичный юноша. Ему было всего семнадцать, а выглядел он еще моложе. Худощавый, сутуловатый, робкий, с едва пробившимися усиками, которые Эмили очень хотелось сбрить. Когда остальные разъехались, он перенес свои одеяла в дальную спальню. Приходил ко времени еды, застенчивый, неизвестно на что надеющийся. Он им вроде сына, думала Эмили.

Денег не осталось совсем, и Эмили начала работать в «Мастерах на все руки» продавщицей. Леон нашел почасовую работу в «Тексако», заправлял машины бензином. Ну а Виктор просто занимал деньги у миссис Эппл. Деньги она ему давала, но сопровождала их нотациями. Она хотела, чтобы Виктор вернулся в школу или, по крайней мере, сдал экзамены на аттестат зрелости. И угрожала отправить его к отцу (Эмили думала поначалу, что тот давно умер). После таких разговоров Виктор слонялся по квартире, пиная ногами плинтусы. Эмили жалела его, но думала, что

миссис Эппл права. Эмили вообще не понимала, как все могло зайти столь далеко; ей казалось, что они ведут здесь какую-то бесформенную, бесхребетную жизнь.

— Если откровенно, — говорила она Виктору, — удивительно, прежде всего, что мать отпустила тебя в Нью-Йорк. Думаю, она очень… неординарная женщина.

— Для тебя — конечно, — ответил Виктор. — Чужие матери всегда кажутся такими милыми. А подойдешь поближе — сухи, занудливы и лишены чувства юмора.

Затем миссис Эппл подбросила Эмили идею. Чувствовала, наверное, что если обратиться к Виктору, то он ее автоматически отвергнет. Раз уж вы так помешались на сцене, сказала миссис Эппл, почему бы вам не играть на детских праздниках, на днях рождения? Можно поместить в газете объявление, обзавестись телефоном, взять у нее на время «Зингер» и сшить несколько костюмов. Матери будут звонить и заказывать «Красную Шапочку» или «Рапунцель»; из Эмили, при ее длинных светлых волосах, получится прекрасная Рапунцель. Она уверена, им с удовольствием станут платить приличные деньги, потому что дни рождения детей — непростое

испытание для всех родителей.

Эмили поделилась этой мыслью с другими, поскольку думала, что сама-то справиться могла бы. Перед несколькими малыми детьми она коченеть, выходя на сцену, точно не станет. Виктор сразу высказался за, а вот Леон засомневался.

— Только мы трое? — спросил он.

— Мы сможем часто менять костюмы. А если персонажей будет больше, то исполнителей всегда найдем.

— Мама может играть ведьму, — сказал Виктор.

— Ну не знаю, — сказал Леон. — Я бы, если хотите знать мое мнение, не стал называть это театральной игрой.

— Ох, Леон.

На несколько дней Эмили эту тему отставила. Просто наблюдала, как та вызревает в его голове. Он возвращался со станции «Тексако» с черными руками, оставлявшими пятна на дверных ручках и стенных выключателях, и даже после мытья чернота сохранялась в складочках кожи и под ногтями. Сидя на кухне в ожидании тунца, Леон укладывал руки на колени и осматривал ладони, а потом переворачивал и осматривал снова. И в конце концов сказал:

— Насчет детских представлений. Думаю, как временное решение они сойдут.

Эмили промолчала. Леон продолжил:

— Попробовать можно, вреда не будет, главное не увязнуть в этом надолго.

Надо сказать, Эмили с Виктором, уверенные, что Леон передумает, уже составляли планы. Они заказали телефон, который будет стоять на кухне, и его установили на следующий после капитуляции Леона день. Поместили в газетах объявление и приготовили желтый плакат, чтобы вывесить его в «Мастерах на все руки». На плакате значилось: «Рапунцель, Золушка, Красная Шапочка. Или… назовите сказку сами». («Так нам хоть тысячная труппа не понадобится», — сказал Леон.)

И стали ждать. Ничего не случилось.

Только на шестой день позвонила женщина и спросила, не дают ли они кукольные представления.

— Мне не нужна пьеса с актерами, мне нужен кукольный спектакль, — сказала она. — Дочь без ума от кукол. А обычные спектакли ей не по душе.

— Ну, к сожалению… — начала Эмили.

— В прошлом году я обратилась в «Куклы Питера», ей понравилось, они взяли тридцать два

доллара, но теперь, говорят, переехали в…

— Тридцать два доллара?

— Четыре доллара с ребенка, семеро гостей и Мелисса. Мне кажется, это недорого, а вам?

— Совсем недорого, — согласилась Эмили. — Мы берем за кукольные спектакли по пять долларов с ребенка.

— О боже, — сказала женщина. — Ладно, наверное, мы сможем обойтись без детей Макинтоша.

За две недели, которые оставались до дня рождения, Эмили, позаимствовав у миссис Эппл швейную машинку, соорудила Красавицу, двух ее сестер, отца и Чудовище, коим стала варежка из искусственного меха с пришитыми к ней глазами. «Красавицу и чудовище» она выбрала потому, что это была ее любимая сказка. Виктор сказал, что она и ему нравилась. Леону, похоже, было все равно. Для него все это явно оставалось разновидностью работы в «Тексако». Когда Эмили впервые превратила свою ладонь в Красавицу и важно прошлась перед ним, он на куклу почти и не посмотрел.

Сцену она вырезала из большого картонного ящика и купила для задника черную газовую ткань. Они с Виктором дурачились, разговаривая тоненькими голосами, под стать круглым

кукольным личикам. Сестры Красавицы пели дуэты и вальсировали на подоконнике. Леон лишь мрачно взирал на них. Он подсчитал расходы на подготовку и понял, что большая часть их заработка уже потрачена.

— Сильно мы на этом не разбогатеем, — сказал он.

— Ты подумай о следующем разе, — ответила Эмили, — к нему у нас уже все будет готово.

— Ох, Эмили, давай лучше обойдемся без следующего раза.

В день праздника, зимний, дождливый, они погрузились после полудня в машину матери Виктора и поехали на север к украшенному лепниной дому миссис Тиббет в Хоумленде. Миссис Тиббет провела их через гостиную в большую холодную «клубную» комнату, где Леон и Виктор расставили на пинг-понговом столе картонную сцену. Эмили тем временем распаковывала кукол. Затем она и Виктор изобразили, как перешептываются и хихикают две сестры, и постарались вовлечь в эту игру Леона. Ему предстояло поработать Чудовищем, которого он еще и на руку ни разу не надевал, — с сюжетом они познакомили его по пути. Леон уверял, что из всех сказок знает только «Золушку». Теперь

он не обращал на кукол никакого внимания, а беспокойно расхаживал взад-вперед, иногда останавливаясь и приподнимая штору, чтобы выглянуть в сад. Это все из-за родителей, думала Эмили. Дом напоминает ему родительский, она однажды побывала там между семестрами. Гостиная здесь тоже была оцепенелой, холодной, со светлыми коврами, на которые, похоже, никто не ступал, пустыми вазами, тикающей тишиной и обтянутыми полосатым атласом креслами, явно не предназначенными для того, чтобы на них садились дети. Даже миссис Тиббет немного походила на миссис Мередит — такая же изящная и вкрадчивая, с тронутыми сединой волосами, плотно сжатыми губами и чем-то несчастливым в голосе, хоть этого Леон мог и не расслышать. Эмили потянулась к нему, чтобы похлопать по руке, но удержалась и даже пальцы поджала.

Дверной звонок сыграл целую мелодию. «Не дом, а кафедральный собор, черт его подери», — пробормотал Леон. Появились первые гости. Мелисса Тиббет, тонколицая невзрачная девочка в синем бархате, вышла поздороваться с ними. Дети все пятилетние, заранее сообщила миссис Тиббет, ну, некоторым только-только исполнилось шесть. Достаточно маленькие, чтобы прийти

раньше времени, успев дорогой помять или еще как-то попортить свои праздничные наряды, но и достаточно большие, чтобы не цепляться со слезами на глазах за принесенные подарки. Эмили помогала разворачивать. Миссис Тиббет куда-то исчезла, а двое мужчин сочли, по-видимому, что возиться с детьми — обязанность Эмили. Она запомнила два существенных имени — главной баламутницы (Лайза) и пугливой девочки, все норовившей укрыться в каком-нибудь углу (Дженнифер). И наконец рассадила всех перед сценой.

Виктор изображал отца. Эмили — каждую из дочерей, по очереди. Укрытая задником, она никакого страха сцены не испытывала.

— Что ты хочешь, чтобы я привез тебе, доченька? — проскрипел Виктор.

— Привези мне ларчик с жемчугами, — тоненько пропищала Эмили.

Леон закатил глаза к потолку.

— Что ты хочешь, чтобы я привез *тебе*, Красавица?

— Только розу, отец. Одну прекрасную розу.

Она различала сквозь задник очертания детских лиц. Дети слушают, но им не сидится на месте, думала она. И нервничала. Ей казалось, что

спектакль того и гляди сорвется. Во время длинной сцены — отец бродит один по дворцу — она увидела расплывчатый силуэт миссис Тиббет, та вошла и стала наблюдать за происходящим. Как неудачно, явилась во время самой скучной части.

— О, для меня здесь стол накрыт, какая дивная еда, — произнес отец. — И глянь-ка: прекрасная золотая кровать с атласными простынями. Хотел бы я знать, кому все это принадлежит.

Миссис Тиббет перенесла вес тела с одной ноги на другую.

И тут появилось Чудовище. Эмили ожидала, что оно будет рычать, однако Чудовище удивило ее, заговорив глубоким, раскатистым голосом и временами пофыркивая.

— Это кто же сожрал всю мою еду? — грустно поинтересовалось оно. — И кто спал в моей постели? — О господи, подумала Эмили, не допусти, чтобы он перепутал эту сказку со «Златовлаской». А Чудовище простонало: — В моей прелестной постели с атласным бельем, от которого прическа не мнется!

Дети засмеялись.

Зрители. Она увидела: Леон понял. Увидела, как Чудовище подняло косматую голову и устремило

взгляд на детей. Теперь их очертания замерли, шеи вытянулись вперед.

— А *вы* знаете, кто это был? — спросило Чудовище.

— Он! — закричали, указывая, дети.

— Что вы говорите?

— Отец! Он!

Чудовище медленно повернулось.

— Ага! — сказало оно, и кукла отца съежилась, как будто ее опалило горячее дыхание Чудовища.

После представления горничная принесла торт и пунш, но дети были слишком заняты куклами и есть не стали. Эмили показала им, как управлять ртом Чудовища, и заставила Красавицу спеть Мелиссе «С днем рожденья тебя». Миссис Тиббет сказала:

— Сегодняшний спектакль был намного лучше прошлогоднего «Панча и Джуди».

— «Панча и Джуди» мы не играем, — серьезно ответил Леон. — Там слишком много гротеска. Мы отдаем предпочтение сказкам.

— Я только одного не поняла, — сказала миссис Тиббет.

— Чего?

— Ну, насчет Чудовища. Оно так и не преврати-

лось в принца.

Леон оглянулся на Эмили.

— Принца? — переспросила та.

— У вас она долго и счастливо жила с Чудовищем. Но в сказке же *не так*, в сказке оно изменяется. Красавица говорит, что любит его, и оно превращается в принца.

— О. — Теперь Эмили все вспомнила. И как ее угораздило забыть? — уму непостижимо. — Ну…

— Наверное, это потребовало бы слишком много кукол.

— Дело не в этом, — возразила Эмили, — просто мы используем более аутентичный текст.

— О, понимаю, — кивнула миссис Тиббет.

3

К весне они уже показывали один-два кукольных спектакля в неделю, сначала у знакомых миссис Тиббет, потом у знакомых этих знакомых. По-видимому, в Балтиморе молва значила многое. Они зарабатывали достаточно, чтобы начать платить миссис Эппл за жилье и чтобы Леон оставил бензоколонку в «Тексако». Эмили продолжала работать в «Мастерах на все руки», но лишь потому, что ей там нравилось, однако денег она теперь выручала почти в два раза больше, выставляя на продажу кукол, которых делала в дополнение к необходимым для представлений. Постепенно они стали получать приглашения на школьные ярмарки и церковные мероприятия по сбору средств. Однажды Эмили пришлось просидеть ночь напролет, торопливо сметывая крошечные библейские костюмы. Частная школа пригласила их дать представление, посвященное гигиене зубов. «Гигиене зубов? — спросила у Леона Эмили. — Что о ней можно сказать?» Однако Леон придумал персонажа по имени Помойный Роток, дурного мальчишку, который объедался конфетами, смачивал, чтобы обмануть свою

маму, зубную щетку под краном, а зубную нить использовал как скакалку. Кончил он, разумеется, плохо, но детям понравился. На следующей неделе приглашения поступили еще из двух школ, а модный детский дантист заплатил им пятьдесят долларов за утреннее субботнее выступление, на которое он собрал двадцать своих особо халатных пациентов с матерями, заплатившими (как потом узнала Эмили) по двадцать пять долларов за себя и ребенка.

Своим успехом они были обязаны главным образом Леону. Он по-прежнему ворчал перед каждым представлением, однако на деле с самого начала знал, что им нужно: достойные, эксцентричные персонажи (без писклявых голосов) и самое активное участие зрителей. Его герои без конца что-нибудь теряли, удивлялись, куда что подевалось, и дети в буйном восторге указывали им на промахи; эти разини вечно не замечали очевидного, и приходилось им все объяснять. Эмили же больше всего интересовали сами куклы. Ей нравилось придумывать их, нравилось шить им одежду и подыскивать для них аксессуары. Она любила мгновение, в которое кукла словно бы оживала, — обычно это происходило после того, как ей пришивали глаза. Единож-

ды изготовленная, кукла, обнаружила Эмили, обзаводилась явственной личностью. Изменить ее или затушевать было нельзя, как нельзя было и повторить. Если куклу непоправимо повреждали — или крали, что также временами случалось, — Эмили могла лишь сделать для ее роли новую, точно такая же не получалась никогда.

Леон находил это нелепым.

Эмили считала, что люди делятся на две категории: создателей и исполнителей. Она была создательницей, Леон — исполнителем. Она сидела дома и делала кукол, Леон, талантливый и деятельный, выходил с ними на сцену. Правда, она тоже наделяла героинь своим голосом, но лишь вынужденно, в силу обстоятельств.

Виктор не был ни создателем, ни исполнителем, или был и тем и другим, или застрял где-то посередке между ними, или… С Виктором что-то происходило, но что? Сначала он притих и выдерживал паузу, перед тем как ответить на что-либо, сказанное Эмили, словно ему приходилось отвлекаться от неких более важных размышлений. Он тоскливо бродил по квартире, печально смотрел, поглаживая усики, на Эмили. Когда она поинтересовалась, чем он расстроен, Виктор ответил,

что не в том году родился.

— Как это? — спросила Эмили, подумав, что он, похоже, увлекся какой-то разновидностью астрологии. — Не все ли равно, в каком году родиться?

— А тебя такие мысли не беспокоят?

— С чего бы?

Он кивнул и как будто сглотнул что-то.

В тот вечер за ужином он отодвинул свою тарелку с тушеной фасолью, встал и объявил:

— Я должен вам что-то сказать.

Мебели у них все еще не было, и ел он, сидя на подоконнике. И теперь стоял перед окном, словно в раме из оранжевого заката, и им, сидевшим на полу, пришлось щуриться, глядя на него. Виктор переплел пальцы, размял их так, что защелкали костяшки.

— Я никогда не действовал исподтишка. Я хочу сказать, Леон, что люблю Эмили.

— Да? — отозвался Леон.

— Не буду ходить вокруг да около. По-моему, ты ей не подходишь. Ты такой брюзга. Всегда такой сердитый, а она такая… несердитая. Ты считаешь ее кукол ерундой, лишней возней, чем-то навязанным тебе на время, до того, как ты займешься своим настоящим делом, игрой на сцене. Но если ты актер, почему не играешь? Разве в городе нет

театральных трупп? Я знаю почему: когда ты пошел на прослушивание, то поругался с этим, как его, Бронсоном, Брансоном. Ты же всегда со всеми ругаешься. А попробоваться в пьесе Чехова ты не можешь, потому что в ней играет Барри Мэй, и он рассказал всем, что ты собой представляешь. Но ты все равно называешь себя актером, только тебе не дают ходу, не дают развернуться, вот и приходится тратить свои таланты здесь, когда ты мог бы делать совсем другое. Но *что* другое-то?

Леон перестал жевать. У Эмили стеснило грудь. Виктор был мельче Леона и до того молод и мягок, что не смог бы ответить ударом на удар. Эмили представила, как он съежится у окна, прикрывая руками голову, но не знала, как предотвратить драку.

— Я понимаю, что Эмили старше меня, — продолжал Виктор, — но я смог бы заботиться о ней гораздо лучше, чем ты. Я лучше обходился бы с ней, ценил бы ее, если хочешь знать, я бы целыми днями любовался ею. Мы с ней жили бы настоящей жизнью, не такой, как нынешняя — она гнет спину над швейной машинкой, а ты сидишь в углу, о чем-то думаешь и не обращаешь на нее никакого внимания, вынашиваешь никому не известные обиды… Так вот, говорю прямо: я хочу

забрать у тебя Эмили.

Леон повернулся к ней, и Эмили увидела, что он вовсе не сердит, но спокоен, позабавлен и улыбается добродушной, снисходительной улыбкой.

— Ну что, Эмили? — спросил он. — Ты хочешь уйти к Виктору?

И она вдруг почувствовала себя разбитой.

— Спасибо, Виктор, — сказала она, сжимая ладони. — Ты очень мил, но мне и так хорошо, спасибо.

— О, — выдавил Виктор.

— Я благодарна тебе за заботу.

— Ладно, — сказал он, — я просто хотел, чтобы все было ясно.

Он присел на подоконник и взял с него тарелку с фасолью.

А на следующее утро исчез — и сам Виктор Эппл, и его одеяла, и брезентовый рюкзак, и картонная коробка с долгоиграющими пластинками. Он даже с матерью не попрощался. Что же, это стало облегчением — в своем роде. После такого разговора вести себя естественно оказалось бы трудно. Да и Эмили с Леоном пора было зажить самостоятельно. Все-таки супружеская пара, а они уже и вправду стали ощущать себя парой. Эмили начала подумывать о ребенке. Леон детей

не хотел, но со временем согласился бы. Теперь они могли превратить комнату Виктора в мастерскую, а после отвести ее ребенку. В общем, им повезло, что Виктор ушел.

Эмили не нравилось только, что его лесной, сумеречный запах долго еще стоял в опустевшей комнате.

Нечто подобное происходило в жизни Эмили не один раз. Мужчины вроде бы привязывались к ней, но не к ней самой, думала она. Им нравились их представления о ней. Она помнила юношу, которого встречала на занятиях по логике, — он посылал ей записки с просьбами распускать для него волосы. Ее волосы — масса мертвых клеток, никакого отношения к ней самой не имеющих. «Думай о них как о длинных и тонких ногтях», — холодно писала она в ответ. Эмили не нравилось, когда ее так вот оценивали со стороны — девушка со светлыми волосами, девушка со старомодным лицом. В Нью-Йорке один мужчина пристрастился что ни вечер заявляться, чтобы поесть, в ресторан, где она работала, и каждый раз, как она хотя бы проходила мимо его столика, принимался рассказывать о своей бывшей жене, которая тоже заплетала косы и укладывала их на макушке. Это была история с продолжением.

Эмили приносила заказанный им рулет, и он говорил: «Во время нашего второго свидания мы пошли в зоопарк». Она доливала ему в чашку кофе и слышала: «Я совершенно уверен, что на первых порах она меня любила». Через пару недель он перестал появляться, но забыть о его бывшей жене Эмили так и не смогла. Та была ее вторым «я», они поняли бы друг дружку, однако эта женщина улизнула и оставила Эмили отдуваться за нее. Теперь же, вспоминая Виктора, Эмили силилась понять, кто у него был на уме. Не она сама, в этом сомнений нет, — не женщина в старой одежде с прилипшими пушинками, та, что топталась поблизости, подыскивая носы для кукол. Какая-то другая, которая выглядела как Эмили, но могла впустить в свою жизнь большее число людей. Бедный Виктор! Какая жалость, думала Эмили. И удивлялась, как сильно скучает по нему. Вообразить себя любящей кого-то, кроме Леона, она не могла, однако, заканчивая куклу, мечтая, чтобы кто-нибудь опробовал ее, Эмили думала о Викторе и о писклявых дуэтах с ним. Она вспоминала, как сестры Красавицы скоморошничали на том первом дне рождения, пока Леон расхаживал рядом.

С Леоном не очень-то поскоморошничаешь.

4

Она натянула на Гину майку, розовые вельветовые ползунки, зимний комбинезон. Застегнула красные ботиночки. Гине не терпелось очутиться на улице.

— Мы покачаемся на качелях? — спросила она.

— Не сегодня, лапушка.

— Я хочу на качелях покачаться.

— Может быть, завтра.

— А *почему* не сегодня?

Ей уже почти исполнилось два года. Эти ужасные двухлетки: они норовят все делать по-своему. Впрочем, о Гине такое можно было сказать в любом возрасте. Каким-то образом это малое дитя ухитрялось загонять родителей, и под вечер оба едва не валились от усталости с ног. Наверное, они что-то неправильно делали. Другим людям так туго вроде бы не приходилось.

Эмили надела пальто, повязала голову шарфом. Стоял промозглый февральский день, даже в квартире было холодно. Она заглянула на кухню, чтобы попрощаться с Леоном. Он сидел за выщербленным эмалированным столом, купленным в «Гудвилле», и читал «Виллидж войс».

— Леон? Я иду гулять с Гиной.

— Пойти с вами?

— Нет. Мы ненадолго.

Он кивнул и снова уткнулся в газету. Эмили вывела Гину из квартиры. Они спустились по скрипучей лестнице, миновали вход в «Мастера на все руки», стеклянную парадную дверь дома. Эмили проверила — как там прачечная на другой стороне улицы? Никого не видно. Она взяла Гину на руки и пошла к Бикон-авеню. Гина вертелась, ей хотелось на землю, она предпочитала ходить на своих двоих, а это могло занять целый день. Девочка была уже такой тяжеленькой, что удерживать ее было непросто. Эмили шла быстрее, чем намеревалась, — вес наклонившейся вперед Гины словно тянул ее за собой.

В кафетерий «И-Зет» они пришли на пять минут раньше условленного времени, однако мать Леона уже ждала их, сидя со скрещенными на сумочке руками за самым приметным столиком. Увидев Эмили — вернее, увидев Гину, — она словно раскрылась — как цветок. Лицо приподнялось, руки расправились, перья на шляпке дрогнули.

— Ах! — воскликнула она. И встала, и приложилась щекой к щеке Эмили. — Я думала, вы не придете. Не знала, захочется ли вам выводить ее

на улицу в такую погоду.

— Да нет, я ее во всякую вывожу, — сказала Эмили.

Миссис Мередит устроила Гину в высоком стульчике, который загодя подкатила к столику, и проворковала:

— Девочка не озябла? Личико не замерзло?

Она распаковала Гину, точно покупку, пригладила ее густые темные волосы.

— Волосики совсем как у Леона, — сказала она. (Она всегда это говорила.) — И посмотрите, как она выросла. Всего за один месяц стала такой большой, что я бы ее и не узнала. Хотя, конечно, ее я всюду узнаю, — добавила, противореча себе, миссис Мередит.

Гина задумчиво смотрела на нее. В присутствии бабушки она всегда притихала.

Кафетерий «И-Зет» был отнюдь не в духе миссис Мередит, зато позволял легко управляться с Гиной. Они могли встать, подкатив ее на стуле, в очередь за едой, не заказывая ничего за столиком, а это давало возможность сразу уйти, если девочка закапризничает. Им потребовалось время, чтобы остановиться на этом заведении. Начали-то они — по предложению миссис Мередит — с «Элмвуда», ресторанчика под Таусоном,

куда Эмили приходилось добираться автобусом. Единственный известный миссис Мередит балтиморский ресторан. И, по правде сказать, в тот раз она понятия не имела, что приглашает на ланч не только Эмили, но и внучку.

А произошло все так: выйдя замуж, Эмили, естественно, сообщила об этом проживавшей в Тэйни тете Мерсер. Сообщение тетю Мерсер не порадовало, однако она постаралась вести себя наилучшим образом. Написала на своей плотной писчей бумаге с серебристым кантом, пахнувшей так, точно последние десять лет пролежала в подвале, письмо, в коем осведомилась, кто таков юный Мередит. *Как зовут его папу? Возможно ли, что я знаю кого-нибудь из его родни? Он случаем не из нэшвиллских ли Мередитов?* А получив ответ, тетя, разумеется, сочла себя обязанной написать родителям Леона, надо же было познакомиться с ними. После чего Леон получил от матери письмо, посланное на его нью-йоркский адрес: *Мистеру Леону Мередиту*. Имя Эмили на конверте не значилось. Леон выбросил его, не вскрывая. «Ох, Леон!» — сказала Эмили. Конечно, в присутствии его родителей ей было не по себе, но нельзя же просто взять и отказаться от своих единственных родственников. А Леон сказал:

«Я тебе говорил, не пиши тете. Говорил же». И письмо осталось валяться в мусорной корзине.

Они перебрались в Балтимор, однако письма последовали за ними, поскольку все, что требовалось матери Леона, — это узнавать у тети Мерсер новый адрес сына. Леон продолжал выбрасывать их. Возможно, со временем он и вскрыл бы одно (не могло же это продолжаться вечно, правда?), но тут Мередиты совершили нечто непростительное. Сообщили его новый адрес призывной комиссии.

Не из жестокости, в этом Эмили не сомневалась, однако Леон именно так и думал. «Вот тебе мои родители, — сказал он. — Они предпочитают, чтобы я подох в джунглях, чем счастливо жил без них». И продолжал клясть их даже после того, как был признан непригодным к военной службе. Оказалось, что одна его нога на полтора дюйма короче другой — результат детского перелома бедренной кости. Почему-то никто этого не замечал. С осмотра он вернулся, болезненно прихрамывая, и сказал Эмили: «Я свободен, но никогда не забуду, что они пытались со мной сделать». И по-прежнему выбрасывал письма.

Если бы на конвертах появлялось имя Эмили, она бы их вскрывала. Она уже была беременна,

и ей очень не хватало матери. На тетю Мерсер рассчитывать не приходилось, та лишь писала неразборчивым твердым почерком: *Крокусы в этом году зацвели поздно, а луковицы подснежников попорчены грызунами*, а миссис Эппл сочувствовала Эмили, однако о собственных родах ничего не помнила. «Наверное, меня усыпили, — говорила она. — Бывают же роды под анестезией, так? На самом деле я, может, все девять месяцев проспала». Эмили мечтала, что миссис Мередит вдруг объявится лично, чудесно округлая, источающая материнскую заботливость, и посадит ее себе на колени, и она снова почувствует себя чьей-то дочерью. Не объявилась.

А через три месяца после рождения Гины пришло то письмо: *Миссис Леон Мередит*. Надо же, как долго она раздумывала, удивилась Эмили. Она ушла с письмом в ванную комнату, заперлась там, чтобы прочитать его. *Я знаю, это наверняка вы не подпускаете к нам нашего мальчика. Я с самого начала поняла, какая вы холодная. Но он — единственный наш ребенок. Подумайте, что мы должны чувствовать*.

Эмили остолбенела. Как может человек быть настолько несправедливым? Глаза ее затуманились, кирпичная стена за окном как будто

замерцала.

Почему вы так решили? — написала она в ответ. — *Я к этому отношения не имею, я ничего не знаю. Это ваши с Леоном дела.*

Мать Леона ответила: *Мне кажется, вы на что-то обиделись. Прошу вас, не могли бы мы начать все заново? Давайте встретимся в среду, в полдень, в «Элмвуде».*

Встречаться с ней Эмили не хотелось. А хотелось изорвать это письмо в клочья. Она посмотрела на Гину, которая лежала, гукая, в своей картонной коробке, попыталась представить, как Гина делает что-то — выходит замуж за человека совсем уж несусветного, убивает кого-нибудь, — что-то, способное с корнем вырвать ее из жизни матери, как Леон вырвал себя из жизни родителей. И не смогла. Она этого попросту не допустит. Гина была важнее всего на свете, даже чувства, которые Эмили питала к Леону, бледнели в сравнении с любовью к дочери. Она разгладила письмо у себя на коленях и увидела застывшее, напудренное лицо миссис Мередит, брови, выщипанные до такой тонкости, что походили на изогнутые проволочки, веки под ними, всегда немного припухлые, отчего казалось, что она вот-вот заплачет.

Существуют определенные правила — так учили Эмили. Хотя бы в этот, единственный, раз они должны встретиться.

Миссис Мередит приехала в такси — из самого Ричмонда. По-видимому, водить она не умела и просто наняла машину на весь день. Водитель сидел за соседним столиком, намазывая крекер мармеладом и читая мужской журнал. Перед ожидавшей миссис Мередит стоял запотелый мартини. Спина у нее была на редкость прямая. Эмили вошла, Гина ехала на ней, как любила в те дни — перекинувшись через предплечье матери, упираясь попкой в ее бедро и мрачно глядя на свои босые ступни. «Ох!» — вскрикнула миссис Мередит, и рука ее взлетела к горлу, опрокинув попутно бокал с мартини на колени.

Вспоминая о той встрече, Эмили думала, что вообще-то ей следовало предупредить миссис Мередит. Как-то слишком театрально у нее получилось: влетела в ресторан с необъявленной внучкой на руках. Такое мог проделать скорее уж Леон. По-видимому, она переняла некоторые его качества. И по-видимому, он перенял кое-какие из ее. (Например, о том, что нужно пробиваться дальше, он теперь говорил редко.) Это напоминало Эмили случаи на парковке, когда одна машина

цепляет крылом другую. Ее всегда удивляло, что после этого на крыле каждой остается след краски другой машины, а казалось бы, след должен был появиться лишь на одном. Машины словно обменивались красками.

Она попыталась рассказать о том ланче Леону. Начала издалека:

— Знаешь, твоя мать стала писать *мне*.

Однако Леон отрезал:

— Эмили, я не хочу слышать об этом и не хочу, чтобы ты в этом участвовала. Понятно?

— Хорошо, Леон, — сказала Эмили.

И, как ни странно, миссис Мередит такое положение вроде бы тоже устраивало. Казалось, ей нужна только связь с сыном, а через кого — не столь уж и важно. Ей нравилось слушать рассказы Эмили о Леоне. Он помогает ухаживать за Гиной?

— Леон гуляет с ней вечерами и присматривает за ней, пока я работаю в магазине, — рассказывала Эмили, — но все еще не может заставить себя сменить ей пеленку.

— Совершенно как Берт, — говорила миссис Мередит. — Ну в точности!

Однако узнать об их жизни больше этого она не пыталась. Возможно, так ей было спокойнее. Она

часто отвлекалась на рассказы о детстве Леона, о времени, когда он был ей понятен.

— Он был таким красивым младенцем, — начинала миссис Мередит. — Все нянечки так говорили. Ребенка красивее они сроду не видели! Глазам не могли поверить!

Почему-то все ее рассказы становились словно бы неуправляемыми.

— Даже врачи забегали, чтобы посмотреть на него. Один, хирург-кардиолог, пришел прямо с операции, очень хотел его увидеть. «Миссис Мередит, — сказал он, — такого красивого ребенка я в жизни не видал. Да, сэр, мы еще услышим об этом молодом человеке. Он обязательно чем-то прославится!» И позвонил жене, я слышала, как он разговаривал с ней в коридоре. «Ты должна увидеть малыша, который у нас родился! Обязательно!»

Еще немного, думала Эмили, и в родильной палате вспыхнет звезда. Она начинала понимать, почему мать так раздражала Леона. Нарумяненное лицо миссис Мередит, вглядывавшейся в мальчика, которого никто больше увидеть не мог, создавало впечатление, что она умышленно и упрямо отгораживается от всех.

На самом деле она раздражала и Эмили —

эти ланчи не доставляли ей удовольствия и ни малейшей приязни к миссис Мередит не внушали. Пересказывая какие-то новости — и даже разговаривая в присутствии миссис Мередит с Гиной, — Эмили улавливала в своем голосе утрированные интонации, нимало ей не свойственные. Эмили понимала: что бы она ни говорила, оправдать былые надежды миссис Мередит ей все равно не удастся. Но что ей оставалось делать? На следующий же день после ланча в «Элмвуде» миссис Мередит начала брать уроки вождения. А через месяц обзавелась и правами, и новеньким «бьюиком», на котором приехала из Ричмонда в Балтимор, даром что, по словам миссис Мередит, многополосные шоссе пугали ее до смерти, как и скорость выше тридцати миль в час. И когда она позвонила из телефонной будки на углу, неподалеку от их дома, и, задыхаясь, сообщила: «У меня получилось! Я здесь и могу отвезти вас на ланч», не могла же Эмили сказать: «Нет, спасибо» — и повесить трубку.

Они установили расписание: первая среда каждого месяца. Леону Эмили об этом не сказала. Она понимала, что рано или поздно скажет Гина. Поскольку девочка уже научилась говорить, это было всего лишь вопросом времени. «Когда мы с

бабушкой ели…» — начнет она, и Леон спросит: «Вы — с *кем*?» После чего разверзнется ад. Пока же Эмили покорно ходила на ланчи и, сосредоточенно хмурясь, слушала миссис Мередит.

Один раз появился и мистер Мередит. Малышка, похоже, привела его в недоумение. Он предоставил жене вести разговор, а сам оглядывал плохо одетых стариков, хлебавших в «И-Зет» суп. Но в конце концов спросил:

— Так где сейчас мой пресловутый сын?

— Он… дома, очень занят, — ответила Эмили.

— Можете вы поверить, что когда-то он был размером с эту крошку? — спросил мистер Мередит, указав подбородком на Гину. — Я его мог на ладони носить. А теперь мы с ним не разговариваем.

— Берт, — произнесла миссис Мередит.

— Он всегда умел резко рвать отношения.

А когда пришло время прощаться, мистер Мередит спросил у Эмили, есть ли у нее вся необходимая оснастка.

— Оснастка? — удивилась она.

— Ну да. Сами знаете.

Может быть, он имел в виду, в своем ли она была уме, выходя за его сына?

Однако мистер Мередит уточнил:

— Кроватка, манеж, высокий стульчик, ко-

ляска…

— А. Нам это ни к чему, — ответила Эмили. — Она спит в картонной коробке. Ей там удобно.

— Я пришлю вам кроватку, — сказал мистер Мередит.

— Нет, мистер Мередит, прошу вас, не надо.

— Завтра же и пришлю. Подумать только! В картонной коробке! — И пошел, покачивая головой, к двери кафетерия. Выглядел он довольным — как будто исполнились все *его* ожидания до единого.

Так появилась кроватка — белая, на колесиках, с тонким пологом в мелких дырочках. Эмили о подобной глупости и не слышала никогда. Двое грузчиков, пыхтя, затащили кровать на верхний этаж и прислонили, несобранную, к стене коридора. Эмили сунула палец в упаковку и потрогала дырчатый полог. А следом появился Леон, перебрасывавший из руки в руку кочан капусты, за которым Эмили попросила его сходить на рынок.

— Это еще что? — спросил он.

— Подарок твоих родителей, — ответила Эмили.

Он на шаг отступил от кроватки.

— Леон, раз уж мы заговорили об этом, я должна

тебе кое-что сказать.

Продолжить он ей не дал:

— Я не хочу ничего слышать, не хочу ничего знать, я хочу, чтобы к моему возвращению это чудище исчезло отсюда.

После чего развернулся и ушел и кочан с собой унес.

Эмили обдумывала все это, пока готовила Гине на ужин банановое пюре и кормила ее, время от времени рассеянно отправляя ложку и в свой рот. Потом выглянула из кухни в коридор, где стояла, по-прежнему прислонившись к стене, кроватка. Гине тогда было уже полгода, из картонной коробки она выросла и все чаще спала с родителями, пожевывая во сне грудь матери. Совсем неплохо будет иметь для нее безопасное пристанище, подумала Эмили. Она сняла с подбородка Гины кусочек банана и вернула его в рот дочери. И пошла еще раз посмотреть на кроватку.

Когда Леон возвратился, кроватка так и стояла в коридоре, однако он ни слова о ней не сказал. Может быть, и он все обдумал. На следующий день Эмили приступила к сборке. Соединила две детали и на время оставила их, как будто кроватка была чем-то требующим неторопливой возни — кроссвордом, вышивкой. Затем вернулась к ней,

затянула винт, полистала инструкцию. И за несколько дней сборку закончила. Глупо было оставлять кроватку стоять поперек коридора, и Эмили откатила ее в спальню. Эффект вышел ошеломительный: белизна кроватки обратила спальню во что-то тускло-серое, а лежавшие на полу матрасы стали казаться комковатыми, раздавленными.

Она вернулась за Гиной в коридор, перенесла ее в спальню, усадила в кроватку. Гина оглядела оборки полога, переводные картинки, прутья стенок. «Какой ужас, — казалось, говорила она. — Как это я умудрилась попасть в заключение?»

Так все и шло, потихоньку да полегоньку. Подобные штуки мало-помалу берут человека измором.

5

Девочка изменила их жизнь до неузнаваемости. Можно было подумать, что существо столь малое просто заполнит в ней пару свободных ниш, а дальше все пойдет как прежде, — ничего подобного. С самого начала она словно поглощала родителей. Даже в младенчестве Гина была напористо общительной, шумной, полной энтузиазма, вечно бодрствующей, задремывала она редко и все время пыталась встать на ноги. На ночь они укладывали ее ничком, и голова ее немедля приподнималась, шатко покачиваясь, а глаза распахивались так широко, что лоб становился будто гофрированным. Ей нравилось, когда с ней разговаривали, когда ей пели, подбрасывали ее в воздух. А подросши, она влюбилась в волка из «Красной Шапочки», пришлось отдать эту куклу ей. И если она вообще спала, то с прижатым к щеке волком, сонно покручивая его красный войлочный язык. Тот периодически отваливался, и тогда Гина приходила в совершенное отчаяние — плакала, цеплялась за Эмили, пока она не пришивала язык обратно. А еще девочка не любила отпускать родителей от себя. Жившая

по другую сторону их лестничной площадки Ханна Майлз всегда была рада посидеть с ней, но каждый раз, как Эмили и Леон собирались куда-нибудь уйти, Гина плакала так, точно у нее сердце разрывалось, и Эмили приходилось оставаться. Если же Леон упорствовал, она все-таки шла с ним, но мысленно была с Гиной и, пока они сидели в кино или где-то еще, беспокойно ерзала, застегивая и расстегивая плащ и не слыша ни слова. В итоге Леон начинал сердиться, они ссорились, затея с выходом из дому шла насмарку, а затем, возвращаясь домой, видели и не думавшую спать Гину, которая, улыбаясь, разглядывала с Ханной книжки — в одиннадцать, а то и в двенадцать ночи — и возвращения родителей словно не замечала.

Конечно, Эмили с Леоном никогда не задавались вопросом, стоит ли она таких усилий. Вокруг Гины вращалась вся их жизнь. Они могли бесконечно восхищаться ее маленьким, холодным носиком, пухлыми, в складках пальчиками или совершенной формы губами. Когда же девочка наконец засыпала, квартира делалась без ее неистовой живости как будто необитаемой. Эмили слонялась по комнатам, не зная, чем себя занять, хотя весь день ей хотелось сделать

столь многое, а возможности хотя бы начать не было. Она только диву давалась, как им удалось породить подобное дитя. Сама Эмили всегда была такой тихой, готовой всем угодить; в Леоне ощущалась пылкость Гины, но не было ее веселого добродушия. Откуда оно взялось? Эльфы ее подменили, что ли? Она явилась на свет с качествами, которыми ее родители не обладали. Это дитя гномов, не их.

Он стоял в двери прачечной — шляпа опущена почти на глаза — и, когда они проходили мимо, отступал в темноту. Временами шляпа была остроконечной, временами плоской, временами широкополой. Иногда он выглядел постаревшим, ослабшим, словно распадавшимся, как это бывает с некоторыми людьми; однажды они увидели на нем очки в золотой оправе, а потом он так коротко подстриг бороду, что казалось, словно просто забыл побриться. И вдруг вернулся чудотворно помолодевшим, без очков, с пышной бородой. Случалось, что он утрачивал сходство с гномом и обращался в носатого, видного собой господина в костюме настолько аккуратном, что можно было подумать, будто кто-то его специально приодел. Иной раз он появлялся на кукольных представлениях и вовсе не выглядел

там неуместно. Походка его, которую они узнали бы мгновенно, словно принадлежала человеку более молодому — бесшабашная, стремительная поступь, почти пробежка, ноги приподнимаются, сгибаясь в коленях, и опускаются на подушечки ступней. А как-то они увидели, что он медленно, со смиренной осторожностью пожившего человека выступает из магазина поношенной одежды; волосы он в то время отпустил до неуместной длины, беспорядочные, растрепанные, они жалостно свисали ниже воротника. В Рождество Леон вроде бы заметил его на спектакле аж под самым Вашингтоном; впрочем, сказал Леон, это мог быть и кто-то всего лишь похожий на него. Однако немного позже Леон признался, что думать, будто это не он, было глупо (в конце концов, он где только не возникал) — невозможно даже вообразить, что в каком угодно месте и в какое угодно время может обнаружиться человек, хотя бы отдаленно похожий на Моргана.

1971

1

Старшая дочь Моргана выходила замуж. Он узнавал об этом словно по частям, никто ему ничего не говорил. Он знал только, что в течение нескольких месяцев в их дом все чаще и чаще приходил молодой человек, которому в скором времени и место за столом отвели, и Бонни стала советоваться с ним, как с прочими членами семьи, насчет того, в какой цвет покрасить стены прихожей. Звали его Джимом. У него было плоское бежевое лицо манекена из универсального магазина, кроме того, он питал чрезмерное пристрастие к свитерам с низким воротом. О чем с ним разговаривать, Морган придумать не смог. Он смотрел на этого малого, и его понемногу охватывала странная апатия. Его поразила мысль: сколь немногое в этом мире стоит усилий, которых требуют разговоры — возня с грамматикой и произношением, настройка голоса на достаточную громкость.

Потом Эми пристрастилась начинать каждое предложение с «мы». *Мы* думаем то, *мы* надеемся на это. И наконец: когда *мы* будем чуть больше зарабатывать; когда *мы* найдем хорошую квар-

тиру; когда *у нас* появятся дети… Все это просто прокралось, если можно так выразиться, в жизнь Моргана. Без каких-либо официальных извещений. И как-то в субботу после полудня Бонни спросила у Моргана, не кажется ли ему, что их задний двор маловат для приема.

— Приема? — переспросил Морган.

— Дело не только в размерах, но и в погоде, — продолжала Бонни. — А вдруг дождь пойдет? Сам знаешь, какая в апреле бывает погода.

— Так ведь еще только март, — ответил Морган.

— Надо будет сесть сегодня вечером и все обсудить, — сказала Бонни.

Пришлось Моргану отправиться к своему гардеробу и выбрать подходящий наряд — костюм в тонкую полоску, присвоенный им после смерти отца Бонни. Пиджак был, пожалуй, широковат в плечах, однако Морган вроде бы помнил, что, когда он просил у мистера Каллена разрешения жениться на Бонни, будущий тесть был именно в этом костюме. А уж ониксовые запонки на нем были точно. Морган нашел их в глубине выдвижного ящика и долго с ними возился, пропихивая в прорези гладких накрахмаленных манжет своей единственной рассчитанной на запонки

сорочки.

Но когда они вчетвером уселись, чтобы все обсудить, у Моргана никто его мнения не спросил, ни разу. Разговор шел исключительно о еде. Обратиться ли к рестораторам или лучше приготовить все самим? Эми считала, что с рестораторами будет проще, а Джим предпочитал домашнюю еду. После стольких съеденных им здесь ужинов Моргана это удивило. Искусной стряпухой Бонни отнюдь не была, она все больше напирала на херес — добавляла его к любому блюду, которому хотела придать пикантность. Все, что они ели, почти все отдавало приемом с коктейлями где-нибудь в штате Нью-Йорк.

Морган сидел в кресле-качалке и копался в бороде, разделяя ее на пряди. «Если я сейчас встану и уйду, — говорил он себе, — никто этого, пожалуй, и не заметит» — и перебирал свои давние обиды. Например, как-то Бонни забыла известить его об одной из своих беременностей. Она в тот раз ожидала Лиз, а может быть, Молли. Бонни всегда уверяла, что он ошибся, конечно же, она ему сказала и ясно это помнит. Но Моргану-то было виднее. Он подозревал даже, что не сказала нарочно — в то время он сильно серчал на нее за наплевательское отношение к проти-

возачаточным мерам. Морган достоверно знал: первым признаком беременности Бонни было ее утреннее появление на кухне в просторной синей рубашке из шамбре, которую она всегда носила в ожидании ребенка. Скажи она, так Морган уж наверняка запомнил бы.

— Эми спускается по лестнице, — говорила между тем Бонни. По-видимому, они уже приступили к обсуждению церемонии. — Отец встретит ее внизу и выведет в середину гостиной.

— Папочка, только пообещай, что не наденешь шляпу, — попросила Эми.

Морган покачивался вместе с креслом, теребил бороду и размышлял о высоком черном цилиндре, который он купит для такого случая — для исполнения роли отца невесты. Он даже знал, где этот цилиндр искать — в магазине «Том Смокинг: Недорогая одежда для торжеств». И на душе у него немного полегчало.

Однако позже, когда Джим ушел, Морган вновь загрустил. Он думал о том, каким лучезарным ребенком была маленькая Эми. Вспоминал о спадавших ей на уши больших локонах — издали казалось, что на голове у нее голландский чепец. Вот эту девочку в чепце он и оплакивает, думал Морган, а не нынешнюю Эми, двадцати-

однолетнюю ухватистую секретаршу страховой компании. Он вспомнил, как тревожился когда-то о ее безопасности. Родителем он был куда более беспокойным, чем Бонни.

— Знаешь, — сказал он Бонни, — я ведь был уверен, что кто-нибудь из наших девочек умрет. Или все они, я и это мог вообразить. Я так боялся, что они попадут под машину, или заболеют полиомиелитом, или их похитят. Предупреждал, что, переходя улицу, надо сначала посмотреть в обе стороны, что нельзя бегать с ножницами в руках, играть с веревками, или ножами, или остро заточенными палочками. А ты говорила: успокойся. Помнишь? А теперь посмотри: они в конце концов как будто и вправду умерли. Эти смешные маленькие пухленькие карапузы, Эми в ползунках, — они мертвы, верно? Мертвы. Я все-таки был прав. Только произошло все медленнее, чем я предвидел.

— Ну, голубчик, это же естественное течение жизни, — ответила Бонни.

Морган смотрел на жену. Она сидела за кухонным столом, составляя список свадебных гостей. На стене за ней располагалось нечто похожее на вешалку для шляп — ряд коротких деревянных колышков. Когда где-нибудь в доме нажимали

на перламутровую кнопку, в кухне звучал удар гонга и один из этих колышков поднимался, дабы привести в состояние готовности теперь уже не существующего слугу. Под каждым колышком висела пожелтевшая табличка с указанием комнаты, из которой послан сигнал, или (в случае спален) с именем. *Мистер Арманд. Миссис Арманд. Мисс Кэролайн. Мастер Кит.* Разглядывая эти таблички, Морган чувствовал, что рядом с его семьей в доме живет другая, помоложе и поизысканнее, эти люди скользят по коридорам, требуют чая или бутылок с горячей водой. Вечерами мать сидит в белом пеньюаре у огня и читает детям, расположившимся по бокам от нее. Мальчик и девочка, как опрятно. За обедом они обсуждают великие книги, а по воскресеньям принаряжаются и идут в церковь. *Они* никогда не ссорятся. Никогда ничего не теряют и не забывают. Позвонят и спокойно ждут. Они смотрят сквозь Гауэров, и лица у них мирные, восторженные, как у завзятых театралов, не обращающих внимания на мелкую суету в ряду перед ними.

— Мне хотелось бы пригласить тетю Полли, — сказала Бонни, — но ведь с ней придет дядя Дарвин, а он такой глухой, с ним так трудно.

Она посмотрела на Моргана через строгие очки

в черной оправе — для чтения; Бонни начала пользоваться ими совсем недавно.

Он сказал:

— А если вдуматься, то и *ты* умерла.

— Я?

— Ну а где та девушка, которую я водил на прогулки? Я брал тебя за руку, почти у самого плеча, а ты оглядывалась вокруг и краснела, но ладони моей не снимала.

Бонни добавила к списку еще одно имя.

— Что-то не помню я пеших прогулок. По-моему, мы всегда на машине ездили.

Он провел пальцами по исподу ее руки у подмышки — самое шелковистое местечко. И зацепил тылом ладони тяжелую грудь. Бонни этого, похоже, не заметила. Она сказала:

— По счастью, у Джима родственников не много.

— Наверное, она выходит за него от безысходности.

Тут уж Бонни подняла на него взгляд:

— Но ведь ты все равно любишь девочек? Нельзя же разлюбить человека только потому, что он стал больше.

— Конечно, люблю.

— Однако не как прежде. По-моему, ты зацик-

лен на внешности, я хочу сказать, на первом впечатлении, какое у тебя складывается о человеке. — Бонни щелкнула шариковой ручкой. — А кроме того, к чему забегать вперед? Не *все* же они выросли. Молли и Кэйт еще в школу ходят.

— Нет-нет, они скончались, как ни посмотри. Каждый вечер проводят вне дома, а куда уходят, чем там занимаются… их больше нет. — Он вдруг повеселел и разулыбался: — Ага, ну вот! Наконец-то одни, куколка моя!

Впрочем, и эта роль требовала слишком больших усилий. Подавленный, он подошел к плите, прикурил от горелки.

— Дом кажется таким дьявольски большим, нам следовало бы завести пылесос на собственном ходу.

— Тебе всегда хотелось иметь побольше кладовок, — напомнила Бонни.

— Девочки бросают на нас своих хомячков и разбегаются.

— Морган. Сегодня нас сидело за обеденным столом девять человек, считая твою маму и Бриндл. Когда я была маленькой, мы, если у нас усаживалось за стол девять человек, посылали в город за Мэтти Идой, чтобы она помогла нашей прислуге.

— Что нам следует сделать, так это съехать отсюда, — объявил Морган. — Мы могли бы подыскать себе загородный дом, а возможно, и попробовать жить с земли.

Он представил себя в сабо, в крестьянском комбинезоне из грубой синей ткани. Дом был бы однокомнатным, с огромным каменным очагом, плетеным ковром, тахтой под сотканным вручную покрывалом. В середине тахты вдруг запрыгала невесть откуда взявшаяся Эми в голландском чепце. Он поморщился и сказал:

— Уйду пораньше на покой. В сорок пять чувствуешь себя более старым, чем я предполагал. Уйду, и мы немного поживем для себя. Чем плохо?

— Послушай, не начинай ты строить еще один безумный план, — попросила Бонни. — На покой — да ты же загнешься от скуки. Почувствуешь себя бесполезным.

— Бесполезным? — повторил Морган. И помрачнел.

Но Бонни, уже осененная новой мыслью, примолкла, задумчиво постукивая себя карандашом по зубам. А потом спросила:

— Морган, как по-твоему, в наше время мать невесты все еще обязана давать ей наставления?

— Ммм?

— Я хочу знать, ожидается от меня, что я поговорю с Эми о сексе, или не ожидается?

— Бонни, тебе обязательно называть это сексом?

— А как его еще называть?

— Ну…

— Секс он и есть секс, ведь так?

— Да, но… не знаю…

— Нет, ты *скажи*, секс это или не секс?

— Перестань на меня *наскакивать*, Бонни, ладно?

— Так или иначе, — сказала она, возвращаясь к списку, — в наше время она наверняка рассмеялась бы мне в лицо.

Морган потер двумя пальцами лоб. На самом деле, вдруг пришло ему в голову, будь Бонни более серьезной, более ответственной, нынешние потрясения, глядишь, и обошли бы их стороной. Или, по крайней мере, отсрочились. Ему казалось, что она позволяет детям утекать сквозь пальцы, и причина тут была в свойственной только ей небрежной, беспорядочной, неосновательной манере поведения. Он вспомнил, как однажды, сопровождая шестиклассницу Кэйт с подругами на экскурсию в Вашингтон, она потеряла всю

восьмерку своих подопечных в музее Смитсоновского института. Потом их нашли среди витрин, в которых были выставлены дикари, — детишки записывали рецепты изготовления высушенных человеческих голов. На ежегодный школьный пикник матерей-дочерей, куда все приходили с картофельным салатом и лимонадом, Бонни принесла пакет бигмаков и термос с шабли. Да, а как сокрушительно она воздействовала на любые механизмы? Ей стоило только сесть за руль — и машина тут же начинала распадаться: загорались предупредительные огоньки, из радиатора валил пар, глушитель отваливался, колесные колпаки укатывались во все стороны, лязгая по сточным решеткам и проваливаясь в ливневые коллекторы. Она всего один раз поворачивала направо — и указатель поворота отказывал навсегда. Чего же удивляться, что он проводил половину уик-эндов в гараже, лежа на спине! И все эти качества она передала девочкам. Во время первого данного им Эми урока вождения стекло левого переднего окна ушло в дверцу и вытянуть его оттуда никакими силами не удалось. Пришлось отдать машину в ремонт.

А еще сестра, которая с самого Рождества так из своего халата и не вылезла. Халат обвисал на

ней, как лепесток старой орхидеи, увядший, прожилистый, издающий тяжелый запах. И у матери память все слабеет, хотя попробуй намекнуть ей на это, тут же разгневается. За ужином мать, чтобы доказать остроту своей памяти, кусками цитирует «Гайавату» или «Рубайят». «Приди, наполни чашу до краев!..» — вдруг ни с того ни с сего начинает она и стукает вилкой по своему стакану, а Бриндл говорит: «О господи, только не это», и все стонут и сбиваются в раздельные, беспорядочные кучки.

«Бесполезным»? Жизнь, которую он здесь ведет, — это труд настолько тяжелый, что уйди он завтра на пенсию, у него даже надежды ощутить себя бесполезным и то не появится.

2

Эми стояла на верхней ступеньке лестницы, вся в белом, с розами в руках. Коридорное окно за ее спиной освещало длинную тонкую юбку. Под лестницей дочь ожидал, положив ладонь на витую балясину, Морган. В новом цилиндре и черном костюме из «Второго шанса» (цилиндр наделал немного шума, однако Морган его отстоял). Бороду он подстриг. На носу его сидели очки в золотой оправе (с простыми стеклами). Он ощущал себя Авраамом Линкольном.

Один из недостатков Моргана был таким: официальные, торжественные сборища — свадьбы, похороны — никогда его по-настоящему не трогали. Просто не задевали душу. Половину этой ночи он пролежал без сна, оплакивая дочь, но сейчас, перед самым началом церемонии, его занимали только розы Эми. Он ясно слышал, как одна из подружек невесты говорила ей, что розы следует держать низко и даже, сказала она, в опущенной руке, потому что если Эми занервничает, то машинально поднимет их повыше. И вот пожалуйста — еще и музыка не заиграла, а она уже прижала букет к груди. Моргана располо-

жение роз не волновало, ни малейшей разницы он тут не видел, ему хотелось понять, почему люди, нервничая, поднимают руки. Может быть, это как-то связано с попыткой защитить сердце? Морган проделал эксперимент: сначала сжал опущенные руки, потом приподнятые. Ни первое, ни второе не показалось ему более успокоительным. Сцепив их под самой бородой, он замурлыкал исполняемый при крещении ритмичный псалом и плавно заскользил по передней. «*Папа!*» — прошипела Эми. Морган уронил руки и торопливо вернулся к балясине.

Кэйт опустила иглу на пластинку. Заиграл — с середины такта — свадебный марш. В гостиной все стихли, Морган слышал только поскрипывание взятых напрокат стульев. Он поднял голову к Эми, отважно улыбнулся, его очки поймали свет и отбросили на ее лицо два белых кружка. Скользя ладонью по перилам, Эми, невесомая, как листок, спускалась, ставя остроносые атласные туфельки точно в середину каждой ступени. Под длинным подолом юбки исчезали латунные прутья, прижимавшие к лестнице персидский ковер. Вчера утром Бонни закрасила красным маркером потертости ковра, а после прошлась коричневым по трещинкам кожаного кресла.

(Иногда Моргану казалось, что он живет в одном из тех разрисованных цветными мелками бумажных домов, что так любили склеивать близнецы.) Эми, спустившись в переднюю, взяла его под руку. Бедняжка немного дрожала. Он повел ее в гостиную по самодельному нефу.

Повел на тот самый волокнистый ковер, по которому часами прохаживался с ней новорожденной. Укладывал ее головку себе на плечо и вышагивал по ковру вперед-назад, бормоча колыбельные. Воспоминание ничего в его душе не всколыхнуло. То был просто один из слоев, нижний, этой многослойной комнаты. Он подвел Эми к священнику Бонни, которого не любил (он вообще не любил священников). Эми отпустила его руку и встала рядом с этим, как его, с Джимом. Морган отшагнул назад и замер, расставив ноги, сцепив за спиной ладони и немного раскачиваясь под звучавшую в его голове колыбельную.

— Кто отдает эту женщину в жены?

Услышав, как прозвенел в тишине вопрос священника, Морган заподозрил, что он уже задавался, но остался им незамеченным. Похоже, какую-то часть службы он пропустил мимо ушей.

— Ее мать и я, — сказал он, хотя куда точнее

было бы: «Ее мать». Он развернулся и сел рядом с Бонни, которая выглядела в синем платье с глубоким декольте прекрасной и спокойной, хоть платье все время соскальзывало то с одного, то с другого плеча. Она накрыла ладонью его ладонь. Моргану бросилась в глаза свисавшая с потолка серая ниточка паутины.

Джим надел кольцо на палец Эми. Эми надела кольцо на палец Джима. Они поцеловались. А у Моргана созрел план: он поселится с ними в их новой квартире. Они же ничего не умеют, ничегошеньки. Переломают за неделю всю кухонную технику, это как пить дать, и от всего их домашнего хозяйства одна рухлядь останется, а тут Морган — он и починит что надо, и совет хороший даст. Он у них будет за старика, настоящего обездоленного старика без зубов, без работы, без жены, без семьи. В каких-то мелочах он будет беспомощным, и Эми почувствует необходимость заботиться о нем. Придет к ней, например, в рубашке без пуговиц и попросит их пришить. Скажет, что сам-то понятия не имеет, как с этим управиться. На деле пуговицы Морган пришивал отличнейшим образом. На деле он пришивал не только свои, но и Боннины, и девочек, латал их джинсы, подстрачивал юбки, поскольку из

Бонни портниха была никакая. И Эми это знала. Как знала, что он не беззубый старик, и жена у него есть, и семья. Одна из бед отцовства состоит в том, что дети слишком хорошо тебя узнают. Ты не можешь даже самую малость перетасовать известные им факты. Дети невозмутимо смотрят в твои глаза, они всегда наблюдательны, критичны, всегда готовы тебя осудить. И способны назвать так много случаев, в которых ты был навсегда и непоправимо неправ.

3

Что касается еды, тут им удалось прийти к компромиссу. Бонни заказала в гастрономе несколько подносов, Морган подобрал кое-какие сыры и крекеры, и этим утром девочки соединили одно с другим. Он огорчился, обнаружив, что в магазинах сниженных цен изысканных сыров не продают. «Знаете, сколько *стоят* эти штуки?» — спросил он у жениховского отца, как раз протянувшего руку к крекеру, намазанному чем-то в синих прожилках. И пошел через двор — посмотреть, как там камамбер. Камамбер обступили трое детей — возможно, племянников Джима.

— А этот конюшней пахнет, — говорил самый маленький.

— Клеткой хомяка.

— Он пахнет, как… слоновник в зоопарке!

Погода все-таки выдалась ясная. Теплый желтовато-зеленый день, у гаража расцвели нарциссы. Позаимствованная у дяди Олли улыбчивая мулатка-горничная несла через двор поднос с напитками, осторожно обходя перекопанные участки земли, на которых еще не принялись

высеянные по весне семена. Новобрачная стояла, попивая шампанское и слушая пожилого господина, которого Морган отродясь не видел. Другие его дочери, ставшие в нарядных одеждах на удивление простоватыми, разносили бутерброды и маленькие закусочки с торчавшими из них зубочистками; мать Моргана рассказывала матери жениха, почему она живет на третьем этаже.

— Сначала я поселилась на втором, — говорила она, — но из-за козла перебралась повыше.

— Понимаю, — отвечала, поглаживая свои жемчуга, миссис Мерфи.

— Он, конечно, был ручной, но беда в том, что я единственная в этой семье читаю «Таймс». Собственно, я на него подписываюсь. И так уж совпало, что козлика приучали справлять нужду как раз на «Таймс». То есть как только он… я хочу сказать, если ему приспичивало, единственное, на чем он был готов… на расстеленном по полу журнале «Таймс». Я думаю, он красную рамочку узнавал. И понимаете, стоило мне хоть на секунду отложить журнал — и готово, прибегает это животное и просто… ну… просто…

— Поливает его мочой, — подсказал Морган. — А она еще не все прочитать успела — такая незадача.

— О да! — согласилась миссис Мерфи. И отпила из бокала.

Под боком у Моргана в старом плетеном кресле сидел спиной к нему неизвестный мужчина. По-видимому, кто-то из гостей жениха. Поперек лысинки на его макушке были зачесаны жидкие пряди волос. Мужчина поднял к губам стаканчик. Морган увидел массивный перстень с печаткой.

— Билли? — Морган обогнул кресло. Боже милостивый, действительно Билли, брат Бонни.

— Хорошая свадьба, Морган, — сказал Билли. — Я, как ты знаешь, на многих побывал — главным образом, на своих. Я по свадьбам специалист.

Он засмеялся. Голос его звучал буднично, однако для Моргана то была неуместная, жутковатая будничность, с какой иногда сталкиваешься во сне. Откуда здесь взялся Билли? Что происходит? В последний раз Морган видел его бог знает когда. Он сказал:

— А я и не узнал тебя сзади, Билли.

— Правда? — невозмутимо ответил Билли. — Ладно, а как насчет спереди?

Спереди он остался каким и был всегда — моложавым, с высоким округлым лбом и ослепительно синими глазами. Но нет, встретив Билли на улице, разве ты не принял бы его за обычного

лысеющего бизнесмена? Только тот, кто знал Билли так давно, как Морган, еще мог различить костяк его оплывшего лица. Морган смотрел на него, растерянно моргая. Билли выглядел то пожилым незнакомцем, то привыкшим жить на широкую ногу братишкой Бонни, то снова пожилым — как те «волшебные картинки», которые полностью меняются, когда смотришь на них с разных сторон.

— Ну как? — спросил Билли.

— Выпей шампанского, что же ты? — предложил Морган.

— Нет, спасибо, буду уж скотча держаться.

— Ну тогда сыру возьми. Он очень дорогой.

— За доброго старину Моргана, — сказал, поднимая стаканчик, Билли. — За доброго прижимистого старину Моргана, так?

Морган побрел дальше. Он искал кого-нибудь, с кем можно поговорить, однако никого подходящего среди гостей не видел. Все они были до того благовоспитанными, с такими мелодичными голосами, все попивали шампанское, дамы переступали осторожно, следя, чтобы их высокие каблуки не ушли в землю. В сущности, кто здесь был другом Моргана? Он остановился, огляделся. Никто. Это все друзья Бонни, или Эми, или

жениха. Мимо него проскочила одна из близняшек — Сьюзен, вся в шифоне. Ее раскрасневшееся, серьезное лицо и запотевшие очки напомнили Моргану, что уж его-то дочери связаны с ним кое-каким родством.

— Сью! — крикнул он.

Но она лишь отмахнулась:

— Я не Сью, я Кэрол.

Ну конечно, Кэрол. А ведь он этой ошибки уже несколько лет не совершал. Морган снова пошел, покачивая головой, вперед. Под кизилом стояли трое дядюшек в серых костюмах, беседуя, как на заседании какого-нибудь комитета.

— Нет, я от моего погреба избавляюсь, пора уже, — говорил один из них. — Допиваю, что в нем осталось. Мне как-никак семьдесят четыре года. В июне стукнет семьдесят пять. Не так давно прицепивался я к ящику вина, и мне посоветовали старить его восемь лет. Я уж было ответил: «Годится». А потом подумал: «Да куда там». Очень странное чувство. Совершенно непривычное. В общем, я сказал: «Нет, это, пожалуй, не для меня. Но все равно спасибо».

Дойдя до прогала в зеленой изгороди, Морган скользнул в него. И оказался на тротуаре, совсем рядом с улицей, оживленной и шумной в предве-

черние часы самой обычной субботы. У бордюра стояла его машина. Он открыл дверцу, забрался внутрь. Посидел немного, вытирая влажные ладони о колени. Солнце припекало сквозь окно, и в конце концов Морган опустил стекло, поискал по карманам ключи и включил двигатель.

Стало быть, так, ближайшие друзья: Поттер из музыкального магазина, дама с хот-догами, грек, который держит таверну на Бродвее, и Казари, торговец коврами. Никто не подходит. По той или иной причине никому из них он не может сказать: «Моя старшая дочь выходит замуж. Можно я посижу здесь с вами и выкурю сигарету?»

Он медленно ехал к центру города, словно спускаясь сквозь все более темные слои воды. Ломбард «Все по-честному», «Бильярдная», «Водяные кровати», «Пиво», «Первый дом Иисуса», «ЗДЕСЬ БРАТЬЯ НЕ ПОДЖИГАЙ»[5]. Цветы в местах самых неожиданных — вокруг мусорной урны, на крошечном пятачке травянистой земли под окном типового дома. Он свернул за угол, там на бордюре сидел игравший с ножом мужчи-

---

[5] Сноски: 5

Надпись, появившаяся во время волнений в Детройте, затем распространившаяся в других городах США; она извещала, что дом или бизнес принадлежит человеку, сочувствующему движению за права чернокожих.

на — выкинет лезвие, защелкнет его подушечкой ладони и выкинет снова. Морган поехал дальше. Миновал Меллер-стрит, затем Мерджер-стрит. Повернул на Кросуэлл. Остановился, выключил двигатель, посидел, глядя на «Мастеров на все руки».

Он не был здесь уже несколько месяцев. Витрину магазина теперь наполнили пасхальные подарки — расписанные вручную яйца, и плюшевые кролики, и похожие на весенние сады лоскутные одеяла. Окна Мередитов оставались, как и всегда, пустыми, угадать по ним что-либо нельзя. Может, они там больше и не живут. Могли уехать в такси — с одним чемоданом, потратив на сборы десять минут. Он вылез из машины и направился к магазину. Поднялся по ступеням, толкнул стеклянную дверь, осмотрел узкую, уходившую наверх лестницу. Однако подняться по ней у него не хватило духу. Что он может сказать? Как объяснится? Вместо этого повернул налево и через вторую стеклянную дверь вошел в магазин. Там пахло древесиной, седая ширококостная женщина в ситцевом халатике расставляла по столу вырезанных из дерева зверушек.

— Здравствуйте, — сказала она. А затем подняла на него взгляд и, судя по всему, испугалась.

Цилиндра, по-видимому. Надо было надеть что-то более уместное. Но где же покупатели? Он был здесь один, в этой комнате, полной стеганой тишины. Тут он увидел кукол.

— О да! — воскликнул он. — Кукулки!

Странное дело, у него появился акцент, непонятно только, какой страны.

— Эти кукулки для покупки? — спросил он.

— Да, конечно, — ответила женщина.

Они лежали в середине стола: Пиноккио, принцесса, карлик, старуха — все куда более сложные, чем те, что он видел прежде. Их головы были уже не круглыми — не простыми резиновыми шариками, но состояли из ткани с набивкой и крошечными швами, которые образовывали морщинки и припухлости. У старухи лицо было настолько изрыто морщинами, что Морган не удержался, провел по ним пальцем.

— Чудесно! — произнес он, все еще с акцентом.

— Их шьет молодая женщина Эмили Мередит, — сказал женщина. — Замечательная мастерица, честное слово.

Морган кивнул. Чувство он испытывал смешанное — ревность и счастье. Ему хотелось сказать: «Да-да, а то я не знаю ее, и очень хорошо. А то я их обоих не знаю. Не вам мне о них расска-

зывать». Но хотелось и услышать, что думает о них эта женщина, что может сказать о них весь остальной мир. И он ждал, держа куклу в руках. Женщина вернулась к своим зверушкам.

— Возможно, я посмотреть ее мастерскую, — сказал Морган.

— Что вы говорите?

— Она живет вблизи, да?

— В общем, да, она живет здесь, наверху, но я не уверена, что…

— Для меня это массу значит, — сказал Морган.

Позади стола напротив него стоял светлого дерева шкафчик, наполненный плетеными вещицами. Волнистое стекло в дверцах отражало Моргана, укорачивая и искажая, — приземистый бородатый мужчина в цилиндре. Тулуз-Лотрек. Ну конечно! Он поправил цилиндр, улыбнулся. В стекле все черное становилось прозрачным. Голову отражения украшала радужная плетеная колонна, на подбородке — что-то вроде плетеной лопатки.

— Понимаете, я тоже артисто, — сказал он женщине. И акцент у него определенно французский.

— Вот как? — отозвалась она.

— Я человек одиночка. Других артисто не

знаю.

— По-моему, вы не поняли, — сказала она. — Эмили и ее муж устраивают кукольные представления для детей, это их главное занятие. А кукол продают, только когда у них появляются лишние. Их нельзя назвать…

— Все же, — разулыбался Морган, — мне нравится познакомить с ними. Нравится, если вы представить меня. Вы знаете так много люди! Я вижу. Вы друг артисто. Как ваше имя, пожалуйста?

— Ну… миссис Эппл. — Она ненадолго задумалась. — Ох, ну ладно. Полагаю, они против не будут. — И крикнула в глубину магазина: — Ханна, позаботься тут о покупателях, ладно?

Миссис Эппл направилась к боковой двери. Морган пошел следом.

Они стали подниматься по лестнице. Сверху тянуло жареным луком и дезинфекцией. Бедра миссис Эппл казались — под тем углом, под каким видел их Морган, — очень широкими. Она просто по положению своему представляла для него большой интерес: могла каждый день разговаривать с Мередитами, досконально знала распорядок их жизни, привычки, поливала их цветы, когда они уезжали выступать. Морган не

без труда преодолел искушение положить ей на ягодицы дружескую ладонь. Миссис Эппл огляну-лась, и он ободряюще улыбнулся.

Наверху она повернула направо, постучалась в высокую дубовую дверь и позвала:

— Эмили?

Однако, когда дверь отворилась, за ней стоял державший в руке газету Леон. Увидев Моргана, он резко прижал газету к груди и выпалил:

— Доктор Морган!

— Доктор? — повторила миссис Эппл и посмот-рела на Моргана, потом на Леона: — Тот самый, про которого вы рассказывали? Доктор, который принимал Гину?

Леон кивнул.

— А я думала, вы художник! — сказала миссис Эппл. — Вы же сами мне так и сказали!

Морган свесил голову. Пошаркал ногой.

— Я стеснялся моего цилиндра. Понимаете, я только что со свадьбы и сознаю, что выгляжу нелепо. Вот и назвался художником, чтобы вы надо мной не смеялись.

— Ах, бедняга, — сказала миссис Эппл. И рас-смеялась. — А этот ваш выговор. «Кукулки»!

Морган рискнул взглянуть на Леона. Тот смот-рел злобно и продолжал прижимать к груди

газету, словно оберегая какие-то секреты.

— Мне захотелось увидеть вашу мастерскую, — сказал ему Морган. — Я могу купить много кукол.

— Много взять негде, — ответил Леон.

— Ну перестаньте, Леон, — сказала миссис Эппл. — Почему бы их не показать? Вреда от этого не будет. — Она подтолкнула Моргана локтем в бок: — Вы и ваши «артисто». Ваши «кукулки».

Когда миссис Эппл смеялась, от глаз расходились лучики мелких морщин.

Леон покривился. Но затем неприязненно выдавил: «Ладно», отступил на шаг, повернулся и повел гостей по коридору.

Морган быстро заглянул в комнату справа и мельком увидел продавленный диванчик и полупустую книжную полку. Слева обнаружилась кухня, оставившая впечатление холодной, мерцающей белизны. Следующая дверь налево вела в мастерскую. Мебели в ней не было — только швейная машинка у окна да невысокая алюминиевая стремянка, на которой сидела, вырезая что-то из бумаги, Эмили. Ее черная юбка свисала, почти скрывая стремянку. Уложенные на макушке косы перенимали откуда-то свет и поблескивали, как летучие искры.

— Эмили, — произнес Леон.

Она подняла взгляд. И сразу соскочила со стремянки и спрятала свое рукоделье за спину.

— Что вам нужно? — спросила она у Моргана.

— Боже мой, Эмили, — сказала миссис Эппл, — это же доктор Морган. Ты не узнала его? Он хочет купить кукол. *Много* кукол, Эмили.

— Купите их внизу, — сказала Эмили, лицо ее побелело.

Можно было подумать, она против него что-то имеет.

Морган постарался не обидеться. Улыбнулся ей:

— Я хотел бы понаблюдать за процессом изготовления. Правда.

— Тут нет никаких процессов.

Он погладил себя по бороде.

Миссис Эппл сказала:

— Но… Эмили? Покажи ему кукол для театра теней. — И Моргану: — Эмили задумала кое-что новое, доктор, — театр теней с бумажными куклами. Вот посмотрите.

Она подошла к швейной машинке, достала что-то из одного ее выдвижного ящичка — силуэт рыцаря в доспехах, прикрепленный к тонкой палочке.

— Видите, у него подвижные суставы. Вы управляете им за экраном, на который он отбрасывает тень. Разве не умно?

— Да, конечно, — согласился Морган.

Он окинул комнату взглядом. Интересно, на чем Эмили сидит за швейной машинкой? На той же стремянке? Даже в самых сумасбродных своих фантазиях он не воображал такой скудости. И был очарован ею.

— Так вы теперь и театр теней показываете? — спросил он у Эмили.

— Да, — коротко ответила она.

— Нет, — сказал Леон.

Пауза. Миссис Эппл хмыкнула.

— В таком театре, — сказал Леон, — важно только одно: как скрепляются куклы. Как Эмили, когда делает их, добивается подвижности суставов.

— И что? — спросила Эмили.

— Ты просто проносишь их вдоль полочки за экраном, так быстро, что у них руки-ноги болтаются. И больше ничего *делать* не нужно, то есть возни с ними даже меньше, чем с обычными куклами.

— И что?

Они смотрели друг на друга.

Морган кашлянул.

— Это я не вашу девочку слышу? — спросил он.

А кого же еще? Она что-то напевала тонким, надтреснутым голоском в одной из соседних комнат. Впрочем, никто на вопрос не ответил. Морган выглянул в коридор. Потом пересек его и вошел в спальню. Матрас в одном углу, комод в другом, узкая кроватка вдоль стены. В кроватке сидела девочка, что-то собиравшая из конструктора. И певшая:…*как добраться до Сезам-стрит*… При появлении Моргана она замолчала.

— Привет, — сказал Морган. Девочка в сомнении смотрела на него.

Услышав шаги Мередитов, он торопливо спросил:

— Нравится тебе моя шляпа? — И сорвал с головы цилиндр, и надел на ее голову, отклонив его назад, чтобы голова не ушла в него целиком.

Эмили сказала от двери:

— Гина! Сними это. И никогда не примеряй чужих шляп.

— Это моя шляпа, — заупрямилась Гина. — Он мне ее отдал.

— Сними, — велел и Леон.

— Нет.

Лицо ее было круглым, подбородок острым. Гине пришлось задрать его повыше, чтобы ци-

линдр не съехал ей на глаза, и оттого она приобрела вид надменный и вызывающий. В сущности, подумал Морган, она похожа на Леона.

Эмили попыталась снять цилиндр с головы Гины, но та оттолкнула ее руку:

— Это *моя* шляпа. Моя.

Морган сказал:

— Конечно. Это подарок.

Эмили борьбу с дочерью прекратила, однако осталась стоять между ней и Морганом, прикрывая ребенка собой. Глаза у нее были светлые, холодные, руки она скрестила на груди. Леон утвердился с ней рядом.

— Доктор Морган?

Это подошла запыхавшаяся миссис Эппл. Она протянула Моргану еще одну куклу театра теней, на этот раз короля. Он словно сошел с витражного окна — его покрытая прорезями мантия была склеена из просвечивавшей красной и синей бумаги. Свет, проходя сквозь нее, наверное, создавал на экране тени переливистые, как драгоценные камни.

— Разве не чудо? — сказала миссис Эппл. — Настоящее искусство! Такую куклу хоть на стену вешай.

— Это верно, я бы повесил, — согласился Мор-

ган. И провел большим пальцем по цветной бумаге. Что-то в тщательности исполнения куклы опечалило его, обездолило.

Взгляд Моргана, соскользнув с короля, прошелся по комнате и остановился на комоде. Поверхность его была почти пуста. Ни пузырьков, ни английских булавок, ни корешков квитанций, лишь единственная фотография в рамке: Леон и Эмили стояли, держась за руки, перед этим самым домом, на плечах Леона сидела Гина, пухленькие икры девочки сжимали его шею. Все трое улыбались, щурясь от солнечного света. Морган подошел поближе, склонился к снимку, пощипывая большим и указательным пальцами нижнюю губу. Забытый король болтался в его левой руке. Так же рассеянно Морган заглянул в частично выдвинутый ящик комода. Выдвинул его подальше, осмотрел содержимое: три белые рубашки и коробка «клинексов».

— Доктор Морган! — резко произнесла Эмили.

— Да, да… — Он вышел следом за остальными из комнаты, опустив по пути ладонь на голову Гины. Волосы у нее были такие мягкие, несколько следующих секунд ему казалось, что они еще льнут к его пальцам.

Вернувшись в мастерскую, он спросил:

— А как вы поступаете с дочкой, когда даете представления?

Эмили, не желая отвечать, отвернулась, но Леон сказал:

— Берем ее с собой.

— И? Она вам чем-нибудь помогает?

— О нет. Ей же чуть больше четырех.

— Но в деле вашем толк, наверное, понимает, — подсказал Морган. — Как-никак выросла за сценой. Знает, что во время спектакля следует сидеть тихо.

— Гина? — Леон засмеялся. — Гина за всю свою жизнь и минуты тихо не просидела. Во время спектакля на нее приходится то и дело шикать, а если мы представляем на дне рождения, так еще и похуже бывает. Когда кто-нибудь задувает свечи, она завидует и плачет. И очень не любит, если Эмили оказывает внимание другим детям.

— О, вам стоит посмотреть какой-нибудь спектакль, — сказала миссис Эппл. Она вытянула короля из руки Моргана, который успел, не заметив того, смять уголок цветной бумаги. — Они приобретают все большую известность! Добираются до самого Вашингтона. А управляющий одной развлекательной компанией даже захотел взять их на работу, включить в свою труппу как

профессионалов. Что вы ему сказали, Леон? Вы ответили на его письмо?

— Письмо я выкинул.

— Выкинули!

— Это какая-то библейская труппа. Исполнители госпелов и так далее.

— Но зачем же выкидывать-то! Могли бы, по крайней мере, ответить.

— И оказаться в каком-то убогом городишке, — сказал Леон. — Тинвилле, Тиндейле…

— Сомневаюсь, что вы когда-либо отвечаете на письма, — сказал Морган. Его вдруг охватило приятное воодушевление.

— Ну, вообще-то… — начал Леон.

— Да и какой в этом смысл? Зачем усложнять себе жизнь? Время от времени вы спускаетесь по лестнице, опорожняете почтовый ящик, просматриваете почту, бросаете ее в мусорный бак и возвращаетесь сюда с пустыми руками.

— Да, бывало, — согласился Леон.

— Это когда же? — спросила у него Эмили. И, повернувшись к Моргану, сказала: — Мы вовсе не такие, как вы думаете.

— Да?

— Не такие, какими вы нас воображаете.

— Вы бы посмотрели их «Рипа ван Винкля», —

сказала миссис Эппл.

— Мы живем как все остальные люди. И у нас получается. Мы не любим, когда к нам лезут, — сказала Эмили. — А теперь позвольте проводить вас до двери.

— Но, Эмили! — воскликнула миссис Эппл. — Он же не всех кукол увидел!

— Он увидел достаточно.

— Он хотел купить их, много!

— Нет-нет, все правильно… Мне действительно пора уходить, — заторопился Морган. — Как бы то ни было, спасибо.

Эмили круто повернулась к двери, юбка завилась вокруг ее ног, Морган последовал за ней. Они гуськом прошли по коридору — Эмили, Морган, Леон. Миссис Эппл осталась в мастерской, где, несомненно, в замешательстве оглядывала кукол.

— Может быть, в другой раз? — крикнула она вслед Моргану.

— Да, может быть… — Он споткнулся о часть конструктора и пробормотал, накренясь к стене: — О, простите. — Потом похлопал себя ладонью по голове: — Мне надо поехать домой, переодеться.

— Переодеться? — спросил Леон.

— Да, я… мне нужна другая шляпа.

Теперь голос его сопровождало эхо, они уже дошли до лестницы. Но, вместо того чтобы начать спускаться, Морган уставился на дверь по другую сторону площадки и спросил:

— А там кто живет?

— Джо и Ханна Майлз, — ответил Леон, а Эмили сказала:

— Никто.

— Майлзы? Они тоже мастера?

— Мы проводим вас до улицы.

Эмили подтолкнула его к лестнице, а когда он начал спускаться, пошла за ним — так близко, что Морган почувствовал себя конвоируемым.

— Не понимаю я вас, — сказала Эмили. (Это можно было предвидеть. Она ничего скрывать не стала бы — женщина без штор, как ее окна.) — Чего вы от нас хотите? На что нацелились? Почему преследуете нас столько месяцев, прячетесь в дверях, выглядываете из-за углов?

— О? Вы заметили? — От смущения Морган споткнулся и ухватился за перила.

— Могли бы просто подойти к нам, как делают нормальные люди, и поздороваться.

— Да, но я был так… Я хотел, чтобы представление о вас складывалось у меня постепенно. И

предпочитал, ну, почти предпочитал наблюдать за вами издали, понимаете? Собственная моя семья — это что-то невозможное. Там все так запутанно, так скучно.

Морган остановился в середине последнего лестничного марша.

– *Вы*, полагаю, думаете, что моя жизнь романтична, — сказал он. — Врач в большом городе! Спасает жизни. Но по большей части это нудный, однообразный труд. Я работаю в далеком от центра районе, пациенты у меня из низов. Мой кабинет дважды грабили наркоманы, искали дурь, и один раз прямо при мне. Они привязали мою секретаршу к стулу поясом от плаща, заставили меня выдвинуть все ящики моего стола. Переживание не из приятных. Я стоял там, копался в упаковках деконгестантов, средств от насморка, детских носовых капель… Я не из храбрецов. Отдал им все, что у меня было. Я рассказываю об этом, чтобы вы, Эмили, Леон, поняли, как я живу…

Морган сбился с дыхания. И чувствовал, что в голове его разрастается какое-то белое пятно, как будто он забрался на непривычную для него высоту.

— Вот послушайте, что произошло прошлым

летом, — сказал он. — Я получил пациента, которого порезали ножом. Порезали перед баром в Феллс-Пойнте, с кем-то он женщину не поделил. Его притащили ко мне среди ночи, я уже спал. Такая уж у меня практика и такие пациенты. И ни телефонной службы, ни квартиры в Оушен-Сити, чтобы укрываться на выходные… Ну ладно. У него был длинный неглубокий порез на левом боку, от грудной клетки до тазовой кости, хорошо хоть сердце не пострадало. Я уложил его на стол в моем кабинете, стал накладывать швы. На это ушел час с четвертью — работа, сами понимаете, утомительная. А когда я затягивал последний узелок — бам! Дверь распахивается. Входит тот, кто его порезал. Выхватывает нож и распарывает его *справа*, от грудной клетки до тазовой кости. Опять игла, опять нить. И еще час с четвертью.

Леон неожиданно фыркнул, но Эмили просто подтолкнула Моргана вперед. Он снова начал спускаться, тяжело, как старый ревматик, припадая к перилам. И продолжил:

— Люди лезут ко мне с головными болями, простудами, подбитым глазом… с тем, что проходит само собой. Человек с сидячей работой — скажем, таксист — весь уик-энд переставляет мебель, а в ночь с воскресенья на понедельник вытаскивает

меня из постели. «Док, у меня жутко болит спина. Как по-вашему, это не диск? Не смещение? Операция не понадобится?» И ради этого я учился на медицинском факультете!

— Ну вот. — Они дошли до парадной двери, Эмили толчком отворила ее и, придерживая рукой, сказала Моргану: — Всего хорошего.

За ее спиной натужно, словно стараясь смягчить оскорбление, улыбался Леон. Морган сжал ладонь Эмили и даже испугался, такой она оказалась легкой и сухой.

— Сводить со мной знакомство вам нисколько не хочется, верно? — спросил он.

— Верно, — ответила Эмили.

— Угу. А почему так?

— Мне не нравятся ваши попытки пролезть в нашу жизнь. Они мне отвратительны! И не нравится, когда за мной шпионят.

— Эмили, — сказал Леон.

— Нет-нет, — сказал ему Морган. — Все правильно. Я понимаю.

Он оглянулся на свою запыленную, приземистую машину. Чувств он не испытывал никаких. Его словно выскоблили изнутри.

— А может, вам стоит познакомиться с моей женой? — не без некоторого усилия произнес

он. — Не хотите встретиться с Бонни? Я о ней не рассказывал? Или вам мои дети могут понравиться. У меня очень милые дети, вполне нормальные, вполне обычные, они, похоже, сами *решили* быть обычными… Две дочери заканчивают школу. Одна уже выросла, работает секретаршей, а четверо учатся в колледжах, кто где. Бóльшую часть года они отсутствуют. Мы о них почти и не слышим. Но так уж устроена жизнь, верно? Вам это любой родитель скажет. Как видите, я человек семейный. Это может помочь? Нет, насколько я понимаю, не может.

Тут он обнаружил, что все еще сжимает ладонь Эмили, и отпустил ее.

— Старшая девочка вышла замуж, — сказал он. — А я вовсе не врач. Работаю в хозяйственном магазине.

— Что? — опешила Эмили.

— Директор «Хозяйственного магазина Каллена».

— Но… ведь вы принимали нашу дочь!

— А, ну что же, — ответил он, — недаром же я присутствовал при рождении трех своих.

Он похлопал себя по карманам, отыскивая сигареты, однако, найдя пачку, просто стоял, держа ее в руке и глядя в их ошеломленные лица.

— А эту историю с порезами я в газете вычитал. В общем, про себя я вам наврал. Собственно говоря, я это часто делаю. Часто ловлю себя на том, что пытаюсь создать ложное впечатление о себе. Не намеренно, поймите. Мне временами кажется, что люди словно сговариваются со мной об этом, подталкивают меня. Помните, тогда, во время спектакля, вам понадобился врач — и никто из зала не вышел. Наступило долгое, долгое молчание. И как-то подбодрить вас, довезти до больницы, казалось так естественно. Я и не подозревал, что мне действительно придется принимать роды. Происходившее просто… вытолкнуло меня, фигурально выражаясь, в первый ряд.

Ему хотелось, чтобы они что-то сказали. Но они только глядели на него во все глаза. Между тем по ступенькам крыльца поднялась девушка в старомодном платье и поздоровалась: «Привет, Эмили, Леон», но те на нее даже не посмотрели, не отступили в сторону, когда она проскользнула мимо них в еще открытую дверь.

— Прошу вас. Это же не только моя вина, — опять заговорил Морган. — Почему люди с такой готовностью верят мне? Вот объясните. И знаете, что меня угнетает? Они верят гораздо быстрее, если я говорю что-то разрушающее их иллюзии.

Я могу, например, сказать, что жизнь кинозвезды не так сладка, как они думают. Свет юпитеров до того горяч, что у меня тает грим, и воротники моих рубашек покрыты изнутри серовато-розовыми пятнами, которые доводят мою жену до исступления: их ни «Клорокс» не берет, ни «Уиск», хотя отчасти она эту проблему решила, нашла предохранительное средство. Она знаете что делает? Перед тем как я надену рубашку, натирает ее воротник куском белого банного мыла. Да, это помогает, и, должен заметить, неплохо.

— Спятить можно, — сказал Леон.

— Верно, — согласился Морган.

— По-моему, вы и спятили!

Однако Эмили возразила:

— Ну не знаю. Мне кажется, я его понимаю.

Мужчины повернулись к ней.

— Понимаешь? — спросил Леон.

— Просто он… ему необходимо иногда выбираться из своей жизни, — пояснила она.

Морган вздохнул — длинно, прерывисто — и опустился на ступеньку крыльца.

— Моя старшая дочь выходит замуж, — сказал он. — Можно я посижу здесь с вами и выкурю сигарету?

1973

1

Газетный заголовок гласил: «Возрождение ремесел в Балтиморе? Фестиваль открывается 2 июня». Статью сопровождала картинка: Генри Прескотт по щиколотки в стружках вырезает одну из своих деревянных уток. Была там и фотография Леона Мередита с куклой в руках, женой пообок и дочерью у ног. Сумрачный, красивый, худой мужчина с резкими морщинами у краев рта. Уже далеко не юноша. Фотография окончательно убедила в этом Эмили. Отодвинув оставшиеся после завтрака тарелки, она расстелила газету по кухонному столу и, опершись о нее локтями, внимательно изучила снимок. Зернистая газетная печать подчеркивала драматичность облика Леона — сплошные впадины и плоскости. Эмили выглядела рядом с ним почти бесцветной. Даже Гина и та казалась невыразительной.

«Основная идея, — цитировала Леона статья, — это импровизация. Мы разыгрываем спектакль мгновение за мгновением. Приспосабливаемся к нему, продвигаясь вперед. Поймите, я говорю о пьесе, не о куклах. Кукол делает моя жена. Согласно установившимся стандартам. *Они* не

импровизируются».

Так-то оно так, но лишь до определенной точки. У Эмили имелись вырезанные из оберточной бумаги шаблонные очертания кукол, однако очертания имели значение наименьшее. Важнее всего были лица, ямочки и выпуклости, из которых складывались их выражения, имевшие свойство приобретать индивидуальность, как бы аккуратно ни вела Эмили ткань под иглой швейной машинки. Да, безусловно, куклы тоже импровизировались. Ей следовало сказать об этом журналисту, который брал у них интервью, — вообще как-то настоять на своей точке зрения.

«Для голов используется та или иная набивка, потом они прошиваются. Моя жена чем-то их пропитывает. У нее свои рецепты, свои методы работы. Иногда она позволяет мне помочь с декорациями, но в целом настаивает на том, чтобы делать кукол только своими руками».

Эмили свернула газету, отложила ее. Прошла по коридору в тыльную комнату, теперь та принадлежала Гине. Швейную машинку и муслиновые чехлы перенесли в комнату Леона и Эмили. Добра у Гины прибавилось, в одном углу оно уже не умещалось. Ее незастеленная

кровать была завалена плюшевыми зверушками, книгами, одеждой; у окна сидел в кресле-качалке превосходивший Гину размерами игрушечный пес Снупи — подарок бабушки и дедушки Мередитов на ее шестилетие. Эмили считала нелепым дарить ребенку такую большую, главное — такую дорогую вещь. И о чем они только думали? «Да ладно, — говорил ей Леон, — такие уж они люди. Ты же их знаешь».

Гина сидела под кроватью. Она вылезла, встрепанная, держа в руке ботиночек.

— Ты еще не готова? — спросил Эмили. — Пора идти.

— Я ботинок искала.

Эмили отобрала у нее ботинок, развязала его шнурок.

— Так, послушай, Гина. Мы сегодня выступаем за городом, уедем до твоего возвращения. Когда вас отпустят из школы, пойдешь домой с девочками Бергер и будешь ждать нас в магазине. Миссис Эппл пообещала присмотреть за тобой.

— Почему я не могу остаться дома и поехать с вами?

— Скоро лето, — сказала Эмили, — а летом ты все время будешь дома.

Она натянула ботинок на ногу Гины, завязала

шнурок. Носки девочки уже смялись, перепачкались и сползли ниже лодыжек. На блузке сидело яичное пятно. Эмили знала детей вроде Гины, когда сама была маленькой. Экстравагантно чумазых, в измятой и оттого почему-то привлекательной одежде. Она всегда полагала, что винить в этом следует их матерей, но теперь поумнела. Всего полчаса назад она постаралась одеть Гину словно с иголочки. Эмили сняла с волос дочери, пышных, с густыми, как у Леона, прядями, катышек пыли и сказала:

— Пойдем, а то опоздаешь.

И, повесив на плечо сумочку, вышла с Гиной из квартиры, постаравшись щелкнуть замком как можно тише: Леон еще спал. Они спустились по лестнице, над которой витали запахи завтраков — подгоревшего бекона, копченой селедки. Миновали дверь магазина, за которой было еще темно, вышли на улицу. Теплое солнечное утро. Город казался только что умытым, вдалеке поднимались в дымке золотистые здания, женщины в весенних платьях мели свои крылечки, зеленый плющ выплескивался из окон заброшенного дома. Гина, вцепившись в руку Эмили, подпрыгивала и пела:

Мисс Люси мыла сына

Водица горяча
И чуть не утопила
Намылив сгоряча…

Эмили поздоровалась с миссис Эллери, которая вытряхивала пыль из тряпки, затем со слепым стариком, дочь которого — нет, скорее все же внучка — каждый погожий день усаживала его на веранде, заворачивая ноги старца в сероватое одеяло. «Хорошая погода», — сказала Эмили, и он покивал, повернув казавшиеся запечатанными веки к солнцу — совсем как выставленный на подоконник цветок. На втором углу она подождала двух девочек Бергер. Элен Бергер вытолкнула их за дверь — маленьких, веснушчатых, рыжих, одетых в клетчатые платья. Они унеслись с Гиной вперед, и на следующем перекрестке Эмили пришлось окликнуть их: «Стойте! Подождите!» Задыхаясь, она подбежала к ним, стоявшим, кренясь и покачиваясь, на самом краешке тротуара, протянула руки. Младшая девочка Бергер взялась за одну, Гина за другую. Ладонь маленькой Бергер состояла как будто из одних косточек, и Эмили почувствовала прилив любви к теплым, пухленьким, с чуть липкими складками пальцам Гины. Она перешла улицу, словно окутанная детьми,

и отпустила их. Они, вразнобой подпрыгивая, снова умчались вперед.

Зовет она скорее
Врачиху и врача
Зовет красотку леди
Водица горяча…

Эмили ощутила рядом чье-то присутствие, знакомое, и, оглянувшись, увидела нагонявшего ее скорым шагом Моргана Гауэра. Он приподнял ободранную зеленую армейскую каску и улыбнулся.

— Морган, — сказала она. — Вы что это вышли в такую рань?

— Проснулся в пять и не смог заснуть, — ответил он. — Слишком все перебаламутилось в моем доме.

В доме Моргана всегда было все перебаламучено. Эмили ни разу там не была, но представляла себе этот дом как понемногу разбухающий ящик, в котором вечно что-то бурлит, — кровлю того и гляди снесет, да и сам он вот-вот треснет по швам.

— Что на этот раз? — спросила она.

— Бриндл. Моя сестра. Вернулся ее возлюбленный.

Эмили не знала, что у его сестры имелся возлюбленный. Она ладонью прикрыла глаза от солнца и крикнула:

— Дети! Подождите меня! — А потом спросила: — Гипс с ноги Кэйт еще не сняли?

— С чьей? А, да. Да, это все уже… но, видите ли, вчера около семи вечера, под самый конец ужина, в дверь позвонили, и Бонни сказала: «Бриндл, сходи посмотри, кто там, ладно?» — потому что Бриндл сидела ближе всех к двери, ну, Бриндл встала и…

Они подошли к перекрестку. Эмили протянула руки, дети окружили ее, Моргану пришлось отступить на шаг. Перейдя улицу, Эмили оглянулась — Морган извлекал свою каску из сточной канавы. Он печально протер ее рукавом и вернул на голову. Каска хорошо сочеталась с его пятнистой камуфляжной курткой и мятыми, оливково-желтыми «джунглевыми» штанами. «Он всегда одевается так, словно готовится к катастрофе, которая почти наверняка не случится», — подумала Эмили.

— Это официально одобренные, с гарантией защищающие от змей ботинки, — сообщил он, подойдя и приподняв напоказ зеленую ногу. — Я их в «Саннис Сюрплюс» купил.

— Очень хорошие, — сказала она. — Дети! Помедленнее, пожалуйста.

— Откуда у вас взялись две эти девочки? — спросил Морган. — По-моему, я их раньше не видел.

— Мы подменяем друг друга с их матерью. Сегодня она поведет Гину домой, у меня спектакль.

— Все так неупорядоченно, — пожаловался Морган. — Я прихожу к вам за тишиной и покоем и не нахожу никакого порядка. Та же Гина — она даже не поздоровалась со мной.

— Еще поздоровается, вы же знаете, она вас любит. Просто сейчас она с подругами.

— Мне больше нравится, когда вас двое и Гина идет между вами, одна. А где Леон? Почему его нет?

— Спит. Он вчера припозднился, пытался получить роль в пьесе.

— И тут беспорядок, — мрачно заявил Морган.

Он остановился, осмотрел свою куртку. Залез во внутренний карман и вытащил пачку сигарет.

— Итак, Бриндл идет к двери, — вернулся он к своему рассказу, — и ничего. Тишина. Ну, мы подумали, может быть, она убрела куда-нибудь, забыла, куда шла. Сбилась с пути, так сказать. Вы же знаете Бриндл. Вернее, знаете, *какая* она: вечно в халате, вечно в хандре. Спросишь у нее:

«Как прошел день?» — а она отвечает: «День?» Притворяется, будто дня и не заметила. «Иди узнай, что с ней, — говорит мне Бонни. — Это же *твоя* сестра, посмотри, чем она там занимается». Ну-с, я встаю из-за стола, отправляюсь на поиски, и вот она, в прихожей, — целуется с совершенно незнакомым мне мужчиной. Этакий долгий, крепкий, самозабвенный поцелуй, как в кино. И что мне делать, я не понимаю. Прервать их — вроде бы грубость получится, а если я повернусь и уйду, они непременно услышат скрип половиц, поэтому я просто стоял на месте, прочищая ниткой зубы, а эта парочка продолжала лобзаться. Крепкий мужичок с прилизанными волосами и Бриндл в своем халате. Наконец я спрашиваю: «Вам здесь что-нибудь нужно?» Тут они отлипли друг от друга и Бриндл сказала: «Это Роберт Робертс, любовь моего детства. Ты не узнаешь его?»

— Дети! — позвала Эмили. Они дошли до нового перекрестка. Эмили побежала вперед, чтобы взять их за руки. Морган последовал за ней, бормоча что-то.

— Я всю жизнь его знал, конечно (вот на что смахивало его бормотание), еще когда он под стол пешком ходил, заскакивал к нам, чтобы поиграть с Бриндл на улице в бейсбол. Называл

ее идиоткой, тупицей и дурой — добродушно, как это водится у влюбленных детей…

Показалась школа, мрачное здание, окруженное потрескавшейся бетонной площадкой, где кишели плоховато одетые дети. Эмили наклонилась, чтобы поцеловать на прощанье Гину.

— Приятного дня, лапа, — сказала она.

А Морган добавил:

— А как же старик Морган? Дядю Моргана никто целовать не будет?

И тоже наклонился, и Гина чмокнула его в щеку.

— Приходи после школы, помоги мне еще раз с йо-йо, — попросила она.

— Хорошо, дорогуша.

— Обещаешь?

— Конечно. Разве я тебя когда-нибудь подводил?

Она убежала, Морган стоял, глядя ей вслед, улыбаясь и стряхивая сигаретный пепел себе на ботинки.

— О да. О да, — сказал он. — Какая она милая, верно? Хорошо бы она больше и не росла.

— Терпеть не могу эту школу, — сказала Эмили.

— Почему? Что в ней плохого?

— Она так переполнена, в классах слишком много детей, и я даже не уверена, что отпускать сюда Гину одну не опасно. Я бы хотела отдать ее в частную школу. Родители Леона предлагали оплатить это, но не знаю, получится ли. Надо придумать, как уговорить Леона.

— Нет-нет, оставьте ее здесь. Не отрекайтесь от ваших принципов, — попросил Морган, взял ее за локоть и развернул в сторону дома. — Вот уж не думал, что вы захотите послать вашу дочь в частную школу.

— Это почему же? И что за принципы? — поинтересовалась Эмили. — Вы-то своих посылали.

— Не я, Бонни, — ответил Морган. — У нее есть на это деньги. Мы их никогда не видим, никогда не покупаем на них ничего упоительного, однако они есть, все отлично, и тратятся на то, что не бросается в глаза, — на новую черепицу, на образование детей. Ее деньги так благонравны! Я-то предпочел бы школу бесплатную. Будьте уверены. Вы же не станете таскать ее в какую-нибудь дальнюю даль, договариваться с другими родителями о поочередной доставке детей…

— Папа Мередит иногда заговаривает об этом, если Леона нет рядом, — сказала Эмили. — Не без задней мысли, я так понимаю. Должно быть,

надеется, что я измотаю Леона и, когда эта тема всплывет снова, тот к ней уже привыкнет. Но я ему ни слова не сказала, потому что Леон очень щепетилен в денежных делах. И вы знаете, какой он вспыльчивый.

— Вспыльчивый? — переспросил Морган.

— Он способен просто взорваться.

— Я даже представить это не в состоянии.

— Леон всегда был гневливым.

— Нет, не могу себе представить, — повторил Морган. Он остановился, обвел улицу взглядом. — Я предложил бы подвезти вас, чтобы отпраздновать возвращение Роберта Робертса, понимаете? Я слишком взвинчен сегодня, чтобы идти работать. Но, к сожалению, мою машину угнали.

— Как ужасно, — посочувствовала ему Эмили. — И когда?

— Только что, — ответил Морган.

— Сегодня? Этим утром?

— Мгновение назад. — Он указал на пустой участок бордюра рядом с почтовым ящиком: — Я поставил ее вот здесь, думал, что вы будете проходить мимо. А теперь ее нет.

У Эмили отвисла челюсть.

— Ничего-ничего, я не расстраиваюсь. Как вы,

пожалуй, сказали бы: в конце концов, что такое машина? — Он развел руки в стороны, улыбнулся: — Всего лишь обуза. Еще одно бремя. Верно? Без нее даже лучше.

Эмили не понимала, как можно говорить такое. Машина — это же очень важно. Они с Леоном уже несколько лет откладывали деньги на нее.

— Вы должны немедленно вызвать полицию, — сказала она. — Пойдемте к нам, позвоните по нашему телефону. Нельзя терять время.

— Бессмысленно, — возразил он. — Я никогда не питал большого доверия к полицейским.

Морган снова взял ее за локоть и повел по улице. Нажим его теплых пальцев напомнил ей о Гине.

— Прошлым летом, — поведал он, — мы ехали на пляж, и нас остановил полицейский штата, попросил его подвезти. Дескать, у него угнали патрульную машину. Представляете? Забрался на заднее сиденье, к Молли, Кэйт и моей матери… здоровенные сверкающие ботинки, револьвер в кобуре… склонился через спинку переднего кресла и увидел, как Бонни ест яблоко, вместе с семечками. И сказал ей: «Вы поосторожнее с этими семечками. Моя кузина Донна любила их. Лучшая часть яблока, так она говорила. Мы с

братом целый год складывали все наши семечки в коробку из-под будильника «Маленький Бен», а на Рождество подарили ей. Она так обрадовалась. Съела их все до одного, а к вечеру померла. Остановите, я сойду здесь», — сказал он. Я затормозил, он вылез, и больше мы его никогда не видели. Казалось, он выскочил невесть откуда только для того, чтобы принести нам это сообщение, понимаете? И исчез. Я сказал Бонни: «Подумай только, жизнь рядовых граждан находится в руках человека вроде этого. Расхаживает тут с револьвером, — сказал я, — наверняка заряженным, наверняка взведенным, или что там с револьверами делают».

— Да, но… — начала Эмили. Она хотела сказать, что следующий встреченный им полицейский, скорее всего, не был бы таким странным. Но призадумалась. Похоже, есть люди, которые на протяжении всей жизни притягивают к себе странности. — Как бы то ни было, от звонка в полицию никакого вреда не будет.

— Может быть, может быть, — ответил Морган. Он увидел облупившуюся, щербатую вывеску РЕСТОРАН ЮНОЛЫ и спросил: — Хорошее место?

— Никогда там не была, — ответила Эмили.

— Живете поблизости и никогда не заглядыва-

ли к Юноле?

— Деньги.

— Давайте зайдем и выпьем кофе, — предложил Морган.

— Я думала, вам пора ваш магазин открывать.

— О, с этим и Баткинс справится. Ему, если начистоту, без меня только лучше. Я ему мешаю.

Он отворил дверь, пропустил Эмили вперед. Четыре столика и стойка, за которой под пеленой табачного дыма сидели рядком и пили кофе мужчины в касках строителей.

— Присаживайтесь, — сказал Морган, подведя ее к столику. И сел напротив. — Вы знаете, что она означает, эта история с Робертом Робертсом? Последствия ее понимаете? Это же потрясающе! Сначала Бриндл годами хандрит, бродит в халате по дому, шаркая шлепанцами и размышляя, когда ее в следующий раз покормят. «Да приготовь что-нибудь, если проголодалась», — говорил я, а она отвечала: «Я не знаю, где что лежит, продукты, посуда и так далее». Понимаете, это дом, в котором она жила с тысяча девятьсот… шестьдесят четвертого, что ли? Или она в шестьдесят пятом к нам переехала? Помню, Кэйт уже в школу пошла, а Сью начала брать уроки игры на пикколо… и вот появляется Роберт Робертс! Словно с неба свалил-

ся. Говорит, что жена его умерла. И как бы то ни было, говорит, сердце его всегда принадлежало Бриндл. По какой причине, я вообразить не могу. Внешность у нее самая простецкая, характер не сахар. Однако его сердце всегда принадлежало ей, говорит он, а она каждый вечер рассказывала о нем за обеденным столом. Да наши дети выучили имя Роберта Робертса раньше, чем запомнили, как их самих зовут! Знали все его любимые настольные игры и спортивные достижения. И вот он является с охапкой роз, огромнейшей, всю нашу прихожую пропитал их дождевой, пышный запах… и просит Бриндл выйти за него замуж! Ну разве жизнь не… симметрична? Я ее в этом смысле недооценивал.

Над ними уже стояла, постукивая карандашом, официантка. Эмили кашлянула и попросила:

— Мне кофе, пожалуйста.

— Мне тоже, — сказал Морган. — Да, та еще была ночка. Эта парочка просидела до рассвета, обсуждая свои планы. И я за компанию с ними. Они хотят пожениться в июне.

— В вашей семье одна свадьба следует за другой, — заметила Эмили.

— Ну нет, — ответил Морган. Он потянулся через стол к ее сумочке, открыл, заглянул

внутрь. — Была, разумеется, свадьба Эми, потом Джин, Кэрол не в счет, она развелась, не успев дописать благодарственные письма.

Он перевернул сумочку, встряхнул ее. На стол выпал бумажник Эмили, за ним ключи. Морган встряхнул еще раз, но в сумочке ничего больше не было.

— Вы посмотрите! — восхитился он. — Вот это порядок.

Эмили взяла свои вещи, возвратила их в сумочку. Морган, склонив голову, наблюдал за ней.

— Я тоже питаю склонность к порядку, — сообщил он.

— Правда?

— Ну, по крайней мере, заинтересован в нем. Порядок всегда интриговал меня. В детстве я думал, что порядок наступит, когда у меня сломается голос. Потом думал — нет, может быть, когда я закончу учебу. А одно время полагал, что порядок воцарится в моей жизни, если я смогу хотя бы раз переспать с женщиной.

Он вытянул из колечка на столе салфетку, развернул ее, расстелил по коленям.

— И что же? — спросила Эмили.

— Вы о чем?

— Воцарился он после того, как вы переспали?

— Разве можно об этом спрашивать! — ответил Морган. И вздохнул.

Принесли кофе, он схватил сахарницу и принялся сластить его. Четыре чайные ложки, пять… после каждой он помешивал кофе, расплескивая его по столу, кое-что попало и в сахарницу. Сахар в ней постепенно покрывался коричневатыми каплями. Эмили посмотрела на них, потом на Моргана. Тот ободряюще осклабился. Она отвела взгляд.

И зачем она с ним хороводится? Он до того странен, что иногда, на людях, ее так и подмывало отойти от него на несколько шагов вперед, чтобы никто не догадывался об их знакомстве. А когда они гуляли втроем, она непременно брала Леона под руку. Занятно, однако, что он сумел так врасти в их жизнь. Он что-то добавил к ней, хотя что именно, Эмили сказать не могла. Сделал многое более интересным, чем оно было. Время от времени ездил с Мередитами на их кукольные спектакли, и по беличьей пристальности, с которой наблюдал за всем, что они делали, Эмили вдруг поняла, до чего экзотична их жизнь — странствующие кукловоды! Ну не так чтобы странствующие, но все-таки… А приглядевшись затем к Леону, сообразила, насколько

тот своеобразен — темные глаза, смуглая кожа, быстрые движения. Она и сама почувствовала себя не такой уж бесцветной и внезапно заметила, что Гина, иногда казавшаяся ей немного слишком полнолицей и румяной, похожа на пухлых розовощеких детишек с конфетных коробок девятнадцатого столетия.

— В сегодняшней газете напечатана фотография Леона, — сообщила она Моргану.

— Да?

Эмили склонилась над столиком, подумав, что по этой, должно быть, причине и решила выпить с ним кофе.

— В утренней, — продолжала она, — в статье о наших куклах.

— О, я не видел. Слишком рано вышел из дома.

— Нас сняли втроем, но на самом деле это статья о Леоне.

Морган закурил, отклонился вместе со стулом назад, вглядываясь в нее.

— Он говорил о куклах, о том, что они… ну, не импровизируются. Просто делаются по шаблону. — Она сплела пальцы, посмотрела на костяшки. — Он кое-что подразумевал под этим. Трудно объяснить. Если я попытаюсь, вы подумаете, что у меня разыгралось воображение.

— Вероятно, так и есть, — сказал Морган.

— А вчера вечером, когда он отправился на пробу… В прежние времена он запоминал перед показом кусок текста. Не просто зачитывал его, как другие. У него была очень цепкая память. Меня это всегда поражало. Так вот, вчера во второй половине дня он начал заучивать нужный ему кусок и ничего не получилось. Он запоминал одну строку и переходил к следующей, но когда пытался произнести их вместе, то выяснялось, что первую он уже забыл, и приходилось начинать все сначала. И это повторялось раз за разом. Жуть. Я в конце концов запомнила все строки, просто на слух, а он не смог. И обвинил в этом меня. Он этого не сказал, но обвинил, я знаю.

— У вас разыгралось воображение, — объявил Морган.

— Но он же правда изменился после встречи со мной, — сказала Эмили.

Морган, куря и хмурясь, покачался вместе со стулом. И спросил:

— Я когда-нибудь говорил вам, что уже был однажды женат?

— Как? Нет, не думаю. И еще он сблизился с родителями. Ну, он, конечно, может сказать, что это моих рук дело, ведь раньше только я с ними

и разговаривала. Но сейчас мне кажется… если честно, они приезжают сюда слишком часто. И он слишком уж хорошо ладит с ними.

— Я женился на четвертом курсе колледжа, — сказал Морган. — Ее звали Летицией. Мы обвенчались тайком, никто не знал. Но стоило нам пожениться, как мы утратили всякий интерес друг к другу. И это было самым смешным. Мы водились с разными компаниями, Летиция связалась с группой, исполнявшей старинную музыку, и уехала на рождественские каникулы в Нью-Йорк… Мы, что называется, потеряли друг друга из виду. Каждый пошел своим путем.

Эмили не понимала, зачем он ей об этом рассказывает. Она сделала над собой усилие, села попрямее и спросила:

— Серьезно? То есть вы развелись?

— Вообще-то, нет.

— А что же тогда произошло?

— Да ничего, — пожал плечами Морган. — Мы просто пошли своим путем каждый. В конце концов, о нашем браке никто не знал.

Эмили обдумала услышанное. И сказала:

— Но тогда получается, что вы двоеженец.

— Строго говоря, пожалуй, что так, — весело согласился Морган.

— Это же незаконно!

— Ну да, наверное, в определенном смысле.

Эмили смотрела на него во все глаза.

— Хотя на самом деле это так естественно. И если вдуматься, вполне логично. Разве каждый из нас не сидит на мешке, набитом событиями прошлого? И эти слои не так уж накрепко изолированы. Иногда выделения нижнего слоя просачиваются в верхний. Ведь так?

— Нет, ну честное слово, — сказала Эмили. — Какое отношение это имеет к чему бы то ни было?

Она взяла сумочку, встала. Морган тоже встал и быстро обошел столик, чтобы отодвинуть ее стул, однако она оказалась быстрее. И даже не стала ждать, пока Морган расплатится. Выскочила на улицу, оставив его у кассы, и ему пришлось бегом догонять ее.

— Эмили? — окликнул он, догнав.

— Мне пора домой.

— По-моему, я отклонился от темы. Ваши разговоры о двоеженстве, законности — из-за них я забыл, что собирался сказать.

— При половине наших разговоров, Морган, — заявила Эмили, — я не сомневаюсь, что вы врете мне напропалую. Вот и сейчас наврали. Ведь

наврали, так? Так? Или не так?

— Видите ли, Эмили, — сказал Морган, — конечно, Леон изменился. Все меняются, каждый болтается на волнах, вплывает во фьорды и выплывает из них, ударяется о сваи, срывается с речных порогов… Впрочем, нет, не будем отвлекаться. Но, Эмили, вы по-прежнему близкие люди. Вы продолжаете двигаться в одном направлении. И все еще очень схожи.

— Схожи! — воскликнула Эмили и остановилась перед газетным киоском. — Как вы можете говорить это? Мы совершенно разные. Хотя бы по происхождению. У нас даже вера разная.

— Правда? — удивился Морган. — Какой же веры Леон?

— Ну, пресвитерианин, методист… — Она снова пошла по тротуару. — Между нами нет никакого сходства.

— А на мой взгляд, есть, — не согласился Морган. — И вы так хорошо ладите.

— Ха! — горько отозвалась Эмили.

— Самая счастливая семья, какую я знаю, Эмили. Я просто-напросто люблю вашу семью.

— Представить себе не могу почему, — сказала она. Однако разрешила себе идти с ним в ногу.

Они прошли мимо женщины, которая красила

в ярко-зеленый цвет свою парадную дверь. «Салатовый, мой любимый!» — воскликнул Морган, и женщина засмеялась и отвесила ему театральный поклон. Потом миновали открытое окно, за которым Фэтс Домино[6] пел «Я иду», — Морган раскинул руки и затанцевал. Из-за сигареты в зубах его танец выглядел трудным и рискованным, Эмили он напомнил одного из тех русских танцоров, что отплясывают со стаканом водки на голове. Она стояла в сторонке, неловко помахивая сумочкой и улыбаясь. Затем Морган остановился, вынул изо рта сигарету.

— Ну это ж надо, — сказал он, глядя на что-то за спиной Эмили. Она обернулась, но ничего не увидела — только стоявшую у почтового ящика машину. — Моя машина! — объявил Морган.

— Что?

— Это моя машина!

— Вы уверены?

Глупый вопрос, уверена была даже Эмили. Да и с какой бы стати надумал он претендовать на такую развалину? Морган обежал вокруг машины, быстро попыхивая сигаретой.

— Видите? Там теннисная ракетка Лиззи, моя

[6] Сноски: 6

Фэтс Домино (р. 1928) — американский музыкант, один из родоначальников рок-н-ролла.

чалма, мой матросский костюм, который я привез домой из… А бутылку содовой видите? Она уже полгода перекатывается туда-сюда под задним стеклом. Или… — начал он и примолк. А затем: — Возможно, у кого-то еще есть точно такая машина?

— Перестаньте, Морган, — отмахнулась Эмили. — Конечно, это ваша. Вызывайте полицию.

— Зачем? Почему просто не украсть ее обратно?

— Вы же хотите, чтобы вора арестовали, ведь так?

— Да, — согласился он, — однако она стоит прямо под знаком «Стоянка запрещена», меня могут оштрафовать.

— Но не вы же ее здесь поставили?

— Иди-ка докажи что-нибудь в этом мире, — сказал Морган. — А я обещал Бонни, что штрафных квитанций больше не будет.

Он подергал дверцы — все заперты. Перешел к капоту, присел на корточки перед радиатором.

— Не думаю, что вы прихватили с собой ваш швейцарский ножик, — сказал он.

— Что? Нет, не прихватила.

Морган подергал за торчавшую из радиатора веревочную петельку. Затем склонился к ней и

стал ее перегрызать. Красившая дверь женщина опустила кисть и обернулась, чтобы понаблюдать за ним.

— Я не понимаю, зачем это, — сказала Эмили.

— Ключ, — ответил Морган. Что-то, звякнув, упало на землю. Морган пошарил под машиной.

— Справа от вас, — подсказала Эмили. — Ближе к колесу.

Морган растянулся на земле, немного заполз под машину, волоча за собой ноги. Подошвы его противозмеиных ботинок были прорезаны глубокими, как на зимних покрышках, бороздами. Он повозил рукой и воскликнул:

— Есть!

Подъехал и, подпрыгнув, встал маленький трехколесный почтовый фургончик величиной с тележку из тех, что разъезжают по полю для гольфа.

— На помощь! — завопил, приподняв голову, Морган. Эмили услышала, как его каска клацнула изнутри по бамперу. — Меня задавили!

— Морган?

— Мне ногу переехали!

Из фургончика вылез, насвистывая, и направился к почтовому ящику почтальон. Эмили схватила его за рукав:

— Отъезжайте.

— А?

— Уберите машину! Вы человека переехали.

— Ишь ты, — удивился почтальон. — Он что, не видел знака «Стоянка запрещена»?

— Говорю вам, немедленно уберите машину!

Почтальон направился к фургончику, заглянув по пути под машину Моргана. Тот скорчил ему рожу, состоявшую, казалось, из одних зубов.

— Поскорее, — потребовала, сминая пальцами юбку, Эмили.

Подошла женщина с кистью, ронявшей капли салатовой краски.

— Ах, бедняжка, бедняжка, — посочувствовала она.

Эмили опустилась рядом с Морганом на колени. Где-то внизу живота у нее собиралась тошнотворная тяжесть. Ну хоть крови нет. Голень Моргана, прижатая к земле игрушечной покрышкой, выглядела расплющенной, но целой. Дышал он прерывисто. Эмили положила ладонь ему на спину:

— Больно?

— Не так, как можно было ожидать.

— Он сейчас отъедет.

— Из всех треклятых глупцов, нелепых…

— Ничего, такое со всяким может случиться, — сказала Эмили, похлопывая его по спине.

— Я про почтальона говорю.

— О.

Почтальон снял фургончик с тормоза, и тот, заскрежетав, немного сдал назад.

— Уф! — выдохнул Морган. И, перекатившись на бок, выбрался из-под машины. Сел, осмотрел свою ногу. На зеленой штанине остался пыльный клиновидный отпечаток.

— Нога не сломана? — забеспокоилась Эмили.

— Не знаю.

— Вы штаны распорите, — посоветовала женщина с кистью.

— Только не штаны! — встрепенулся Морган. — Они времен Второй мировой.

Эмили начала торопливо заворачивать манжету брюк, боясь того, что может увидеть. Теперь около них остановились две старушки с хозяйственными сумками, и почтальон объяснял им:

— Будь я дурным человеком, мог бы пожаловаться на него за неправильную парковку.

— Вроде все цело, — сказала Эмили, вглядываясь в бледную, поросшую волосом кожу Моргана. — Пальцами шевелить можете?

— Да.

— А стоять?

Морган попробовал подняться, обняв для опоры Эмили рукой за плечи. Он оказался тяжелее, чем выглядел, с крепкими мускулами, теплый, а еще от него исходил резкий сероватый запах застарелого курильщика.

— Да, — сказал он. — Могу и стоять.

— Может быть, он только штанину прижал.

Морган отдернул руку.

— Ничего подобного.

— Но ведь крови нет, кость цела…

— Я чувствовал колесо. Чувствовал его тяжесть, оно явно прищемило мою икру. Думаете, меня может задавить машина, а я того и не замечу? Не каждая травма видна снаружи. Нельзя вот так со стороны решать, изувечен я или нет. По-вашему, когда почтовый грузовик правительства США размазывает меня по асфальту, я должен не обращать на это никакого внимания?

— Иисусе! — воскликнул почтальон.

Две старушки пошли дальше, женщина вернулась к окраске двери. Почтальон отпер почтовый ящик. Морган поднял вверх руку, в которой что-то блестело.

— Ну по крайней мере, ключ я достал, — сказал он Эмили.

— Ах да. Ключ.

Морган отпер пассажирскую дверцу:

— Запрыгивайте. Быстро.

— Я?

— Садитесь в машину. Вдруг вор объявится. Весь этот шум и тарарам…

Он подождал, пока Эмили сядет, закрыл дверцу и направился к водительскому сиденью.

— В последнее время я пережил слишком много треволнений, — посетовал он. — Не понимаю, почему все не может течь гладенько, без рывков.

Покряхтывая, Морган уселся за руль, наклонился, чтобы вставить ключ в замок зажигания.

— Ну вот, взгляните, — сказал он. — Новая напасть.

Ключ в замок не вошел, потому что из него уже торчал другой, с которого свисал кожаный кармашек.

— Ну вот что это? — спросил у Эмили Морган.

— Должно быть, его заперли в машине, — ответила она.

— Меня всегда поражала тупость нашего среднестатистического преступника.

— Но возможно, машину никто и не угонял, — предположила она.

— Это как же?

— Может быть, вам только *казалось*, что вы запарковали ее в другом квартале.

— Ну нет, — раздраженно возразил он. — Это было бы совсем уж смешно.

Он запустил двигатель, обогнул почтовый фургончик и покатил по улице. Судя по звуку, покатил не на той передаче.

— Поезжайте со мной, познакомьтесь с Бонни, — предложил он.

— Ой, Леон станет гадать, куда я подевалась. И потом, разве вам не пора на работу?

— Сегодня я работать не могу, я этой ночью только час и проспал. Из-за Бриндл, из-за этой истории. Вы когда-нибудь слышали подобное? Роберт Робертс, после стольких-то лет!

Эмили надеялась, что он не станет опять рассусоливать насчет Роберта Робертса. Она совсем умучилась. Ей казалось, у нее ушел не один час на то, чтобы пройти несколько кварталов от школы Гины, а сил, которые она на это потратила, хватило бы на многие годы. От одного только вида Моргана (мурлыкавшего, постукивая пальцами по рулю, «Я иду», свежего как огурчик, не удрученного никакими заботами) у Эмили тупо заболела голова.

Вот и ее дом. «Мастера на все руки» только-толь-

ко открылись, лампы дневного света вспыхивали в магазине и гасли, словно им не удавалось собраться с силами. Окна над магазином оставались темными. Весь этот дом можно было принять за пустую оболочку. Морган, продолжая напевать, проехал мимо. Эмили не попыталась остановить его.

2

Она и Леон помногу разговаривали о жене Моргана — какой та может быть, если он столько времени проводит без нее? Заглядывая к Мередитам, Морган всякий раз называл места, из которых приехал, и те, куда поедет от них. Он вообще дома бывает? Хотя бы по выходным? Ведь субботы он посвящал особым покупкам в собственном его уникальном стиле. Нырял в глухие уголки Балтимора и возвращался с немыслимыми приобретениями: мятыми консервными банками или чем-то бугристым, завернутым в упаковочную бумагу и обвязанным бечевкой с десятком грубых узлов, — походило на то, что в магазинах, посещаемых Морганом, о пакетах с ручками еще и слыхом не слыхивали. А воскресенья проводил на ярмарках и фестивалях. Выступая там с куклами, Эмили и Леон могли наткнуться на него по чистой случайности — увидеть его сквозь сетчатый задник среди публики — сидевшие составляли невысокий вытянутый холмик, а позади стоял он, высоко выступающий пик, накрытый диковинной шляпой; всегда один, всегда грустно размышлял о чем-то и

дымил сигаретой. (Впрочем, когда они выходили на поклоны, Морган широко улыбался и хлопал в ладоши, точно гордый родитель.) Зимой, когда ярмарки сходили на нет, он посещал церковные базары и мероприятия по сбору средств, которые устраивались школами. Ни одно из них не было для него слишком мелким. Ему всегда хватало свободного времени, чтобы постоять перед рождественской елкой, разглядывая войлок, которым оборачивалось ее подножие, или пенопластовых снеговиков с глазами из блесток. Так кто же она, эта Бонни, от которой он норовит удрать? Может быть, она его пилит? — говорил Леон. Может быть, она из тех прижимистых, ограниченных дамочек, что любят в одиночку принимать гостей в своих аккуратных гостиных, среди лаковых статуэток, к которым Моргану не дозволено прикасаться, и хрустальных пепельниц, в которые ему запрещено стряхивать пепел? Эмили так не думала. Собирая в одно целое все, что она слышала от Моргана (торопливые рассказы о бедствиях и несчастьях, заверения в любви к голой квартире Мередитов), она представляла себе Бонни распустехой в халате с разномастными пуговицами и с головой в бигуди. И потому не удивилась, когда Морган остановил машину перед опрят-

ным, крытым черепицей кирпичным домом в колониальном стиле — в конце концов, она же знала, что деньги в этой семье водятся, — но изумленно заморгала, выйдя из машины и увидев шатенку в опрятной юбке и блузке, занимавшуюся прополкой росших вдоль дорожки петуний. Ладно, может быть, это его сестра. Однако Морган окликнул ее: «Бонни!» Шатенка выпрямилась и вытерла запястьем лоб. Несколько легких морщинок у глаз — следы улыбок. Матовая, уже немного потрескавшаяся красная губная помада. С видом бодрым, но несколько неприступным она, судя по всему, ожидала объяснений.

— Бонни, это Эмили Мередит, — сказал Морган.

Ожидание продолжилось.

— Эмили и ее муж руководят кукольным театром, — добавил Морган.

— Вот как?

Эмили и в голову не приходило, что Бонни могла о ней не слышать, — в конце концов, она-то о Бонни слышала не раз. Эмили даже обиделась немного. Протянула Бонни руку и сказала:

— Здравствуйте, миссис Гауэр.

Бонни руку приняла. И спросила:

— Значит… вы приехали, чтобы повидаться с

мистером Морганом? Или зачем?

— Она приехала, чтобы повидаться с *тобой*, — ответил Морган.

— Со мной?

Морган сказал:

— А я что? Представляешь, у меня украли машину, потом я украл ее обратно, более-менее, но в последнее время я пережил столько волнений — и с Робертом Робертсом, и с прочим…

— Ты хочешь сказать, что пригласил ее к нам?

— О! — встряла Эмили. — Разумеется, я не хочу мешать вашей работе.

— Ничего страшного, — ответила Бонни. — Ты бы раскатал штанину, Морган. — И повернулась, чтобы повести их по дорожке.

— Но, миссис Гауэр…

— Оставайтесь, оставайтесь, — потребовал согнувшийся вдвое Морган. И расправил отворот вокруг лодыжки. — Она просто удивлена. Вы в такую даль заехали, оставайтесь!

Эмили поднялась вслед за Бонни по ступенькам. Она понимала, что выбора у нее нет, хоть и предпочла бы сейчас оказаться в любом другом месте. Они миновали глиняный горшок, в котором что-то росло — лук-резанец и, может быть, майоран или тимьян. Эмили окинула

растения тоскливым взглядом. При других обстоятельствах, думала она, Бонни вполне могла понравиться ей, просто знакомство их началось неудачно. А виноват в этом Морган. Он такой бездумный, нахрапистый. Эмили раздражала его подскакивавшая рядом вверх-вниз каска, похожая на посудную лоханку.

— Обратите внимание на розы Бонни, — посоветовал он.

Это могло быть намеком, указанием на слабость Бонни, но та, не обернувшись, сказала:

— На что там обращать внимание? Они еще не расцвели.

Все трое вошли в прихожую. На батарее отопления красовалась стопка библиотечных книг в жалких пластиковых обложках, лейка, упаковка печенья «Трисквит». Эмили пришлось смотреть под ноги, чтобы не оступиться посреди мешанины туфель и тапочек. Наконец они достигли гостиной.

— Гляньте! — предложил, схватив вазу, Морган. — Ее Эми в летнем лагере сделала, в десять лет.

— Очень красиво, — сказала Эмили. Ваза была кособокая, с трещиной на ободке.

— Я бы вас с ней познакомил, но она теперь в

Роланд-парке живет. Зато вы познакомитесь с мамой и Бриндл.

— Бриндл отправилась покупать обручальное кольцо, — сообщила Бонни.

— Кольцо! Ну да, об этом я Эмили рассказал. А там, на каминной доске, фотография Молли, видите? Красавица, правда? Это она в школьной пьесе играла, говорят, у нее актерский талант. Откуда взялся, понятия не имею. В нашей семье ни одного актера не было. Ну, что вы о ней думаете? Бонни, а свадебный альбом Джинни все еще у нас?

В нем появилось что-то лихорадочное, подумала Эмили. Мечется по комнате, роется на перегруженных полках. Эмили и Бонни стояли в двери, наблюдая за ним. Один раз они повернулись друг к другу, но, увидев странно замкнутое лицо Бонни, Эмили сразу отвела взгляд.

— Прошу вас, — сказала она Моргану, — мне пора. Я сяду на автобус и домой поеду. Пожалуйста!

— Но вы же с мамой не познакомились! — сказал он, резко остановившись. — И мне хотелось, чтобы Бонни получше узнала вас, чтобы вы с ней… Бонни, про Эмили сегодня в газете писали.

— Вот как? — произнесла Бонни.

— Где газета? Ты ее не выбросила?

— Я думаю, на кухне.

— Так пошли на кухню. Все! Давайте выпьем кофе. — И унесся.

Бонни, отлепившись от дверного косяка, пошла за ним, Эмили поплелась следом. Как жаль, что она не может просто исчезнуть. Взять бы и улизнуть без единого звука, ускользнуть, прежде чем они это заметят. Она прошла под кустарным бумажным мобилем — парусными корабликами — и переступила порог кухни.

Разделочные столы, загроможденные грязными тарелками, на полу несколько мисок для кормежки животных. Одна из стен словно обшита пожелтевшими газетными карикатурами, вырезками поновее, расписаниями хоккейных матчей, кулинарными рецептами, календарями, фотографиями, записанными на клочках бумаги телефонными номерами, направлениями на прием у зубного врача, приглашениями — и даже несколькими аттестатами зрелости. Эмили почувствовала себя попавшей в окружение — или в наводнение. Морган копался в кипе газет у двери во двор.

— Где же она? Где? Ее приносили сегодня? Ага! — Он поднял газету повыше. Затем положил на пол и начал листать. — Новости… редакцион-

ные статьи… фестиваль ремесел в Балтиморе!

Эмили, заглянув через его плечо, увидела серьезное лицо Леона. Как будто он смотрел на нее из другого мира.

— Вот это Леон, Бонни. Муж Эмили, — пояснил Морган. — А это их дочь Гина. Видишь?

— Очень милая, — сказала расставлявшая кофейные чашки Бонни.

— А знаешь, — задумчиво произнес Морган, — я когда-то немного походил на Леона.

Бонни еще раз посмотрела на фото.

— Вот на него? Никогда. Два совершенно разных человеческих типа.

— Ну да, однако что-то общее есть. Может быть, в глазах, не знаю. Или в губах. А может, лоб похож. Не знаю.

Он встал, отступил от газеты, вытянул из-под стола стул.

— Садитесь, садитесь, — сказал он Эмили.

И сам сел напротив, почти демонстративно, и, пока она усаживалась, смотрел на нее сосредоточенно и настырно. А она чувствовала себя в западне. Стопки тарелок на столах вздымались выше головы Эмили, и ей казалось, что сейчас они закачаются и повалятся прямо на нее. Посреди этого хаоса в лужице апельсинового сока

пристроилась пишущая машинка с листком бумаги в каретке. *…Резолюция была принята путем открытого голосования,* прочитала Эмили, *и Матильда Грейсон потребовала, чтобы…* Бонни опустила перед ней на стол пакетик сливок и помятую коробку сахара «Гордость кладовки».

— Вы что-то пишете? — спросила, указав на машинку, Эмили.

— Да, — ответила Бонни. И, подав Эмили чашку кофе, села с ней рядом.

— Э-э… а кем вы работаете, миссис Гауэр?

— Я работаю женой Моргана.

— О, понимаю.

— Да, — кивнула Бонни, — но понимаете ли вы, как нелегка эта работа? Я тружусь не покладая рук, поверьте. Со стороны он выглядит комичным и беззаботным — такой интересный, такой затейливый персонаж, — но представьте, что вам приходится иметь с ним дело постоянно. Я говорю о мелочах жизни, о стараниях приладиться к ней, сидеть дома, пока он болтается где-то, и пытаться вообразить, кем он себя сейчас воображает. Думаете, каждый из нас не мог бы вести себя так же? Носиться по городу в бархатном плаще с красной атласной подкладкой и в шляпе с перьями? Это как раз самое простое. А

вообразите себя его женой, ищущей химчистку, которая принимает страусовые плюмажи. Подогревающей его обед. Вообразите, как ждете его к обеду, пока он гуляет где-то с дружками, которых я ни разу не видела, — лоботрясами из Армии спасения, или астрологами, или какими-то еще пришибленными типами, которых он неведомо где откопал, слушающими его открыв рот.

Эмили опустила чашку на стол.

— Вы думаете, я его не понимаю. Гадаете, почему он на мне женился?

— Нет-нет, — возразила Эмили. И посмотрела на Моргана, с безмятежным видом сидевшего напротив.

Он удовлетворенно, как ребенок, сознающий себя центром внимания, покачивался на стуле и попыхивал сигаретой. Над головой его висели переплетенные волокна табачного дыма.

— Эмили, — произнесла Бонни.

Эмили повернулась к ней.

— Эмили, Морган — директор хозяйственного магазина.

Эмили подождала продолжения, но его не последовало. Видимо, Бонни сама ожидала ее ответа.

— Да, — промолчав почти минуту, сказала

Эмили.

— «Хозяйственного магазина Каллена», — уточнила Бонни.

— Ей это известно, Бонни, — сказал Морган.

— Известно? — Бонни удивленно взглянула на него. Затем спросила у Эмили: — Так вы не считаете его… раввином или греческим судовым магнатом?

— Нет, — ответила Эмили.

Про обстоятельства их знакомства она решила не рассказывать.

Бонни прижала к губам пальцы. Эмили увидела россыпь веснушек на тыльной стороне ее ладони. Приятная, в общем-то, женщина.

Бонни усмехнулась:

— Вы, наверное, думаете, что я не в своем уме. Чокнутая Бонни, так? Чокнутая Бонни — жена Моргана.

— О нет.

— Я просто опасалась, что вы… введены в заблуждение. Морган такой… как бы это сказать… шутник — в определенном смысле.

— Да, я знаю.

— Знаете? — переспросила Бонни.

Она посмотрела на Моргана. Тот ангельски улыбнулся и с присвистом выдохнул дым.

— Но мне кажется, он старается покончить с этим, — сказала Эмили.

— О, хотелось бы верить! Еще как! Некоторые его глупости требуют большой изобретательности… подумайте, чего он мог бы добиться, если б нашел своим талантам разумное назначение! Если бы взялся за ум. Решил идти прямым путем.

— Не слишком многого, — весело сообщил Морган.

— Ты о чем, дорогой?

— Я сумел бы добиться отнюдь не многого. Чем, по-твоему, я мог бы заняться взамен?

— Ну как… просто твоим *делом*. Тем, что у тебя есть. — И она обратилась к Эмили: — Чем так уж плох хозяйственный магазин? Нет, ну правда. Моя семья всегда торговала хозяйственными товарами, и торговала успешно. В этом нет ничего зазорного. Но дядя Олли говорит, что у Моргана душа к этому не лежит. Что толку в магазине, говорит он, где любую покупку приходится буквально с боем отнимать у его директора? Это если ты его еще отыщешь. Я отвечаю дяде Олли: «Ох, да оставьте вы его в покое. “Хозяйственный магазин Каллена” еще не конец и начало всего на свете». Однако он прав. Морган мог бы уделять магазину побольше внимания. Он не умеет говорить «нет».

И позволяет себе увлекаться чем угодно.

— Все дело в мышцах, — объявил Морган.

Судя по всему, про мышцы Бонни слышала не в первый раз. Она посмотрела на Эмили и закатила глаза, а Морган, тоже посмотрев на нее, повторил:

— Все дело в мышцах.

— Не понимаю.

— Я всего лишь следую их указаниям. Случалось вам прийти, ну, скажем, на кухню, а там и забыть, ради чего? Вы стоите посреди кухни, пытаетесь это вспомнить. И тут ваше запястье производит легкий поворот. Ага! Именно так вы его поворачиваете, чтобы открыть кран. Должно быть, вы пришли за водой! Вот и я доверяюсь моим мышцам, понимаете? — и они подсказывают мне, зачем я оказался здесь или там. Указывают, чему следует посвятить этот день. Я позволяю им распоряжаться мной.

— И они распоряжаются: назовись стеклодувом, — сказала Бонни, — или капитаном из «Буксирной компании» Кертис-Бея, или монтажником-высотником из племени могавков. Это лишь те роли, о которых я слышала, бог весть сколько их было еще.

Губы ее сжались словно в попытке скрыть

улыбку.

— Ты с ним идешь по улице, и вдруг совершенно неведомый тебе человек спрашивает у него, когда состоится следующее собрание «Международного братства магов». Ты слушаешь речь политика и внезапно видишь на платформе Моргана, он сидит рядом с женой сенатора, а в петлице у него гвоздика. Ты приходишь за крабами на Лексингтонский рынок — и кто же там стоит за прилавком? Морган в резиновом переднике, объясняющий покупателям, где он добыл таких хороших устриц. Оказывается, у него есть лодка, полученная им по наследству от дяди с материнской стороны, маленькая плоскодонка без мотора…

— Моторы только дно портят, — объявил Морган. — И механические хваталки для устриц мне тоже не нравятся. Что было хорошо для моего дяди с материнской стороны, то хорошо и для меня, вот как я говорю.

Бонни улыбнулась ему, покачала головой.

— Ты на две минуты выходишь за молоком, оставив его дома в пижаме, а возвращаясь, встречаешь на углу, он уже в атласной шапочке и лиловой атласной рубашке и открывает четверке мальчиков секрет, который сделал его единствен-

ным в истории Пимлико[7] жокеем, не знавшим ни одного поражения. Жокей ростом в шесть футов! Почему все ему верят? Он, видите ли, никогда не пользовался хлыстом, а только шептал лошади на ухо слово, которое действовало на нее, как *хлыст*. Какое, я забыла?

— Блистай, — ответил Морган.

— О да, — согласилась Бонни. И засмеялась.

Морган попрыгал на стуле, натягивая воображаемые вожжи.

— Блистай, блистай, — прошептал он, и Бонни засмеялась еще пуще и вытерла глаза.

— Он невозможен, — сказала она Эмили. — Он просто… непредсказуем, понимаете?

— Могу себе представить, — вежливо отозвалась Эмили.

Бонни начинала нравиться ей — это веселое розовое лицо, беспомощность, с какой она оседает на стуле, — зато ее мнение о Моргане лучше не стало. Ей никогда не приходило в голову, что он точно знает, каким его видят люди, и наслаждается их изумлением, а возможно, его и добивается. Она смотрела на него без всякого одобрения. Морган задумчиво подергал себя за нос и сказал:

---

[7] Сноски: 7
Ипподром в Балтиморе.

— Она права, со мной нелегко. Но я решил измениться. Ты слышишь, Бонни?

— Вот как, и давно? — спросила Бонни и встала, чтобы поднять кухонное окно. — Не знаю, что делать с моим садиком, — сказала она, глядя во двор. — Совершенно уверена, что посадила где-то овощи, а взошли, похоже, сплошные цветы.

— Я серьезно. — Морган повернулся к Эмили: — Она мне не верит. Бонни, ты разве не видишь, кто перед тобой сидит? Это Эмили Мередит, я привез ее в дом. Привез в наш дом. Я рассказал ей и Леону, обоим, кто я на самом деле. Рассказал о тебе и о девочках. Им известно, что у Эми родился ребенок, что Кэйт разбила машину.

— Правда? — спросила Бонни у Эмили.

Та кивнула.

— Ну, я не понимаю зачем, — сказала Бонни. — Не понимаю, почему он докучает вам этим.

— Я объединяю мои миры! — объявил Морган и приподнял кофейную чашку, словно приветствуя Бонни.

Однако Бонни сказала:

— Тут скрыт какой-то подвох. Чего-то не хватает. Не понимаю, чего он хочет.

Не понимала и Эмили. Она покачала головой; Бонни покачала головой. Начинало казаться,

что Бонни с Эмили — давние подруги, а Морган — человек в их компании новый. Он и сидел несколько наособицу, прячась под своей каской, точно эльф под шляпкой гриба, поворачивая лицо то к одной из них, то к другой, а женщины, прищурясь, наблюдали за ним, пытаясь понять, что он задумал.

1975

1

Даже засыпая, Морган в полное беспамятство не впадал. Некая часть его спала, другая оставалась настороженной и пугливой и всегда что-то подсчитывала — кнопки, пуговицы матраса, цветы на платье дочери, дырки перфорированного стенда с электротоварами. Приходил водопроводчик, заказывал трубы: шесть коленчатых и дюжину ниппелей. «Конечно», — говорил Морган. Потом он выступал на певческом конкурсе. Исполнял песню пятидесятых годов, «Памятные мгновения». Слова ее он знал, но воспроизвести правильно не смог. Вместо «В бальном зале мы краше всех» получилось «В барном зале мы крошим всех». Правда, и партнерша его танцевать толком не умела, куда уж краше всех. И подумать только! Партнершей была Лаура Ли Келлер, его первая любовь, которую он давным-давно, еще до времени «Памятных мгновений», потерял из виду. После выпускного бала он, Лаура Ли и половина других выпускников лежали на одеялах у океана и целовались. И даже сейчас, спустя столько лет, шум океана напоминал ему о несбывшихся возможностях: все они, неопробованные,

ждут за ближайшим углом. Морган открыл глаза и услышал океан, плескавшийся в нескольких кварталах от него, тот самый, у которого лежал с Лаурой Ли, да только теперь он стал человеком пожилым, раздражительным, как, надо полагать, и Лаура Ли, где бы она ни жила; а во рту стоял привкус горечи из-за того, что вчера он слишком много курил.

Шесть часов утра в Бетани-Бич, штат Делавэр, в покосившемся коттедже с толевой крышей, который они каждый июль арендовали у дяди Олли. Обшитые вагонкой, очень давно выкрашенные в синий цвет и выгоревшие стены высоко поднимались над просевшей в землю клумбой. Шелестела драная желтая оконная штора. Где еще, как не вблизи океана, увидишь такое окно — дешевая алюминиевая рама, искрапленная соленым воздухом, со вспученной сеткой, мягкой и неопрятной, точно какая-нибудь синтетическая ткань? Где еще сетчатые двери веранды имеют угловые диагональные деревянные вставки, отчего в пределах слышимости Атлантики не найти ни одного прямого угла? Комната обставлена бросовой мебелью: угрожающих размеров гардероб с потускневшим металлическим зеркалом; накрытый штопаным шарфом комод с

изогнутым фасадом, каждый его ящик заедает, на некоторых отсутствуют хрустальные ручки; розовый ворсистый ковер, тощий и морщинистый, словно подстилка для ванной; у кровати круглый столик с бортиком и салфеточкой посередке, на которой стоят радиочасы в корпусе из потрескавшейся коричневой пластмассы. Морган сел, включил приемник. Шестичасовая проповедь только-только закончилась, Гай и Рэлна пели «Нет друга лучше Иисуса». Рядом зашевелилась и застонала Бонни: «Морган? Какого?..»

Он немного убавил громкость. Вылез из постели, взял с гардероба сомбреро, надел, не посмотревшись в зеркало. И босой, в одних кальсонах поплелся по коридору на кухню. Воздух уже нагрелся и отяжелел до того, что Морган чувствовал себя изможденным.

Из четырех спален коттеджа заняты были только три. Во второй спала мать Моргана, в третьей Кэйт, его последняя еще остававшаяся в семье дочь. В прежние времена здесь было не протолкнуться. Девочки попарно спали на кроватях и диванах, Бриндл и Луиза жили в одной комнате, вдоль веранды лежали рядком спальники дочкиных ухажеров. Тогда Морган жаловался на беспорядок, теперь скучал по нему. И не пони-

мал, какой смысл по-прежнему приезжать сюда. Кэйт они почти не видели — ей уже восемнадцать, у нее свои дела, она вечно гостит у друзей, живущих в уродливом новом кооперативном доме на юге города. Что касается Луизы, память ее из-за этой поездки пошла вразнос, вывихнулась сильнее обычного. Только Бонни, похоже, удовольствие здесь и получала. Бродила вдоль берега с ведерком, охотясь за раковинами. Переносица у нее покраснела и все время облезала. Иногда она сидела у кромки воды, расставленные ноги ее сверху были ярко-красными, а с исподу бледными. Морган подходил к ней сзади по песку, засунув большие пальцы под резинку трусов, бросая вызов солнцу и жалящим брызгам, ибо ему всегда было тревожно, если кто-то из членов семьи входил в воду. Плавание (как и хождение под парусом, и катание на лыжах) он считал занятием неестественным, выдуманным от нечего делать богатыми людьми. И хотя плавать умел (натужным, беззвучным брассом — губы плотно сжаты, в воду опущен лишь кончик бороды), ради удовольствия не плавал никогда. И уж тем более в океане. Он считал свое недоверие к океану логичным и осмысленным. Благоразумно держался подальше от воды, не снимая плотных полуботи-

нок и шерстяных носков. Он лишь слушал удары волн, неторопливо погружаясь в глубокий транс и как будто снова лежа с Лаурой Ли Келлер на одеяле под звездами.

Для кофе было слишком жарко, но, если попытаться обойтись без него, головная боль неизбежна. Он ограничился растворимым, использовав горячую воду из-под крана. Сквозь «Максвелл-Хаус» и сахар ощущался густой, сумрачный привкус прибрежной воды, но Морган все равно пил этот кофе из расписанной клоунами кременки. Допив, ополоснул ее. Потом снял с кухонного стола сумочку Бонни и засунул ее в холодильник, а вернее сказать, в морозильник. Еще одна дурь богачей — они верят, что в курортных городах не существует преступности. Моргану виднее. Опасность окружала его со всех сторон, в центре Балтимора ему и то было спокойнее.

Он вернулся в спальню. Бонни уже сидела, откинувшись на подушку.

— Ты зачем встал так рано? — спросила она. — И почему радио включено?

— Новости послушать хотел, — сказал он.

Это была неправда, он всегда считал, что новости к нему никакого отношения не имеют. Чего он хотел, так это заглушить шум океана. Нынче

был вторник. Они провели здесь три дня. Осталось одиннадцать. Морган вздохнул и присел на край кровати, чтобы надеть носки.

— Я схожу в булочную, куплю что-нибудь к завтраку, — сказал он. — Тебе что-нибудь нужно в городе?

— Булочная еще не открылась.

— Подожду. Куплю газету. Здесь слишком тихо.

— Ну тогда возьми те плюшки-бабочки с вишнями… — Бонни зевнула, взъерошила пальцами волосы. На левой щеке остался отпечаток подушки. — Счастливый ты, — сказала она. — Вчера как лег, так сразу и заснул.

— Мне жуткий сон приснился.

— Зато заснул мигом.

— Но я всю ночь видел сны, — сказал Морган, — и просыпался, и смотрел на часы. А что снилось, теперь не помню. Человек во фраке выходил из гардероба. По-моему, в этом доме привидения водятся, Бонни.

— Ты это каждый год говоришь.

— Так они каждый год и водятся. — Он начал натягивать на себя полосатую футболку. Когда голова вынырнула из нее, сказал: — Все эти бессонные ночи, странные мысли… самое большее, чего я жду от отпуска, — это возможности отдох-

нуть, когда он закончится.

— Сегодня приезжает мой брат, — напомнила, слезая с кровати, Бонни.

Морган застегнул молнию туристских шортов, новых, еще не изученных им, со множеством кармашков и клапанов. К одному карману был приделан металлический зажим. Вероятно, для компаса.

— Полагаю, компас ты с собой не прихватила? — спросил Морган у Бонни.

— Компас?

Он посмотрел на нее. Бонни стояла перед гардеробом, одетая только в простую короткую ночную рубашку, именно ту, которая нравилась Моргану. Ему нравились даже вздувшиеся виноградными лозами вены ее икр, даже ее бугристые колени. Он прикинул — не подскользнуть ли к ней, не поцеловать ли пульсирующую жилку на шее, но почувствовал себя слишком угнетенным жарой, волнами, вагонкой стен.

— О господи, — вздохнул он. — Надо что-то делать с моей *жизнью*.

— А что с ней не так? — спросила, стягивая с плечиков блузку, Бонни.

— Она сходит на нет. Просто сходит на нет.

Бонни обернулась к нему, приоткрыла рот,

словно собираясь задать вопрос. Но тут Морган сказал:

— Плюшки-бабочки, так? С вишнями?

И ушел, прежде чем она успела что-то спросить, если, конечно, собиралась.

2

Придерживая мать под локоток, Морган вел ее по тротуару. Был почти полдень, и мать, чтобы не обгореть, надела черную шляпу размером с тележное колесо. Рукава у ее полосатого махрового пляжного халата были длинные, и доходил он до лодыжек, но под ним крылся не купальный костюм, а обычное уличное платье, потому что плавать она, по собственным ее словам, умела не лучше, чем летать. Лицо ее даже в такую жару было бледным, наморщенным, а кончики пальцев, которыми она коснулась руки Моргана, холодными. Руки же она коснулась, чтобы на секунду остановить его. Ей захотелось осмотреть строившийся дом.

— Какая у него необычная форма, — сказала она.

— Ее называют А-образной, — ответил Морган.

— Он же почти из одного чердака состоит.

Морган постарался собраться с мыслями. В мгновения вроде этого, когда Луиза, казалось, с полной ясностью воспринимала все, что ее окружало, ему всегда было трудно по-настоящему разговаривать с ней.

— Наверное, — сказал он, — построить такой намного дешевле, чем любой другой.

— Да, я тоже так думаю, — согласилась она. И снова пристукнула его по руке, и они пошли дальше. Луиза сказала: — Дай-ка подумать. Сколько мы уже здесь?

— Три дня, мама.

— Осталось еще одиннадцать.

— Да.

— О господи.

— Возможно, наша семья не создана для отпусков, — сказал Морган.

— Возможно.

— Наверное, дело тут в трудовой этике.

— Ну, я не знаю, *что это*. Больше похоже на то, что мы круглый год отпуск отгуливаем.

— Как ты можешь говорить такое? А мой хозяйственный магазин?

Она не ответила.

— Беда в том, что мы — люди городские, — объяснил Морган. — У нас и привычки городские, мы не можем сидеть сложа руки… Досуг для нас опасен. В том, чтобы просто бездельничать да размышлять, ничего хорошего нет. Взять хоть тебя с отцом, вы же ни разу в жизни не отдыхали. Верно?

— Не помню.

О жизни с его отцом Луиза не вспоминала никогда. Временами Морган думал: а что, если провалы в ее памяти, связанные с недавними событиями, объясняются провалами, связанными с мужем; что, если избирательная забывчивость невозможна? Решив забыть о чем-то одном, она вынуждена забывать и обо всем прочем. Ему вдруг захотелось взять ее за плечи и встряхнуть. Захотелось спросить: скажи, я старею точно так же, как старел отец? Далеко я от него ушел? Или остался вблизи? И стоит ли мне двигаться дальше? Я путешествую вслепую, и я уже в годах, до которых отец не дожил. Но вместо этого он спросил:

— Разве вы с ним не побывали однажды в Оушен-Сити?

— Я действительно не помню, — чопорно ответила она.

— О господи! Какая же ты *упрямая*! — воскликнул Морган и хлопнул себя по *ляжке*. На его мать это никакого впечатления не произвело, но две идущие впереди девушки в бикини оглянулись. — Ты когда-нибудь думаешь о том, как должен чувствовать себя я? А я временами чувствую себя так, точно *с неба* сюда свалил-

ся. У меня же никого от прежнего времени не осталось, я просто пришелец, вынужденный обходиться своими силами. Бриндл не в счет, она гораздо моложе меня, да и слишком занята этим ее мужем…

— У тебя есть я, — сказала мать, обходя карапуза с ведерком.

— Да, — согласился он, — но ты нередко… вроде как в отпуск уходишь, мама. Тебя здесь как будто и нет.

Он задел ее чувства. И был доволен этим — но лишь мгновение, за которым последовало раскаяние. Мать высоко подняла голову и вгляделась еще в один А-образный коттедж, на балконе которого трепыхались пляжные полотенца.

— Надо же! — удивилась она. — Какая скорость!

— О чем ты, мама, дорогая?

— Они его уже достроили. А вроде и времени-то всего ничего прошло. — И Луиза, выпятив подбородок, устремила на Моргана торжествующий, горестный взгляд.

— Да, вот такие дела, дорогая, — сказал он.

3

Морган сходил за пиццей для ужина, а вернувшись, увидел только что появившегося брата Бонни. Тот привез с собой новую жену, Присциллу, хорошенькую, с короткими и прямыми светлыми волосами, собранными сзади серебристой заколкой. Они всего несколько недель как поженились. Одеты оба были в одинаковые новые белые слаксы и пастельного тона рубашки, совсем как новобрачные в пору медового месяца. До сих пор Морган с Присциллой не встречался — во всяком случае, все явно так считали, потому что Билли представил ее Моргану, и она чопорно потрясла его ладонь. Бонни сказала:

— Присцилла училась в сельской школе Роланд-парка вместе с девочками Семпл-Пирсов, Морган.

— Ага, — промямлил Морган, однако он готов был поклясться, что Билли уже был однажды женат на ней. Морган вроде бы ее помнил. И думал, что она даже этот коттедж уже навещала. Впрочем, вела она себя так, точно видела все впервые.

— Какое приятное место, — сказала она. — В

нем столько… своеобразия.

И прошлась по гостиной, как незнакомый с ней человек, потрогав пепельницы из раковин, разглядев сделанную в 1934-м фотографию команды по лакроссу, в которой состоял дядя Олли, и прочитав все названия романов — сжатых изданий «Ридерз дайджест». Морган проявил осмотрительность, оставил свои догадки при себе. Но при первой же возможности попытался загнать в угол Бонни, которая унесла пиццу на кухню.

— Бонни, — прошептал он, — это не прежняя его жена?

— Нет, дорогой, нынешняя.

— Но разве Билли не был женат на ней раньше?

— О чем ты говоришь?

— Я точно знаю, что был, — ответил Морган. — И сюда ее привозил — в это же время года.

Уже согнувшаяся над плитой Бонни выпрямилась. Ей было жарко, волосы на висках повлажнели. Она сказала:

— Морган, у меня нет настроения выслушивать нападки на моего брата.

— Нападки? Какие нападки?

— Только потому, что его привлекают женщины определенного типа… — начала Бонни.

— Бонни, я не о *минах* говорю. Я серьезно. Билли привозил ее сюда несколько лет назад, у нее еще собачонка была, Кельти, Кильти… к чему это отрицать? Ничего плохого в том, чтобы жениться на ней дважды, нет. Очень многие возвращаются к бывшим женам, пытаются вернуть прежнее, надеются, что во второй раз все сложится лучше. Зачем это скрывать?

Она только вздохнула и вернулась в гостиную. Морган пошел за ней. Билли с Присциллой сидели на плетеной кушетке, разговаривали с матерью Моргана. В этой светлой одежде Билли с его розоватой лысиной и торчащими из-за ушей волосами выглядел старым и глуповатым. Одну руку Присциллы он держал, поглаживая, точно пойманного зверька, у себя на бедре. Присцилла делала вид, что это не ее рука. Немного наклонившись вперед, она с серьезным видом слушала рассказ Луизы о поездке в Бетани.

— Я взяла с собой термос чая «Липтон», — говорила Луиза, — два хороших, сочных нектарина и коробочку бисквитов с арроурутом[8], которые Бонни иногда покупает мне для пищеварения.

---

[8] Сноски: 8

Арроурут — крахмал из корневища маранты, произрастающей в тропиках; используется как лечебно-пищевой продукт для улучшения обмена веществ.

Присцилла кивала, лицо ее озарялось интересом и энтузиазмом. Совсем молоденькая. Не могла она быть замужем несколько лет назад, в то время она еще носила ярко-синий джемпер сельской школы Роланд-парка. Морган сконфузился. И сел в кресло-качалку.

Луиза продолжала:

— У моста была пробка, поэтому мы остановились, и я вышла и села на траву у дороги. Там был маленький мальчик, совсем карапуз, я поделилась с ним нектарином, а он дал мне хорошую крокодилову грушу.

– *Аллигаторову*[9], — пробормотал Морган, не выносивший, когда над Луизой смеялись.

— Эта была крокодиловой. Я съела половинку, а другую положила в пакетик. Потом мы вернулись в машину, проехали мост, но в Делавэре остановились опять, у «Киванис-клуба», там жарили цыплят, и я съела половину цыпленка, пакетик картофельных чипсов и выпила диетической колы. Маринованных огурчиков для сэндвича у них не оказалось. А в «Овощной лавке фермера Джона»…

Сумка Присциллы крепилась на пуговицах к

---

[9] Сноски: 9

Аллигаторова груша — народное название авокадо.

деревянной ручке — «бермудская», так их вроде бы называют. К ручке можно пристегивать мешочки любых цветов, под стать разным нарядам. Он готов был поспорить, что в ее чемодане таких мешочков полно — розовых в полоску, темно-синих… тут он как-то сбился с мысли. Вот интересно, почему он оставил фотоаппарат дома, подвесил его на кожаной лямке к двери стенного шкафа? Впервые за двадцать лет он не снимает их отдых. А с другой стороны, что тут снимать? Ведь все то же самое, год за годом. Те же волны, тот же загар, те же обязательные улыбки…

— А когда мы добрались до Бетани, я немного проголодалась, ну и пошла с Кэйт на рынок и выбрала арбуз. Чудесный был арбуз, толстый, гулкий, а как только мы тронули его в коттедже кончиком ножа, он сразу треснул пополам. Но оказался безвкусным. Представляете? Вообще никакого вкуса. Такой прекрасный цвет и ни капельки вкуса. Я этого просто не понимаю.

Моргану вдруг вспомнился один из снов прошлой ночи. Он стоял на лужайке рядом с красивой, грациозной женщиной, которой никогда раньше не видел. Она подвела его к детским качелям, свисавшим с ветки дерева. Они забрались на качели — женщина села, Морган встал над

ней, сжав ее ногами, — и стали раскачиваться над обрывом. Далеко внизу лежало поле, усыпанное крошечными желтыми цветочками. Морган знал, что, взлетев повыше, они прыгнут. И он умрет. Его это не огорчало. Но тут женщина откинула голову, прислонилась к нему, и он ощутил ногами ее тело — изгибы ребер, атласную прохладу платья. И как будто снова стал мальчиком и затрепетал. Понял, что, пока чувствует это, ему хочется жить и дальше, и сразу испугался прыжка. Проснулся рывком, сердце билось до того сильно, что все тело словно вибрировало ему в такт.

4

В последние годы Морган пристрастился писать письма. А почему — и сам сказать не мог. Просто иногда ему казалось, что на него нападает некое беспокойство, безудержность; он не находил себе места, ему хотелось что-то кому-то сказать, а придумать, что именно, не удавалось, да и кому именно — тоже. Тогда он садился и писал письма. Это было, конечно, не то, но за неимением лучшего... На работе он использовал машинку «Вудсток», дававшую неровные, чумазые строки, словно танцевавшие по всей странице. Печатал двумя пальцами, указательными, останавливаясь после каждого слова, чтобы поднять залипавшую литеру А. Дома писал подтекавшей авторучкой, картриджи которой наполнял с помощью пластикового шприца. Шприц он выудил из мусорной корзины в отделении скорой помощи, когда с одной из дочерей приключилось несчастье. Покупка уже заполненных картриджей представлялась ему мотовством. Писал он всем своим дочерям, даже тем, что по-прежнему жили в Балтиморе. Писал коммивояжерам, побывавшим в его магазине,

друзьям — Казари и державшему таверну греку. Поскольку сказать ему зачастую было нечего, он, как правило, давал советы.

Мое внимание привлек тот факт, что производимые вашей компанией опрыскиватели для растений позволяют великолепнейшим образом гасить на ночь огонь в камине. Нужно только наполнить емкость водой, поставить носик в положение 4…

Или:

Дорогая Эми,

Я заметил, что ты испытываешь некоторые затруднения с поддержанием порядка в доме.

Пойми меня правильно, я не виню тебя за это, у твоей матери та же проблема. Однако, как я повторяю ей уже не один год, решение существует.

Просто возьми картонную коробку, пройдись с ней по комнатам и сложи в нее все игрушки, грязную одежду и прочее, а затем спрячь в стенном шкафу. Если тебя спросят о потерянной вещи,

ты сможешь сказать, где она. Если же не спросят (теперь внимание, это самое существенное), если пройдет неделя и потери никто не заметит, ты можешь быть уверена, что вещь не нужна, и тогда просто выброси ее. Ты удивишься, поняв, сколько их, ненужных вещей. Выбрасывай все! Делай жизнь проще! Без колебаний!

С любовью, милая.

Твой папа.

Той ночью, после того как все разошлись по постелям, Морган уселся за кухонный стол и написал открытку Поттеру, торговавшему музыкальными инструментами.

...Погода все три дня была ясной и теплой, около 80 градусов[10]... должен поблагодарить милостивого Господа, ибо, как я слышал, в Рехоботе за 47 минут выпало 1¾ дюйма дождевых осадков...

Ваш во Христе Морган Гауэр, S. J.[11]

---

[10] Сноски: 10
По Фаренгейту.

[11] Сноски: 11
Орден иезуитов.

Он написал также прекрасное мужское письмо Тодду, своему трехлетнему внуку.

Новый пикап ведет себя хорошо, у него очень удобный, поверь мне, багажник. Мы имеем возможность привозить на пляж полный комплект «Британской энциклопедии». На одометре уже 15 010 миль, притом что горючее стоит $2,1 за милю, а полные эксплуатационные расходы на милю – $4,76. Если исходить из 30 % амортизации в год…

Письмо, адресованное Тодду, он положил поверх открытки Поттеру. Просидел несколько секунд, тупо глядя в пространство. Затем взял новый листок бумаги.

Дорогие Эмили, Леон и Гина. Погода стоит приятная, с температурой порядка 80…

Нет, повторять одно и то же — это ни к чему. Он зачеркнул предложение и написал:

Почему бы вам не приехать в пятницу на уик-энд? Просто поезжайте по

Бей-Бридж, дальше до Уай-Миллз, там перебирайтесь на шоссе 404, а с него на 18…

5

Бриндл объявилась в четверг, поздним утром. Никто ее не ждал. Морган сидел в ярко раскрашенном кресле-качалке на передней веранде, сгорбившись и перелистывая том энциклопедии. И, ненароком подняв глаза к улице, увидел уже сбавлявший ход маленький красный спортивный автомобиль, который Роберт Робертс подарил Бриндл на свадьбу. Бриндл резко затормозила и вылезла, обливаясь слезами, наружу. Голова ее была обмотана белым шифоновым шарфом, в котором она всегда спала, чтобы волосы поутру не торчали в разные стороны, одета Бриндл была в великоватый белый, доходивший до колен плащ. Моргану она напомнила водительниц ранней автомобильной эры.

— О, мне это нравится, — сказал он ей, поднимавшейся по ступенькам веранды. — Вуаль, плащ…

— Это не плащ, а купальный халат, — ответила Бриндл. И высморкалась в намокший «клинекс». От слез лицо ее стало мягким, полным, почти хорошеньким. Веки Бриндл поблескивали, желтоватая кожа порозовела. Она опустилась в

ближайшее к Моргану кресло, сложила платочек сухим участком наружу. — Я купила его на прошлой неделе в «Стюартсе». Шестнадцать сорок девять, цена снижена с тридцати двух девяносто восьми.

— За полцены, совсем неплохо, — одобрил Морган. — На-ка, дорогая, возьми сигарету.

— Я не курю, — напомнила ему Бриндл.

— Возьми, милая. Это тебе поможет. — Он протянул пачку, приглашающе потряс ею, но сестра только промокнула глаза и сказала:

— Мне этого больше не вынести. Я, должно быть, с ума сошла, выйдя за это… бревно, этого истукана. Он только и знает, что сидит там и скорбит. Не могу больше.

— Прими таблетку от изжоги. Или вот пастилки от кашля. А хочешь, мятную резинку? — говорил, роясь по карманам, Морган.

— Он поставил на телевизор мою школьную фотографию, выпускную. И половину времени, что проводит перед телевизором, смотрит на нее. Я вхожу в комнату и вижу, как он переводит взгляд на экран. А если он думает, что я чем-то занята, то подходит к ней, берет и разглядывает. Потом качает головой и ставит обратно.

Лицо Бриндл словно развалилось, она опять за-

рыдала. Морган смотрел на улицу. Он не то чтобы напевал, но издавал время от времени «мм-мм, мм-мм» и постукивал пальцами по открытой книге. Мимо проехал на велосипеде маленький мальчик, тренькнул звонком. Две женщины в цельных купальниках с юбочками несли за ручки корзину с бельем.

— Конечно, любая семья переживает временные трудности, — сказал Морган. И откашлялся.

На веранду вышла Бонни.

— Бриндл! — воскликнула она. — Что ты здесь делаешь?

— Я просто не могу больше выносить это, Бонни, — всхлипнула Бриндл.

Она протянула к Бонни обе руки, та подошла, обняла ее:

— Не плачь, Бриндл, ничего страшного. — Она всегда лучше Моргана знала, что следует говорить. — Не надо так расстраиваться, Бриндл, ладно?

— Дошло до того, что я ревную к самой себе, — глухо выдавила Бриндл. — Ревную к моей фотографии, к посеребренному браслету с его именем, который подарила ему, когда мне было тринадцать. Он никогда этот браслет не снимает. Спит с ним, купается. Мне иногда хочется сказать:

«*Хватит* уже. Неужели ты не можешь забыть ее?» Сидит перед телевизором, смотрит на мое фото… и иногда я замечаю в его глазах слезы. Я прошу: «Роберт, поговори со мной, пожалуйста», а он отвечает: «Да-да, минуточку».

Бонни погладила Бриндл по волосам под белым шарфом. Морган сказал:

— Ох, да наверняка это пройдет.

— Никогда не пройдет, — ответила Бриндл, гневно взглянув на него. — Если не прошло за два года, как можно рассчитывать, что пройдет потом? Говорю тебе, нет ничего хуже, чем когда двое мечтали, мечтали да и соединились наконец. Сегодня утром я проснулась и обнаружила, что он не ложился. Спустилась к телевизору, а он сидит там и крепко спит, прижав к себе локтем фотографию. И я взяла с кухонного стола ключи от машины и уехала. Даже одеваться не стала. Ой, я как полоумная была, как помешанная. Доехала до вашего дома, остановилась, вылезла и только тут вспомнила, что вы в Бетани. Тебе известно, что этот идиот, мальчишка-газетчик, продолжает привозить вам газеты? Они там везде, по всей лужайке валяются. Воскресная уже пожелтела, как будто ее описали, — да, может, так и есть. Послушай, Морган, если ваш дом ограбят, пока

вас нет, ты имеешь полное право судиться с этим мальчишкой. Попомни мои слова. Это же прямое приглашение для любого проезжающего мимо преступника.

— А ведь как хорошо все начиналось, — сказал Морган. — У меня такие надежды появились, когда Роберт Робертс пришел к нам в первый раз. Позвонил у двери, принес тебе розы…

— Какие розы? Роз он не приносил.

— Конечно, приносил.

— Нет.

— Но я же *помню*.

— Морган, прошу тебя, — сказала Бонни. — Ты не мог бы оставить эту тему?

— Ну хорошо. Но как он схватил тебя в объятия… ты помнишь?

— Все это было притворством, — заявила Бриндл.

— Притворством?

— Будь он хоть наполовину честен, так схватил бы в объятия мою *выпускную фотографию*. И поцеловал ее в губы. И подарил ей спортивную машину.

Подбородок ее опять покривился, она прижала к губам мокрый комочек «клинекса». Бонни смотрела поверх головы Бриндл на Моргана, словно

ожидая, когда он что-нибудь предпримет. Но что он мог предпринять? Он никогда не ощущал близости к Бриндл, никогда не понимал ее, хотя, разумеется, любил. При такой разнице в возрасте их даже братом с сестрой назвать было трудно. Когда она родилась, у него уже шла своя школьная жизнь, уличная, завелись друзья. И смерть отца не сблизила их, а просто показала обоим, как они далеки друг от друга. Оба скорбели об отце, но совершенно по-разному. Бриндл изо всех сил цеплялась за мать, Морган продирался, отчужденный и упорный, через внешний мир. Можно было сказать, что они и оплакивали-то разных людей.

Он медленно наклонился вперед, поскреб макушку сомбреро:

— Знаешь, я был уверен, что Роберт принес розы.

— Не приносил он никаких роз.

— Поклясться готов был: красные. Целую охапку.

— Ты эти розы выдумал, — сказала Бриндл и засунула «клинекс» в карман халата.

— Какая жалость, — грустно покачал головой Морган. — Эта подробность нравилась мне больше всего.

6

На ланч он решил приготовить спагетти, любимое блюдо Бриндл. Облачился в костюм буфетного повара — грязный белый передник и бескозырка — и принял всю полноту власти над кухней (Бонни с Бриндл сидели там за столом и пили кофе).

— Спагетти а-ля Морган! — провозгласил он, взмахнув пачкой лапши.

Женщины молча смотрели на него, лица у них были пустые, они думали о своем.

— Я могла бы понять все с самого начала, — вдруг объявила Бриндл, — намеки были, да только я видеть их не желала. Знаете, как это бывает. Чуть ли не первым, что он мне сказал в тот первый день, было… отступил от меня, взял за руки, оглядел и… «Не могу это понять, — сказал он. — Не знаю, почему все время думаю о тебе. Не такая уж ты и красавица, да и прежде ею не была». Так и сказал. А я ответила: «К тому же я старею. И мой дантист говорит, что зубы у меня с каждым годом кривее становятся». Ох, я от него никогда ничего не скрывала. Не пыталась казаться той, какой не была.

Бонни прищелкнула языком.

— Он не ценит тебя по достоинству. Он человек, который начинает понимать, какие чувства испытывает к чему-то, лишь увидев это издали — из прошлого, или глазами других людей, или через призму чего-то вроде фотографии либо книги. Ты правильно сделала, что бросила его, Бриндл.

Морган ощутил в висках зуд тревоги.

— Но она же не *бросила* его, просто взяла небольшой отпуск, — возразил он.

Бонни и Бриндл смотрели перед собой. Пожалуй, они даже не услышали его слов.

Прошлой весной соседка Бонни по комнате в общежитии колледжа развелась с мужем, прожив с ним двадцать семь лет. Ну и конечно, были еще жены Билли (каждая уходила от него, и некоторые даже записок не оставляли) и дочь Моргана Кэрол, которая вернулась домой всего через неделю после свадьбы, — вернулась в прекрасном настроении и снова поселилась в комнате, которую делила с сестрой-двойняшкой. Кроме того, Морган точно знал, что две ближайшие подруги Бонни подумывают о расставании с мужьями и одна из них даже беседовала с адвокатом. Он боялся, что это заразно, что Бонни может подхватить их недуг. Или, возможно, это

больше похоже на увлечение новизной, на модное поветрие. Бонни вдруг опомнится и уйдет от него. И заберет с собой… что заберет? Что-то вполне конкретное неясно маячило на самом краешке его сознания. Заберет с собой комбинацию замка, примерно так, — секрет, который ему необходимо знать, а Бонни знала всегда, не прилагая к тому усилий. Когда Бонни возвращалась после ланча с подругой, Морган неизменно спешил перечислить все недостатки и внутренние побуждения этой особы. «Она от рождения всем недовольна, это любому дураку видно. Как этот бедный болван, ее муж, мог запасть на такую… Не верь ни одному ее слову» — вот что он говорил. Ох, именно подруг опасаться и следует, женщин, а вовсе не мужчин.

Чтобы привлечь внимание Бонни, он постучал лопаточкой по сковороде. И исполнил короткий танец буфетного повара.

— Яйца на тостах для Номера Четыре! — воскликнул он. — Бекон, латук, помидоры под майонезом!

Бонни и Бриндл наставили на него совершенно одинаковые, пустые, непонимающие глаза — еще и не мигавшие, точно у кошек.

— Я что-то не вижу зубчиков чеснока, Бонни, —

сказал он, решив сменить тактику.

— Возьми высушенный.

— Высушенный! Как его обжарить? Немыслимо!

— Никто и не заметит разницы.

— Хорошо бы ты научилась составлять списки покупок, Бонни. Тебе не мешает стать более организованной. Держи список на дверце холодильника и вноси в него все, что подошло у тебя к концу.

Бонни провела пальцами по волосам. Это было похоже на плетение — выбрать прядь и перевить ее с другими, заправленными за уши.

— Мы вот что сделаем, — продолжал Морган. — На той неделе, когда вернемся в Балтимор, я куплю в супермаркете пачку бумаги. И распишу все по отделам супермаркета. Отдел первый: оливки, маринованные огурцы, горчица. Второй: кофе, чай… ничего не пропущу. Затем ты сделаешь двести шестьдесят ксерокопий.

Пальцы Бонни замерли.

— Сколько?

— По пятьдесят две на год. Хватит ровно на пять лет.

Она взглянула ему в лицо.

— А спустя пять лет я тебе новые списки состав-

лю, — пообещал Морган. — К тому времени нам могут потребоваться другие припасы.

— Да, очень может быть, — согласилась Бонни.

Она послала Бриндл быстрый, укромный взгляд, и женщины улыбнулись друг дружке. Улыбки их были столь живыми и вкрадчивыми, столь очевидно заговорщицкими, что к Моргану вернулись все его дурные предчувствия. Ему вдруг пришло в голову, что они, пожалуй, нередко разговаривают о нем за его спиной. «Ну ты же знаешь Моргана, — наверное, говорят они. — Знаешь, какой он».

— Ладно, в любом случае, — сказал он, — все, чего я хотел… Понимаешь, если мы будем сверяться с таким списком, покупки сильно упростятся. Все пойдет как по маслу. Ты согласна?

— Да, да.

— Хочешь, чтобы ксероксы сделал я?

— Нет, дорогой, я сама, — ответила Бонни. Затем вздохнула, засмеялась на свой особый манер и допила остаток кофе. — А пока, — сказала она Бриндл, — давай сходим в город и купим чесноку.

— Ни к чему, я возьму сухой, — поспешил заверить ее Морган.

— О, прогулка пойдет нам на пользу. Мы и маму

твою с собой прихватим.

Бонни встала, заглянула под стопку журналов. Потом в духовку и наконец в холодильник. Достала из морозилки сумочку и поцеловала Моргана.

— Что-нибудь еще тебе нужно? — спросила она.

— Можно купить сливок.

— Сливки у нас есть.

— Да, но завтра людей прибавится, и они могут приехать к завтраку…

— Кто приедет?

— Мередиты.

— Мередиты?

— По крайней мере, я *думаю*, что могут, — пояснил он. — Понимаешь, я написал им, потому что Бриндл тогда еще не было, а того, что Билли задержится на весь уик-энд, я не знал. Ну и считал, что места у нас хватит. Да его и так хватит. Разумеется, хватит! Где мы разложим спальные мешки?

— Морган, ты бы все-таки советовался со мной, прежде чем делать такое, — попросила Бонни.

— Но тебе же они нравятся! Ты всегда так говоришь.

— Кто нравится? — спросила Бриндл. — О ком у вас речь?

Бонни ответила:

— Ну, это… ты их помнишь, Бриндл, — Мередиты. Ты несколько раз видела их у нас. Леон и Эмили Мередит. Конечно, они мне нравятся. Мы оба очень их любим, и все-таки…

— Лично *мне* они показались суховатыми, — сказала Бриндл. — По крайней мере, она. Не думаю, что на пляже с ней будет так уж весело.

— О, Эмили вовсе не сухая, просто…

— Как бы то ни было, — не удержался Морган, — я, помнится, твоего мнения не спрашивал. Если уж на то пошло, я тебя в Бетани не звал, что, разумеется, дает тебе полное право критиковать выбираемых мной гостей.

— Перестань, Морган, — сказала Бонни.

— Да ладно, — добавила Бриндл, — они все равно не приедут. Не волнуйся, Бонни. Эмили не по душе песок. Ей не по душе грязь. Она не полезет в грязный, липкий океан. Я знаю таких людей, они никогда не ходят на банкеты.

После чего удалилась с Бонни, до того довольная своей проницательностью, что лицо ее заострилось и засияло — так, точно никакого Роберта Робертса и не было на свете.

7

Однако они приехали. На следующее утро, в маленьким черном «фольксвагене», купленном Леоном в магазине подержанных машин. Морган все еще не привык к мысли, что у них появился автомобиль. Хотя, раз уж такому суждено было случиться, он считал эту крошечную, похожую на колокольчик машину самым правильным выбором. Еще и черная — прекрасно. Да и в конце-то концов, ничего нет дурного в том, что странники обзаводятся каким-то транспортным средством. Может быть, им следовало бы заодно и жилой прицеп купить.

Морган стоял, покачиваясь с пяток на носки, во дворе и смотрел, как они разгружаются. Первой из машины вылезла Эмили и наклонила спинку переднего сиденья, чтобы выпустить Гину. Обута Эмили была неудачно — в палубные туфли. Морган глазам своим не поверил. При ее черном леотарде и свободной черной юбке эти массивные, жесткие коричневые мокасины на белых резиновых подошвах чуть ли не шокировали Моргана. Лицо выбравшейся следом Гины было прижмуренным и недовольным, как у не вовремя

разбуженного ребенка. Да и Леон казался зажатым, а в ямочке его подбородка белел квадратик туалетной бумаги, прикрывавший свежий бритвенный порез. Что говорить, они несомненно пребывали не в лучшей форме. Морган подумал, что стоило ему уехать из города, как все у них стало разлаживаться, они растерялись, засуетились, отбросили то, что составляло основу их обаяния, и накупили неподходящей одежды (на Леоне была рубашка-поло цвета электрик, который почти резал глаза). И все же Морган направился к ним, изобразив приветливую улыбку.

— Ба! Как приятно вас видеть! — воскликнул он и поцеловал Эмили в щеку. А следом обнял Гину и пожал руку Леону. — Доехали хорошо? Машин на дорогах много? Мост миновали благополучно?

Леон пробормотал что-то о стариках за рулем и рывком поднял крышку багажника.

— Доехали легко, только я не разглядела ни одного пейзажа, Леон гнал так, что они размазывались, — сказала Эмили.

— Эмили считает, что я гоню, если ей не удается прочесть написанное мелким шрифтом на всех рекламных щитах, дорожных знаках и цирковых афишах, — заметил Леон. — И пересчитать все фрукты на лотках.

— Ну, по-моему, патрульный со мной согласился.

— У него измеритель скорости сбит, — сказал Леон, — и я заявлю об этом, когда дело дойдет до суда. — Он достал из багажника маленький чемодан и захлопнул крышку. — Патрульным только бы план выполнить. Если они не успели выдать достаточно штрафных квитанций, то останавливают всех подряд.

— Ну ладно, — успокоительно произнес Морган и взял у Леона чемодан, оказавшийся тяжелее, чем он ожидал. — Добрались сюда живые-здоровые — это главное. Пойдемте в дом. Бонни! Мередиты приехали!

Они поднялись по ступенькам веранды, прошли в гостиную. Витавшие по дому запахи плесени и керосина впервые показались Моргану недружелюбными. Он заметил также, что подушки ротанговых кресел плоские, как блины, да еще и непропеченные, а из подлокотников торчат спиральки ротанга. Возможно, его идея была не так и хороша. Леон и Эмили неуверенно оглядывались по сторонам. Сгорбившаяся у двери Гина грызла ноготь на большом пальце. Похоже, этим летом настало ее время худеть, маленький лифчик трогательно обвисал на плоской груди

девочки. Внезапно Морган почувствовал, что все здесь — включая его самого — представляются ему геометрическими фигурами, плохо подобранной коллекцией выпуклостей и припухлостей, бессмысленно разбросанных в пространстве. Тут Эмили сообщила:

— Я привезла камеру.

— Как? — переспросил Морган. — О, камеру!

— Всего лишь «Кодак».

— Но это замечательно! — воскликнул он. — Мою я в этом году дома оставил. О, замечательно, что вы об этом подумали.

В этот миг из кухни вышла Бонни, улыбаясь и вытирая о юбку ладони. И Морган понял, что в конечном счете все сложится хорошо. Жизнь полна коротких мгновений уныния и мрака, они приходят и уходят и ничего не значат. Он лучезарно улыбался, глядя, как Бонни обнимает одного за другим гостей. Следом за ней показалась его мать, тоже улыбавшаяся.

— Мама, — сказал он, — ты ведь помнишь Мередитов.

— Конечно, — ответила она и протянула руку Леону, потом Эмили: — Это вы принесли мне на прошлое Рождество фруктовый торт.

— Ну да.

— С совершенно чудесной глазурью.

— Да, спасибо.

— А как ваш муж, он уже оправился от удара?

— Простите?

Что произошло, Морган понял сразу. Мать перепутала Эмили с Натали Чернофф, соседкой времен его детства. Миссис Чернофф тоже пекла на Рождество фруктовые торты. Этот сдвиг во времени так зачаровал его (фруктовый торт словно стал ключом, который открывает сразу несколько дверей в несколько исторических эпох), что он не потрудился прийти Эмили на помощь. А та сказала:

— Мой муж здесь, миссис Гауэр.

— О, прекрасно, значит, ему стало лучше, — порадовалась за Леона Луиза.

Эмили посмотрела на Моргана.

— Давайте я вам покажу вашу комнату, — предложил он.

И снова взялся за чемодан и повел их по коридору к комнате Кэйт. Постель там была свежезастелена, на полу лежал спальник для Гины.

— Ванная комната рядом, следующая дверь. Полотенца висят у раковины. Если вам понадобится что-нибудь еще…

— Все будет хорошо, я уверена, — сказала Эми-

ли и открыла чемодан. Морган углядел несколько квадратов новой на вид одежды.

Леон тем временем быстро пересек комнату и выглянул в окно. (Ничего, кроме стоявших в ряд помятых мусорных баков, он там не увидит.) Потом перешел к висевшей на стене картине: тускло-синее, гладкое, как стекло, море с плывущей по нему лодкой, сложенной из настоящих ракушек.

— Не стоило нам приезжать, — сказал он, разглядывая парус, изображавшийся раковиной моллюска.

— Ох, Леон, мы так нуждаемся в отдыхе, — возразила Эмили.

— У нас в понедельник утром спектакль. А это значит, что придется либо мучиться в воскресной пробке на мосту, либо выехать в понедельник ни свет ни заря и нестись опрометью, чтобы успеть ко времени. Хорошо еще, если не лопнет шина или еще какая задержка по дороге не случится.

— Так приятно выбраться из города. — Эмили достала из чемодана камеру, вернула на объектив соскочившую крышку. — Леон думал, что мы не сможем поспеть назад, но я сказала: «Леон, я устала. Мне хочется поехать. Я устала от кукол».

— От кукол она устала, — проворчал Леон. —

Хотел бы я знать, чьей они были идеей? Кто до них первым додумался? Я делаю только то, что велела ты, Эмили. Ты же сама все и затеяла.

— Ну, это еще не причина, чтобы никуда не ездить на выходные, Леон.

— Она думает, что мы можем просто взять и уехать, когда нам захочется, — пожаловался Моргану Леон.

Морган провел ладонью по лбу. И произнес:

— Прошу вас. Я не сомневаюсь, все сложится хорошо. Вы не хотите пойти сейчас посмотреть на океан?

Ни Леон, ни Эмили ему не ответили. Они стояли, глядя друг на друга поверх кровати, вытянувшись в струнку, словно приготовившись к чему-то серьезному. Возможно, оба не заметили, как Морган вышел из комнаты.

8

Нет, приглашать их сюда все-таки не было такой уж хорошей идеей. Уик-энд тянулся неторопливо — не столько проходил, сколько изнашивался. Останавливался и снова трогался с места. И словно царапал Моргана по нервам. Собственно, винить во всем одних Мередитов было нельзя. Скорее уж Бриндл, которая по десять раз на дню заливалась слезами; или Бонни, пережарившуюся на солнце до повышенной температуры и озноба; или Кэйт, арестованную в Оушен-Сити по обвинению в хранении половины унции марихуаны. Тем не менее Морган винил Мередитов. Он просто нутром чувствовал, что угрюмость Леона — это своего рода злое заклятье, кроме того, Моргана раздражала и Эмили, которая хвостом ходила за Бонни. Хотя кто, спрашивается, первым подружился с Эмили? Кто ее открыл? Она изменилась: стоило ей надеть другую обувь — и Эмили стала не та. И Морган избегал ее. Предпочел заниматься Гиной, грустным, только-только начавшим складываться ребенком опасного возраста — возраста, от которого у Моргана всегда щемило сердце. Он сделал для нее

из пластикового пакета воздушного змея, и Гина весьма убедительно поблагодарила его, однако, заглянув ей в лицо, Морган понял, что на самом деле все ее внимание отдано родителям, которые негромко спорили на другом конце веранды.

И Морган принялся размышлять о Джошуа Беннетте, своем новом балтиморском соседе. Беннетт был антикваром (*вот* профессия так профессия). Внешне он походил на Генриха Восьмого и вел жизнь джентльмена — поглощал вечером скромный, но дорогой ужин, после которого читал какой-нибудь переплетенный в кожу исторический труд, покручивая в пальцах коньячную рюмку. В начале прошлой весны, когда Беннетт только-только въехал в соседний дом, Морган нанес ему визит и застал его одетым в домашнюю куртку бордового бархата со стеганными атласными отворотами. (Где такую купить?) Беннетт, у которого невесть почему сложилось впечатление, будто Морган происходит из старинной семьи балтиморских судовладельцев, а чердак его завален древней бронзой, вел себя до крайности сердечно: налил Моргану коньяку, предложил сигару с мундштуком из слоновой кости. Интересно, принял бы Беннетт приглашение на пляж? Морган уже начал обдумывать

свое возвращение в Балтимор: дружбу, которую он там завяжет, разговоры, которые будет вести. Ему не терпелось вернуться.

Тем временем уик-энд все тянулся и тянулся.

Кэйт опозорила семью, говорила Бонни. Попала в полицейскую картотеку — пятно на всю жизнь. Бонни, по-видимому, относилась к этому очень серьезно. (Обгорев на солнце, она стала какой-то неспокойной, словно ее лихорадило.) Поскольку телефона в коттедже не было, из полиции Оушен-Сити позвонили в полицию Бетани, чтобы та известила обо всем Гауэров. И естественно, новость стала всеобщим достоянием. В субботу за завтраком Бонни положила свою воспаленную руку на руку Луизы и спросила у Кэйт:

— Что, по-твоему, чувствует твоя бабушка? До сих пор имя ее покойного мужа оставалось неочерненным.

Слова «неочерненный» Морган никогда от нее не слышал и не был даже уверен, что оно существует. Осмысление потребовало времени. Луиза между тем спокойно ковырялась ложкой в грейпфруте.

— Что скажете, мама? — спросила у нее Бонни.

Луиза подняла на нее запавшие глаза и ответила:

— Ну, не знаю, из-за чего столько шума. В старые времена мы давали марихуану младенцам. Когда у них зубки резались.

— Нет-нет, мама, это была белладонна, — сказала Бонни.

Кэйт выглядела скучающей. Бриндл высморкалась. Мередиты сидели в ряд и смотрели на всех, точно члены жюри присяжных.

А на пляже, где океан свивался волнами, вдалеке замирая гладью под ярко-синей чашей небес, и где чайки плыли вверху медленно, как паруса, их компания выглядела пестрой мешаниной из одеял, термосов, рыжих полотенец, зонта, что при каждом порыве ветра обнажал половину своих спиц, клекочущего радиоприемника и разбросанных в беспорядке газетных страниц. Кэйт, которой запретили покидать родителей до конца отдыха, сердито перелистывала «Севентин»[12]. Бонни потела и тряслась под слоями защищавшей ее от солнца одежды. Пятна цинковой мази на носу и нижней губе придавали ей сходство с разумным насекомым из научно-фантастического фильма. Гина выкопала в песке яму и улезла в нее. Билли и Присцилла изображали невесть что,

---

[12] Сноски: 12
Журнал, рассчитанный на читателей от 10 лет до 21 года.

устроившись на одеяле вплотную друг к другу.

Между тем Эмили в не шедшем ей светло-голубом купальнике, который подчеркивал худобу и вялость ее ног, делала снимок за снимком — каждому предстояло получиться неудачным, однако отдать камеру Моргану она не соглашалась. Боялась, что он *ее* снимет, так она говорила. Морган клялся, что не снимет. В его сознании уже хранилось удостоверение ее личности с наклеенной туда фотографией, которую ему хотелось сохранить навсегда, — текучая черная юбка и балетные туфельки. А фиксировать вот это, другое приобретенное ею «я» Морган, конечно, не стал бы. «Все, чего я хочу, — сказал он Эмили, — это сделать несколько групповых снимков. Людей в действии, понимаете?» Его раздражали мелочные проволочки, стилизованные позы, на которых она настаивала. Сам Морган был фотографом порывистым и стремительным, он подлавливал людские компании в разгар движения, смеха. А Эмили выбирала одного-единственного человека и шла к нему по песку, останавливаясь на каждом шагу, тщательно отряхивая белые ноги, а потом у нее уходила целая вечность на выбор верного ракурса, она щурилась, глядя в видоискатель, щурилась, посматривая на небо, — как будто могла с

ним что-нибудь сделать, что-то подправить в нем и тем помочь своему полуавтоматическому «Кодаку». «Теперь замрите», — говорила она объекту съемки, но затем примеривалась так долго, что объект напрягался и приобретал неестественный вид, и Морган далеко не один раз вскрикивал: «Да просто *снимите* его, черт подери!» — после чего Эмили опускала камеру и поворачивалась к нему, широко распахнув глаза и приоткрыв рот, и все приходилось начинать заново.

Под вечер воскресенья Мередиты поссорились из-за того, когда им лучше отправиться домой. Эмили хотелось остаться до понедельника, а Леон желал уехать этим вечером. «Господи, да конечно, — подмывало сказать Моргана, — поезжайте!» — и не только Мередитам, но и всем остальным. Вот бросили бы они его на пляже. И осень пришла бы и замела его песком, закидала бурыми, летящими в море листьями. И он наконец-то вкусил бы покой — так он это себе представлял. Морские валы помогали бы ему, перекатываясь через него, мирно лежащего. И тогда он получил бы возможность разобраться в себе. Ведь это *люди* вносили в его жизнь беспорядок — Луиза, похожая в полосатом пляжном халате на носатого бедуина; сгорбившаяся Бриндл, с

которой спадал пустыми складками старый растянутый купальник Бонни. Морган сидел под зонтом — сомбреро, трусы, полуботинки, шерстяные носки. Липкая голая грудь чесалась. Он жевал спичку и слушал, как ссорятся Мередиты.

Леон сказал, что если они выедут в понедельник, то очень даже могут опоздать к началу спектакля. Эмили ответила, что это всего лишь кукольный спектакль. Леон поинтересовался, как это она может говорить «всего лишь», разве не она была одержима этим делом, и его втянула, и столько лет заставляла без передышки возиться с дурацкими, идиотски ухмылявшимися куклами? Эмили сказала, что ни с чем его возиться не заставляла, а Леону следовало самому решить, на что он потратит свою жизнь. И уж она точно ни во что его не втягивала, заявила Эмили. Леон вскочил на ноги и направился на юг, к городу. Смотревший ему вслед Морган лениво отметил, что у Леона появился над поясом брюк мясистый валик. Леон обратился в плотного, увесистого мужчину с грузной походкой. Стайки тонких девушек расступались, пропуская его. Леон шагал мимо них, ни на одну не взглянув.

Не исключено, что и Билли с Присциллой поссорились, потому что теперь они сидели раз-

дельно и Билли выводил в песке между своими раздвинутыми ногами глубокие круги. Женщины сплотились, мужчины остались на отшибе, каждый сам по себе, закоснелый в упрямстве. Тихие голоса женщин сплетались с ударами волн.

— Посмотри на птиц, — говорила Эмили Гине. — Посмотри, как они кружат. Как охотятся на рыбу.

— А может быть, они просто подмышки проветривают, — сказала Луиза.

Бонни, озиравшая сквозь темные очки горизонт, заговорила умиротворенно и мечтательно:

— Вот здесь, на этом самом пляже, я впервые ощутила себя взрослой. Я и после замужества долгие годы считала себя молоденькой девушкой. Мне тогда было двадцать девять, я вынашивала близнецов. Привела Эми с Джинни поиграть на берегу. И, увидев, как спасатель посмотрел в мою сторону, а потом куда-то мне за спину, поняла, что он меня просто не увидел. Его сознание сказало: «Женщина. Дети. Играют в песке», и он перевел взгляд на кого-то еще. О, я вовсе не была из тех, кому подростки свистят вслед. И не привыкла, даже в юности, к ордам поклонников. Но, понимаете, на меня все же обращали внимание, а тут перестали. Я вышла в тираж. Мне стало так

грустно. Как будто у меня отняли то, что я уверенно считала своим, настолько уверенно, что и не замечала. И не знала, что это произойдет и со мной, как со всеми другими.

Взгляд Моргана привлек приближавшийся к ним мужчина в деловом костюме из какой-то скучной, серой, отливавшей кованым металлом ткани. Каждый, мимо кого он проходил, некоторое время смотрел ему вслед. Он, словно ветер, нарушал спокойствие их лиц, но, посмотрев, все отворачивались снова. Это был Роберт Робертс. «Бриндл», — произнес Морган. Похоже, она поняла все по одному лишь звучанию своего имени, потому что еще сильнее сгорбилась на одеяле, обняла колени, нахмурилась, но не оглянулась. Значит, возиться с Робертом предстоит Моргану. Он встал, выплюнул спичку. «Ба, Роберт Робертс!» — сказал он и протянул руку — слишком рано, Роберту еще оставалось пройти некоторое расстояние. Накренясь вперед, тот поднимался по откосу в бестолковой спешке, чтобы не заставлять Моргана ждать. Ладонь его оказалась влажной, лицо поблескивало. Он был мужчиной без бросавшихся в глаза кромок или углов, редкие каштановые волосы прилизаны и разделены на прямой пробор. И казалось, что он тонет в песке.

Песок набился в складки туфель, еще больше набралось за отворотами брюк. Вцепившись, точно утопающий, в руку Моргана, Роберт смотрел ему прямо в глаза — ну, это уж выучка коммерсанта, тут и сомневаться нечего.

— Боб, — пропыхтел он.

— Прошу прощения?

— Я Боб. Ты всегда называешь меня Робертом Робертсом, словно в насмешку.

— Правда?

— Я приехал за Бриндл.

Морган повернулся к Бриндл. Она, еще крепче обняв колени, смотрела в море и раскачивалась.

— Все повторяется, верно? — сказал Роберт. — Одна и та же история. Она опять бросает меня.

— А, ну… да ты присядь, Роберт, Боб. Ты же нам не чужой.

Роберт садиться не стал.

— Бриндл, — сказал он, — я проснулся в четверг, а тебя нет. Подумал, может, ты просто рассердилась на что-то, но прошло уже четыре дня, а ты не вернулась. Неужели мы так и будем всю жизнь ходить по кругу, Бриндл? Мы вместе, ты меня бросаешь, мы вместе, ты меня бросаешь?

— У тебя в любом случае остается моя фотография, — поведала океану Бриндл.

— И что это должно означать?

Бриндл встала. Стряхнула с купальника песок, поправила бретельку. И подошла к Роберту Робертсу так близко, нос к носу, что ему пришлось отступить.

— Смотри, — сказала она, постучав себя пальцем по желтоватой скуле, — это *я*. Бриндл Гауэр Тиг Робертс. Все эти имена — я.

— Да, Бриндл, конечно, — согласился Роберт.

— Ты так легко это говоришь! Но со времени нашего детства я побывала замужем и овдовела. Я вышла за нашего соседа, старого Хораса Тига, и переехала в его дом. Я покупала в гастрономах баночки ветчины…

— Ты мне все это рассказывала, Бриндл.

— Я не девушка с фотографии.

Что верно, то верно. Кожа под ее глазами была того же ущербного цвета, что и у Моргана. Ямочка на одной щеке стала походить на сухую трещинку — до сих пор Морган этого не замечал. Ей тридцать восемь лет. Морган погладил себя по бороде.

— О чем ты говоришь, Бриндл? — спросил Роберт Робертс. — Ты больше меня не любишь?

В маленькой компании женщин (все они воспитанно смотрели в сторону) раздался тишай-

ший шелест — то ли вздох, то ли смешок. Роберт оглянулся на них. Потом повернулся к Моргану и повторил свой вопрос:

— О чем она говорит?

— Я не знаю, — ответил Морган.

Тут заговорила Луиза:

— Если они поженятся, надеюсь, ты не отправишь меня жить с ними.

— Они женаты, мама, дорогая.

— Ты не представляешь, как это тяжело, — продолжала Луиза, — не знать, куда тебя отошлют в следующий раз.

— Мама, разве мы тебя куда-нибудь отсылали? Хотя бы однажды за всю твою жизнь?

— Не отсылали? — Луиза задумалась, втянув голову вглубь капюшона халата. А потом сказала: — Ну, по крайней мере, чувствую я себя так, как будто отсылали. Нет, я лучше с тобой останусь. Бонни, не позволяй ему отправлять меня к Бриндл, ладно? Жизнь рядом с Морганом нелегка, однако… богата событиями. По-моему, это так называется.

— О да, — сухо согласилась Бонни.

— Обещаешь?

— Мама, — сказал Морган, — они женаты. Уже женаты, и никто тебя никуда не отослал. Скажи

ей, Бриндл. Скажи, Роберт, Боб…

Но Роберт смотрел на море и не слушал Моргана. Ветер вздул его волосы, они торчали, как пики, придавая ему залихватский вид. Все наблюдали, как он нагибается, чтобы вытряхнуть песок из отворотов брюк. Как вытягивает из рукавов пиджака манжеты рубашки — до правильной длины. А покончив с этим, направился к воде.

Он обошел ребенка с лопаткой, переступил через ров и зубчатую стену. Однако приметливость его, по-видимому, слабела по мере приближения к морю, поскольку он оступился в вырытый тремя мальчиками прудок. Вылез оттуда, игнорируя их крики. Теперь штанины Роберта потемнели и казались обсыпанными сахаром. Раздавив чей-то бумажный стаканчик, Роберт достиг линии волн, однако не остановился. Молодой парень, который поднимал в воздух, собираясь макнуть, визжавшую девочку, вдруг опустил ее и замер, приоткрыв рот. Роберт уже вошел в бурливую белую воду по колено. Потом по пояс. Когда волна откатила назад, готовясь к новому броску, он предстал облаченным в тяжелые, влачившиеся за ним одежды, которые выглядели почти библейскими.

До этого времени все оставались неподвижны-

ми, точно мелкие вкрапления купальщиков на почтовой открытке. Но теперь Бриндл крикнула: «Остановите его!» — и все женщины вскочили на ноги. Спасатель выпрямился на своем высоком деревянном стуле, не донеся до рта свисток. По песку промчался Билли, Морган кинул сомбреро на колени Бриндл и побежал следом, однако спасатель опередил их обоих. Ко времени, когда Билли и Морган влетели в воду, спасатель, уже войдя по пояс, бросил Роберту оранжевый надувной плотик. Роберт отпихнул его и двинулся дальше.

Волна, ударившая Моргана в колени, оказалась холоднее, чем он ожидал. Мокрые шерстяные носки были омерзительны. Однако Морган не остановился. Он собирался не столько спасти Роберта, сколько покарать его. Нет уж, на сей раз ничего у Роберта не выйдет, так просто он не отделается, мы не позволим. Морган прорезал воду, руки и ноги его разбредались в разные стороны. Какая-то женщина удивленно смотрела на него, приподняв оба клапана своей купальной шапочки. Спасатель, подобравшись к Роберту сзади, применил удушающий захват, и Роберт, который до сих пор даже волос не намочил, замахал руками и навзничь повалился в воду. Волна накрыла

его целиком, он вынырнул, кашляя и отплевываясь. Спасатель, по-прежнему держа Роберта за шею, повлек его к берегу. Морган последовал за ними, раскинув перед собой руки, вытянув шею, вглядываясь. Спасатель выволок Роберта из воды и уронил на песок, точно узел мокрого белья. И потыкал длинной бронзовой ступней в бок.

«О господи», — устало сказал Морган и сел рядом с Робертом, глядя на свои погубленные полуботинки. Скоро на песок опустился и запыхавшийся Билли. Роберт продолжал кашлять, не обращая внимания на обступивших его людей.

— Отойдите, отойдите, — приказал им спасатель. И спросил у Моргана: — Он что, пьяный?

— Ни малейшего понятия не имею, — ответил Морган.

— Ладно, мне нужно доложить о нем.

— В этом нет никакой необходимости, — сказал, вставая, Морган. — Я сотрудник Бюро.

— Что?

— Отдел безопасности в местах отдыха, — сказал Морган. — Как вас зовут, сынок? Я, разумеется, упомяну о вас на заседании правления.

— Ну, Хендрикс, — ответил спасатель. — Дэнни Хендрикс.

— Отличная работа, Хендрикс, — похвалил

Морган и бодро пожал спасателю руку. Тот постоял с минуту, почесывая в затылке, а после вернулся к воде посмотреть, как уплывает в море его надувной плотик.

Они подняли Роберта и потащили по песку — одна его рука лежала на шее Моргана, другая на шее Билли. Вроде бы Роберт ничего себе не повредил, но был тяжел и апатичен до того, что ноги его буквально волоклись следом. «Ты бы *шагал*, друг», — весело попросил Билли. Выглядел он довольным — возможно, вспомнил студенческие дни, самую счастливую, как сказал он однажды Моргану, пору своей жизни. Морган молчал. Ему хотелось курить.

Они протащили Роберта мимо одеяла, на котором женщины собирали вещи. Бриндл разглаживала и складывала полотенца. В сторону Роберта она и не глянула. Морган почувствовал гордость за нее. Пусть Роберт знает, с кем имеет дело! Пусть посмотрит, как они со всем справятся — все вместе. Ибо тут не просто супружеская ссора, не романтическая размолвка; нет, случившееся — это явственный комментарий к их семейной жизни. К ее беспорядочности. Роберт стоял вот у этого самого одеяла, не так ли? — слушая Луизу, забывшую, в каком време-

ни она живет, и спорившего с ней Моргана, все остальные строились в боевые порядки… и тут он пошел на прорыв, сбежал. Мерзавец. Он оскорбил каждого из них, всех и каждого. Морган ощутил прилив гнева. И, притворившись, что его волнует Хендрикс, без предупреждения остановился, выскользнул из-под руки Роберта и повернулся к океану. Роберт перекосился и чуть не упал. Морган прикрыл ладонью глаза. Хендрикс махал флажками, посылая какие-то сигналы спасателю с другого пляжа. Языка сигнальных флажков Морган не знал, однако легко мог представить себе разговор, который сейчас происходит. В ЧЕМ ПРОБЛЕМА? — спрашивает сосед, а Хендрикс отвечает: — БЕДЛАМ ХАОС НЕРАЗБЕРИХА…

Кэйт тоже наблюдала за ним (несомненно находя Хендрикса красавцем).

Морган спросил:

— Можешь разобрать, что он передает?

Она пожала плечами:

— Это просто сигнал отбоя.

— Как это?

— Ну ты же знаешь — отбой, все в порядке.

— Много он понимает, — проворчал Морган.

9

Бонни сказала Моргану, что им не хватит постелей. «Мередиты сегодня уезжают или завтра?» — спросила она. Разговор происходил на кухне, под вечер, Бонни выгружала в кувшин кусочки льда из формочек. И прошептала под лязг и треск льда, что если Мередиты уедут до того, как настанет время ложиться спать, — это сильно все упростит, тогда она сможет разместить в их комнате Бриндл и Роберта. Однако Морган не думал, что Бриндл захочется делить комнату с Робертом.

— Оставь их в покое, Бонни, — сказал он. — Выдай Роберту спальник и пусть ляжет на веранде.

— Но они же семья, Морган.

— Он псих. Без него ей будет лучше.

— Когда она ушла от него, только ты и был против, — напомнила Бонни. — А теперь, лишь потому, что он зашел в воду…

— Зашел одетым. В костюме. Обратил нас в отпущенных на пикничок обитателей сумасшедшего дома, в общее посмешище…

— Никто не смеялся, — заметила Бонни.

— Знаешь, каков главный признак того, что

наш нынешний отдых не удался? — сказал Морган. — Я начал задумываться, как поживает хозяйственный магазин.

— Он просто хотел показать ей, что ему не все равно.

— Я даже не прочь позвонить утром Баткинсу и выяснить, пополнил ли он запас мешков для листьев. Скоро осень и…

— Какая осень? На дворе июль.

Морган подергал себя за нос.

— Иди спроси у Эмили, что они решили, — попросила Бонни.

— Ты хочешь, чтобы я велел им уехать?

— Нет-нет, просто спроси. Если они остаются, мы придумаем что-нибудь еще.

— А может, уехать *нам*? — с надеждой предложил он. — Другие пусть остаются, а мы уедем.

Бонни лишь молча посмотрела на него.

Он побрел в гостиную. Там мать с Присциллой играли в скрэббл, а Кэйт, сидя за ротанговым столиком, красила ногти. Комнату наполнял запах лака для ногтей — острый городской запах, который так нравился Моргану. Он предпочел бы посидеть здесь, но спросил:

— Эмили никто не видел?

— Она перед домом, — ответила Присцилла.

Морган вышел на веранду, рахитичная сетчатая дверь со стуком захлопнулась за ним. Эмили снова снимала. Сфотографировала Гину, которая выстраивала на перилах в ряд устричные раковины. Сфотографировала Роберта: одетый в чужое — в свадебные белые слаксы и полосатую рубашку Билли, — он оцепенело и униженно сидел в кресле-качалке. Затем сфотографировала Моргана, ему пришлось долгодолго стоять, стараясь не показать своего раздражения, пока Эмили щурилась на него сквозь камеру. По крайней мере, с радостью отметил он, из купальника Эмили вылезла. И была в черном, босая. Вернулась прежняя грациозная легконогая фея. Услышав щелчок затвора, Морган сказал:

— А теперь я вас сниму, уж больно вы милы и красивы.

Он спустился по ступенькам, взял камеру из ее рук. В кои-то веки она не стала противиться. Выглядела усталой. Даже когда Морган отступил и нацелился на нее, Эмили не пригладила волосы, лицо ее не смягчилось.

Морган сделал снимок, вернул ей аппарат.

— Ах да… Бонни просила узнать, — сказал он, — можем мы рассчитывать на то, что вы проведете здесь ночь?

— Не знаю, — ответила Эмили. И с легким жужжанием перемотала пленку на один кадр. — Мне нужно поговорить с Леоном.

— О? А *где* он, Леон?

— Все еще не вернулся с прогулки. Я собиралась сходить в город, поискать его.

— Тогда и я с вами, — решил Морган. — Гина? Не хочешь прогуляться?

— Я занята, — ответила Гина, начиная выкладывать второй ряд ракушек.

— Роберт?

— Я жду Бриндл.

Морган с Эмили вышли на улицу, узкую и неровную, зато здесь можно было идти прямо посередке, не опасаясь машин. Они прошли мимо женщины, которая развешивала пляжные полотенца, мимо девочки, выдувавшей, сидя на ступеньках веранды, мыльные пузыри. Дома стояли чуть ли не вплотную, отчего им двоим казалось, что они идут по анфиладе комнат — в одной по радио поет Нил Даймонд, в другой передают гобойный концерт; они улавливали запахи кофе и котлет из крабов, видели, как мальчик и мужчина раскладывают на зеленом диване веранды рыболовные снасти. Эмили сказала:

— Ждать ему придется долго.

— Кому? — спросил Морган.

— Роберту Робертсу. Бриндл уехала в Балтимор.

— Правда?

— Билли повез ее в Оушен-Сити. На автобус.

— Так ее машина прямо перед нашим коттеджем стоит!

— Эта машина ей больше не нужна — так она сказала.

— О, — выдавил Морган. И, подумав, спросил: — Значит, она в мой дом отправилась, верно?

— Я не поинтересовалась, — ответила Эмили.

— И поделом ему, — сказал Морган. — Да, до сих пор я был на его стороне, помнил, как он позвонил в дверь, как принес розы… но эта история с океаном. Нет. Люди воображают, что могут удержать кого-то такими выходками. Что могут навредить себе, а отвечать за это будем мы. Однако они нас недооценивают. Недопонимают. Нет, Бриндл ему этого никогда не простит.

Эмили молчала. Он посмотрел на нее — усталая, бледная, камера крепко зажата в руке с голубоватыми прожилками. Как ей удается не обгорать? Ведь она просидела на пляже столько же, сколько все остальные. Морган отер рукавом потный лоб.

— Ладно, — сказал он. — Полагаю, вы должны находить нас очень утомительными. Правильно?

— Я чудесно провела время, — возразила она.

— Как?

— Я чудесно провела время.

— Ну да, приятно, конечно, что вы так говорите, однако… хорошо, неважно, я же понимаю — мы ведем не ту жизнь, к какой вы привыкли. В нашей отсутствует бережливость. Не думайте, что я этого не замечаю.

— Все было чудесно. Настоящий отпуск, — сказала Эмили. — Как только мы получили ваше письмо, я пришла в полный восторг — и побежала покупать новую одежду. Я же много лет не была на пляже. Еще со школьных времен.

— О да, школьные времена…

— Он всегда говорит, что у нас нет времени. И предпочитает сидеть дома. Мы или спектакли играем, или дома сидим. Думаю, он ведет себя так мне назло, словно желая сказать: «Ты хотела выйти замуж и прочно осесть, так? Ну вот, мы осели и никуда отсюда не сдвинемся». Смешно: я надеялась, что стану походить на него — буду более, ну, активной, — а вместо этого он стал походить на меня. Мы всегда сидим дома. Я — за

швейной машинкой, чувствуя себя героиней какой-то сказки, рабочей лошадкой. Дочерью мельника, которую заставили сплести из соломы золото. Поездка сюда была именно тем, что мне требовалось, — здесь происходит столь многое, так много всего случается…

— О боже, боже… — вздохнул Морган.

Он чувствовал себя до крайности неудобно, да еще и сигареты забыл прихватить. Они прошли мимо курившего на своей веранде мужчины, и Морган втянул полную грудь чужого резкого серого воздуха.

— Здесь и солнце-то светит иначе, — сказал он, — так долго и ровно, и свет у него почему-то плоский…

Он зашагал быстрее. Эмили не отставала. Они свернули на восток, прошли мимо первой череды магазинов.

— Это он поставил меня в такое положение, — продолжала Эмили. — Он притворяется, что все было моей идеей, что я сама сделала такой нашу жизнь, но это же неправда. Что я могу, если он просто *сидит* на месте? Ну скажите!

Морган сказал:

— Если честно, не думаю, что мне удастся выдержать здесь еще хоть день.

— В Бетани? — удивилась Эмили. И огляделась вокруг. — Но тут прекрасно.

— Тут воняет дохлой рыбой.

— Ох, ну что вы, Морган.

Они миновали витрину магазина подарков, увешанную желтыми сетями и заставленную шипастыми лакированными раковинами флоридских рапанов, оловянными морскими ежами и коньками в плексигласовых пресс-папье, стоечками с серьгами в виде морских звезд и дельфинов. Потом поднялись по стареньким деревянным лестницам и пандусу на променад, и Морган, взглянув в темного стекла витрину ресторана «Холидей хауз», воскликнул:

— Господи!

Эмили повернулась к нему.

— Посмотрите! — сказал он, вглядываясь в стекло и ощупывая свои щеки. — Какой же я старый! Руина! Я выгляжу так, точно… разваливаюсь на куски.

Она засмеялась.

— Не вижу тут ничего смешного, — заявил он.

— Не волнуйтесь, Морган. Все у вас хорошо. Так всегда бывает, если взглянешь в зеркало, не подготовив лицо.

— Да, но я уже подготовился, — возразил он. —

И посмотрите! То же самое!

Она перестала смеяться, лицо ее приобрело сочувственное выражение. Но, конечно, понимания от нее ждать было нечего. Кожа Эмили казалась обтянутой золотистой пленкой, в волосах поблескивали на солнце металлические искорки. Она пошла дальше, а секунду спустя и Морган последовал за ней, продолжая ощупывать лицо кончиками пальцев.

— Я думала, он где-то здесь. — Эмили из конца в конец оглядела променад.

— Может быть, в кафе зашел.

— Нет, он в одиночку никогда в кафе не ходит.

Это заинтересовало Моргана:

— А почему? Что его останавливает?

Эмили не ответила. Она положила ладони на перила променада и смотрела в океан. Было самое малое пять часов, а то и больше, купальщиков в воде осталось один-два. Осиротевший плотик из белого пенопласта качался на волнах, уплывая вдаль. Вдоль кромки воды прогуливались парочки в чистой сухой одежде, придававшей им сходство с любовно ухоженными, только что проснувшимися детьми. Плоские прямоугольники песка, оставшиеся там, где недавно лежали на одеялах семейства, покинутые песчаные кре-

пости и башни, сохранившие форму ведерка. Но никакого Леона.

— Может, он вернулся в коттедж, — сказал Морган. — Эмили?

Она плакала. Слезы скатывались одна за другой из широко раскрытых, смотревших в океан глаз.

— Ну что вы, Эмили, — смутился Морган.

Хорошо бы здесь была Бонни. Он неловко обнял Эмили за плечи и произнес слова, которые, по его предположению, произнесла бы Бонни:

— Не плачьте, Эмили, ничего страшного. Не надо так расстраиваться, Эмили.

Волосы ее пахли свежим постельным бельем, весь день сохнувшем под солнцем. Камера, которую она прижимала к себе, выпирала жестким ящичком, но в остальном она казалась мягкой, бескостной, на удивление хрупкой; в сравнении с ним ее как будто и не было. Моргана испугала внезапная боль в груди, заставившая его еще крепче прижать к себе Эмили. У него закружилась голова. Эмили издала какой-то странный звук, словно бы задохнулась, и оторвалась от него.

— Эмили, подождите! — У него что-то не ладилось с дыханием. — Дайте мне объясниться.

Но она уже отступала от него, оставив Моргана покачиваться с жарким от стыда лицом, и, еще

не успев разобраться в этой новой катастрофе, он посмотрел вниз и увидел, что прямо под ними проходит, уткнувшись носом в вечернюю газету, Леон.

10

В понедельник погода испортилась, солнце показалось только в четверг, когда было уже поздно, потому что каждый из оставшихся в коттедже успел разозлиться на всех остальных. Билли с Присциллой уехали в припадке раздражения раньше, чем собирались, — Присцилла в машине Бриндл. Луиза поругалась с Кэйт из-за каких-то оладий с черникой, и Бонни сказала Моргану, что он должен будет посадить Луизу в свой пикап. Ей не под силу ехать в одной машине с этой парочкой. Однако Морган везти мать домой не желал. Он предвкушал поездку в одиночестве — выехать спозаранку и нигде не останавливаться. А добравшись до дома, заглянуть к Джошуа Беннетту, антиквару. И может быть, прогуляться потом по центру города, посмотреть, что там без него изменилось. Нет, Луиза в его планы никак не вписывалась. И потому субботним утром, пока остальные еще укладывали вещи, он забросил в кузов пикапа свою энциклопедию, сказал: «Всем до свидания» — и удрал. Отъезжая по улочке в сторону шоссе, он видел в зеркальце заднего обзора бежавшую за ним Кэйт, сходившую с веранды

и кричавшую что-то Бонни и Луизу, которая стояла, прикрыв ладонью глаза, в дверях коттеджа. От этой семейки так просто не улизнешь. Вечно приходится рвать какие-то нити, распутывать клубки.

Ехал он, слегка превышая дозволенную скорость, а один раз даже своротил на обочину, чтобы обогнать вереницу машин. У Кент-Нэрроус прождать пришлось всего несколько минут, а мост он миновал и вовсе без задержки. Пролетая по нему, Морган ощущал себя парящим в воздухе. До Балтимора он добрался около одиннадцати, а к дому подъехал в одиннадцать двадцать, задолго до Бонни и прочих.

Двор зарос, его покрывали рулоны газет. Дом был прохладен, шторы опущены, воздух затхл, под почтовой щелью у двери скопилась груда писем. В столовой сидела, раскладывая пасьянс, Бриндл. На груди ее халата желтели кофейные пятна. Когда Морган вошел, Бриндл отсутствующе поворошила пальцами воздух и положила бубнового валета поверх дамы пик.

— Прости, что не собрала газеты, — сказала она, — просто не хотела выходить наружу, потому что бóльшую часть недели перед домом торчала машина Роберта Робертса.

— А он упорный, — заметил Морган. И присел рядом с ней, чтобы разобрать почту.

— Я даже за молоком сбегать не могла или хлеба купить, пришлось обходиться тем, что нашлось в доме. Главным образом сардинами и солониной. Мне казалось, что я в подводной лодке сижу, и страшно хотелось пожевать латука. Но в общем было неплохо. Я ничего против не имела. Вспоминала времена, когда мы были маленькими и бедными. Морган, — спросила она, держа перед собой в воздухе десятку треф, — разве мы не были счастливее в каком-то смысле, когда боролись с бедностью?

— По-моему, мы и сейчас с ней боремся.

Элегантно голубой конверт, надписанный именем Присциллы и содержавший, скорее всего, благодарственную записку. Устал он от них, если откровенно. Морган взял другой конверт, тот был потолще и выглядел многообещающим, вскрыл его. Внутри обнаружилась завернутая в письмо пачка фотографий. Он посмотрел на подпись: Эмили. Итак? *Дорогие Морган и Бонни*, — писала она опрятным почерком, который показался ему несколько деланным, — *еще раз спасибо за прекрасный отдых. Надеюсь, мы не доставили вам слишком много хлопот. Под конец мы так*

торопились, стараясь уехать дотемна, и теперь мне кажется, что мы не попрощались с вами как следует. Вы были, принимая нас, до того милы, мы все так хорошо…

Морган поморщился и взялся за снимки. Вяло перебрал их. А потом сел попрямее и просмотрел фотографии заново. Положил на обеденный стол одну, рядом другую, еще другую. Бонни, Роберт, Бриндл, Кэйт…

Каждый из снятых сидел одиноко, купаясь в янтарном свете, какого в Бетани-Бич, штат Делавэр, определенно никто отродясь не видел. Бонни сложила руки на животе и улыбалась лучезарной улыбкой. Роберт Робертс сиял в чужой рубашке, точно молодожен, кожа Бриндл отливала сочным оттенком бесценного живописного полотна. Упрямо надувшая губы Кэйт выглядела знойной и загадочной, как экзотический плод. Сдвинутое на затылок сомбреро Моргана обратилось в нимб, а белые нити бороды придавали его лицу глубину и фактуру резного изваяния. Ладно, все дело в пленке. Дешевой, или просроченной, или недопроявленной пленке.

И все-таки каждый из снятых Эмили людей смотрел так прямо, с такой доверчивостью, с такой сосредоточенностью, — да и сама она, мра-

морно-белая в складках черной ткани, встречала его изучающий взгляд глазами столь ясными, что Моргану казалось: он способен видеть сквозь них, видеть то, что за ними, и даже то, что видит она, то, каким представляется ей его мир. И в груди Моргана стал набухать пузырек надежды. Он снова и снова перебирал фотографии, раскладывая их так и этак, выравнивая, роняя, широко улыбаясь, вздыхая и посмеиваясь, не обращая никакого внимания на изумленный взгляд сестры: мужчина в любви.

1976

1

С наступлением весны Эмили пристрастилась к прогулкам. Да так и прогуляла весну и лето, бродя по улочкам, по истертым лужайкам скверов, по магазинам, в которых пахло чесноком и маринадом. Она входила через передние двери и выходила через задние, попадая на незнакомые улицы, забитые грузовиками, штабелями деревянных ящиков, рабочими, которые вспарывали асфальт пневматическими молотками. Шаги Эмили сами собой подстраивались под музыку, звучавшую в ее голове. Ей нравились песни о расставаниях, о женщинах, которые укладывают вещи и уходят, о мужчинах, которые, проснувшись, обнаруживают, что рядом с ними никого нет. *Поезд ушел, и в вокзальном чаду ты меня не найдешь, я тоже уйду…* Она проскальзывала между двумя детьми, поедавшими попкорн из общего пакета. *Однажды утром встану чуть свет, откроешь глаза — а меня и нет, не вру, я уйду…* Сталкивалась со старухой, несшей наполненную бутылками хозяйственную сумку, и, не извинившись, шла дальше. *Кончай нести ерунду, знаю, ты будешь скучать, когда я…* Уйду, уйду, уйду — вот

слово, которое выстукивали ее туфли. Поначалу ее поступь была жесткой, но с течением дня смягчалась; Эмили постепенно замедляла шаг, поникала, успокаивалась. И думала о том, как пиджак Леона свисает с его широкой сутуловатой спины. О том, сколь окончательными звучат его слова — куда более определенные, чем у других людей, — даже в голосе, которым он их выговаривает, присутствует своего рода весомость. О том, как он всегда держит рот закрытым — не плотно сжатым, но спокойно и мягко закрытым, отчего ей казалось, будто в голове Леона совершается потаенная работа.

В конце концов она вздыхала и поворачивала к дому.

Во время этих прогулок за ней нередко увязывался Морган Гауэр — широкополая кожаная шляпа и всклокоченная борода покачивались в некотором отдалении за ее спиной. Если Эмили останавливалась и он ее нагонял, то быстро надоедал ей. У него начался какой-то новый период, появился новый пунктик. Безвредный, в сущности, но вызывавший раздражение. Он мог внезапно возникнуть перед ней где угодно — всплеснуть руками посреди Бродвейского рыбного рынка и, радостно улыбаясь, сообщить:

«Этой ночью мне приснилось, что вы легли со мной в постель». Она щелкала в ответ языком и уходила. И могла покинуть рынок, пройти целый квартал, свернуть в переулок, миновать скрежещущий мусоровоз, а Морган шел за ней, но на расстоянии. Его шляпа с округлыми полями горизонтально плыла за ее спиной и чуть ли не вращалась, точно летающая тарелка, под которой неторопливо фланировал он сам. Эмили оглядывалась, невольно усмехалась. Затем отворачивалась снова, но он уже успевал все заметить — она слышала его ответный смешок. Неужели он не понимал, что у нее хватало своих проблем, было о чем подумать? Мысли о Леоне тяготили ее, затуманивали голову. Начав с размеренного походного шага, а после сбиваясь на медленный, Эмили перебирала хитросплетения жизни с ним. Любовь — дело нешуточное. А Морган все посмеивается. Она сдавалась, в очередной раз останавливалась, ждала его. И он подходил, указывал на неоновую вывеску над их головами:

— Гляньте-ка! «Номера *Ла-Трелла*. На неделю! На день!» Не заскочить ли нам наверх?

— Ну ей-богу, Морган!

И даже при Леоне — о чем он только думал тогда, Морган? При нахохленном, мрачном Леоне

он вдруг сказал: «Прихватите зубную щетку, Эмили. Мы с вами пустимся во все тяжкие». А если откуда-то доносилась музыка, все равно откуда, хоть из проезжавшей мимо машины, Морган ухватывал Эмили за талию и принимался танцевать. В последнее время он танцевал непрерывно, как будто ноги его не могли устоять на месте. Она и не думала никогда, что он способен вытворять такие глупости.

По счастью, Леон его всерьез не воспринимал.

— Вы рискуете получить больше, чем рассчитываете, — сказал он в тот раз Моргану.

Она все-таки выговорила ему:

— Не стоит отпускать такие шуточки при Леоне, Морган. Что он может подумать?

— Да только одно. Что я хочу умыкнуть вас, — ответил Морган и закружил по кухне, где Эмили в ту минуту мыла посуду, и стал распахивать дверцы всех шкафчиков. — Что вы с собой возьмете? Эти тарелки? Эти чашки? Вот этот пластмассовый кувшин, в который влезает две кварты апельсинового сока?

Она опустила мыльные руки на раковину, понаблюдала за ним и спросила:

— Вам когда-нибудь случается смущаться, Морган?

— Ну… — произнес он, закрыл дверцу шкафа и погладил себя по бороде.

— Это очень интересный вопрос. Рад, что вы его задали. Сказать по правде… э-э, да, случается.

Эмили заморгала:

— Вот как?

— Сказать по правде, — повторил он, — в вашем присутствии, ну да, случается.

Он стоял перед ней, улыбаясь. И было в нем что-то неуклюжее, внезапно заставившее Эмили понять, каким он был юношей — неловким, не способным придумать, о чем разговаривать с девушками. А может быть, слишком разговорчивым, просто от робости, — ни с того ни с сего начинал подробно пересказывать фильмы или объяснять, как устроен двигатель внутреннего сгорания. Ее это поразило, она никогда не думала так о нем. Да скорее всего, она и ошиблась, потому что миг спустя перед ней уже возник хорошо знакомый ей Морган: седоватый подмигивающий клоун, тихо отбивавший чечетку на кухонном полу.

Ну по крайней мере, ей было с ним весело.

2

Так она и прогуляла все лето — и пришла в осень. Разумеется, она делала и многое другое: давала кукольные представления, шила костюмы, стряпала, помогала Гине с уроками. Однако ночами, закрывая глаза, она видела лабиринт улиц и машины на них — так же, как завзятые шахматисты видят во сне шахматные позиции. К ней вновь возвращались мельчайшие подробности ее прогулок: гулкий удар ноги по крышке канализационного люка, проблеск слюды в бетоне, установленные к Двухсотлетию[13] пожарные гидранты, топырящие, точно дефективные дети, недоразвитые ручонки. Она открывала глаза, садилась, взбивала подушку. «Что случилось?» — спрашивал Леон.

Ответов она могла дать сколько угодно, и все были бы правдивыми. Иногда она говорила ему, что, по ее мнению, их брак принял какой-то дурной оборот, что-то в нем разладилось, хоть она и не знает, что именно. Может, и так, отвечал

---

[13] Сноски: 13

4 июля 1976 г. в США отмечалось двухсотлетие Декларации независимости.

Леон, но от него-то она чего хочет? Ему вообще не верится, говорил он, что в мире хоть когда-нибудь существовало нечто, способное сделать ее по-настоящему счастливой. Ну разве что ей удастся переоборудовать всю Солнечную систему на свой лад и чтоб ни одна планета не смела ее ослушаться. Она ожидает, что этим он и займется? — спрашивал Леон. Эмили молчала.

А то еще она говорила, что ее беспокоит Гина. Разве может, говорила Эмили, девочка девяти лет быть такой серьезной? — это же неправильно. У меня сердце разрывается, говорила она, когда я вижу, как она непреклонно внимательна, как наблюдает за нами со стороны, как старается улаживать наши ссоры. Но Леон отвечал, что Гина попросту растет, вот и все. Это естественно. И пусть растет.

Кроме того, Эмили твердила, что их кукольные спектакли идут теперь вкривь и вкось. В каждом что-нибудь да не залаживается — персонажи то не дают друг другу договорить, то болтают невпопад и бранятся, то пропускают реплики и глупо таращат глаза. Сказки распадаются на куски, реплики героев походят на обрывки непонятно чего. Когда Золушка танцует с Принцем, их тряпичные тела прижимаются друг к другу,

но укрытые в них руки отстраняются одна от другой. И публика это замечает, считала Эмили. А Леон отвечал: полная глупость. Они зарабатывают больше, чем когда-либо прежде, им даже приходится отказываться от приглашений. Все отлично, говорил Леон.

Иногда ей снилось, что она идет по тротуару, который кружится, точно карусель, и потом она просыпалась измотанной.

Нередко, когда ей требовалось выполнить какую-то работу, она проводила утро в «Мастерах на все руки». Сидела на табурете за прилавком, шила и слушала миссис Эппл. Миссис Эппл знала сотни ремесленников, знала их беспорядочные, красочные жизни и могла рассказывать о них бесконечно, перечисляя людей, о которых Эмили никогда не слышала. Эмили становилось спокойно, душа ее распахивалась, она наблюдала за покупавшими ее кукол прекрасно одетыми бабушками. Однажды в магазин заглянул сын миссис Эппл. Ныне Виктор жил в округе Колумбия, а в Балтимор приехал без предупреждения. Он сильно прибавил в весе и сбрил наконец-то усы. С ним пришла и жена, хорошенькая женщина с пушистыми светлыми волосами, державшая на руках маленького сына.

— Так-так-так… — Виктор засунул большие пальцы в крошечные карманы своего жилета. — Вижу, Эмили, ты все еще делаешь кукол.

Она, решив, что ей придется оправдываться, ответила:

— Да, но совсем других. Совершенно другой процесс.

Впрочем, спрыгнув с табурета, чтобы подойти к столу и показать Виктору короля со сварливой физиономией, она осознала, какой безотрадно скучной должна казаться гостю — живет все в том же доме, занимается все тем же и даже одежду носит прежнюю. Косы ее, вдруг почувствовала она, могли бы и окаменеть у нее на макушке. Зря она позволила Моргану Гауэру убедить ее не отказываться от балетных туфель. И жаль, что здесь нет Гины, — какие еще нужны перемены? Виктор, разглядывая короля, покачивался с пяток на носки. Мелисса, вдруг подумала Эмили. Мелисса Тиббет — так звали девочку, на дне рождения которой они показали свой первый спектакль, где Виктор был отцом с кукольным голосом и спрашивал, что привезти дочерям из плавания. Мелисса теперь уже подросток — лет шестнадцати, никак не меньше; про кукол она давно забыла. Эмили вернула короля на стол,

разгладила его бархатную мантию.

— А что Леон? — спросил Виктор. — Он играет в театре?

— Ну, не так чтобы часто. Нет, сейчас не часто, — ответила она.

Виктор кивнул. Очень ей не нравилось понимающее выражение его глаз.

Под вечер того дня Эмили вытащила из стенного шкафа картонную коробку и распаковала лежавших в ней марионеток. С марионетками она экспериментировала уже не один год. Ей нравилось пробовать силы в чем-то новом, а марионетки требовали бóльших усилий. Она придумала собственное расположение нитей, прикрепленных к единственной крестовине из палочек от фруктового льда. Две нити для рук, еще две для коленей и по одной для головы и попки. На ярмарках ей попадались крестовины двойные и тройные, сущие бипланы, с полудюжиной добавочных нитей, в которых она не видела смысла. Эмили взяла в руки Красную Шапочку, самую удачную свою марионетку, и пошла в гостиную. Леон сидел на диване с вечерней газетой. Гина писала сочинение по прочитанной книге.

— Посмотри, — попросила Эмили.

Леон поднял на нее взгляд. И сказал:

— Ох, Эмили, только не начинай опять про марионеток.

— Нет, ты посмотри. Видишь, как все просто?

Она опустила Красную Шапочку на пол, и та прошлась гоголем, забралась на диван, на колени Гины. Гина хихикнула. А Красная Шапочка соскочила на пол, помахивая хитро прикрепленной к ее руке желтой корзиночкой.

— И что думаешь? — спросила Эмили у Леона.

— Очень мило, но не для нас, — ответил Леон. — Все это могут делать и старые куклы, Эмили, и многое сверх того. Они могут ставить корзинку на пол и снова ее поднимать. И никакие нити им не мешают.

— Ну вот, все как с моими куклами для театра теней, — сказала Эмили. — Ты не желаешь попробовать что-нибудь новое. А я устала от старого.

— Вот как? Но не можешь же ты просто-напросто отключать вселенную всякий раз, как устаешь от нее.

Она вернула марионеток в коробку и пошла прогуляться, хоть ей и полагалось готовить ужин. На углу Кросуэлл и Хартли она, стоя у светофора, обнаружила позади себя Моргана Гауэра. На сей раз Морган был в черном фраке, рубашке с высоким воротом и котелке — настолько старом,

что казался ржавым. Морган поклонился ей, притронулся к котелку. Она засмеялась. Улыбка расплылась и под его бородой, однако он, по-видимому, догадался о ее настроении и заговаривать с ней не стал. Собственно, когда загорелся зеленый свет, он отступил назад, хотя Эмили продолжала ощущать его присутствие — Морган выдерживал точно рассчитанное расстояние, напевал что-то и смотрел на нее.

3

В октябре позвонила троюродная сестра Эмили, Клэр, — сказать, что ее тетя Мерсер умерла во сне. Останки свои она завещала медицинской науке, сказала Клэр (ну точно тетя Мерсер, она именно так и сформулировала бы), однако в молитвенном доме все-таки состоится служба. Эмили решила, что должна присутствовать. Она не виделась с тетей Мерсер уже двенадцать лет, со времени своего замужества, только обменивалась рождественскими открытками, содержавшими пониже надписи несколько учтивых, ласковых слов. Конечно, теперь ехать к ней было бессмысленно, но Эмили все же отменила кукольное представление, оставила Гину на Леона и направилась в «фольксвагене» на юг.

Одиночная четырехчасовая поездка немного пугала ее, но, едва выбравшись на федеральную трассу, Эмили почувствовала себя просто чудесно. Ей казалось, что воздух здесь разреженней и легче, ее радовала каждая попадавшаяся навстречу машина — столько людей, и все летят куда-то! Нечего и сомневаться, они проводят здесь день и ночь, бесконечно огибая планету, а теперь и

она присоединилась к ним. Эмили улыбалась каждому встречному водителю. Ее очаровывали замкнутые, загроможденные мирки, которые она видела, — дорожные карты и плюшевые зверушки в задних окнах, спящий, приоткрыв рот, пассажир, двое расчесывающих собаку детей.

Свернув с трассы, она поехала дорогами все более узкими, вившимися по тучной фермерской земле, мимо щетинившихся телеантеннами некрашеных лачуг, чьи дворы заполнялись грузовиками на колодах вместо колес и остовами легковушек. Затем, прибавив скорость, — сквозь медных тонов рощи, обильные подлеском и выброшенной мебелью. До Тэйни она добралась сразу после полудня. Городок был все еще так мал, что несколько мужчин, сидевших на корточках перед заправкой «Шелл», сонно держа в пальцах самокрутки, оказались знакомыми Эмили — они вроде бы и старше не стали и выглядели нарисованными на стене. В голове Эмили всплыли их имена: Шафорды, Гриндстаффы, Хэйткоки. Она столько лет хранила их в памяти и сама того не замечала. По Главной улице неслись осенние листья. Эмили повернула на Эрин-стит и остановилась перед приземистым домиком, который она и ее мать делили когда-то с тетей Мерсер.

Двор лежал в тени огромных старых деревьев. Настоящая трава тут не росла — только пятнистые кустики подорожника цеплялись за спекшуюся оранжевую почву, какие-то растения свисали из бетонной чаши, да сбросившая листву зеленая самшитовая изгородь источала сумрачный острый запах. А где же клумбы тети Мерсер? У нее всегда что-нибудь да цвело, даже в позднюю, как сейчас, пору года. Эмили поднялась по ступенькам веранды и остановилась, не зная, постучать в дверь или просто войти. Но тут дверь распахнулась, и Клэр воскликнула: «Эмили, лапочка!»

Она не изменилась. Пухленькая, с добрым лицом, с седыми завитушками в сооруженном надо лбом помпоне волос и в таком же на затылке. Тугое, с широкой юбкой темно-синее платье почти не позволяло ей нагибаться, на ногах тяжелые черные туфли, но мыски открыты.

— Ну что же ты стоишь тут, лапочка? А где твоя семейка?

— Я ее дома оставила, — сказала Эмили.

— Оставила! В такую даль одна поехала? Ох, а мы так надеялись увидеть твою милую дочурку…

Эмили затруднялась вообразить Гину в этом

доме, не получалось. В ее сознании они как-то не пересекались. По коридору, в котором пахло старыми газетами, она прошла за Клэр в гостиную. Темная громоздкая мебель так заполняла комнату, что Эмили не сразу заметила пару, сидевшую на крошечной коричневой софе, — Клода, мужа Клэр, и ее мать, тетю Джуни, монументальную старуху, тоже жившую здесь. Никто из них кровной родней Эмили не приходился, однако она нагнулась к ним, чтобы поцеловать в щеки. В последний раз она виделась с ними, приехав сюда после смерти матери, — они и тогда сидели на этой софе. Может быть, и не покидали ее с тех пор — всеми забытые, обмякшие, точно большие тряпичные куклы. Когда Клод протянул руку, чтобы похлопать Эмили по плечу, все остальное его тело так и осталось утопать в подушках, рука казалась непропорционально длинной и словно бы отдельной от него. Тетя Джуни сказала:

— Ах, Эмили, посмотришь на тебя, до чего же ты взрослая стала…

Эмили села на софу между ними. Клэр опустилась в кресло-качалку.

— Ты что-нибудь ела? — спросила она. — Умыться не хочешь? Коки выпить? Или пахты?

— Все хорошо, — ответила Эмили. Она и вправ-

ду чувствовала себя *греховно* хорошо, ни в чем не нуждающейся, более крупной и сильной, нежели эти трое вместе взятые. Она сложила ладони на своей сумочке. Молчание. И Эмили сказала: — Так приятно вернуться сюда.

— Тетя Мерсер обрадовалась бы, верно? — спросила Клэр.

Все зашевелились — тема для разговора нашлась.

— Ох, она бы просто счастлива была, увидев, как ты здесь сидишь, — сказала тетя Джуни.

— Жаль, что она так и не повидала тебя, — сказала Клэр. — Жаль, что ты не смогла приехать до ее кончины.

— Но кончина была безболезненной, — сказал Клод.

— О да. Она такой всегда и желала.

— Раз уж ей пришлось уйти, что же, так лучше.

Клэр сказала:

— У нее было столько неприятностей с суставами, Эмили, ты и представить себе не можешь. Артрит, все распухло, сплошные узлы да наросты. Ей иногда и еду-то себе приготовить было трудно, но ты же знаешь, какой она была, никогда не сдавалась. Временами пуговицы на себе застегнуть не могла или номер на телефоне на-

брать, а у мамы тоже с локтем беда… я и говорила: «Тетя Мерсер, давайте я приеду, поживу с вами немного», но она отвечала: «Нет, я справлюсь». Все должна была по-своему делать. Ей всегда нравилось самой кошку кормить, она говорила, что та из других рук есть не станет, ну просто ей хотелось так думать; и письма непременно сама писала. На Рождество — помнишь, Эмили? Она как тебе писала, всегда от руки? И какой-нибудь подарочек для малышки посылала. А Пасха, господи, она обязательно собирала всех нас и все готовила сама, до последней мелочи. Начищала серебро, стол накрывала… но ей приходилось многое делать заранее, вдруг артрит разыграется, сама понимаешь… Я заглядывала к ней в Великую пятницу, а стол был уже накрыт скатертью и самая лучшая посуда расставлена. Я говорила: «Тетя Мерсер, к чему это все?» А она отвечала: «Просто хочу, чтобы все было готово, мама твоя из-за ее локтя мало что может, а я люблю, когда все в полном порядке». А про артрит она и не упоминала никогда, понимаешь? Мы только от доктора узнавали, как и что, он говорил: «Ей гораздо больнее, чем она признает». Не хотела она нас расстраивать и всегда старалась своими силами обойтись. В каком-то смысле даже хоро-

шо, что ее Бог прибрал.

— Да, все к лучшему, — сказала тетя Джуни.

— Это над ней небо сжалилось, — добавил Клод.

— Надо мне было раньше приехать, — сказала Эмили. — Но я ничего не знала. Про артрит она ни слова не писала.

— Да, уж такой она была.

— Но она была бы довольна, что ты сейчас приехала, — сказала тетя Джуни.

— Неплохо бы тебе вещи ее разобрать — так много осталось хороших, и я знаю, она хотела отдать их тебе, — сказала Клэр.

— Да у меня и места-то в машине нет, — ответила Эмили. Но внезапно поняла, что этот дом нравится ей, весь — обои, покрытые узором из тоненьких, с осиной талией, цветочных корзинок, ковер со вздыбленным ворсом, фарфоровая туфелька на высоком каблуке, наполненная белыми фарфоровыми розами. Она представила, как переезжает сюда. Как снова начинает жизнь с того места, на котором ее прервала, пьет по утрам какао из салатово-зеленой кружки, которую нашла восьмилетней в коробке овсянки. А когда Клэр сказала: «Ну, Эмили, ее нефритовая заколка для волос, уж *она-то* никакого места

не займет», тут же ясно увидела эту заколку с как будто древесными прожилками и переплетенными, давно почерневшими золотистыми листочками на одном конце. Удивительно, сколь многое отложилось в ее памяти. Подобно Шафордам, Гриндстаффам и Хэйткокам, дом тети Мерсер так и жил в памяти Эмили, каждая его покоробившаяся кровельная дранка, каждое окошко со средниками, хоть выйди на двор и проверь, хоть не выходи. Заколку лучше отдать тете Джуни, она такие носит, но в определенном смысле Эмили сохранит ее навсегда и будет мельком видеть, засыпая или просыпаясь и сама того почти не замечая, даже через пятьдесят лет.

— Боюсь, и для нее места не найдется, — сказала она. И, протянув перед собой руки, посмотрела на них — белые, сухие, с тонким, как проводок, золотым обручальным кольцом.

В четыре все встали и начали готовиться к походу в молитвенный дом. Старались укутаться получше и шарфами обмотаться, хоть день стоял теплый. Помогали друг другу, словно инвалиды. Клэр разгладила воротник Клода, расправила отвороты его пальто. А тетя Джуни спросила у Эмили:

— Хочешь, я тебе шаль дам, дорогая? А то что

же это… юбочка да кофточка, и такие тонкие. Или свитер возьми. Зачем тебе простужаться?

Но Эмили лишь покачала головой.

На Эрин-стрит они повстречали нескольких молодых людей в расклешенных джинсах и вельветовых блейзерах, которые вошли в моду и в Балтиморе. Городок был не так изолирован от мира, как воображалось Эмили. Но молитвенный дом, единственный принадлежавший в округе Тэйни Обществу друзей[14], остался таким же маленьким и бедным, как прежде, — серой каркасной лачугой, укрывшейся за баптистской церковью Спасителя, и каждый, кто входил в него, был стар. Эти люди бормотали что-то, пожимали друг другу руки и поднимались по ступеням. Эмили надеялась увидеть знакомых, с которыми она посещала Школу первого дня[15], хотя их и в лучшие времена больше трех-четырех не набиралось, — однако они, должно быть, разъехались. Никого моложе пятидесяти здесь не было. Эмили уселась между тетей Джуни и Клодом на скамью с прямой спинкой, оглядела комнатку, насчитала четырнадцать человек. Вошел пятнадцатый и

---

[14] Сноски: 14
«Религиозное общество друзей» — официальное название квакеров.

[15] Сноски: 15
Принятое у квакеров название воскресной школы.

закрыл за собой дверь. Наступила тишина — как на судне, когда выключают двигатель и поднимают паруса.

В такой тишине Эмили и выросла — не в полном безмолвии, но в тикающем, дышащем, иногда нарушаемом шорохом ткани о ткань, легким шебуршанием, покашливанием, шелестом, с которым кто-то отыскивал пастилки от кашля или копался в сумочке. Эмили ничего от этой тишины не ожидала, религиозной она не была никогда. И в сотый раз задумалась, что за сосуды красного стекла расставлены по полочкам над окнами. Их заполняло доверху нечто похожее на воск. Может быть, это такие свечи? К этому заключению она неизменно и приходила, но первая догадка: в них что-то вызревает — некая культура, йогурт, тесто, что-то, приготовляющее самое себя из ничего. Она попыталась вспомнить и мысленно перечислить все штаты США. Пять начинались на В, два на Д… вот с М труднее, их слишком много: Монтана, Миссури, Миссисипи…

Встал, опершись на трость, старик с очень похожими на хлопок волосами.

— Мерсер Дьюлани, — начал он, — однажды прошла в самую ревматическую погоду две с

половиной мили, чтобы покормить моих собак, я тогда навещал сестру в округе Фэрфакс. Я думаю взять к себе ее кошку, присматривать за ней, кормить, лишь бы она с моими собаками ужилась. — Он сел, откопал в кармане платок, вытер губы и добавил: — Эх-эх.

Морган Гауэр иногда тоже так говорил. Эмили удивленно вспоминала другую свою жизнь — ее стремительность, современность, множество торопливых, шумных людей, которых знала. Представила, как ловит автобус ее дочь (дочь!), как Леон ссыпает, перед тем, как раздеться, мелочь на комод. Вспомнила, как впервые увидела Леона. Он вошел, одетый в ту его вельветовую куртку, в читальный зал библиотеки. Постоял, осматриваясь, отыскивая кого-то, не нашел и повернулся, чтобы уйти, но, поворачиваясь, увидел Эмили и задержался, оглянулся на нее еще раз, нахмурился и вышел. По-настоящему они познакомились только на следующей неделе, однако теперь ей казалось, что именно тогдашнее его появление во вращающейся двери библиотеки с книгой в руке (пальцы со смуглой тонкой кожей и идеально белые манжеты рубашки) и привело ее жизнь в неожиданное движение. Тогда все и началось, как будто колесикам и приводам слож-

ного механизма удалось наконец соединиться, и с тех пор они крутятся, расплываясь перед глазами. И лишь сейчас, в этой комнате с замедленным движением, она обрела возможность понять, что с ней произошло. Подумать только! Ее мать умерла! Мать, а она ее так по-настоящему и не оплакала. Эмили вспомнила их последний междугородный разговор по телефону, висевшему в коридоре общежития. «Здесь дождик идет, — сказала мама, — но я не хочу тратить наши три минуты на разговор о погоде. Ты получила юбку, которую я послала? Хотя нет, и на одежду тратить наше время не хочу. Боже ты мой…» Вспомнила свою комнату в общежитии — две узкие кровати и белого плюшевого единорога на подушке. Она тогда собирала единорогов, любила их. Что случилось с той коллекцией? Наверное, соседка по комнате забрала ее, или отдала в «Гудвилл», или просто выбросила. И сколько еще всего пропало: любимые книги, которые она привезла в колледж, ее дневник, медальон с единственной, какая у нее была, фотографией отца — молодого, смеющегося. Она так тосковала по ним. Ей казалось, что их отняли у нее только минуту назад. А еще она думала о тете Мерсер — узкое умное лицо, длинный подбородок, бледный, как

будто награвированный рот, вечно боровшийся с улыбкой. Какая потеря; как ей не хватает тети Мерсер.

— Когда мы с ней были девочками, — говорила тетя Джуни, с трудом встав и плюхнув сумочку на колени Эмили, — то вместе ходили в школу. Нас там только двое из Общества друзей и было, вот мы и держались друг за друга. Я в те дни и не знала, что когда-нибудь выйду за ее брата! Считала его настоящей чумой. Мы думали уехать отсюда, удрать и следа не оставить. Хотели пристать к цыганам. В те дни цыгане были повсюду. Мерсер выписала книгу о том, как гадать на картах, но мы в ней ни слова не поняли. Да, а карты у меня где-то еще валяются, и куклы на веревочках, одно время мы мечтали обзавестись расписным фургоном и давать представления, а еще учебник по дикции, потому что мы и в актрисы податься собирались… ну и конечно, мы хотели стать репортерами. Репортершами службы новостей. Да так никем и не стали. Что, если б мы знали тогда, чем все закончится? Что, если бы кто-то сказал нам, как будет *на самом деле*, — как мы состаримся в Тэйни, штат Виргиния, и умрем?

И она села, отобрала у Эмили сумочку, закрыла глаза и снова заплакала.

4

В тот вечер они поужинали у Клэр — овощной запеканкой, принесенной кем-то из членов Общества, и фруктовыми пирогами в жестяных баночках, к которым были прилеплены клейкой лентой бумажки с фамилиями дарителей. Есть никому не хотелось. Клод жевал зубочистку перед маленьким телевизором, который стоял на разделочном столе. Клод был человеком образованным, дантистом, но когда он, включив повтор «Семейки Брейди», издавал испуганный лающий смешок, то Эмили думала: есть в нем что-то оскуделое, деревенское. Клэр ковырялась в куске пирога. Тетя Джуни смотрела в тарелку и пожевывала изнутри губу. Помыв посуду, они перебрались в гостиную, к телевизору побольше. В девять тетя Джуни пожаловалась на усталость и Эмили повела ее в соседний дом тети Мерсер, где обе намеревались провести ночь.

— Наверное, нам стоит его продать, — сказала тяжело ступавшая по тротуару тетя Джуни. — Какой теперь смысл держать два дома?

— А где же вы будете жить, тетя Джуни?

— Ну, переберусь к Клэр и Клоду.

Эмили представила себе, как нечто темное, вроде глаза, сжимается и темнеет еще сильнее. Когда-то домов было три — давно, еще при жизни ее отца.

Тетя Джуни, шаркая, подошла к парадной двери. В прихожей горела лампочка, отбрасывая на пол круг желтого света.

— Ты забери отсюда, что тебе понравится, — сказала тетя Джуни. — Тут ведь есть и старинные вещи. Забери все, что хочешь, домой.

Она оперлась на руку Эмили, прошла с ней в гостиную. Эмили включила свет. Мебель словно выпрыгнула из темноты, отбрасывая резкие тени, — столик с двумя откидными досками (задняя прислонена к стене); кресло с подголовником; стол с изогнутыми тонкими ножками, всегда напоминавший Эмили тощую женщину на высоких каблуках. Видит бог, она могла бы увезти отсюда все. Могла бы, получив расплывчатое предложение взять стол или софу, ответить: «О, спасибо. Наша квартира выглядит так голо». Собственно говоря, ее мог бы обуять зуд жадности. Однако, стоя посреди гостиной и глядя на эти конкретные вещи, она ни с одной связываться не хотела. Уж слишком они солидные, слишком, может быть, многое помнят — объяснить это было трудно. И

она сказала:

— Продайте их, тетя Джуни. Деньги вам пригодятся.

— Так возьми хотя бы что-нибудь маленькое, — сказала тетя Джуни. — Эмили, лапочка, ты же единственная из нас, кто еще молод. Ты и твоя дочурка. Больше нам поделиться старыми вещами не с кем.

Эмили представила себе Гину, читающую в кресле с подголовником, покручивая локон на виске, она всегда делала так, если что-то ее поглощало. (Легла ли она уже? Почистила ли зубы? Известно ли Леону, что она все еще предпочитает, хоть и не скажет об этом, чтобы горел ночник?) Эмили соскучилась по внимательным глазам Гины, по ее нежному, бесцветному, словно выструганному рту — рту тети Мерсер. Вот что Эмили никогда до того и в голову не приходило. Она замерла, пораженная этой мыслью.

Между тем тетя Джуни обходила гостиную, поддерживая больную руку здоровой.

— Может быть, эту фарфоровую туфельку. Или бронзовых обезьянок: не слышу зла, не вижу зла…

— Тетя Джуни, ну правда же, мы ведем совсем другую жизнь, — сказала Эмили.

— При чем тут жизнь? Какую такую жизнь надо вести, чтобы держать на кофейном столике несколько бронзовых обезьянок?

— У нас и кофейного столика нет, — улыбнулась Эмили.

— Так возьми столик Мерсер.

— Нет. Прошу вас.

— Или украшения, часы, брошь. Или воткни в воротник ее нефритовую заколку.

— И воротника у меня тоже нет, — ответила Эмили. — Я ношу одни леотарды, а их шьют из такого трикотажа, в который ничего не воткнешь.

Тетя Джуни обернулась, чтобы посмотреть на нее. И сказала:

— Ах, Эмили, твоя мать так хорошо подготовила тебя к колледжу. Почитала «Мадемуазель»[16], собрала все положенные наряды. Ее беспокоило, что ты будешь неправильно одета. Никто больше из твоего класса в колледж не поступил, ни одна из этих баптисток, из Хэйткоков и Биддиксов. Ей хотелось, чтобы ты отправилась туда красивой, чтобы показала им всем, а после вернулась образованной, осела здесь, выбрала себе хорошего мужа, как моя Клэр, — ты же видела Клэр? И мать

---

[16] Сноски: 16
Женский журнал, издававшийся с 1935 по 2001 г.

сшила для тебя то чудное платье с индийским узором, белым воротничком и белыми манжетами. *Вот* к чему можно было брошь приколоть. Сказала, что ты сможешь надевать его в молитвенный дом. А ты ответила: «Я не собираюсь ходить в молитвенный дом, мама, а все, что мне нужно, — это синие джинсы. Я уезжаю, — сказала ты, — собираюсь стать *своей* в большой компании и не хочу от них отличаться». Какая ты была смешная! Но разумеется, она тебя слушать не стала и, сама видишь, правильно сделала, очень правильно. А этот, не помню, как ты его назвала — леотард? Ну что это такое? Нет, я не сомневаюсь, в Балтиморе он, может, и выглядит очень модным, но, Эмили, лапочка, он же и в подметки не годится платью с индийским узором, которое сшила твоя мама.

— Время этого платья прошло, — сказала Эмили. — Ему уж двенадцать лет. Им пора окна мыть.

Тетя Джуни отвернулась. Она словно окаменела и ослепла от обиды. Добрела, хватаясь за мебель — кресло, стол, другое кресло, — до софы и осела на нее.

— Но я его долго носила, — соврала Эмили.

И представила, как оно все еще висит в стенном шкафу общежития — призрак, переходящий от

одних первокурсников к другим. («Это платье принадлежало мисс Эмили Кэткарт, которая исчезла в одно апрельское воскресенье и никогда больше не появлялась. Администрация колледжа все еще продолжает прочесывать дно Пруда второкурсников. Говорят, что призрак мисс Эмили время от времени навещает фонтан перед библиотекой».) Она присела рядом с тетей Джуни, тронула ее руку:

— Простите.

— Да за что же? — бодро спросила тетя Джуни.

— Если хотите, я возьму заколку. Или еще что-нибудь маленькое, что угодно. О, я знаю что: марионеток.

— Ма?..

— Кукол на веревочках, так вы их назвали. Вы же сказали, что сохранили их.

— Да, — без малейшего интереса ответила тетя Джуни. — Наверное, они лежат где-то здесь.

— Ну вот я и увезу одну домой.

— Да, я вспомнила, ты же говорила, что устраиваешь детские праздники. — И тетя Джуни, пристроив больную руку под выступ груди, прибавила: — Какой тяжелый был день.

— Хотите, я помогу вам лечь?

— Нет-нет, ты иди. Я управлюсь.

Эмили поцеловала ее в щеку. Тетя Джуни этого, похоже, не заметила.

В комнате, которую Эмили когда-то делила с матерью, — жизни их были в то время настолько переплетены и обнажены, что она и сейчас не почувствовала себя здесь уединившейся, — она развязала юбку, сбросила туфли. Из стоявшей на комоде серебряной рамки ей улыбалось ее же молодое, еще не обретшее никакой формы лицо. Она выключила свет, откинула одело, забралась в постель. Простыни были холодны до того, что казались влажными. Эмили обхватила себя руками, стиснула стучавшие зубы, вгляделась в знакомые исстари квадраты лунного света на полу. Тем временем тетя Джуни вроде бы прохаживалась по какой-то другой части дома. Выдвигались ящики, щелкали запоры. Эмили показалось, что она услышала скрип чердачных стропил. Ох, как тяжек, как загромождён мир старых людей! Она соскользнула в какой-то лоскутный сон. Мать переставляла в спальне мебель. «Так, давай посмотрим, если кресло будет стоять здесь, а столик здесь, а кровать мы поставим под окном…». Один раз Эмили села, чтобы натянуть одеяло на плечи, согреться. В деревьях кричал сыч. И, заснув после этого, она словно нырнула во что-то бездонное.

Проснувшись, Эмили увидела комнату наполненной жемчужно-серым предутренним светом. Она встала, слегка покачиваясь, потянулась к юбке, завернулась в нее. Обулась, вышла в коридор, где было намного темнее. Из комнаты тети Джуни долетало похрапывание. О господи, похоже, им полагалось проспать еще не один час. Эмили ощупью добралась до гостиной, поискала свою сумочку, в которой лежали расческа и зубная щетка. Вот она, на кофейном столике. Из сумочки торчало что-то бугристое. Эмили включила свет, поморгала и вытащила старенькую марионетку, женщину в ситцевом платье.

Голова и руки у нее были гипсовые, грубо раскрашенные. Широкий выцветший рот, два тусклых кружка румян. Черные нитяные волосы заплетены в косы. Перепутавшиеся бечевки привязаны к одиночной крестовине, в точности такой, какую недавно придумала Эмили. А может быть (так ей начинало казаться), вовсе и не придумала, а в памяти всплыла та, которую видела в детстве. Правда, она совершенно не помнила, чтобы ей показывали это маленькое существо. Наверное, сама мысль о кукольных представлениях смутно передавалась из поколения в поколение, а она-то воображала, что ушла

от них так далеко и ведет совсем другую жизнь! И Эмили увидела всю недавнюю сцену с Красной Шапочкой совершенно в ином свете, как нечто уродливое. Она держала марионетку за клубок бечевок, синие глаза безжизненно таращились на нее, гипсовые руки — на одной отломился палец — были приподняты грациозно и оцепенело.

Неподалеку на кухне тикали — приглушенно, словно их закопали в землю — часы. Пробираться между креслами и невпопад расставленными столиками было трудно. Как же здесь тесно и как душно. Эмили усадила марионетку на софу, взяла сумочку и вышла из гостиной. Свежий воздух, решила она, прояснит голову, и открыла дверь, и вышла на веранду, где ее одежду мгновенно пронизал холодный ветер. Но ощущение тесноты осталось. Она спустилась по ступенькам. На улице постояла, дрожа и глядя на машину — на машину Леона, компактную, поблескивавшую. А мгновение спустя открыла дверцу, скользнула внутрь и глубоко вдохнула кожаный запах. Потом отыскала в сумочке ключи, завела мотор, но фары включать не стала, и уехала.

Балтимор встретил шумным, суетливым утром середины недели, солнце сияло на металле, машины гудели, то и дело перескакивая из одной

полосы в другую. Эмили свернула на Кросуэлл-стрит, запарковала машину, даже не обратив внимания где, выскочила из нее и побежала к дому и вверх по лестнице, а потом никак не могла найти нужный ключ, перебирала их на кольце, позвякивая, пока дверь не распахнул Леон. Он стоял, глядя на нее, держа в руке книгу, и она обняла его и приникла лицом к его груди.

— Эмили, голубка, — сказал он, — что-нибудь случилось?

Она лишь покачала головой и прижалась к нему сильнее.

5

Почти ежедневно она получала письма от Моргана — независимо от того, заходил он к ним или нет.

> *Дорогая Эмили, прилагаю рекламу «Сирс», вам действительно нужен трубный ключ, а у «Сирс» он лучше тех, что продаются в «Хозяйственном магазине Каллена»…*

Дело было в том, что Морган принял на себя заботы об их квартире, ополчившись на неполадки, которые затаились во всех ее углах, и блаженно лязгая чем-то загадочным, прятавшимся под кухонной раковиной.

> *Дорогая Эмили, вчера вечером наткнулся на рекомендацию, которая способна разрешить проблему с вашим тостером. Нужно всего лишь вырезать кусочек картона, скажем из крышки спичечного коробка, размером 1 × 1 дюйм…*

Он стал для Мередитов их персональным защитником прав потребителя, отстукивал на своей крошечной старинной пишущей машинке исполненные крайнего недовольства письма в компанию «Радио Шэк»[17], брал приступом авторемонтные мастерские, улаживал любые мелкие неприятности, о которых мимоходом упоминала Эмили. И она привыкла полагаться на него. Время от времени она говорила: «Ох, на самом деле мне не стоило бы просить вас об этом…», однако он отвечал: «Почему же? Кого ж вам еще просить? Не обижайте меня, Эмили».

Однажды у нее разладился портативный магнитофон, который они использовали на представлениях. Моргана рядом не оказалось, и Эмили, возясь с кнопками, поймала себя на сердитой мысли: ну где же он? Как мог оставить ее одну, вынудить самостоятельно справляться с бедой, ведь сам же довел дело до того, что она от него зависит? И Эмили, схватив магнитофон, пробежала несколько кварталов, отделявших ее от «Хозяйственного магазина Каллена». Влетела туда, задыхаясь, и хлопнула магнитофон на прилавок между Морганом и покупателем.

---

[17] Сноски: 17

Созданная в 1921 г. сеть магазинов, торгующих радиотоварами и электроникой.

«Послушайте», — сказала она и ткнула пальцем в кнопку. Магнитофон воспроизвел пение трубы из «Бременских музыкантов», но смазанное, неясное, с непонятным резонансом в динамике. Покупатель испуганно отступил от прилавка. Сидевший на высоком деревянном табурете Морган задумчиво покивал. «Он меня с ума сведет! — сказала Эмили и выключила магнитофон. — И если вы думаете, что он плохо звучит сейчас, так слышали бы вы его во время спектакля, при полной громкости. Там вы не смогли бы сказать, труба это или полицейская сирена».

Морган отошел к вращающемуся стенду, снял с него малярную кисть, вернулся назад, положил магнитофон себе на колени и медленно, мягко прошелся кистью по канавкам в пластиковой крышке динамика. Из канавок выскочили белые крупинки. «Скорее всего, сахар. Или песок, — сказал Морган. — Хмм». Он снова нажал на кнопку. Труба зазвучала чисто и ясно. Морган отдал магнитофон Эмили и вернулся к расчету с покупателем.

Он, словно домовой, оставлял, уходя от Мередитов, чудотворно исправленную электропроводку, плавно скользящие оконные рамы, неподтекающие краны и туалетные бачки с хитроумными

приспособлениями из проволоки, которые были прежде плечиками для пальто, а теперь не позволяли воде переливаться. «Как, должно быть, чудесно, — сказала, разговаривая с Бонни, Эмили, — всегда иметь его рядом, он же может починить что угодно», но Бонни лишь недоуменно посмотрела на нее и спросила: «Кто, Морган?»

Голову Бонни тогда занимало совсем другое. Она помогала одной из своих дочерей пережить трудную беременность. Ребенок должен был появиться на свет в феврале, но все время грозился проделать это сейчас, в начале ноября; дочери пришлось вернуться домой, чтобы пролежать пластом следующие три месяца. И Бонни больше ни о чем говорить попросту не могла. «Стоит ей немного приподняться, чтобы поправить подушку, — рассказывала она, — и я прямо-таки вижу, как ребенок выпадает, вываливается из нее, будто монета из копилки, понимаете? И я говорю: “Лиззи, лапушка, ляг сейчас же, пожалуйста”. У меня просто в голове все перевернулось. Раньше я считала, что беременность — это такая подготовка, ты выращиваешь что-то до нужного срока, а теперь для меня беременность — это усилие удержать то, что из тебя все равно вылезет раньше времени. А Морган! Ну Моргана вы знаете.

Вечно болтается где-то и ничего, по правде сказать, не понимает… По вечерам приходит домой и читает ей оперные либретто. Его теперь оперы интересуют, он вам говорил? Ну сумасшедший… “Дон Жуан встречает статую и приглашает ее на ужин”, — читает он. Я говорю ему: “Фокус совершенно в твоем духе”. А он продолжает чтение. По-моему, он думает, что Лиз — все еще ребенок, которому нужно на ночь сказки рассказывать, или просто ищет оправдание тому, что сам их читает, для своего удовольствия. А ей необходимо каждый день подносы с едой приносить да судно подкладывать и потом выливать!»

Эмили серьезно кивала. Она сочувствовала Бонни: жизнь рядом с Морганом наверняка была невыносима. Но в конце-то концов, Эмили жить с ним не приходилось.

Она вспоминала, насколько странным он казался ей поначалу — его шляпы и костюмы, педантичная, старомодная манера речи. А теперь Морган представлялся ей… необычным, это верно, однако понятным. Ей захотелось поверить в справедливость его предположения о том, что за каждым событием вовсе не обязательно стоит какая-то причина. В прошлом месяце она и Леон сидели с ним в «Ресторане Юнолы», и Морган,

взглянув в окно, сказал:

— Как интересно, там Ламонт идет. А я думал, он умер. — Впрочем, сильно удивленным он не выглядел. — Такое случается все чаще, — весело сообщил он. — Мне, например, все чаще кажется, что я вижу, как по улице топает отец моей матери, дедушка Бриндл, а он мертв уже сорок лет. И я говорю себе, что, может быть, он вовсе и не умирал, просто устал от прежней жизни и ушел, чтобы начать новую, уже без нас. Кто скажет, что такое не может случиться? Не исключено, что где-то есть небольшое поселение, а то и целый город, наполненный людьми, которые предположительно умерли, а на самом деле — ничуточки. Вы об этом не думали?

Леон устало зашипел, как делал, когда Эмили случалось сказать что-нибудь глупое. Ну а правда, почему бы такому городу и не существовать? Что в этом невозможного? Эмили выпрямилась, виновато взглянула на свои колени.

— Мир — странное место, — продолжал Морган. — Трясучие старушки, которым мы не доверили бы и тележкой для покупок управлять, налетают на нас, сидя за рулем двухтонных автомобилей, со скоростью семьдесят миль в час. Наша жизнь зависит от совершенно незнакомых

людей. Полное отсутствие логики и надлежащей последовательности!

— Иисусе, — произнес Леон.

А вот Эмили приободрилась, все вдруг стало казаться ей более светлым. (Дело было вскоре после ее возвращения из Тэйни.) Широта взглядов Моргана представлялась ей чудесной. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ. Погода уже успела ухудшиться, поэтому теперь Морган носил русскую меховую шапку. Шапка сидела на его голове, как медвежонок. Он склонился над столиком к Леону и сказал:

— Я часто отчаиваюсь. Вам это может казаться забавным. Я произвожу впечатление человека, чья мрачность комична. Но я отношусь к ней очень серьезно. Я думаю: к чему все сведется спустя десять тысяч лет? К тому времени наша планета исчезнет. И какой тогда во всем смысл? Думаю-думаю и влезаю не в тот автобус. А если я бываю счастливым, то по причинам не более внятным. Воображаю, что я умный-преумный, что все на моей стороне, но возможно ведь, что это совсем не так.

Леон, наблюдавший за официанткой, которая пополняла их чашки, шумно выдохнул.

— О, я вас раздражаю, — сказал Морган.

— Нет, нисколько, — возразила Эмили.

— А мне почему-то кажется, что да. Леон? Я вас раздражаю?

— Ничуть, — угрюмо ответил Леон.

— Я склонен думать, — снова заговорил Морган, — что со мной никогда не случалось чего-либо настоящего, однако, оглядываясь назад, понимаю, насколько это неверно. Мой отец умер, я женился, мы с женой вырастили семерых человеческих существ. Мои дочери пережили обычное число катастроф и трагедий, они повзрослели, вышли замуж, родили детей, некоторые развелись. Сестра перенесла два развода — ну по крайней мере, два брака, — мать стареет, память у нее уже не та… Но все это по непонятной причине кажется мне где-то прочитанным, случившимся с кем-то другим. Я словно бы наблюдаю за всем со стороны, испытывая умеренное любопытство, и думаю: что же, это и есть жизнь — в своем роде, так? Как будто она вовсе и не моя. Как будто я собираюсь перепробовать другие возможности, сделать вторую и третью попытки, глядишь, в двух из трех что-нибудь и выиграю. Похоже, я не могу принять все это всерьез.

— Ну ладно, мне сегодня нужно кое-что сделать, — заявил, вставая, Леон.

А Эмили сказала Моргану:

— Я знаю, что вы имеете в виду.

«Я *хотела бы* это знать» — вот как ей следовало сказать.

Манеры у него отвратительные (нередко думала Эмили), он слишком много курит и страдает хроническим кашлем, который его наверняка и прикончит, ест слишком много сладкого — и, открывая рот, выставляет напоказ подборку черных пломб, — посыпает пеплом перед своей одежды, грызет кожицу над ногтями, ковыряет в зубах, роется в бороде, ерзает, расхаживает по комнате взад и вперед, почесывает живот, напевает, не раскрывая рта, и сбивает этим с толку того, кто пытается ему что-то сказать, да и вообще ни в чем не знает меры. Он покупает в секондхенде обноски богатых людей, покрытые пятнами, мятые, не знавшие никакого ухода, одевается в них, а поверх напяливает серовато-зеленую пухлую нейлоновую парку с капюшоном, отороченным свалявшимся мехом, возможно и обезьяньим. От него всегда исходит затхлый табачный запах. Если он надевает очки, они оказываются такими захватанными и засаленными, что разглядеть выражение его глаз становится невозможно. Возбудимый и непредсказуемый, он иногда ведет се-

бя почти как маньяк. Мило, конечно, что Морган занимается их делами, однако он часто становится… ну, бесцеремонным, так, наверное, можно сказать, навязчивым, пытается вертеть ими, подчинить Мередитов собственным представлениям о них, не имеющим и отдаленного отношения к действительности, считает слишком многое само собой разумеющимся, строит предположения, на которые не имеет ни малейшего права. Он говорит слишком много и слишком сумбурно или впадает в напыщенность и изводит их длинными пересказами чувствительных газетных статей, умных речей его внуков и рейтингов Союза потребителей, зато в случаях, когда ему следовало бы проявлять общительность — если Мередиты принимают гостей, во время Хэллоуина, к примеру, — может вдруг напрочь проглотить язык и замереть где-нибудь в углу, глубоко засунув руки в карманы и состроив мрачную гримасу. А уж *собственные* его вечеринки! О них чем меньше скажешь, тем будет и лучше. Мусорщики вперемешку с профессорами философии, священники со слуховыми аппаратами, сидящие бок о бок с малыми детьми…

Впрочем, как-то раз, проходя мимо книжного магазина, Эмили увидела увеличенную фото-

графию, сделанную во время первого успешного запуска самолета[18], и Уилбур Райт, стоявший на песке Китти-Хоук, в фуражке и костюме, странно стильный, навеки застывший в напряженной, гордой, полной готовности позе, по какой-то причине напомнил ей Моргана, и она вдруг поняла, что никогда не отдавала ему должное по-настоящему. А в другой раз, вставив в магнитофон кассету, чтобы выяснить, записана ли на ней музыка для «Гензеля и Гретель», Эмили обнаружила, что с кассетой успел поиграть Морган, ибо в динамике зазвучал его хриплый, бородатый голос, принаряженный в немецкий акцент. «Ню? Де здес кнопка?» — спросил он, за чем последовали японское «Ах со» и два щелчка — скорее всего, выключение и снова включение. «Тум те-тум», — глухо напевал он, шурша целлофаном. Чиркнула спичка. Долгий выдох. «Нехороший мальчик, Пиноккио! — пропищал Морган. — Вижу, ты снова лгал. У тебя нос на семь дюймов вырос!» Сиплый, с придыханием смешок курильщика, «эхе-хе», перешедшее в кашель. Но Эмили не смеялась вместе с Морганом. Она внимательно слушала, наморщив лоб. И низко склонялась над

[18] Сноски: 18
В 1903 г.

машинкой, не улыбаясь, пытаясь постичь его.

6

Ее и Леона пригласили на празднование Дня благодарения в школу Перси, где они никогда еще не выступали. И она никак не могла решить, что там показать. «Рапунцель»? «Дюймовочку»? Всего за несколько дней до праздника, под вечер, она извлекла Рапунцель из ее муслинового мешочка и посадила на кухонный стол. Кукла долгое время не использовалась и приобрела вид неухоженный, запущенный. Ее длинные-длинные косы обратились в лохмотья.

— Пожалуй, следует сделать для нее новый парик, — сказала Эмили Гине.

Гина возилась с домашним заданием и потому ответила только:

— Угу.

Но тут вошел Леон и спросил:

— Рапунцель? Что она тут делает?

— Я думала взять ее на праздник.

— Вчера вечером ты говорила, что мы покажем «Спящую красавицу».

— Я?

— Я предложил «Спящую красавицу», и ты сказала, что это было бы здорово.

— Как я могла это сказать? — удивилась Эмили. — «Спящую красавицу» мы поставить не можем. Там тринадцать фей. Даже не считая короля, королевы и принцессы…

— Я сказал: «Эмили, не попробовать ли нам для разнообразия что-то другое?» — и ты ответила: «Хорошо, Леон…»

— Но ведь не «Спящую красавицу».

— Я сказал: «Как насчет “Спящей красавицы”?» — ты ответила: «Хорошо, Леон».

Он это выдумал. Правда, Леон никогда ничего не выдумывал, но Эмили просто-напросто не могла сказать такое, даже если наполовину спала. Вместе со Старушкой с куделью, Прекрасным принцем… Нет, и думать нечего. Не могут же они нанять целую труппу. Может быть, он разговаривал об этом с кем-то другим, а теперь все перепутал? В последнее время они то и дело в чем-то путались. Начинали каждый день такими обходительными, полными надежд, но все быстро уплывало куда-то, и вечером они укладывались на самые краешки кровати спиной друг к другу.

Она заметила, что на щеках Леона начали проступать две вертикальные морщины. Не столько морщины, сколько впадины, какие встречаются

у мужчин, имеющих обыкновение слишком сильно выпячивать нижнюю челюсть.

И тут он предложил:

— Может, возьмем с собой Гину? *Она* могла бы изобразить нескольких фей.

— Это же в среду, сразу после полудня, — напомнила Эмили. — Гина еще будет в школе.

— Ну, школу можно и пропустить, я не против, — сказала Гина.

Эмили заподозрила, что она всего лишь пытается сохранить мир в семье. Школу Гина любила.

— Зато *я* против.

— Ох, мама.

— И потом, тринадцать фей! Даже если бы они у нас были, как еще одна пара рук поможет нам управиться с ними?

— Мы могли бы выводить их по нескольку за раз, — сказал Леон.

Эмили начала расхаживать вокруг стола, Гина и Леон наблюдали за ней. Гина жевала кончик карандаша и покачивала ногой, Леон стоял неподвижно. Наконец Эмили повернулась к нему на каблуках и спросила:

— Ты это нарочно делаешь, да?

— Прошу прощения?

— Что ты хочешь доказать, Леон? Ты пытаешься

уверить меня, что я… ну, несговорчива? Хочешь, чтобы я отказалась играть пьесу с восемнадцатью куклами, не позволила моей дочери прогулять школу, и из этого будет следовать, что я косная и узколобая?

— Я знаю только одно. Я сказал: «Как насчет “Спящей красавицы”, Эмили?».

— Ничего ты не говорил.

Леон подобрал губы, пожал плечами и покинул комнату. Эмили взглянула на Гину, которая наблюдала за ними, и та сразу перестала грызть карандаш и уткнулась в домашнее задание.

Тогда Эмили сняла с крючка в коридоре свой плащ, вышла из квартиры, просунула руки в рукава и стала спускаться по лестнице. Время было довольно позднее, лестничный колодец заполнили ароматы ужинов: капуста, зеленый перец, удушающий запах масла. Свет в «Мастерах на все руки» уже не горел, магазин выглядел необитаемым. Эмили вышла на улицу, хлопнув за собой дверью. Сумерки лишили дома красок. На углу остановилась старуха, опустила на асфальт пакеты, перехватила их по-другому. Эмили обогнула ее, сжимая в карманах плаща кулаки. Перешла на красный свет улицу и ускорила шаг.

Он невозможен. Надеяться им обоим не на что.

Она навсегда связала свою жизнь с человеком, которого не переносит.

Она прошла мимо юноши и девушки, которые стояли, держась за руки, посреди тротуара, девушка покручивалась на каблуках и застенчиво улыбалась юноше. Душераздирающее зрелище. Эмили могла бы остановиться, поучить их уму-разуму, но ведь они не поверили бы ей, потому что воображают, будто у них все сложится по-другому. Потом ей повстречалась девочка, подружка Гины.

— Здравствуйте, миссис Мередит.

— Здравствуй, э-э, Полли, — сказала она — по-матерински, степенно, совершенно так, как сказала бы любая другая женщина.

Иногда Эмили думала: вся беда в том, что мы с Леоном слишком хорошо знаем друг друга. Самое невинное замечание одного из нас способно порождать в другом такую цепочку ассоциаций, воспоминания о стольких прошлых оскорблениях и обидах, не прощенных и не забытых, но всего лишь сгладившихся. Мы больше не способны испытывать друг к другу простые, ничем не замутненные чувства.

Затем она услышала за спиной шаги. Приближавшиеся. Она пошла медленнее — уголки ее рта

сами собой поползли кверху, — но, оглянувшись, никого знакомого не увидела, лишь спешившего куда-то мужчину. Лицо он закрывал воротником. Эмили позволила ему обогнать ее. Потом оглянулась снова. Нет, сколько бы она ни простояла здесь, присматриваясь, тротуар останется пустым.

Она свернула направо, на Меллер-стрит, и дальше шла, уже зная, куда идет. Пересекла еще одну улицу, повернула налево. Здесь людей стало гораздо больше, тепло одетые, целеустремленные, они спешили по домам, ужинать. Ей пришло в голову, что, может быть, «Хозяйственный магазин Каллена» уже закрылся. Она нахмурилась, замедлила шаг. Но нет, окна магазина озарял блеклый свет, который всегда казался ей запыленным. Она толкнула дверь. За прилавком стоял, склонившись над листком бумаги, Баткинс.

— Морган уже ушел? — спросила она.

Баткинс выпрямился, провел ладонью по высокому лбу.

— О, миссис Мередит. — Баткинс оставался неуклонно чопорным, хоть она и знала его не один год. — Нет, он у себя в офисе.

Эмили прошла по проходу, между лопатами для снега и мешками тротуарной соли, поднялась

по ступенькам. Каждая доска постанывала под ней. И вступила в офис Моргана, показавшийся ей необычайно мирным — ни скрежета пилы, ни стука молотка, ни визга дрели, ни летящих древесных стружек. Морган лежал на бордовом плюшевом диванчике. Шляпы на нем в кои-то веки не было, зато была домашняя, почти того же цвета, что диван, куртка с атласными отворотами. Волосы его казались прилизанными, тонкими. Лицо бледно мерцало в сумраке.

— Морган? Вы заболели? — спросила Эмили.

— Простудился, — ответил он.

— О, всего лишь простуда, — с облегчением сказала она. И, сняв плащ, положила его на стол.

— Всего лишь! Как вы можете говорить такое? — поинтересовался он. Похоже, силы быстро возвращались к нему. Он сел, разгневанный. — Вы хоть представляете, как я себя чувствую? У меня нынче утром была температура девяносто девять и девять, а прошлым вечером сто один[19]. Я провел бессонную ночь, меня мучили горячечные сновидения.

— Уж что-нибудь одно, — сказала Эмили. — Нельзя сразу и не спать, и видеть сны.

---

[19] Сноски: 19

Это по Фаренгейту. По Цельсию — 37,7 и 38,3 градуса соответственно.

— Это почему же? — спросил он.

Морган всегда и всему отдавался целиком — даже болезни. Офис походил на больничную палату. На картотечном шкафчике лежал раскрытый «Справочник Мерка», стол покрывала неразбериха лекарств и замызганных стаканов. На полу у диванчика стояла бутылка сиропа от кашля, валялись липкие чайные ложки, возвышалась картонная коробка, наполненная смятыми бумажками. Эмили наклонилась, взяла одну. То была фотография самой старой, самой простенькой стиральной машины, какую она когда-либо видела, еще из тех, с отжимными валиками наверху. *Модель 504А*, прочитала она, *легко подключается к любой из существующих*… Эмили вернула фотографию в коробку и села во вращающееся кресло у стола. Морган чихнул.

— Может, вам лучше полежать дома, в постели, — сказала она.

— Дома не отдохнешь. Это не дом, а бедлам. Лиз так и лежит пластом, стараясь удержать младенца. Ей подносят завтрак на плетеном подносе, а мне остается жестяной для мясной нарезки. Да еще и гости начали съезжаться ко Дню благодарения.

Баткинс что-то крикнул. Морган отозвался:

— А?

— Я ухожу, мистер Гауэр.

— Мог бы и сообразить, что при такой простуде я ничего не слышу, — проворчал Морган.

— Он говорит, что уходит, — объяснила Эмили. — Хотите, я помогу ему запереть магазин?

— О, спасибо. Оно и верно, я совсем не в себе.

Однако так и остался сидеть на диванчике, промокая платком нос. Эмили услышала, как за Баткинсом захлопнулась дверь.

— Когда Баткинс выходит из магазина, — сказал Морган, — я, бывает, гадаю, может быть, за дверью он развоплощается? Вы об этом когда-нибудь думали?

Она улыбнулась. Морган смотрел на нее трезво, без улыбки.

— Что-то не так? — спросил он.

— Что? Нет, ничего, — ответила Эмили.

— У вас кончик носа побелел.

— Это ничего не значит.

— Не врите мне, — сказал он. — Я вас девять лет знаю. Если у вас белеет кончик носа, значит, случилось что-то дурное. Дело, я полагаю, в Леоне.

— Он считает меня узколобой, — сказала Эмили.

Морган чихнул еще раз.

— Думает, что я косная, а ведь это *он сам* такой. Он больше не ходит на театральные пробы, а тот человек из госпел-труппы все еще зовет нас к себе, но Леон даже поговорить с ним не хочет. А у меня развивается клаустрофобия. Я больше не могу водить машину, после того как стемнеет, потому что пространство вокруг сжимается, — ну, знаете, освещенное пространство, в котором движутся машины. Мне кажется, я понемногу схожу с ума просто от раздражения — от мелких, безымянных поводов для него. А он говорит, что я узколоба.

Морган вытряхнул сигарету из зеленой пачки, какой прежде Эмили не помнила.

— Видите? Нам пора сбежать вместе.

— Думаете, вам стоит курить?

— О, это слабенькие. Ментоловые.

Он закурил и сразу закашлялся. Поднялся на ноги, словно надеясь заглотнуть побольше воздуха, побродил по офису, кашляя и ударяя себя в грудь. И выдавил между приступами:

— Вы же знаете, Эмили, я всегда рядом и жду вас.

— Может, выпьете робитуссина, Морган?

Он покачал головой, докашлял и присел на стол. Вокруг него зазвякали пузырьки с лекарствами.

Эмили немного откатилась в кресле назад, чтобы дать Моргану больше места. Она заметила, что на ногах у него черные носки из полупрозрачного шелка и лакированные черные полуботинки с острыми носками, напомнившие ей о Фреде Астере. Морган сидел на ее плаще, сминая его, но Эмили решила не говорить ему об этом.

— Я знаю, вы должны считать меня комичным, — сказал Морган.

— Ну, *комичным* я бы вас не назвала, правда…

— Я серьезно. Хватит уже валять дурака, Эмили. Я люблю вас.

Он соскользнул со стола, не без труда выпутался из плаща, непонятно как сумевшего обернуться вокруг его ноги. Эмили встала. Что у него на уме? В конце концов, он же взрослый мужчина, вполне реальный, хоть и худощавый. Алчность, с которой он затянулся сигаретой, заставила Эмили отступить за кресло. Однако Морган прошел мимо нее. Он всего лишь принялся расхаживать по офису. Подошел к перилам, окинул взглядом темневший внизу магазин, вернулся назад.

— Я не собираюсь, конечно, разрушать вашу семью. Я ее обожаю. Ну то есть я и Леона люблю, и Гину, всю семью как целое, но на самом-то деле… *Кого* же я люблю? Только вас, Эмили… — Он

стряхнул пепел на пол. — Мне пятьдесят один год. А вам сколько — двадцать девять, тридцать? Я запросто мог быть вашим отцом. Хороша шуточка, а? Я должен выглядеть смешным и нелепым.

Однако выглядел он печальным и добрым, а еще очень усталым. Эмили сделала шаг в его сторону. Он обошел ее, бормоча словно в раздумье:

— Я думаю о вас, как о болезни. Возвращающейся, вроде малярии. Понимаете, я гоню мысли о вас. Проходит целая неделя… Мне удается победить болезнь, и я начинаю воображать себя человеком куда более глубоким, чем мне казалось. Чувствую себя более сильным, более умудренным. В такое время я даже получаю некоторое удовольствие, делая то, что мне полагается делать. Выношу мусор, вовремя прихожу на работу…

Эмили тронула его за руку. Морган уклонился от нее и продолжал расхаживать по офису, склонив голову, выпуская клубы дыма.

— Я убеждаю себя в том, что тривиальное, заурядное имеет свои достоинства. Ха! Какая мысль! Вспоминаю виденную по телевизору программу, что-то такое о «человеке с улицы», о торжестве обыденного. Они останавливают каких-нибудь рядовых людей и спрашивают, могут ли те спеть, прочитать стихотворение…

останавливают, скажем, банду мотоциклистов. Я это видел своими глазами! Мотоциклисты, все в черной коже, их спрашивают: «Можете вы спеть от начала и до конца “В один чарующий вечер”?» И эти парни начинают петь — на полном серьезе, старательно, — я хочу сказать, парни, от которых вы никогда не ожидали бы *услышат*ь «В один чарующий вечер». Стоят, обняв друг друга за плечи, из карманов у них выкидные ножи торчат, кастеты, и усердно и очень мило поют…

Он уже забыл о ней. Взял новый след и теперь мечется туда-сюда по офису. Эмили присела на диванчик, огляделась. Над картотечным шкафчиком висела на стене пробковая доска, покрытая вырезками и мелкими вещицами. Значок с портретом Эдлая Стивенсона, растрепанное красное перо, фотография невесты, синяя шелковая роза… Она представила, как Морган вбегает сюда с этими трофеями некоей загадочной, личной его войны и прикрепляет их к доске, радостно фыркает и убегает снова. И внезапно ее поразила мысль о его обособленности. Он абсолютно ничем не связан с ней. И она никогда не поймет его даже в самой малой мере.

— Останавливают толстую старуху, — говорил он. — Неопрятную! Кошмар! Седая, одутловатая,

похожая на переваренные макароны, в бог знает скольких одежках, которые давно сплавились одна с другой. «Не могли бы вы спеть “Июнь из кожи лезет вон”?» — спрашивают они, а та отвечает: «Конечно» — да сразу и запевает, такая услужливая, с сияющей улыбкой, а под конец раскидывает руки и притоптывает ногой…

Морган прикусил сигарету, перестал расхаживать, чтобы показать, как все было, — развел руки в стороны, приподнял ногу.

— «*Потому… что́…* ИЮНЬ!» — пропел он и топнул.

— Я тоже люблю вас, — сказала Эмили.

— ИЮНЬ! — пропел Морган. И остановился. Вынул изо рта сигарету. — Как?

Она улыбнулась.

Морган подергал себя за бороду. Бросил на Эмили косой взгляд из-под бровей, уронил сигарету на пол и медленно, задумчиво растер ее каблуком. Опускаясь на краешек дивана, он, казалось, еще обдумывал что-то. А когда наклонился, чтобы поцеловать ее, от него повеяло своего рода лохматым теплом, как от какого-нибудь пушного зверька, запахом пепла и «ментолата».

1977

1

Дочь Моргана, Лиз, наконец-то родила — в наихолоднейшую ночь самого холодного, какой кто-либо помнил, февраля. Вылезать из постели и отвозить Лиз в больницу пришлось Моргану. Потом, разумеется, приехал из Теннесси ее муж Честер, и, когда Лиз выписали, она, Честер и малышка на несколько дней, которые требовались Лиз, чтобы набраться сил перед дальней дорогой, заняли ее прежнюю комнату. Между тем дом продолжал наполняться людьми — как будто вода поднималась из затопленного подвала. Несколько раз заглядывали Эми и Джин с детьми, из Шарлотсвилла приехали двойняшки, а из Нью-Йорка — семейство Молли, и ко времени, когда появились Кэйт с бойфрендом, разместить их было негде — только в кладовке на третьем этаже, под самой крышей. Это произошло в уик-энд. К понедельнику они разъедутся, напоминал себе Морган. Он любил их всех, был без ума от них, но жизнь в доме стала несколько затруднительной. Дочери, которые не ладили в прошлом, лучше с тех пор ладить не стали. Новорожденная, похоже, страдала коликами. А времени на то, чтобы

повидать Эмили, не оставалось вовсе.

— Если кормить детей на кухне, — сказала, загибая пальцы, Бонни, — в столовой будут сидеть за столом шестнадцать взрослых, или пятнадцать, если Лиз захочет поднос в постель, но тогда матери станут то и дело бегать проверять детей, поэтому лучше, наверное, накормить их пораньше. Хотя в этом случае, едва мы сядем за стол, дети начнут носиться вокруг нас как сумасшедшие, к тому же — только сейчас вспомнила — Лиз сказала, что в половине восьмого заглянет ее старая соседка по колледжу, поэтому садиться есть слишком поздно мы не можем. Или она подразумевала, что соседка придет на ужин, как по-твоему? Но тогда за столом окажется семнадцать человек, то есть если Лиз не захочет есть в постели, а она, естественно, не захочет, раз ее подруга будет сидеть внизу, а приборов у нас хватит только на шестнадцать, значит, придется разделиться, скажем, я, ты, Бриндл и твоя мама — в первую смену, а во вторую девочки с мужьями и… о господи, Дэвид же, насколько я знаю, еврей. Ничего, что я ветчину на стол подаю?

— Дэвид — это кто? — спросил Морган.

— Бойфренд Кэйт, Морган. Будь повнимательнее. На самом деле все очень просто.

После ужина один из внуков сломал палец на ноге, а может, и не сломал, наверняка никто сказать не взялся, но все согласились, что на сломанные пальцы ноги шин не накладывают, поэтому не стоит беспокоить доктора в нерабочее время. Вообще-то Морган был не прочь свозить мальчика в больницу, которую он теперь и во сне мог найти. Морган нуждался в свежем воздухе. Гостиная выглядела морем человеческих тел — в ней читали, вязали, боролись, ссорились, играли в настольные игры, ковырялись кочергой в камине, сидели развалясь, зевали, разговаривали о политике. Шторы оставались неопущенными, и давившая на стекла темнота делала все происходившее в доме еще более мрачным. Гарри, черный лабрадор Луизы, изгрыз большой упаковочный пакет, разбросав мелкие серые клочья по всему ковру.

Морган поднялся в спальню, там стояли у комода и размалевывались губной помадой Бонни две малявки. «Кыш! Кыш!» — закричал Морган. Они подняли к нему чумазые лица крошечных пожилых пьянчужек, однако приказа не выполнили. Он вышел, хлопнув дверью. В холле ему ударил в ноздри застоявшийся здесь запах ветчины, и Морган почувствовал себя толстяком. Он услы-

шал крик малышки, ее надрывный голос словно впивался ему в поясницу. «Это уж слишком!» — сказал он этому, как его, Дэвиду, тощему, ученого вида молодому человеку, только что сошедшему, держа в руке книгу в бумажной обложке, с третьего этажа. Дэвид был слишком вежлив, чтобы ответить что-нибудь, но по одному тому, как он спускался с Морганом по лестнице, тот понял, что Дэвид ему сочувствует.

Бонни вышагивала с малышкой на руках по прихожей — другого места в доме, судя по всему, не осталось.

— Ты можешь немного подержать Памми? — спросила она.

— Памми? А, малышку.

Брать ее на руки Моргану не хотелось, однако Бонни выглядела такой измочаленной, серой от усталости. Он принял от нее девочку — маленький, теплый, обмяклый комочек. Нечего и сомневаться, исслюнявит все плечо его костюма в тонкую полоску, который Морган всегда надевал в случаях, когда хотел выглядеть главой семьи.

— По-моему, Бонни, мы слишком далеко зашли с этими гостеваниями, — сказал он.

— Ну, Морган, ты так всегда говоришь. А стоит им уехать, ты уже на следующий день бродишь

по дому, как потерявшая щенков собака.

— Да, но, видишь ли, их с каждым приездом становится все больше. И задерживаются они все дольше.

Из кухни вышла Молли с ведром в руке.

— Кристофера вырвало, — сообщила она.

— Ну, как тебе покамест нравится наш мир? — спросил у малышки Морган.

В дверь позвонили.

— Кто бы это был? — удивилась Бонни.

— Наверное, соседка Лиз.

— Ну ей-богу, Морган. Соседка Лиз в гостиной сидит.

— Правда?

— Она и ужинала с нами, Морган.

Он открыл одной рукой дверь, за ней стояла в ожидании Эмили. Он увидел ее как лучистую вспышку бледного света. И почувствовал, что все вокруг ожило и повеселело.

— О, — произнес он.

Эмили улыбнулась. В руке она держала перевязанный красным шпагатом пакет. По какой-то лишенной логики причине Моргану показалось, что подарок предназначен ему. Что *она* и есть этот подарок. Тут Бонни сказала: «Эмили!» — и шагнула вперед, чтобы поцеловать ее. Эмили

смотрела на Моргана поверх плеча Бонни. Потом, серьезная, отстранилась от нее, протянула руку к Моргану и, похлопав малышку по голой ступне, сказала:

— Красавица!

Глядя ему в глаза.

Девочка собралась с силами, чтобы зареветь снова, но вдруг икнула и поникла — быть может, ее застал врасплох задувавший в дверь ледяной ветерок, быть может, прикосновение холодной руки Эмили.

— Входите же, — пригласила Бонни. — Вы, наверное, замерзли! На машине приехали? Видели вы когда-нибудь такую погоду?

Она повела Эмили в гостиную, Морган пошел следом. Эмили воспринималась им как единственная здесь точка покоя. Она стояла в центре гостиной, а все остальные толклись вокруг нее. В том, как она вручила пакет Лиз, было что-то замечательно официальное — Эмили словно не была уверена, что его примут. Но Лиз, беря пакет, уже восторженно вскрикивала. Материнство словно увеличило ее в размерах, опушило по краям, обратило в подобие снежного заряда, состоящего из купального халата и млечных ароматов. И конечно, ей понравилась извлеченная из пакета

кукла, ягненок. Кукла переходила из рук в руки, каждый предпринимал попытку поуправлять ею. В конце концов стеганая мордочка ягненка уткнулась носом в щеку малышки. Та испугалась и забила по воздуху кулачками.

— Налей Эмили выпить, ладно? — сказала Моргану Бонни.

Он нагнулся, чтобы опустить малышку на колени Луизы. Та приняла ее неуверенно, продолжая сжимать шишковатой рукой бокал портвейна.

— Что это? — спросила она.

— Это ребенок, мама.

— Мой?

Морган передумал, снова взял малышку и отдал ее Бриндл. Бриндл, читавшая каталог почтовых заказов, передала девочку двойняшкам. Девочка явно сочла все происходившее лучшим из развлечений за день.

— Вылитая Лиз, — сказала Эмили. — Правда? Очень похожа. Только глаза как у Честера.

— Эмили, милая, а где же Леон? — спросила Бонни. — И Гина? Ей не захотелось посмотреть на маленькую?

— У нее в понедельник доклад по естественным наукам. Весь уик-энд с ним провозилась.

Морган представил себе их примолкшую

квартиру: голую, чистую гостиную и Гину, сосредоточенно вникающую в книгу.

— Ну хотя бы Леон, — сказала Бонни. — Вы могли привезти Леона.

— Он смотрел какую-то телепередачу. А я сообразила, что если стану дожидаться ее окончания, то девочку уже спать уложат.

Два года назад Мередиты купили маленький телевизор. Морган все время забывал об этом. Каждый раз, как Эмили упоминала о нем, Морган мысленно моргал, ему приходилось производить разрушительную внутреннюю подстройку. Он подошел к буфету, налил бокал хереса — единственного напитка, который Эмили на его памяти соглашалась попробовать. И вручил бокал ей, как раз снявшей пальто.

— Давайте я его повешу, — сказал он.

— Не стоит. Я смогу задержаться лишь на минуту.

Эмили сидела на кушетке, беседуя с Бонни и Лиз, а Морган, покашливая, слонялся по гостиной. Переступил через игру «Монополия», подбросил еще одно полено в камин. Завел стоявшие на каминной полке часы. Присел, покряхтывая, на корточки, чтобы подобрать обертку от подарка Эмили, аккуратно сложил ее — пригодится.

Обертку она могла разукрасить сама или купить в «Мастерах на все руки». Бумагу покрывал ксилографированный узор из маленьких колокольчиков. Моргану нравились старомодные, усвоенные в маленьком городке обыкновения Эмили — подарки по всяческим поводам, почтовые открытки, благодарственные записки, рождественские фруктовые торты, неизменное внимание к официальным датам. Эмили была самым правильным человеком, какого он знал. (Некоторое время назад ей удалось вырваться на одну ночь из дома — на единственную их общую ночь. Они так устали урывать минуты. Леону она сказала, что поедет в Виргинию. Встретившись с Морганом в «Патрицианском отеле», Эмили настояла на том, чтобы указать в регистрационной книге свое настоящее имя, — написала имя, адрес и номер телефона, держа ручку вертикально, под прямым углом к бумаге, на восхитивший его чудной, чопорный манер. Позже Морган спросил, почему она не записала выдуманное имя? Это было бы неправильно, ответила Эмили.)

— Я поставила машину на углу, — рассказывала она Бонни, — а выйдя из нее, увидела эту семейку. Мужчина, женщина и двое детей. Один из них упал, заплакал, и я остановилась посмот-

реть, что с ним, — вы знаете, как это бывает, когда ребенок плачет. Мальчик отделался всего лишь царапиной, чем-то в этом роде, ссадиной на коленке. Однако его отец был, по-видимому, слепым. Не понимал, что случилось. И все время повторял: «Что там, Дороти? Дороти, что такое? В чем дело, Дороти?» — а Дороти не отвечала. Она взяла на руки плакавшего ребенка, потом другого, постарше, слишком большого, по правде сказать, чтобы его нести, пристроила их на свои бедра, а она была сильно укутана и нагружена — зимнее пальто, шарфы, дамская сумочка и огромная хозяйственная сумка, не знаю с чем, с продуктами или с вещами, при уличном свете не разберешь. *Покачивалась*, еле ковыляла. А он все спрашивал: «Что такое?» — и отчаянно шарил вокруг себя руками. «Никлас не может идти». Он спросил: «*Почему* не может? Ради бога, что случилось?» — и она вышла из себя и сказала: «Подожди, говорят тебе, успокойся. Стой здесь, я скоро вернусь. Джейсон, ты целую тонну весишь. Держись за мамочку, Никлас…» Мне хотелось сказать ему: «Это царапина, ничего страшного». И сказать женщине: «Зачем подгонять сюда машину? Зачем вы это делаете? А если подгонять, так оставьте детей с ним, и сумки тоже. Он со

всем справится. Зачем отталкивать его? Зачем вести себя так, ну, враждебно, не по-людски?»

— Ах, когда видишь людей с подобными дефектами, — сказала Бонни, — хочется поблагодарить звезды за то, как легко нам живется. Не правда ли?

Ничего-то она не поняла. И все остальные тоже, полагал Морган. Они продолжали бросать кубики, позвякивать вязальными спицами. В камине обвалилось полено, выбросив наружу сноп искр. Пес пошевелился и неуверенно помахал хвостом. Бриндл перевернула страницу каталога — безвкусные, расплывчатые иллюстрации. *Изумительная мыльница,* прочитал Морган. *Замечательный Вечный Пинцет! Поразительный Уловитель Волос, Позволяющий Сэкономить На Ремонте!* Он поднял взгляд и встретился глазами с Эмили. Она выглядела прекрасно отчужденной, настолько отличной от всех, что казалась даже более юной, чем дети.

Когда ей настала пора прощаться, не кто иной, как Бонни, попросила Моргана проводить ее до машины. Исходя из своей искаженной картины городской жизни, Бонни сказала: «Позаботься, чтобы она заперла дверцы, Морган. Сам знаешь, какие странные люди бродят теперь по улицам».

Эмили позволила Моргану подать ей пальто, попрощалась со всеми, пожелала спокойной ночи, поцеловала Бонни в щеку. «Загляните к нам на той неделе, — сказала Бонни. — Позавтракайте со мной, пока Гина будет в школе. Мы так давно не завтракали вдвоем! Что с вами случилось?» Эмили не ответила.

Она и Морган спустились по ступенькам, вышли на улицу. Ночь была до того холодна, что воздух казался каким-то кремнистым, каблуки Моргана звенели, словно ударяя по металлу. Он закутался в парку, натянул на голову капюшон, а вот пальто Эмили вовсе не выглядело теплым, и даже при том, что она была в черных колготках, ее тонкие, как бумага, туфельки вряд ли служили защитой от стужи. Морган взял ее за руку. Маленькие, аккуратные костяшки, щепотка холодных пальцев.

— Завтра воскресенье, — сказал он. — Полагаю, выбраться ты не сможешь.

— Думаю, нет.

— Может быть, в понедельник.

— Может быть.

— Выйди во время ужина, купить молока или еще чего. Я задержусь в магазине.

— Я слишком часто делаю это.

— Но он же ничего не говорит, верно?

— Не говорит.

Ладони их расцепились, разделенные этим «он» — словом, которое означало: нам есть что скрывать. Между собой они больше не называли его Леоном. Морган и вообразить его не мог, не испытав болезненного прилива печали и раскаяния. Казалось, Леон теперь нравился ему даже больше, чем в прошлом, Морган еще выше ценил сдержанное достоинство его лица с высокими скулами, говорившего — если подумать — о великолепном стоицизме, достойном американского индейца. В последнее время продолговатые черные глаза Леона, когда он смотрел на Моргана, ничего не выражали, были тусклыми и бесстрастными. А вот перед Бонни Морган, как ни странно, никакой вины не испытывал. Он как будто поместил ее в некую отдельную ячейку да там и запечатал. Возвращаясь домой, к ней, он с прежним удовольствием слушал ее фырканье, смотрел на тяжелые груди и не уклонялся, когда она рассеянно обнимала его, проходя мимо по душным, перенаселенным коридорам их дома.

Вот и машина Эмили. Она соступила с тротуара, чтобы направиться к водительскому месту, однако Морган остановил ее, притянул к себе. Эмили

пахла чистотой и свежестью, как снег, только дыхание отдавало хересом. Он поцеловал уголок ее челюсти, шею прямо под ухом. «Морган, — прошептала она, — нас кто-нибудь увидит». Эмили чрезмерно боялась сплетен, считала людей более внимательными, чем они были на деле. А ему хотелось насытиться ею. Он поцеловал губы — сухие, четко очерченные, морщинистые губы, странно трогательные, — расстегнул пальто, чтобы просунуть под него руки и обнять ее. Тело Эмили было таким тонким и гибким, что Моргану все время казалось: я что-то упустил, чего-то не заметил.

— Задержись ненадолго, — сказал он ей в ухо.

— Не могу, — ответила Эмили, но Морган удержал ее еще на миг, а потом она отстранилась и побежала к машине.

Вспыхнули фары. Кашлянул и заработал двигатель. Морган стоял, наблюдая за ней, пощипывая пальцами нижнюю губу и думая о том, что ему следовало сказать: «Пусть воскресенье, все равно приходи. Обещай, что придешь в понедельник. Почему ты не носишь перчаток? По утрам я просыпаюсь, из меня радость ключом бьет, и надежда, и я понял, что в конце концов все того стоит».

2

Как только сошел снег, Эмили начала бегать трусцой. Занятие для нее странное, думал Морган, отнюдь не в ее духе. Она купила неказистые желтые кроссовки и шагомер, который крепила к талии на старом кожаном ремне Леона. Несколько раз Морган, идя повидаться с ней, обнаруживал ее подбегавшей с другого конца квартала — в нисколько не спортивной юбке, из-под которой ноги Эмили вылетали, точно палочки. Желтые ступни казались самой массивной частью ее тела. Выглядела она так, точно припустилась бежать только *сию минуту* — желая поспеть на автобус или внезапно вспомнив, что у нее на плите осталась кастрюлька с кипящей водой. Может быть, это ее припрыжке не хватало серьезности. Может быть, рывкам и взмахам ее юбки. Приблизившись, но не остановившись, она кричала: «Буду через минуту! Только еще раз квартал обегу!» А когда все же останавливалась, ее шагомер удивлял Моргана: четыре мили; четыре с половиной; пять. Она всегда старалась добиться большего.

Морган однажды спросил, ради чего она бе-

гает.

— Просто бегаю, — ответила она.

— Я имею в виду — ради сердца? Фигуры? Кровообращения? Или ты хочешь участвовать в марафоне?

— Я просто бегаю, — повторила она.

— Но зачем же себя изнурять?

— Я себя не изнуряю.

Изнуряла, конечно. После пробежки в ней ощущалось нечто натужное. Она лоснилась от пота, подрагивала, была точно напрягшийся пучок тонких мышц. Волосы Эмили рассыпались, точно наэлектризованные, каждая прядь завивалась, приобретая сходство с ее янтарного цвета витыми заколками. Она настолько отличалась от всех прочих женщин, что Морган переставал понимать, с какого боку к ней подходить. Он был сбит с толку, тронут и очарован, ему нравилось проводить пальцами по новым, крепким связкам под ее коленями. И не мог вообразить, что это такое — быть Эмили.

Однажды под вечер, в магазине, он закрыл глаза и попросил:

— Скажи, что ты видишь. Будь моими глазами.

Она ответила:

— Стол. Картотечный ящик. Диван.

И на этом, похоже, сдалась. Он открыл глаза и увидел ее — беспомощную, старавшуюся понять, чего он от нее хочет. Но он этого и хотел — ее простого и незамутненного образа вещей. Сам он таким отродясь не обладал.

Морган пристрастия к физическим упражнениям не питал. Честно говоря, он их ненавидел. (О, честно говоря, он был много, много старше, а его физическая форма оставляла желать лучшего.) И Леона упражнения тоже не привлекали. Леон был из тех людей, что всегда выглядят спортивными, не прилагая к тому никаких усилий. Он-то как раз был в хорошей форме — крупный, крепкий, с гладкими мышцами. За пробежками Эмили он наблюдал отстраненно, храня на лице выражение терпимости.

— Она все делает неправильно, — как-то сказал он Моргану. — Слишком изнуряет себя.

— Вот! Разве я ей того же не говорил?

— Ей необходимо во всем быть главной. Всегда побеждать.

Был солнечный мартовский день, они сидели на крыльце дома. Погода чувствовала себя неуверенно. После лютой, ужасающей зимы люди, похоже, воспринимали весну как надувательство. Они продолжали ходить в шерстяных

вещах, каждый день, по мере того как теплело, снимая одну за другой. Самшит Бонни так и стоял, укутанный в мешковину. Она оплакивала бутоны камелии, которые погода обманом заставила развиться, чтобы наверняка прикончить их новым заморозком. Однако весна продолжалась, бутоны триумфально распустились — ярко-розовые, с плотными, раскидистыми лепестками. Морган и Леон сидели на крыльце в рубашках с короткими рукавами, тепла почти хватало и на это, а идти в дом за пиджаками им было лень, и вот из-за угла показалась Эмили, далекая маленькая черная бабочка на желтых лапках. В беге ее присутствовало что-то казавшееся вечным. С волосами, заплетенными в косы, она походила на крестьянскую девушку, что в сухую погоду выскакивает из настенного гигрометра, чарующая в своей неизменности[20]. Морган почувствовал, что становится невесомым от счастья, что увеличивается под светом солнца в объеме и с равной любовью улыбается всем: Леону, хилым, старающимся выжить деревьям, подбегающей

[20] Сноски: 20

В Америке были популярны гигрометры, похожие на часы с кукушкой, только роль кукушки исполняла фигурка девушки, которая выскакивала, когда влажность воздуха падала и устанавливалась сухая и ясная погода.

и убегающей Эмили и чайкам, кружащим над головами, проплывающим среди дымоходов в истомленном поиске гавани.

3

Леон поехал в Ричмонд повидаться с перенесшим сердечный приступ отцом. Вечером Морган навестил Эмили. Гина готовила на кухне тесто — в школе устраивали благотворительную распродажу домашней выпечки. Она то и дело заходила в гостиную, спрашивала, где ваниль или сито, либо скакала вокруг Моргана, обшаривая его карманы в поисках пастилок от кашля, которые очень любила. Морган сносил ее терпеливо. Во время обыска раскидывал руки и сидел неподвижно. Потом Гина возвращалась на кухню, а он и Эмили продолжали вести небрежный, фальшивый разговор. В прежние дни он уселся бы с ней на диване и думать ни о чем не думал, однако теперь устроился в некотором отдалении от нее, на стуле с прямой спинкой. Он прочистил горло, сказал:

— Бонни велела спросить, не хотите ли вы позаимствовать ее машину.

— О, какая она милая. Нет, спасибо.

— А если его не будет долго? Машина вам может понадобиться.

— Нет.

— Что, если он и на уик-энд не вернется, у вас же спектакль.

— Отменю.

— Но я мог бы выступить вместо него. Почему бы и нет? Представлюсь Леоном.

— Я просто отменю спектакль.

Они взглянули друг на друга. Эмили была бледнее обычного. Она все разглаживала юбку, но, заметив, что он смотрит на ее руки, резко перестала и сложила их на коленях. Напряжение, в котором она живет, действует ей на нервы, решил Морган. Она не привыкла к обману. Как, в сущности, и он — во всяком случае, не к такому. Хорошо бы взять и открыться всем сразу и покончить с этим. Леон сказал бы: «Я понимаю», и Морган мог бы переехать сюда, и они, все четверо, зажили бы наконец-то полной жизнью, счастливые, как жаворонки, и смеялись бы над прежней их скрытностью, такой прижимистой, такой себялюбивой.

Кожа вокруг глаз Эмили отливала голубизной, придавая ей сходство с енотом.

Морган встал и сказал:

— Мне пора. Проводите меня?

— Да, конечно. — Эмили тоже встала, снова разгладив юбку не свойственными ей нервными

движениями.

Они прошли по коридору, миновали кухню. Эмили, просунув голову в дверь, сказала:

— Гина, я скоро вернусь.

— А. Ладно. — Гина, обсыпанная мукой, выглядела усталой и растерянной.

Морган взял Эмили за руку, вывел ее из квартиры. Однако, дойдя до середины лестницы, они услышали доносившиеся сверху шаги, и руку он отпустил. Показалась позвякивавшая ключами миссис Эппл в пушистом перуанском пончо.

— О! Эмили. Доктор Морган. А я решила зайти спросить насчет отца Леона. Он поправляется? У вас есть новости?

— Пока нет, — ответила Эмили. — Леон обещал позвонить вечером.

— Что ж, я понимаю, как вам неспокойно.

Морган озлобленно прислонился к перилам, ожидая, когда это закончится.

— Но знаете, для современной медицины такие вещи пустяк, — сказала миссис Эппл. — Сердечный приступ — это так просто. Все заменимо, они поставят ему тефлоновую трубку, или батарейку, или не знаю что, и он еще долго протянет. Скажите Леону, что его отец проживет многие годы. Ведь так, доктор Морган?

— Так, — согласился, глядя в потолок, Морган.

Если чуть сдвинуть ладонь по перилам, он сможет притронуться сзади к юбке — прохладной скользкой ткани с намеком на тепло под ней. Пальцы Моргана остановились там, почти не касаясь ее. Миссис Эппл ничего не заметила.

— Если он не вернется к завтрашнему вечеру, — говорила она Эмили, — приходите с Гиной поужинать. Ничего особенного, вы же знаете, я теперь вегетарианка…

Когда она в конце концов отпустила их, Морган грубо протопал по лестнице и вышел на улицу, даже не попрощавшись.

— Не выношу эту женщину, — сказал он.

— Я думала, она тебе по душе.

— Она повторяется.

Шли они быстро, пересекли улицу, направляясь к стоявшему в конце квартала пикапу Моргана. Людей вокруг было немного — компания подростков, обступившая фонарный столб, несколько женщин на крылечках. Дойдя до пикапа, Морган взялся за дверную ручку и сказал:

— Давай поедем куда-нибудь.

— Не могу.

— Недалеко. Просто чтобы побыть наедине.

— Гина начнет догадки строить.

Он привалился к дверце.

— Не знаю, что мне делать, — сказала Эмили.

— Делать? — Он повернулся к ней.

Эмили стояла сложив на груди руки и неотрывно глядя в какую-то точку на другой стороне улицы.

— Я думаю уйти. Сбежать.

Должно быть, снова Леон. Морган полагал, что все это перестало заботить ее, чем бы оно ни было… Последнего он понять до конца так и не смог, хоть и старался. Казалось, он упускает из виду какой-то ключевой момент. Говорят ли они об одной и той же семье? «Скажи мне точно, Эмили, что тебя *гнетет*?» — иногда хотелось спросить ему, однако он не спрашивал. Морган стоял, прислонившись к дверце пикапа, и внимательно слушал. Его панамская шляпа была немного спущена на глаза.

— Я даже вещи уложила, — продолжала Эмили, — ну, наполовину. Да они и так были уложены не один год. А сегодня утром проснулась и подумала: «Так почему же не уйти? Разве так будет не проще?» Одежда моя легко складывается, не мнется. И помещается вся в одном ящике комода, запросто войдет в чемодан, который стоит в стенном шкафу. Косметический набор, который я

купила почти сразу после замужества, и он у меня еще цел. Я готова! Похоже, я всегда знала, что мне придется уйти. И устроила все так, что могу в любую минуту схватить чемодан и исчезнуть.

Моргану стало интересно.

— Да, да, — покивал он сам себе. — Я понимаю, о чем ты.

Эмили говорила без умолку, как в бреду:

— Знаешь, что я воображаю, когда бегаю? Что тренируюсь на случай какой-то крайности — вынужденного побега, всеобщей катастрофы. Приятно знать, что я способна пробежать несколько миль. А иногда я вдруг просыпаюсь среди ночи, перепуганная до смерти, сердце так и скачет. И говорю себе: «Ладно, Эмили, ты справишься. Ты очень хорошо умеешь бороться за жизнь. Можешь, если придется, одним духом пробежать пять миль, уложить чемодан ровно за тридцать секунд…»

— Что тебе необходимо, так это рюкзак, — объявил Морган. — Армейский рюкзак, чтобы руки были свободны.

Эмили сказала:

— У меня семнадцать дней задержки.

— Семнадцать дней! — повторил Морган.

Сначала он решил, что она говорит о каком-то

новом рекорде по части бега трусцой. Но и поняв ее, затруднился усвоить значение этих слов. Прошло уже много лет, с тех пор как его и Бонни заботили происшествия подобного рода.

— Подумать только! — сказал он, кивая быстрее прежнего, стараясь выиграть время.

— Конечно, это может быть ложной тревогой.

— Ну да, ложной тревогой.

— Ты не мог бы перестать изображать эхо?

Тут-то до него дошло. Он выпрямился, рванул на себя дверцу пикапа, распахнул ее, залив светом лицо Эмили. Она выглядела сонной, морщилась — ее глаза успели привыкнуть к темноте. Но взгляд Моргана встретила твердо.

— Эмили, — спросил он, — что ты мне хочешь сказать?

— А как по-твоему, что?

Лицо у нее, отметил он, измученное, словно бы страхом. И вдруг увидел все ее глазами: семнадцать дней ожидания — и никому ни слова. Он захлопнул дверцу, одной рукой обнял Эмили, крепко.

— Тебе следовало открыться мне раньше, — пролепетал он.

— Мне страшно представить, что скажет Леон.

— Да, ну… — Морган кашлянул. — Э-э… он

поймет? Ну то есть поймет, что тут, э-э, не его работа?

— Конечно, поймет. Считать он умеет.

Морган обдумал это — и все, что из этого следовало. И, похлопав ее по плечу, сказал:

— Ладно, Эмили, не тревожься.

— Может быть, это нервное.

— Ага, нервное. — Впрочем, сообразив, что снова стал эхом, быстро поправился: — Тут вроде порочного круга. Как бы это назвать? Самовоспроизведение. Чем больше задержка, тем, разумеется, сильнее ты нервничаешь, а от этого задержка лишь затягивается, и ты еще пуще…

— Я не против абортов, но только, понимаешь, они не для меня.

— О? — отозвался Морган. И насупился. — А для кого же тогда?

— Я хотела сказать, что не решилась бы сделать аборт, Морган.

— А, да. Ну…

— Просто не смогла бы. Не смогла.

— А, ну естественно. Конечно, — сказал он. — Нет. Естественно, нет.

И обнаружил, что все еще похлопывает ее по плечу, — машинальный жест, от которого у него онемела ладонь.

— А чего мы тут стоим, Эмили? — спросил он. — Лучше иди домой.

— Я считала себя такой осторожной. Не понимаю.

Бонни говорила то же самое — давно-давно, в более юном и солнечном мире. Через все это он уже проходил. А теперь стал дедом, и не один раз. Он повел Эмили назад, к ее дому, запинающейся стариковской походкой.

— Ну да, ну да, — говорил он, лишь бы не молчать. А что сказать, нашел только на ее крыльце. — Но к врачу-то мы обратиться можем. Сдать анализы.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу врачей, — ответила Эмили. — И ненавижу… отдаваться в чьи-то руки.

— Ладно, ладно, не расстраивайся. Да ведь уже завтра может оказаться, что все не так, что это нервы или ошибка в подсчетах. Вот увидишь.

Он поцеловал ее на прощанье, подержал, пока она входила в дом, дверь, улыбнулся сквозь стекло. Спокойный, как скала. А почему бы и нет?

Ведь это же все не взаправду.

4

Теперь каждый новый день означал еще одну прореху в календаре, еще один шепотный телефонный разговор в «Хозяйственном магазине Каллена». Леон возвратился из Ричмонда, разговаривать в квартире они не могли, однако, когда Морган заглядывал туда, траурные глаза Эмили говорили ему все, что он хотел узнать.

Прошла неделя, потом две. «Что случилось с Эмили? — спрашивала Бонни. — Ты ее видел? Отчего она больше не заглядывает к нам?»

Морган думал, почему бы не ответить ей. Просто взять и ответить. «Ну, — могла бы сказать Бонни, — сколько я понимаю, такое случается». Или, возможно, еще беззаботнее: «О да, я давно уже догадалась». Она же самый давний его друг. Знает его тридцать лет. Но он не отвечал — говорил первое, что взбредало в голову, невпопад, не по существу.

Один раз он случайно столкнулся с Эмили в бакалее «Быстро-Дешево». Она выбирала консервированный суп в банках. И сразу, даже не поздоровавшись, они заговорили о симптомах и признаках. («Меня ни капельки не тошнит по

утрам. А должно бы, тебе не кажется? С Гиной тошнило ужасно».) В середине прохода Морган засунул пальцы в вырез ее леотарда и по-докторски нахмурился, взирая в пространство, — впрочем, груди Эмили были малы и плотны, как и всегда. Страстное желание отвести ее к выцветшему диванчику своего офиса поразило Моргана. Однако предложить он ничего не решился. Нет, если тревога окажется ложной, пообещал себе Морган, они станут самыми беззаботными, самыми веселыми и честными товарищами — он, Эмили и Леон; будут гулять радостной троицей, и он с Эмили даже за руки держаться не станет, разве что… разве что помогая друг другу сойти с борта судна или выбраться из окна горящего здания.

Эти мысли постоянно крутились в его голове, Морган зарывал их поглубже и откапывал снова, но, как ни странно, ощущал себя возвышенно и мирно отрешенным. Казалось, он так и продолжал отъединяться от всего на свете. Даже собственный дом, семью он начинал вдруг видеть снаружи. Нередко он останавливался в дверях, скажем в дверях собственной комнаты, и осматривал все так, точно оценивал чью-то чужую жизнь. Неплохое место: окно открыто, шторы колышутся. Морган наблюдал за тем,

какой милой становится Бонни, когда на нее нападает беспомощный смех, а это случалось часто. Отмечал, что едва дом заполняется женщинами, как из комнат наверху доносится звук словно бы льющейся воды. Мать и сестра произносили свои излюбленные реплики, отшлифованные, как рефрен стихотворения. «Это время, когда появляются артишоки, острые листочки под лимонно-масляным соусом…», «Если бы Роберт Робертс не лишил меня всех сил, всей заботливости, на какую я была способна…» Одна из двойняшек — Сьюзен, которая так и не вышла замуж, — вернулась домой, чтобы оправиться после гепатита, мирно лежала на своей старой кровати и вязала Моргану прекрасный длинный колпак из шерсти всех, какие отыскались в доме, расцветок. Ну а другие его дочери — что же, начинало казаться, будто вот теперь они нашли для него подходящую роль, и он нежился, окруженный их шумными детьми. По-видимому, то, что смущало дочерей в отце, стало в дедушке прелестной эксцентричностью. Да по здравом размышлении даже работа его не была таким уж кошмаром — хозяйственный магазин, в котором пахло древесиной и машинным маслом, Баткинс, сидящий на табурете за прилавком.

Баткинс! Худющий мужчина с волосами цвета сена и носом столь заостренным, что казалось, будто с кончика его вечно свисает прозрачная капля. Когда-то он был молод — дядя Олли нанял его двадцатитрехлетним. В сознании Моргана он так и застрял навсегда в этом возрасте, ныне же Морган присмотрелся к нему повнимательнее и обнаружил, что Баткинсу под сорок, что он надломлен слабым здоровьем жены и смертью единственного ребенка. Баткинс словно обвалился изнутри, и теперь в нем образовалась впадина. У него были самые бледные, самые млечно-голубые из всех когда-либо виденных Морганом глаза, небесно снисходительные, принимавшие все. Морган чувствовал, что потратил зазря слишком много времени, почти позволив этому человеку проскользнуть у него между пальцами незамеченным. Он повадился присаживаться на ступеньках своего офиса и задумчиво курить, наблюдая Баткинса за работой, — кончалось тем, что разволновавшийся Баткинс, отсчитывая сдачу, рассыпал монеты по всему прилавку.

Эмили позвонила ему в магазин.

— Я дома, — сказала она. — Леон вышел.

— Ну как ты? — спросил Морган.

— Да хорошо.

— Все в порядке?

— Да, вот только спина разболелась.

— Спина. Ну, это не так уж и плохо. Да, очень хороший признак, я уверен.

— Или дурной, — ответила Эмили. — Как бы то ни было, мне это могло просто причудиться.

— Нет-нет, как же может причудиться боль в спине?

— Может. Тут ничего странного нет.

— Ладно, что ты чувствуешь? Только точно.

— Не знаю, это может быть всего лишь игрой воображения.

— Пожалуйста, скажи, что ты чувствуешь, Эмили.

— Не рычи на меня, Морган.

— Милая, я и не рычу. Просто скажи мне.

— Вечно ты выбираешь этот… умудренный тон.

Он закурил сигарету, сказал:

— Эмили.

— Ну ладно. У меня что-то тянет и тянет в спине, изнутри наружу, я так устаю от этого. Тебе не кажется, что это обнадеживающий признак? Хотя я попробовала утром пробежаться и смогла обогнуть квартал всего один раз. А прямо сейчас мне нужно идти на соревнования по гимнастике,

в которых участвует Гина, и я думаю: «Мне туда не добраться, нипочем». Я хочу лишь одного — заползти в постель и уснуть. И это уже признак очень плохой — сонливость. Я только что вспомнила. Самый худший из всех.

— Глупости, — возразил Морган. — Так сказывается напряжение, в котором ты живешь, вот и все. Это естественно. Тебе следует отдохнуть, Эмили.

— Ладно, может быть, после соревнований.

— Когда они начинаются? Давай на них пойду я.

— Приблизительно через полчаса. Но ведь она ждет *меня*.

— Скажу ей, что ты не очень хорошо себя чувствуешь, пусть довольствуется мной.

— Но я в последнее время то и дело подвожу ее…

— Ложись и поспи, Эмили, — велел он. И повесил трубку.

Он сказал Баткинсу, что отлучится ненадолго. Баткинс кивнул и вернулся к алфавитному списку цветочных семян. Когда все закончится, решил Морган, он посвятит себя хозяйственному магазину всерьез. Будет приносить из дома сэндвич и оставаться здесь на время обеденного перерыва,

вот даже так. Он косо нахлобучил на голову берет и отправился на поиски своего пикапа.

Школа, в которой училась Гина, — выбранная родителями Леона женская школа Св. Андрея — находилась в северной части города. Родители оплачивали обучение и потому, полагал Морган, имели право выбора. Сам он держался об этой школе невысокого мнения и предпочел бы, чтобы Гина осталась в бесплатной. Вообще он считал, что родители Леона дурно влияют на всю семью. В прошлое Рождество они купили Эмили электрический миксер. Если Эмили утратит бдительность, ее квартира скоро окажется такой же захламленной, как любая другая. Вещи имеют свойство подкрадываться к тебе исподтишка, говорил ей Морган.

Он свернул на затененную подъездную дорожку Св. Андрея, поставил пикап рядом со школьным автобусом. Спортивный комплекс размещался, судя по всему, в здании, стоявшем прямо перед ним. Оттуда неслись обычный для таких помещений гул голосов. Он пересек открытую спортивную площадку, поглубже заправляя рубашку в брюки, расчесывая пальцами бороду и надеясь, что вид у него вполне пристойный. Гине исполнилось десять — возраст, в котором

родителям приходится начинать следить за собой. Любая мелочь может показаться ей унизительной.

По-видимому, он опоздал — соревнования уже начались. Над акрами отдававшего эхом и пахнувшего лаком паркета раскачивались на огромной хромированной перекладине маленькие девочки. Морган прошел сквозь ряды скамеек и уселся на самой нижней, сбоку от горстки матерей. Все они были в блейзерах, все белокуры и пострижены «под пажа». Он попробовал представить себе сидящую среди них Эмили. Потом наклонился вперед и поискал глазами Гину. Поиск потребовал некоторого времени — девочек было много, одни в голубых леотардах, другие в сиреневых, а Морган даже не знал цветов Св. Андрея, — но в конце концов он ее нашел. Гина была в голубом, вокруг ее головы витало облако волос. Лицо девочки еще оставалось округлым и полным — эти глаза под тяжелыми веками Морган узнал бы где угодно, как и бледные, нежные губы, — но тело с узкими бедрами обратилось в палочку, ноги такие длинные и тонкие, что, когда девочка направилась к нему, он ясно увидел, как движутся ее коленные чашечки. Гина подошла, прихватывая пол пальцами босых ступней. В

обычной обстановке она обняла бы его, но в присутствии подруг не делала этого никогда.

— А мама где? — спросила она.

— Мама не очень хорошо себя чувствует.

— Она теперь никогда не приходит, — сказала Гина, без особой, впрочем, обиды, ее внимание уже переключилось на что-то иное. Она обернулась, чтобы осмотреть девочек из другой команды. И тут же вскричала: — Морган! Здесь нельзя курить!

Глаза у нее, что ли, выросли на затылке? Морган пробормотал:

— Виноват, — и вернул сигарету в пачку.

— Я могла и помереть со стыда.

— Извини, лапа.

— Ты меня потом домой подвезешь?

— Подвезу, если захочешь.

— Вон та, рыжая, это Китти Поттс. Я ее ненавижу и презираю, — сказала Гина. И убежала.

Морган понаблюдал за выступлениями девочек, выполнявших, медленно и неуверенно, упражнения на бревне. Время от времени кто-то из них сваливался и забирался обратно. Гина, когда пришел ее черед, свалилась дважды. К концу ее выступления у Моргана уже болели все мышцы, да и дышать он почти не дышал.

Он вспомнил, что его дочь Кэйт тоже любила гимнастику — годы тому назад. И даже выиграла несколько призов. Собственно, он не помнил, чтобы она когда-нибудь падала или совершала ошибку — ни разу на тех соревнованиях, за какими он наблюдал. Хотя, конечно, он мог и забыть. Гина получила оценку 4,3 — об этом сообщила в микрофон скучающего вида женщина. Его сегодняшний приход сюда неестествен, решил Морган. В сущности, он не имеет со всем этим ничего общего — с незнакомым спортзалом, матерями в блейзерах, чужой дочкой в леотарде. Хорошо бы сейчас встать и вернуться в хозяйственный магазин.

Разделавшись с бревном, девочки перешли к коню, начались опорные прыжки. Морган подумал, что за ними и наблюдать-то скучно. Он подобрал под себя ноги — девочки пробегали как раз мимо него, каждой полагалось совершить по два прыжка. Их конечности казались удлинившимися, на лицах выражение комичной сосредоточенности. Гина разбежалась, не сводя глаз с коня. Прыгнула, пролетела над ним, но тут у нее что-то не задалось. Вместо того чтобы приземлиться на ноги, она кулем плюхнулась на мат.

Матери застыли, одна отложила вязание. Морган вскочил. Он не сомневался — Гина сломала шею. Ан нет, ничего плохого с ней не случилось или почти ничего — слезы капали, но обошлась без серьезных повреждений. Гина встала, держась за запястье. Молодая женщина в шортах, со свистком на шее, склонилась к ней, расспрашивая о чем-то. Гина отвечала почти беззвучно, утирая рукавом слезы.

Женщина повела ее к исходной позиции — предстояла вторая попытка, хоть Гина и трясла головой и всхлипывала. Женщина говорила ей что-то утешительное, вразумляющее. И, продолжая говорить, разгладила волосы Гины. Варварство. Морган ненавидел спорт. Он сел, дрожащей рукой вложил в губы незажженную сигарету.

Но вот Гина пожала плечами (женщина отступила), подобралась, прищурилась, глядя на коня. Дыхание ее еще оставалось неровным и было самым громким звуком в спортзале. Все подались вперед. Гина выпятила челюсть и начала разбег. Моргана она миновала уже как непреклонно бьющее ногами в пол размытое пятно. Великолепно взлетела над конем и приземлилась идеально, с поднятыми вверх руками.

Морган снова вскочил, отбросил сигарету, пронесся по следам Гины к коню, обежал снаряд, чтобы обнять ее. Слезы текли теперь по его щекам.

— Ты была чудесна, голубка, — сказал он.

Гина хихикнула:

— Ох, Морган. — Она была цела и невредима и уже забыла о своей неудаче.

Выскользнув из его рук, Гина направилась к своей команде. Морган вернулся к скамье, сияя, вытирая глаза.

— Разве она не чудо? — спросил он у матерей. И, достав платок, высморкался. Внезапно его наполнила распиравшая грудь радость. Разве есть на свете что-либо такое, что ему не по плечу? Он — могучий мужчина, глубокий, с широкой душой, и пора бы ему уже начать действовать.

5

— Ну, как прошли соревнования? — спросила у Гины Эмили.

— Хорошо.

— Прости, что мне не удалось прийти. Зайдете, Морган?

— Да, спасибо, — ответил Морган.

Вид Эмили его поразил. Четыре дня назад — тогда он в последний раз встречался с ней — она была немного осунувшейся, да, однако сейчас кожа ее пожелтела и словно покрылась трещинками, как старый фарфор.

— Эмили, дорогая… — сказал он.

Эмили повела глазами в сторону, напоминая ему о Гине, но Моргану было не до девочки. Он даже не стал оглядываться, чтобы проверить, здесь ли Леон, который мог уже и вернуться домой.

— Я приехал, чтобы отвезти вас к врачу.

— Мама взаправду заболела? — спросила Гина.

— Это и нужно выяснить. Оставайся здесь, Гина.

Мы скоро вернемся.

Он залез в стенной шкаф, чтобы взять свитер или куртку, что-нибудь легкое, однако нашел

только зимнее пальто Эмили. Снял его с плечиков, подал ей. Эмили покорно стояла, пока он застегивал пуговицы.

— Там не так холодно, — сказала ему Гина.

— Береженого бог бережет.

Он провел Эмили к двери, закрыл ее за собой. Но, наполовину спустившись по лестнице, услышал, что дверь открывается снова. Гина склонилась над перилами:

— Можно я съем последний банан?

Ответил Морган:

— Да ради бога. Все что хочешь.

Эмили молчала. И по ступенькам она спускалась, как настоящая больная, запинаясь. А уже в пикапе спросила:

— Разве мы записаны на прием?

— Приедем — запишемся.

— Морган, на это обычно недели уходят.

— Сегодня не уйдут, — сказал он, трогаясь с места.

Морган поехал на Сент-Пол-стрит, к прежнему акушеру Бонни. Номер дома он уже забыл, но ясно помнил соседнее заведение обойщика и, увидев витрину, заставленную пыльной, обтянутой бархатом мебелью, сразу остановился, перегородив улочку, и помог Эмили выйти из пикапа.

— Откуда ты знаешь доктора? — спросила она, оглядывая запущенные, закопченные дома вокруг.

— Он принимал моих дочерей.

— Морган!

— Что?

— Мы не можем обращаться к нему.

— Почему? — удивился Морган.

— Он же тебя знает! Нет, надо найти кого-то другого. И назваться выдуманным именем или еще что.

Морган взял ее за локоть, подвел к крыльцу, открыл отделанную латунью дверь, вошел в устланный ковром вестибюль.

— Не думай об этом, — сказал он и нажал на кнопку вызова лифта. — Нет у нас времени, чтобы дурака валять.

Дверь лифта отъехала вбок. В углу сидел на табуретке дряхлый чернокожий старик в лиловой с золотом униформе. Морган и не думал, что лифтеры еще существуют.

— Третий, — сказал он. И, вступив в лифт, встал рядом с Эмили. Они поднимались в глубоком напряженном молчании. Эмили теребила верхнюю пуговицу пальто.

В приемной Морган обратился к секретарше:

— Морган Гауэр. Срочно.

Секретарша посмотрела на Эмили.

— Нам необходимо немедленно увидеть доктора Фогарти, — сказал Морган.

— У доктора очень плотное расписание. Хотите записаться на прием?

— Я же сказал: срочно.

— А в чем дело?

— Это я Фогарти скажу.

— Доктор Фогарти очень занят, сэр. Если вы оставите номер, по которому он сможет позвонить, когда закончит с пациентами…

Морган обогнул стол секретарши, вошел в дубовую дверь за ее спиной. Проводя время в различных приемных, он часто воображал, как делает это, но всегда полагал, что сначала ему придется повергнуть секретаршу на пол. Впрочем, эта крошечная, похожая на мышку женщина с мягкими волосами даже не привстала, когда он проходил мимо. Морган стремительно проскочил короткий белый коридор, вошел в комнату со множеством инструментов, вышел, заглянул в другую. Там за похожим формой на почку столом сидел постаревший, поседевший доктор Фогарти и, сложив пальцы крышей, беседовал с очень молодой парой. Пара выглядела робеющей, но

довольной. Девушка наклонилась вперед, собираясь задать серьезный вопрос. Как ни спешил Морган, у него нашлось время на краткую судорогу сострадания. Какие же они мелкие люди! Думают, наверное, что сейчас — самый значительный момент во всей истории человечества.

— Прошу прощения, — извинился он, — мне очень неприятно прерывать вас подобным образом.

— Мистер Гауэр, — нисколько не удивившись, произнес доктор.

— А! Вы меня помните.

— Разве вас забудешь?

— У меня неотложное дело, — сказал Морган.

Доктор Фогарти позволил своему креслу качнуться вперед, разделил пальцы.

— Что-нибудь неладное с Бонни?

— Нет-нет, речь об Эмили, о совершенно другой женщине. Об Эмили. — Надо было взять ее с собой. О чем он только думал? Морган стиснул в ладони прядь своих волос. — Ужасно важно. Она изводит себя, думает, что забеременела… Фогарти, если она права, нам нужно узнать об этом сейчас, сию же минуту, а не в два пятнадцать следующего вторника, среды или пятницы.

— Право же, мистер Гауэр… — Доктор вздох-

нул. — Ну почему каждый этап вашей жизни вы воспринимаете намного острее, чем обычные люди?

И Морган вмиг успокоился. Так, значит, это просто этап! Он повернулся к юной паре:

— Прошу меня простить. Или я уже попросил? Сожалею, если показался вам грубияном.

Молодые люди смотрели на него, лица у них были пустые, еще не оформившиеся.

— Приведите ее в соседнюю комнату, — сказал доктор. — Я приду туда через минуту.

— О, спасибо, Фогарти.

Морган ощутил прилив благодарности к этому человеку — к его кроткому лицу, к пышным седым усам. Наверное, это чудесно — видеть жизнь такой обыкновенной. Возможно, следует сбрить бороду, оставив только усы? Ощупывая пальцами свои бакенбарды, он шаткой походкой покинул кабинет. Вернулся в приемную, где рядом с грушевидной женщиной в рабочем халате сидела в кресле без подлокотников Эмили, настороженная, готовая в любое мгновение вспорхнуть. Секретарша на него даже не посмотрела. (Может быть, такие вторжения случаются здесь ежедневно.) Он поманил Эмили, та встала, подошла к нему. Морган отвел ее в комнату рядом

с кабинетом доктора, в ту, наполненную инструментами, помог снять пальто. Повесить его было некуда. Морган свернул пальто в морщинистый овальный узел и положил на эмалированный шкафчик.

— Разве я не говорил? — спросил он у Эмили. — Все будет отлично. Я о тебе позабочусь, голубка.

Эмили стояла, глядя на него.

— Садись, — сказал он. И подтолкнул ее к смотровому столу. Эмили присела на его изножье, разгладила юбку.

А Морган пошел кругами по комнате. Инструменты поражали его варварским видом — щипцы, пинцеты. Женщинам приходится жить в мире, которым правят *внутренние органы*! В одном углу комнаты возвышались медицинские весы. Последний, кто вставал на них, весил сто восемьдесят два фунта.

— Господи помилуй… — неодобрительно произнес Морган. И сдвинул грузики влево. Было в них что-то солидное, авторитетное. — Ну-с, юная леди, — сказал он Эмили, — будьте любезны запрыгнуть на наши весы…

— Мне нужно было в клинику позвонить. В «Планирование семьи» или еще куда-то, — сказала словно себе самой Эмили. — Я и собиралась,

каждый день, но, не знаю, в последнее время я словно приросла к месту, заледенела.

— Хотите наш больничный халатик? — спросил, роясь в шкафу, Морган. — Смотрите, розовенький. Примерьте наш халатик от Скиапарелли, мисс…

Эмили не отвечала. Сидела напряженная, крепко сжимая лежавшие на коленях ладони.

Морган подошел, коснулся ее руки:

— Не тревожься, Эмили. Все уладится. Эмили? Я действую тебе на нервы? Ты хочешь, чтобы я ушел? Ладно, я выйду, подожду тебя там, это хорошая мысль… Ты только не беспокойся.

Она так и не ответила.

Морган покинул ее, прошел в приемную. Выбрал кресло в углу, самое далекое от грушевидной дамы, и все равно ему казалось, что она давит на него. От дамы исходило вздувавшееся, неотвязное тепло, хоть она и притворялась, будто ничего такого нет, и казалась поглощенной чтением журнала «Малыш». Морган понурился, прикрыл пальцами глаза. Все было обманом. А сейчас он знал правду, и неважно сколько времени отнимет у Фогарти ее научное подтверждение. Это оно. То самое.

А ему капут.

Женщина перелистывала журнал, где-то далеко сигналили автомобили, звонил, вернее, приглушенно мурлыкал телефон. Морган поднял голову, уставился на дубовую дверь. Он начал видеть всю ситуацию под новым углом. В его руках оказалась чья-то жизнь, несколько жизней. И может быть, цели более высокой, чем эта, он никогда уже не получит: принять свою участь достойно, с любовью, и распорядиться ею наилучшим, какой ему по силам, образом.

6

В среду утром, после того как Эмили позвонил доктор, Морган пошел из магазина домой, чтобы сказать обо всем Бонни. У нее случился очередной приступ весенней любви к чистоте, Бонни занималась уборкой, после которой в доме всегда воцарялся беспорядок еще больший, чем прежде. Едва войдя в дом, Морган почувствовал запах витавшей в воздухе пыли. Повязав волосы платочком, Бонни трудилась в столовой, умывая портреты предков. Угрюмые джентльмены в сюртуках девятнадцатого столетия восседали в креслах, однако Бонни им не запугать. Она драила их физиономии с такой же живой энергией, с какой скоблила когда-то своих детей. Морган постоял в двери, наблюдая за ней.

Бонни выжала губку, отерла ладонью лоб и повернулась к мужу:

— Морган? Что случилось?

И он ответил:

— Эмили беременна.

За ту секунду, что потребовалась ей для усвоения этой новости, он понял, что выбрал неправильные слова. Бонни легко могла истолковать

их неверно. И сказать: «Ой, как хорошо! Они, я полагаю, в восторге!» Но нет, она все поняла правильно. Рот ее приоткрылся. Лицо стало белым, непроницаемым. Она отклонилась назад и метнула в него губку. Та шаркнула Моргана по щеке, мокрая, теплая и шершавая, словно живая. Определенное впечатление на него это произвело. (Какая женщина! Прямая, как электрический разряд, — бьет в самую точку.) Впрочем, ударов по лицу он никогда не терпел. Он почувствовал горечь, блаженный гнев и понял, что свободен. Повернулся и покинул дом.

Вернувшись в магазин, он прошел мимо Баткинса и направился к телефону.

— Эмили? Ты можешь говорить? — спросил он.

— Да. Леон грузит машину.

— Ну вот, я ей признался.

— И что она сказала?

— Да, в общем, ничего.

— Очень рассердилась?

— Нет. Да. Не знаю. Эмили, ты с Леоном поговорила?

— Нет. Собираюсь.

— Когда?

— Скоро, — сказала она. — Сейчас мы должны выступить в библиотеке. Придется подождать,

пока закончим.

— Не понимаю почему, — сказал Морган.

— Может быть, я ему этой ночью скажу.

— Ночью? Голубка, лучше разделаться с этим побыстрее.

— Ну… понимаешь, просто нужно выбрать подходящий момент.

Повесив трубку, Морган вдруг испугался, что Эмили вообще *никогда* ничего не скажет. Представил, что ему придется вечно спать на диванчике в офисе — неопрятным, неухоженным. Подобно человеку, переходившему речку по камням и упавшему в воду, он ушел от Бонни, не имея ни малейшей уверенности в Эмили. А вообразить себя холостяком ему было невмочь.

Он посидел немного, барабаня пальцами по столу. Очень хотелось написать пару писем. Но кому? И как ему теперь добраться до коробки с документами? Нет, конечно, Бонни не поступит с ней опрометчиво — или поступит? сожжет? выбросит в мусорный бак? Уж она-то знает, как много значит для него эта коробка.

В конце концов он встал из-за стола и спустился в магазин. Баткинс был снаружи, помогал покупателю. Весной они выставили на тротуар кое-какие товары — ящики с рассадой, огромные

мешки с мульчей и удобрениями. Выглянув в витрину, Морган увидел, как Баткинс аккуратно опускает горшок с бархатцами в большой пакет бурой бумаги. Он отступил от витрины, направился в кладовую. Там стояли еще не распакованные коробки с садовыми инструментами. Он вскрыл одну, извлек из нее десяток совков, свалил их кучей на пол. Вскрыл другие, вытащил шпалерные ножницы, культиваторы, сверкающие зубцами колесики для кантовки лужаек. Кладовка обратилась в свалку хромированных лезвий и разноцветных деревянных ручек.

Вошел Баткинс, произнес: «Эммм…».

Морган обозрел все им распакованное. Открыл еще одну коробку, протянул руку к газонным ножницам в картонных ножнах.

Баткинс сказал:

— Мистер Гауэр, там на тротуаре ваши вещи.

— Вещи?

— Ну, вроде как… имущество. Одежда. И собака.

— Откуда они взялись?

— Их, э-э, миссис Гауэр свалила.

Морган разогнулся, пересек следом за Баткинсом магазин, вышел на заваленный шляпами и одеждой тротуар. Старуха с клюшкой примеряла

тропический шлем. Гарри, никогда не считавший себя сторожевым псом, улыбался ей, вывесив язык. Он сидел на красной в белую полоску ночной рубашке Моргана, которую тот надевал в ночь перед Рождеством.

— Вы простите меня, мистер Гауэр, я не знал, как мне поступить, — сказал Баткинс. — Все произошло так быстро. Она просто *побросала* все сюда. И половину рассады посшибала.

— Да, но при чем тут собака? — спросил Морган.

— Прошу прощения?

— Вот этот пес. Он не мой, а моей матери. Я его и не любил никогда. Он слюнявый. Зачем она пса-то мне притащила?

— И тут еще одежда всякая, видите?

— Это нечестно. Пес мне не нужен.

— Шляпы, нижнее белье…

— Вернитесь! — крикнул Морган старухе. Та уже удалялась с тропическим шлемом на голове. Слишком сдвинутом на лоб — о том, как носить его правильно, она ни малейшего понятия не имела. — Верните мой шлем! — закричал Морган. Однако старуха лишь ускоряла шаг, точно на колесиках катилась. При ее-то годах и клюке — Моргану оставалось только дивиться.

— Догнать ее? — предложил Баткинс.

— Нет, лучше помогите мне с вещами. Пока их не растащили. — Баткинс нагнулся, чтобы собрать вещи в охапку, но разогнулся, услышав от Моргана: — Готов поспорить, она даже не знает, как его увлажнять. В жару шлем полагается увлажнять. Вода испаряется и охлаждает голову.

— Так, может быть, все же догнать ее?

— Нет-нет.

— Эти сапоги тоже ваши?

— Тут все мое, — ответил Морган, набрал побольше шляп и вошел вслед за Баткинсом в магазин. — Вообще-то я не думаю, что она привезла весь мой гардероб. Где, например, гномовский колпак? Где сомбреро?

— У вас и миссис Гауэр какие-то затруднения? — спросил Баткинс.

— Решительно никаких. Почему вы спрашиваете? — Выйдя за новой партией, Морган шуганул двух мальчишек, заинтересовавшихся овчинным жилетом. — Пойдем, Гарри, — велел он псу. — Баткинс, нам понадобятся картонные коробки из кладовой.

Они управились за шесть ходок. На самом деле Бонни ничего не забыла. Коробку с документами Морган обнаружил под плащом. Обнаружил и

колпак гнома, и сомбреро, и даже наполеоновскую треуголку, о которой и сам-то не помнил. Он сдул с нее пыль, примерил. Полюбовался своим отражением в никелевом кассовом аппарате. Его бородатое лицо казалось под загнутым кверху полем треуголки каким-то впалым. Моргану стало тошно. Что за фарс! Какая нелепость! Он всегда, даже в малом детстве, питал слабость к головным уборам. Ребенком носил шлем пожарного и надевал на ночь индейский головной убор. И эта треуголка из той же компании. Он сорвал ее с головы и бросил на пол.

— О! — удивился Баткинс. — Старинная вещь.

— Терпеть ее не могу.

— Но вы же не хотите, чтобы она запылилась, — сказал, подбирая треуголку, Баткинс.

— Она уже запылилась. Можете взять ее себе.

Однако Баткинсу треуголка, судя по всему, была не нужна. Он с сомнением и тревогой осмотрел ее и положил на прилавок рядом с подборкой электрических фонариков.

7

В обеденный перерыв Морган, оставшись в магазине один, снова позвонил Мередитам. Никто не ответил. Должно быть, еще на представлении. Он довольно долго слушал гудки. Гарри лежал у него в ногах — нос между лапами, глаза устремлены на Моргана.

Когда Баткинс вернулся, Морган решил на ланч не ходить. Не проголодался. И в офис не поднялся, остался рядом с Баткинсом, черпая в его присутствии своего рода утешение, молча наблюдая за скучными, безыскусными процедурами: приобретением краски, гвоздей, дверного крючка, возвратом неисправного электрического выключателя. Морган заметил, что в отсутствие покупателей Баткинс впадал в своего рода транс — смотрел в одну точку, вздыхал, рассеянно теребил мочку уха. Возможно, он думал о жене. Жена страдала от какой-то медленно прогрессировавшей болезни, названия которой Морган не знал. Что-то с мышцами. Уже не могла ходить. А ребенка их насмерть сбил автомобиль, водитель удрал. Морган помнил похороны мальчика. И не мог понять, как Баткинс выдержал это, откуда

брал силы, чтобы открывать каждое утро глаза, одеваться, запихивать в себя немного еды и отправляться в хозяйственный магазин. Ничего, кроме презрения, он к Моргану чувствовать не мог. Однако, выходя из транса и встречаясь взглядом с Морганом, Баткинс лишь мягко улыбался.

— Почему бы вам не уйти? — спросил Морган. — Освободите себе половину дня.

— Но сегодня не мой короткий день, сегодня среда.

— А вы все равно уйдите.

— Я лучше останусь.

Оказалось, что оно действительно лучше. Около трех явился Джим — муж Эми. По решительности, с какой он вошел в магазин в легком сером адвокатском костюме, с кейсом из телячьей кожи в руке, Морган понял, что его прислала Бонни. Ясно было, что Джим уже все знает. Длинные суровые морщины словно оттягивали его лицо вниз.

— Где мы можем поговорить? — спросил он у Моргана.

— Ну, в моем офисе, я полагаю.

— Пойдемте.

Джим пошел первым. Морган за ним. Он не столько шел, сколько плыл, прикасаясь, пока

двигался по проходу, к рейсшинам и молоткам и почти не сознавая этого. И лениво прикидывал, как возьмется за дело Джим. Что в жизни Джима могло подготовить его к такому разговору? Они поднялись по лестнице. Джим сел во вращающееся кресло Моргана, которому пришлось притулиться, точно какому-нибудь просителю, на диванчике. (Наверное, это стратегия, которой обучают в юридической школе.) Морган провел ладонями по складкам брюк и улыбнулся Джиму, показав ему сразу все зубы. Джим улыбкой не ответил.

— Ну так вот, новости я слышал, — сказал он.

— Да, я догадался.

— Никто не может понять, что вы собираетесь делать дальше, Морган.

— Делать?

— Какие шаги планируете предпринять.

— А.

Джим ждал. Морган продолжал улыбаться.

— Морган?

— Ну, какое-то время мне придется спать на этом диване, — сказал Морган. — Ложе, как вы сами видите, не из лучших — чертовы пуговицы, стеганый ворс или как это называется…

— Я не о *матрасе* спрашиваю, Морган. Я

спрашиваю о мерах, которые вы собираетесь принять.

— О мерах?

— Сказали вы той другой женщине, что берете ответственность на себя?

— Она не «та другая женщина», Джим. Она — Эмили. Вы же знакомы с Эмили. И разумеется, я принимаю ответственность.

— Я не хочу быть бестактным, Морган…

— Так и не будьте, — не стал возражать Морган.

Джим, вглядываясь в него, откинулся в кресле. Кейс лежал на его коленях, как пюпитр. Он давным-давно отказался от водолазок в пользу костюмов, однако сходства с манекеном не утратил. Даже сейчас, седея, отметил Морган, он делал это на манер манекена — над ушами его появилось что-то вроде красивых серебристых крылышек. Джим задумчиво постукивал пальцами по кейсу.

— Вы же понимаете, — сказал он Моргану, — что вы не первый мужчина, с кем это случилось.

— О? Не первый?

— Не могу понять, что вы находите таким уж смешным, Морган.

— Нет-нет… Я хотел сказать, что я — первый мужчина, с которым это случилось именно таким

образом. Вернее, это случилось в первый раз *со мной* — и с ней тоже. И пытаться втиснуть нас в определенную схему не стоит.

Джим вздохнул.

— Давайте начнем сначала, — предложил он.

— Давайте.

— Вы знаете, Морган, что Бонни, услышав этим утром вашу новость, сильно расстроилась. Но это еще не конец света, сказал я ей. Не та причина, по которой стоит разрывать брак. Не правда ли? Возьмите себя в руки, сказал я. О, конечно, ей потребуется время, чтобы простить вас. Случившееся стало потрясением для всех — для Эми, для Джин… они сейчас сердиты на вас…

Морган кивал, стараясь изобразить рассудительность. Конечно, ему следовало сообразить, что девочки в стороне не останутся. Они, естественно, преданы Бонни, и то, что он сделал, должно показаться им ужасным. О, винить их за это он не мог. И все-таки, рисуя себе Бонни в окружении возмущенно фыркающих дочерей, испытывал некоторую обиду. Как все они слетаются на запашок трагедии или мелодрамы! Он вспомнил о Сьюзен, самой трудной их дочери, что провела утомительные, затянувшиеся отроческие годы в препирательствах с Бонни.

На уик-энды она приезжала из колледжа домой и, едва он успевал вытащить из багажника мешок с одеждой в стирку, выскакивала из дома: «Никогда больше не вернусь сюда, никогда! Идиотством было даже пробовать». «Да что случилось?» — изумленно спрашивал он. Сьюзен вырывала мешок из его рук, бросалась в машину и со скрежетом включала мотор. «И как оно могло случиться столь *быстро*?» — восклицал Морган, глядя на удалявшиеся хвостовые огни. Мгновенное возгорание! Два чудотворно заискривших кремня! С каким энтузиазмом они бросаются в драку!

Пожалуй, даже и хорошо, что он с этим покончил. Эмили светилась в его сознании, чистая и спокойная, как озеро.

— Я намерен просить Бонни о разводе, — сказал он Джиму.

— Морган. О господи, Морган. Послушайте…

— Полагаю, членов семьи вы со скидкой не обслуживаете, так?

— Я не занимаюсь разводами.

— А.

— Да и в любом случае… Господи, Морган, что на вас нашло? Вы же всю вашу жизнь на помойку выбрасываете!

— Я уже сказал Эмили, — продолжал Морган, — что буду заботиться о ней, Гине и ребенке. Остаться с мужем она не может, сама так говорит. А больше ей опереться не на кого. Понимаете, Джим, я сознаю, что веду себя дурно, но сейчас наступил один из тех моментов, когда что ни сделай, получится плохо с одной точки зрения и хорошо с другой. В этой ситуации я не могу быть добросердечным, с какой стороны ни взгляни. Или могу?

— Послушайте. — Джим склонился над кейсом, словно собираясь поведать некую тайну: — Жизнь не всегда походит на порнофильм, Морган.

— Прошу прощения?

— Я хочу сказать, в целом она больше похожа на… э-э, кино, на которое подростков пускают только в сопровождении взрослых, — немного постели, немного прогулок по магазинам. Вы же не хотите порушить все ради, ну…

Морган полез в карман за сигаретами. Что навоображал себе Джим? В конце концов, жизнь с Бонни не всегда походила на кино без возрастных ограничений. Однако он решил, что говорить об этом не стоит. И предложил Джиму сигарету. Не куривший Джим принял ее и стал ждать, когда Морган чиркнет спичкой.

— Понимаете, я говорю о том, что…

— Я знаю, о чем вы говорите, — прервал его Морган, — но вы упустили из виду самую суть. Я уже принял решение, Джим. И менять его не собираюсь. Я чувствую, что… произвожу резкий поворот, я словно схватился за штурвал корабля и вывернул его, отклонился от прежнего курса и взял совершенно новый, ни на что не похожий. И это неплохо! Совсем не плохое чувство! Вам не заставить меня от него отказаться!

Говоря это, он упивался своей решительностью. Пора бы уже Джиму уйти, и тогда он сможет поехать к Эмили и устроить все окончательно.

8

Заманить пса в пикап оказалось делом невыполнимым. Поездок Гарри не любил. Пришлось тащить его по тротуару, когти скрежетали. Но и оставить его в магазине Морган не мог, поскольку Баткинс расчихался. Морган погрузил Гарри в кузов, заправил туда псиный хвост и запер дверцу. А затем вернулся в магазин, чтобы сказать Баткинсу: «Я не знаю, когда вернусь. Если не появлюсь к закрытию, заприте магазин, ладно? И не подпускайте никого к моей одежде».

Было уже время, когда дети — опрятные ученики младших классов с ранцами, старшеклассники в мешковатых армейских куртках, девочки с торчавшими из карманов джинсов пластмассовыми расческами — возвращались из школы. Подростки заполнили перекрестки, вести машину было непросто.

На крылечках Кросуэлл-стрит стояли в ожидании матери. Прикрыв ладонями глаза, они разговаривали о погоде, о том, что собираются подать на ужин. Толстуха в похожем на рясу платье открыла банку пива и пустила ее по кругу. Чистенькие голуби-сизари теснились вокруг

надорванного пакета с попкорном.

Морган толкнул дверь «Мастеров на все руки», вошел, потянул за собой Гарри. Тот плелся за ним, поскуливая, однако Морган тащил его вверх по лестнице на веревке, которой разжился в магазине. Он постучал в дверь Мередитов. Открыла Эмили.

— Вот и хорошо, вы вернулись. — Морган вошел в квартиру.

— Морган? Что ты здесь делаешь?

— Я пришел, чтобы все уладить. — Он задержался в коридоре, огляделся в поисках Леона. — Где он?

— Поехал в школу за Гиной. Сегодня наш черед забирать детей.

— Ты уже сказала ему?

— Нет.

Морган обернулся, чтобы посмотреть на нее. Эмили, что называется, заламывала руки.

— Я не могу, — призналась она. — Мне страшно. Ты не знаешь, какой он вспыльчивый.

— Эмили… Сидеть, Гарри. *Сидеть*, черт тебя! О чем ты говоришь, Эмили? — Следующий вопрос стоил ему некоторых усилий, но Морган его все-таки задал: — Ты предпочла бы вообще ничего не говорить? Продолжать жить по-прежнему, как-то

все уладить — с ним? Если так, скажи это сейчас, Эмили. Просто скажи, чего ты от меня ждешь.

— Я хочу быть с тобой, — ответила она. — Как жаль, что мы не можем просто сбежать.

— А. — Идея ему мгновенно понравилась. — Ну да! Сбежать. Без вещей, без определенной цели… Как думаешь, Гина составит нам компанию?

— Не знаю, — ответила Эмили. И с трудом сглотнула. — Я боюсь сказать ему это в лицо. Наверное, я смогла бы позвонить по телефону-автомату, на расстоянии было бы легче.

— Ну что же, неплохая мысль.

— Или ты мог бы ему сказать.

— Я?

— Ты мог бы… отгородиться от него столом или еще чем, чтобы он тебя не ударил, и сообщить новость.

— Мне больше нравится идея насчет бегства, — сказал Морган.

— Но забрать Гину… я не смогла бы поступить так с Леоном. И я ни за что не оставлю ее.

— Хорошо, — согласился Морган. — Скажу ему сам.

И, решив, что они обо всем условились, пошел на кухню, чтобы подождать там Леона. Эмили, которая все еще заламывала руки, поплелась

за ним.

— Ох, нет, ну что это я придумала? Не знаю, почему я такая трусиха. Конечно, сказать должна я. Уходи, Морган, и возвращайся попозже.

— Невозможно, — ответил он. — Мне приходится таскать за собой этого пса.

— Меня подташнивает, — пожаловалась Эмили.

— Милая моя. Все же очень просто, — заверил ее Морган. — Мы взрослые люди. Разумные. Что, по-твоему, может произойти? Будь добра, дай Гарри попить.

Она достала из буфета миску, налила в нее воды из крана. Поставила миску перед Гарри, тот начал лакать. Потом сняла со стула свою сумочку и села рядом с Морганом.

— Если мы сбежим, мне придется найти какую-то работу, — сказала она. — Такую, чтобы меня нельзя было по ней разыскать. Кукольные представления отслеживаются легко, нужно просто ходить по ярмаркам и церковным базарам.

— Ну ладно. Убежать ты не можешь, — подытожил Морган. — Да и что ты будешь делать без твоих кукол?

— Без кукол-то я легко обойдусь.

— Нет-нет…

— Я вовсе не собиралась держаться за них всю жизнь.

— Эмили, дорогая, конечно, ты будешь держаться за них всю жизнь.

Она как-то обмякла, сидя на стуле, потирая пальцами виски. Гарри оторвался от миски, тряхнул головой, забрызгав кухонный пол.

— Веди себя прилично, — велел ему Морган. И потянулся над столом к сумочке Эмили.

Сумочка оказалась неожиданно тяжелой. Обычно в ней только и лежали, что ключи да бумажник, однако, отправляясь на кукольное представление, Эмили загружала в нее всякие тщательно подобранные вещи. С такой сумочкой можно месяц в пустыне прожить, думал Морган. Он порылся в ней, достал моток бечевки, катушку скотча, швейцарский ножик Эмили, остроносые щипчики.

— Это для чего? А это? — спрашивал он.

— По-моему, меня сейчас вырвет, — сказала Эмили.

— А эти сдобные колечки зачем?

— Они изображают пончики в корзинке Красной Шапочки.

— Ах да. Здорово.

Внезапно его охватило счастье. Он вернул все

в сумочку и начал напевать, прихлопывая себя ладонями по коленям, оглядываясь вокруг в поисках чего-нибудь нового.

— Как поживает ваша горелка? — спросил он.

— Хорошо.

— Вот видишь? Я же говорил, ее нужно только прочистить. — Еще несколько тактов песенки, затем: — Не хочешь узнать, почему со мной этот пес?

Похоже, *это* ей было не интересно. Но Морган все равно продолжил:

— Его привезла Бонни. Побросала все на тротуар — шляпы, одежду, инструкцию для пылесоса… и Гарри. Но Гарри-то принадлежит матери. У нее всегда была собака. Эта, наверное, десятая или двадцатая. Кто у нее был, когда мы с тобой познакомились… Элмер? Люсиль? Причем никакого внимания она им не уделяет, даже не смотрит на них никогда. Гуляю с ними я… однако собака есть непременно, так уж ей хочется. Вот так у нас все дома и устроено. Куча ненужных вещей! А Гарри, понимаешь ли, это что-то вроде мести Бонни. О, будь спокойна, она знает, что делает. Даже уход мой использовала, чтобы обременить меня всякой дрянью. Странно, что она заодно и кошку не привезла.

— Мне всегда хотелось иметь собаку, — вдруг сообщила Эмили.

— Да?

— Но я не могла, у мамы была аллергия.

— Да, вот и у Баткинса тоже. Аллергия.

— У Баткинса?

Они услышали, как открылась входная дверь. Эмили выпрямилась.

— Мама, — закричала, влетая в комнату, Гина, — угадай, сколько мне поставили за научный доклад? Привет, Морган, а что здесь делает Гарри?

— Я привел его, чтобы напоить. Итак, мисс Гина, сколько вам поставили за научный доклад? — спросил Морган.

— Пять с плюсом! — И, обняв Моргана одной рукой, Гина уставилась на Гарри, который отчаянно чесался.

Вошел Леон.

— Здравствуйте, Морган, — сказал он.

— Леон.

— Решили полдня пробездельничать?

— Да, ну вообще-то мне нужно поговорить с вами кое о чем.

— О чем же? — спросил Леон.

Морган взглянул на Гину. Руку она опустила,

но осталась стоять рядом с ним так близко, что он ощущал солоноватый, летний запах свежего пота и жевательной резинки. Он почесал в затылке и сказал:

— Леон, вы не хотели бы… выгулять со мной пса?

— Как-как?

— Пса выгулять.

Леон посмотрел на улыбавшегося Гарри.

— Если не хотите, не надо, — сказал Морган. — Хотите?

— Хорошо, Морган, — спокойно ответил Леон.

Морган встал, поглубже заправил рубашку в штаны, немного сдвинул панамскую шляпу. Они вместе вышли из квартиры. Леон уже закрывал дверь, когда Гина крикнула:

— Постойте!

— Что такое?

— Вы собаку забыли.

— О, — спохватился Морган. Он вернулся, шаркая, к двери, принял из руки девочки веревку Гарри.

Они спустились по лестнице, вышли наружу. Начинался час пик. Мимо проезжали громыхавшие грузовики, легковушки с одинокими решительно настроенными водителями, такси

с утопавшими в пакетах женщинами. Перейти улицу сразу не удалось. А перейдя, они направились на север. Направление выбрал Леон, шагавший, свесив руки, легко, не задавая вопросов, отчего Морган вдруг ощутил боль.

— Ну вот, — начал Морган.

Он подождал, пока Гарри обнюхает заинтересовавший его клочок травы. Леон поправил какую-то вращавшуюся на колышке табличку.

— Мне немного трудно, — продолжил Морган.

— Да говорите уж, Морган.

— Я об Эмили.

Они пошли дальше. Морган вспомнил старух из квартала, в котором он вырос, — те никогда не объявляли о чьей-либо смерти прямо, но старались сначала подготовить понесших утрату, сея крошечные семена этой новости и позволяя им прорастать самостоятельно, с той скоростью, какую могли вынести осиротевшие родственники. Имя Эмили, понадеялся он, может и само по себе оказаться таким семенем. Оба стояли, ожидая, когда переключится светофор, хотя никаких машин поблизости не было.

— Эмили и я… — произнес Морган.

Перешли улицу. Обогнули разбитую бутылку виски.

— Эмили ждет ребенка.

Леон не замедлил шага. Морган, искоса глянув на него, увидел, что в лице Леона ничто не изменилось.

— Так вы все знали, — догадался Морган.

— Нет, — ответил Леон. — О ребенке не знал.

— Но об остальном знали.

— Да.

— И… откуда?

— Осмос, наверное, — сказал Леон. — Что-то в этом роде.

— Поверьте, — попросил Морган, — я никому зла не желал. Не могу объяснить… Понимаете, день за днем… все это не казалось таким уж страшным. Но я сознаю, как оно должно было выглядеть со стороны.

— Какие у вас планы? — вежливо осведомился Леон.

Они остановились, глядя один на другого, Гарри уселся между ними. Если Леон собирался полезть в драку, сейчас было самое время. Но разумеется, он не собирался. Морган так и не понял, почему Эмили решила, что без драки не обойтись. Она ошиблась, потому что обзавелась слепой зоной, что нередко происходит с семейными людьми. А может быть, Эмили говорила о прежнем Леоне,

подумал Морган. И отвел взгляд в сторону, думая, что в последний раз видит человека, о котором столько всего наслушался за многие годы. Вздохнул, подергал себя за нос.

— Ну что же, — сказал он, — если хотите, я, наверное, смогу перевезти ее и Гину в какой-то другой город. Не знаю.

— Квартира вам нужна?

– Ваша?

— Нужны вам куклы, вся наша оснастка, работа? Вам хочется, чтобы ушел я?

— О, но как же, нет, я не могу просить вас…

— В сущности, зачем мне все это? Берите, — сказал Леон.

— О.

— Берите, берите.

— Ну, если вы уверены, — ответил Морган.

И тогда Леон сказал:

— О господи, Морган.

Произнесено это было устало, с отвращением, но без какой-либо резкости.

И все-таки Морган поежился.

Когда они снова стронулись с места, то направление избрали другое — к дому. Миновали «Ресторан Юнолы», где так часто пили втроем кофе. Дошли до прачечной, в дверях которой

несчетные разы стоял Морган, глядя, как Леон и Эмили выходят с малышкой на прогулку. Возможно, подумал он, это не столько история любви, сколько история дружбы, и его опечалила мысль об устало тащившемся за ним терпеливом Леоне. (Куда подевался тот худощавый юноша с оливковой кожей, раздвинувший занавес, чтобы позвать врача? Увижу ли я когда-нибудь снова взгляд исподлобья, который Эмили бросила на меня при первой нашей встрече?)

Они пересекли улицу, вошли в дом. Взглянув на длинную лестницу, Морган на миг решил, что не сможет ее одолеть. Он вымотался, у него болела грудь. Однако произошло нечто странное. Он поднимался по лестнице, и ему казалось, что дух его тоже поднимается куда-то. Морган пошел быстрее, перешагивая по две ступеньки, оставив Леона позади. Ему хотелось оставить позади все. Начать новую жизнь.

1978

1

Золушка танцевала с Принцем, уютно устроившись в его коричневых войлочных объятиях, скользя по ореховому столу, стоявшему в кабинете чьего-то отца. Над ее головой свисали с рамы складной деревянной сцены складки синего атласа. Задник скрывал кукловодов не полностью, но зрители были слишком зачарованы происходившим, чтобы обращать на них внимание. Зрители были совсем маленькие — по преимуществу четырехлетние. На голове виновника торжества сидела корона из золотой бумаги, похожая на корону Принца.

— Боже мой, — сказала Золушка, — время, должно быть, уже позднее. Я уверена, что близится полночь.

— Полночь? Ну и что? — хрипловатым, скрипучим голосом ответил Принц. — Мы будем танцевать до рассвета. И весь следующий день!

— Да, но, видите ли, ваше величество…

Им приходилось тянуть время. Почему не бьют часы?

— Часы! — прошептала Эмили.

Гина опять витала в облаках, держа кассетник

так, что Эмили до него дотянуться не могла, и сонно взирала на публику. Джошуа, за которым ей полагалось присматривать, заполз под стол. Булькал там, беседуя сам с собой и пуская слюни на путаницу удлинительных проводов.

— Динь, динь! — отчаявшись, воскликнула Эмили. — Динь, динь, динь…

Она довольно быстро сбилась со счета, но надеялась, что зрители этого не заметят. Ей не терпелось сдернуть Золушку со сцены и броситься на спасение ребенка. И, как только упал занавес, она подхватила сына. Всю его одежду составлял сероватый подгузник. Плотное, похожее на бочонок тельце было немного липким, по руке Эмили мгновенно протянулась серебристая, прохладная нить слюны.

— Гина, лапушка, — сказала Эмили, — я надеялась, ты за ним посмотришь. Ты же сказала: «Я справлюсь и с тем и с другим — и о Джоше позабочусь, и о реквизите…»

Морган тем временем рылся в груде вещей на полу.

— Очаг, очаг, — бормотал он. — Куда подевался очаг?

— Последний раз я его видела в руках Гины.

Но Гина ушла в какие-то свои мысли. Одинна-

дцатилетняя, рослая и замкнутая, вялая от летней жары, она сидела в кожаном кресле, подтянув колени к груди и напевая вальс, под который танцевала Золушка.

— Вот он. — Морган выпрямился, пыхтя, держа в руках картонный очаг. Джошуа потянулся к нему, однако Морган успел увернуться. Он поставил очаг в угол сцены и спросил у Эмили: — Так, а где мачеха? И сестры?

— Гина? Возьми у меня Джоша, ладно?

Гина со вздохом встала, приняла ребенка. Тот вцепился в заколку в ее волосах. Потом мимоходом сцапал бескозырку Моргана, но был унесен в кожаное кресло.

— Тра-ля-ля, — запела Гина, слишком сильно раскачивая его.

Зрители замерли в ожидании. Эмили стянула с Золушки бальное платье, оставив ее в лохмотьях из мешковины. Показала куклу Моргану, улыбнулась, давая понять, что готова. Тот кивнул и поднял занавес.

2

— Вы ведь знаете, что Кэйт снова дома, — сказала Бонни.

— Правда? Я об этом не слышала. — Эмили переложила трубку в другую руку. Она пыталась одновременно тушить на плите мясо и разговаривать по телефону. — Что-нибудь случилось?

Вместо ответа раздался протяжный, тихий выдох. Бонни неожиданно пристрастилась к курению, хоть лет ей было уже немало. Курильщицей она была неумелой и затягивалась либо выдыхала дым в самые, казалось бы, неподходящие мгновения, оставляя своих слушателей в ожидании. Появились у нее и другие новые обыкновения. Она раз за разом вступала в странные философские и женские общества; устраивалась то на одну, то на другую ничего интересного не сулившую работу и почти сразу увольнялась; часто звонила Эмили в любое время суток. Моргана она если и упоминала, то лишь затем, чтобы осудить, а вот Эмили, похоже, ни в чем не винила. Для той это было, разумеется, немалым облегчением, но в то же время казалось и несколько обидным. Получалось, что она, Эмили, бессильна,

не обладает ни малейшей волей. Когда Бонни умолкала, чтобы затянуться или выпустить дым, Эмили представляла себе связывающие их, гудящие провода. Бонни словно подсоединилась к ее телефонной линии, к ее жизни. Даже если Эмили положит трубку, телефон Бонни все равно останется подключенным к ее телефону, ведь позвонила-то Бонни.

— Со спиной у нее неладно, — сказала Бонни. — Потянула или вывернула, не знаю. Они с мужем попали в лобовое столкновение. Дэвид даже царапины не получил, а Кэйт повредила спину.

— А что случилось с другим водителем? — спросила Эмили.

— С каким?

— С водителем другой машины.

— Так им Дэвид и был.

— То есть она с собственным мужем столкнулась?

— Да, и повредила спину — не то растянула, не то вывернула, я же об этом и говорю.

— О, теперь понимаю.

— Ну вот, и мне хотелось, чтобы она приехала домой, я ее выхожу быстрее, чем Дэвид. Бог свидетель, практики у меня хватало. Ну а кроме того, я хожу на лекции о совершенно новом способе пи-

тания, диете, которая помогает от всех болезней. Она любые проблемы решает, и телесные, и душевные, — депрессии, инфекции, опухоли… Вы, наверное, этого не помните, но когда прошлой зимой на Молли напали в Буффало грабители, она как раз сына в «скорую» везла…

Соля мясо, пробуя, слушая вполуха, Эмили думала о несчастьях Гауэров — об их авариях, падениях, пожарах, — обо всех происшествиях, из которых они выходили такими бодрыми и веселыми. Эмили, с которой никаких бед не случалось, их жизнь казалась сплошной катастрофой, но Бонни успела с ней свыкнуться и ничему не удивлялась. Эмили пыталась вообразить себя хотя бы на подступах к такому состоянию. И не могла.

Даже сейчас, думала она, когда домочадцы и все хозяйство Моргана перебрались к ней — его мать, сестра, собака, его шляпы и наряды, — сама она, похоже, не изменилась ни на йоту.

3

Эмили повела Гину за покупками. В августе Гина собиралась отправиться в летний лагерь в Виргинии, в «Кэмп Хопалонг», — за счет родителей Леона. Пора ей научиться жить вдали от дома, сказали они. Эмили это не нравилось. Ей не хотелось надолго расставаться с Гиной, а кроме того, она боялась, что в Виргинии Леон и его родители настроят девочку против нее. Они ведь начнут, тут и сомневаться нечего, внушать ей, какая Эмили аморальная, или лживая, или безответственная, да какая угодно, а ее рядом не будет, и объясниться с дочерью она не сможет. Впрочем, Гине она ничего об этом не говорила. Ей она сказала другое:

— Ты еще такая юная, тебе может стать одиноко. Помнишь, как Моргану пришлось увозить тебя из Рэндаллстауна? Ты даже пару ночей в доме одноклассницы провести не смогла.

— Ох, мама. Это был дом Китти Поттс, а ее подруги меня терпеть не могут.

— И все-таки.

— В лагеря *все* ездят. Я уже не маленькая.

Эмили пристроила Джошуа себе на бедро и

пошла с Гиной по Кросуэлл-стрит на Мерджер-стрит, к «Подвалу Бедного Джона». А там, держа в свободной руке памятку «Кэмп Хопалонга», объяснила продавщице, что им нужны шесть пар белых шорт. Шесть пар! По счастью, одежду тоже оплачивали родители Леона. Гина ушла со стопкой шорт в примерочную кабинку, Эмили ждала снаружи (в последнее время Гина стала стеснительной). Продавщица, напоминавшая в сандалиях на платформе некое хрупкое и неловкое копытное животное, стояла за спиной Эмили, сжимая локоть одной руки ладонью другой. Джошуа заерзал, начал вырываться, однако опустить его на пол Эмили не могла, уж больно тот был грязен — почерневшие доски в обрывках фольги и серых лепешках жевательной резинки. Джошуа становился все более тяжелым. Эмили позвала:

— Гина? Пожалуйста, лапушка, поторопись. Магазин скоро закроют на перерыв.

Ответа не было. Она постучала по стене рядом с кабинкой, отвела занавеску. Гина в покрытой пятнами футболке и ослепительно белых шортах, с поясной петли которых свисали картонные бирки, стояла перед высоким зеркалом. По щекам ее текли слезы. Казалось, что за ними она в зеркале и наблюдает.

— Лапа! — встревожилась Эмили. — Что случилось?

— Я уродина, — ответила Гина.

— Ох, Гина.

— Толстуха.

— «Толстуха»! Кожа да кости.

— Вот смотри, огромные складки жира. Корова! И коленки у меня разные.

— Ну это уже смешно, — сказала Эмили. И оглянулась в поисках поддержки на продавщицу: — Разве не смешно?

На губах продавщицы вырос идеальной формы пузырек розовой жвачки.

— Лучше бы я умерла, — заявила Гина.

— Лапа, может, тебе не стоит в лагерь ехать?

Гина шмыгнула носом и сказала:

— Нет, поеду.

— Ты же знаешь, это вовсе не обязательно.

— Мне хочется.

— Никто тебя заставить не может.

— Мне *хочется*, — повторила Гина. — Хочется убраться отсюда! И никогда не возвращаться. Меня тошнит от вечного беспорядка, младенцев, подгузников и двух старух, которые заняли мою спальню. Ты позволила им захватить ее. Еще и довольна была. Только я *одна* во всем Святом

Андрее сплю на раскладушке. И пес этот храпит, и сесть мне некуда, везде валяются дурацкие инструменты и вещи Моргана. Я им уже по горло сыта! Почему он все время напяливает эти шляпы? Почему выставляется напоказ?

— Перестань, Гина! — попросила Эмили.

Впрочем, позже, когда они вернулись домой, именно с Морганом Гина вела себя дружелюбнее всего. За ланчем оба хихикали, а на Эмили дочь посматривала с каким-то вызовом в спокойных, черных, непроницаемых глазах.

4

— Я теперь намного свободнее, чем была, — сказала Бонни. — Я к тому, что он словно окрашивал всю мою жизнь. Знаете, как это бывает?

С телефоном творилось что-то непонятное. Казалось, что к нему подключились другие линии. Эмили слышала призрачный смех, бульканье далеких голосов.

— Нет, — ответила она, отнимая у Джошуа штопор. — Вообще-то не знаю.

— Ох, он был таким утомительным! Все преувеличено, непомерно, напыщенно. Возьмите хоть моего брата Билли. Вы же знаете Билли. Ему не везло в браке. У него было три жены. Но три — не такое уж немыслимое число. А послушав, что говорил Морган, можно было подумать, что Билли был женат *десятки* раз. «Кто теперь его жена? — спрашивал Морган. — Я ее имя знаю?» И почему-то все мы с ним соглашались. Даже Билли, по-моему, уверовал, что за ним тянется огромный, длинный хвост жен. Он шутил по этому поводу и на собственных свадьбах вел себя как случайный гость. Ну вот! Видите? Я и сама говорю так, точно он женился каждую неделю.

На плите что-то перекипало. За кухонным столом сидела, сгорбившись, Бриндл в обычном ее длинном, белом, грязноватом купальном халате и раскладывала карты Таро. Услышав шипение пара, она оторвалась от своего занятия, но ничего предпринимать не стала. Эмили переступила через пса, до отказа натянув телефонный провод, сняла с плиты кастрюльку и поставила ее в раковину.

— Я тут ужин готовлю, Бонни, — сказала она.

— Он ощущает себя реальным, только если его видят другие люди, — продолжала Бонни. — Все должно быть *увиденным*. Когда он один, в ванной комнате, его просто нет. Потому и семья у него в счет не идет. Она же его не видит, вы знаете, как это бывает в семье. Вот ему и приходится выходить из дома, чтобы попасться кому-то на глаза. Ах, как я от него уставала. И по-моему, виновата во всем его мать. Она слишком многого от него ожидала, особенно после смерти отца. «Ты можешь стать кем угодно», — сказала она Моргану. А он, должно быть, не понял. Решил, что она имела в виду «Ты можешь быть *всеми сразу*».

— Он очень хорош с Гиной, — заметила Эмили.

— Мне так вас жалко, — посочувствовала Бонни.

5

Чемоданы и манекены, ржавая птичья клетка, гигантская коллекция закутанных в солому чашек и блюдец, стопки «Нэшнл географик», каталоги Бриндл, Луизина книжечка автографов, самовар, картонная коробка с пластинками, дамский велосипед, столик в виде плетеного слона. И это лишь в коридоре, который был прежде пустым, как туннель. А в гостиной: два комплекта энциклопедий (одна общая, одна медицинская), рассыпанный пазл, кресло-качалка Луизы с несколькими ярдами вязанья на сиденье, полдюжины подтекших акварелей, изображающих персики, груши и виноград, — произведения Бриндл, которая лет двадцать назад, еще в первом замужестве, посещала художественные курсы. Над забитой справочниками книжной полкой — портрет ее тогдашнего мужа в витой позолоченной рамке (розовая физиономия, на лысине лежит, как на яблоке, отсвет оконной рамы).

В комнате Гины пола почти не видно — она заставлена комодами и незастеленными кроватями. В комнате Моргана и Эмили комодов

еще больше (два с половиной отданы в распоряжение одного только Моргана), а кроме них: кровать; швейная машинка; старая, принесенная для Джошуа из подвала пожелтевшая кроватка Гины с истрепанным дырчатым пологом; куклы, свисающие с настенной рейки для картин, — в стенном шкафу места для них не осталось. Стенной шкаф заняла одежда Моргана. Здесь тоже не видно пола, да и присутствие воздуха как-то не ощущается. Заглянув сюда, попадаешь в плотный войлочный сумрак, слегка попахивающий нафталином.

Эмили все это нравилось.

Она начала понимать, почему дочери Моргана возвращались домой, чтобы оправиться после какой-нибудь болезни. По-видимому, жизненную энергию можно извлекать из самых обычных вещей, реликвий нескольких десятков жизней, прожитых на всю катушку. Мать и сестра Моргана (обе они были женщинами докучливыми, требовательными, капризными, хоть и каждая по-своему) нисколько Эмили не досаждали, потому что не были ей близки. Они были слишком чуждыми ей. Чуждыми — вот верное слово. Все, к чему она прикасалась, с чего стирала пыль, мимо чего проходила, было частью чуждой страны,

загадочной и экзотичной. Она глубоко вдыхала воздух этой страны, словно пытаясь уловить его непривычный вкус. Эмили была зачарована своим сыном, который ну никак не казался ей по-настоящему, поистине ее собственным, хоть она и любила его безмерно. Во время еды она предпочитала хранить молчание, наблюдая за всеми и каждым с легкой, удовлетворенной улыбкой. Ночами, в постели, она неизменно удивлялась, обнаруживая рядом с собой бородатого мужчину, совершенно отличного от нее человека. И чувствовала, как ее влечет к нему нечто, отнюдь к ней самой не относящееся, — какие-то нити, веревки, которые тянут ее. Просыпаясь в темноте, она придвигалась к Моргану в своего рода ошеломлении. И сознавала, что они могут соприкасаться, но не смешиваться — как масло и вода.

Морган же говорил, что им следует перебраться в квартиру попросторнее — чтобы хотя бы ванных комнат было побольше. Ему жаль, твердил Морган, что она вынуждена терпеть все это. Он же понимает, Эмили вовсе не ожидала, что ей под дверь подбросят, точно бродячих кошек, его родственниц. (На самом деле по лестнице они поднялись сами, не снимая перчаток, но правда и то, что Бонни просто высадила их перед домом

из машины.) Ему хотелось бы, говорил Морган, иметь дом за городом — большой пустой фермерский дом. Однако дом требует денег, а нынче даже эту квартиру содержать трудно. Миссис Эппл подняла плату. Она уже не так дружелюбна, как была когда-то, думала Эмили. Между тем работы Морган лишился. Это уж Бонни с ним поквиталась, полагала она. Хотя почему личные обстоятельства Моргана должны сказываться на его работе в «Хозяйственном магазине Каллена»? Впрочем, Морган уверял, что дело не в Бонни, а в дяде Олли. Тот просто ухватился за подвернувшуюся возможность — прискакал, едва услышав новость, в магазин и выкинул на тротуар всю одежду Моргана, совсем как Бонни немногим раньше. (Почему-то все, жаловался Морган, норовят избавиться прежде всего от его *одежды*.) Моргана в то время в магазине не было. А вернувшись, он увидел перед витриной высившегося над грудой шляп дядю Олли.

— То, что мне сказали, правда?

— Да.

— В таком случае вы уволены.

Скажи он «нет», уверял Морган, дядя Олли несомненно огорчился бы. Он давно дожидался такой возможности.

И теперь у Моргана постоянного места не было, хоть пару дней в неделю он и подрабатывал продавцом в магазине сантехники неподалеку от дома. Эмили старалась шить все больше и больше кукол, все быстрее и быстрее — ночами, когда Джош спал. Морган всякий раз, как видел ее за швейной машинкой, извинялся. Говорил: «Ты выглядишь как женщина из рекламы профсоюза». Не понимал, что ныне Эмили живется куда счастливее, чем когда-либо прежде. Она радовалась этой новой жизни, как… как Морган какой-нибудь своей шляпе, сказала бы она. А он все продолжал извиняться. Не мог поверить, что Эмили ничего не имеет против.

Когда Леону пришло время приехать за Гиной в Балтимор, Эмили прибралась в квартире, чтобы он не решил, будто она махнула на все рукой. Впрочем, попыток устранить беспорядок или вытащить Бриндл из купального халата она не предприняла. И не стала прятать собранную Морганом коллекцию устаревших дорожных карт «Эссо» или приметы его последнего столярного проекта — бесформенную связку брусьев два на четыре, которая стояла в углу ванной комнаты.

Приехал Леон в субботу. Эмили встала рано утром — да выбора у нее и не было, ее разбудил

Джошуа. Она отнесла его на кухню, покормила, покачивая теплое, влажное тельце у себя на коленях. Едва увидев свои хлопья, Джошуа замахал кулачками и засучил ногами. Четыре его нижних, твердых, как рисинки, зуба постукивали о чайную ложку. Мальчиком он был красивым — темноволосым, с белой, как у Гины, кожей, но не таким тяжелым, как она. Леон его еще ни разу не видел.

Вошла Гина — в новых белых шортах и майке с надписью «Кэмп Хопалонг».

— Ты чего поднялась так рано? — спросила Эмили.

— Бриндл храпит.

— Может, лучше оставить новую одежду на потом? Перемажешь ведь еще до того, как ее увидит папа.

— Он собирался выехать на рассвете.

— А.

Эмили посмотрела на кухонные часы. Вытерла губы Джошуа уголком его нагрудника и понесла сына купать.

Когда она вернулась с ним, еще мокрым, в спальню, Морган стоял перед комодом, продевая ремень в петли джинсов. И напевая польку. Но вот он замолк. Эмили, подняв взгляд от заверну-

того в полотенце малыша, увидела, что Морган наблюдает за ней в зеркало, глаза его под черной войлочной ковбойской шляпой казались темнее и печальнее обычного.

— Что-то не так? — спросила она.

— Мне уйти?

— Куда?

— Когда он появится. Ты не хочешь остаться с ним наедине?

— Нет. Прошу тебя. Мне нужно, чтобы ты был рядом, — ответила Эмили.

Морган постоянно виделся с Бонни. Похоже, как только ей становилось скучно, она появлялась у них, нагруженная чем-нибудь новеньким — какой-то из вещей Бриндл либо Луизы, предметом обстановки, который, как она вдруг решала, принадлежал скорее Моргану, чем ей. А Эмили не видела Леона со дня его ухода.

Морган подошел к ней. В последнее время он стал носить очки, восьмиугольные, без оправы, с настоящими, а не простыми стеклами. Они придавали ему выражение доброты и терпеливости. Он сказал:

— Как ты решишь, так и сделаю, Эмили.

— Ты нужен мне здесь. Без тебя мне с этим не справиться.

— Ладно.

Спокойствие Моргана действовало Эмили на нервы.

— Не то чтобы он был сколько-то для меня важен, — сказала она. — Его приезд. Мне совершенно все равно.

— Ну да.

— Он ничего для меня не значит.

— Я понимаю.

Морган вернулся к комоду, опустил в карман пачку сигарет. Сидевший на кровати Джошуа замахал руками и вдруг загукал.

Пока Эмили мыла посуду, Луиза и Бриндл продолжали завтракать, сидя за кухонным столом. Луиза жеманно жевала тост. Бриндл сидела, подперев кулаком подбородок и бессмысленно помешивая кофе.

— Ночью мне приснился Хорас, — рассказывала она Эмили (Хорасом звали ее первого мужа). — Он сказал: «Бриндл, куда ты дела мои носки?» Я так ужасно себя почувствовала. Похоже, я их выбросила. Сказала: «Ну что ты, Хорас, они лежат где им следует. Разуй глаза». Он снова принялся искать их, а я побежала к мусорным бакам и все там перерыла.

— А мне снился соус чили, — сообщила Луиза. —

Боже мой, как Морган любил чили. Он, знаете, был из тех мальчиков, которые вечно заглядывают в кастрюли. Всегда интересовался тем, что я готовила. И много раз спрашивал, что в точности я добавляю в еду. «Почему ты сначала подрумяниваешь лук?» или «С чем спагетти вкуснее — с томатным соусом или с томатной пастой?» «Ни с тем ни с другим — отвечала я, — помидоры нужно готовить своими руками, с самого начала». Ну, это другая история. Чили он любил больше всего. А сейчас, не знаю, мне приходится делать бог знает какие усилия, чтобы разговаривать с ним о еде, которую он так обожал, и вроде бы ему это неинтересно. Он мне почти и не отвечает. Почти не слушает, так мне иногда кажется. Но конечно, я могу и ошибаться.

Затренькал дверной звонок. Эмили повернулась от раковины, посмотрела на Бриндл.

— Кто это может быть? — спросила та.

— Не знаю.

— Возможно, Леон.

— Слишком рано еще, — ответила Эмили.

— Ну так пойди и посмотри, — сказала Бриндл. — Какая ты *неповоротливая*.

Эмили вытерла руки и пошла к двери. За ней стоял Леон — в новеньком сером костюме. Более

лощеный, чем помнился ей, — очень короткая стрижка, смуглая гладкая кожа, да еще и усы отпустил, длинные и пышные. Эмили часто видела точь-в-точь такие на лицах молодых людей с кейсами — юристов, администраторов. И почти готова была поверить, что усы у него заемные, накладные.

— Леон?

— Здравствуй, Эмили.

Она отступила на шаг. (Времени, чтобы обуться, у нее так и не нашлось.)

— Гина готова? — спросил он.

— По-моему, да.

В коридор вышел, покачивая на руках Джошуа, Морган.

— Сели-встали, сели… — напевал он. Остановился, сказал: — О, Леон.

— Здравствуйте, Морган.

— Не зайдете?

— Я не смогу задержаться, — отказался Леон, однако порог переступил. Эмили закрыла за ним дверь. После мгновенного колебания Леон пошел за Морганом по коридору, к гостиной.

Эмили хотелось, чтобы Морган снял очки. В них он выглядел робким, приручeнным. Морган пристроил ребенка на плечо и прохаживался по

гостиной, расчищая сиденья.

— Так, это я уберу, куда бы мне деть вязанье… Ну что, э-э, я позову Гину?

— Да, пожалуйста, если можно.

Морган послал Эмили взгляд, смысла которого она не поняла, и ушел, так и неся на плече Джоша.

— Ну вот! — произнес Леон.

— Как поживаешь, Леон? — спросила Эмили.

— Неплохо.

— Выглядишь хорошо.

— Ты тоже.

Пауза.

— Знаешь, я теперь лекции в колледже слушаю, — сказал Леон.

— О, правда?

— Да. А как получу диплом, поступлю на учебные курсы папиного банка. Там интересная работа, если к ней как следует присмотреться. Она может показаться скучной, но на самом деле очень интересная.

— Это хорошо, — сказала Эмили.

— Потому мне и хочется, чтобы Гина жила со мной круглый год.

– *Что?*

— Нет, Эмили, ты не спеши. Подумай. У меня

хорошая квартира, стабильная жизнь, рядом несколько школ. Обещаю, она будет приезжать к тебе в любое время, когда ей захочется, клянусь. У тебя теперь есть сын, Эмили. Другой ребенок.

— Гина остается со мной. — У Эмили начали постукивать зубы.

— Ну что тут за обстановка для нее?

— Хорошая обстановка.

В двери появилась Луиза, переступавшая так, точно пол был на фут залит водой. Подойдя к Леону, она объявила:

— Вы сидите в моем кресле.

— О, простите! — извинился Леон. И встал.

Эмили сказала:

— Мм, вы ведь помните Леона, матушка Гауэр?

— Да, и очень хорошо, — ответила Луиза.

Леон сел рядом с Эмили на софу. От него пахло кремом после бритья — совсем не его запах. Луиза расположилась в кресле-качалке, расправила вокруг себя юбку.

Вошла Бриндл с большой кружкой кофе в руке. И, присев на край софы, поближе к Леону, спросила:

— Так чем *вы* теперь занимаетесь?

— Готовлюсь к поступлению на учебные курсы банка.

— О да. Учебные курсы. Ну а здесь, должна вам сказать, все пошло кувырком.

— Бриндл… — начала Эмили.

Однако ее перебила Луиза:

— А где же ваша хорошенькая жена?

— Виноват?

— Где та женщина, что приносила мне фруктовый торт?

Леон посмотрел на Эмили.

— Я пойду выясню, как там Гина, — сказала та.

Когда она покидала гостиную, даже колыхание ее юбки казалось ей натужным.

Гина и Морган стояли среди неубранных постелей, ковыряясь в фонарике, купленном ею для лагеря.

— Естественно, он не работает, — говорил Морган, вытрясая себе на ладонь батарейки. — Ты его неверно зарядила.

— Как его можно неверно зарядить? Мне эти батарейки в магазине назвали, четвертый размер.

— Да, но полюса-то у тебя не в ту сторону смотрят.

— Какие полюса?

— Ты же знаешь, у батареек есть полюса, — сказал он.

Гина ответила:

— Нет, не знаю… Ладно, Морган, мне пора.

Она была неспокойна, нервничала, покручивала пальцами прядь волос и все посматривала в сторону коридора. Джошуа подобрался к комоду и дергал свисавшую из ящика полоску атласа. Морган ничего этого не замечал. Он был занят фонариком.

— Посмотри, — сказал он, подняв перед собой батарейку, — на положительном конце плюс. На отрицательном минус.

Его наставительный, едва ли не стариковский тон показался Эмили невыносимым. Она подошла к Моргану, поцеловала его в щеку и сказала:

— Неважно. Мы заставляем Леона ждать. Гина, беги поздоровайся с папой. А фонарик мы приведем в порядок.

Гина с облегчением вылетела из комнаты — так, точно ею из рогатки выстрелили. Морган покачал головой, вставил батарейки в фонарик.

— Одиннадцать лет — и не знает, что у батареек есть полюса, — пожаловался он. — Как же она будет жить в современном мире?

— Морган, — почти шепотом произнесла Эмили, — Леон хочет забрать Гину.

— Забрать? Дай мне, пожалуйста, колпачок.

— Как по-твоему, он может заставить нас от-

дать ее? Как-нибудь по суду?

— Глупости, — ответил Морган, навинчивая колпачок на фонарик.

— Я не понимаю, Морган, мы с ним как будто поменялись местами. Раньше он говорил, что я связываю его по рукам и ногам. А теперь вдруг надумал работать в банке, а я, говорит, веду нестабильную жизнь.

— Разве бывает жизнь стабильнее нашей? — спросил Морган. Он уронил фонарик в сундук Гины, закрыл его, щелкнул запорами.

Однако, когда Эмили вернулась в гостиную, ей показалось, что все там сговорились изображать полнейшую нестабильность. Гина сидела на колене Леона, чего годами не делала. Нескладная и хрупкая. Луиза вязала свой нескончаемый шарф. Пес просился погулять: мельтешил перед Леоном, скребя когтями пол. А Бриндл успела подобраться к своей любимой теме: к Хорасу.

— Я никогда не считала, что у нас много общего, потому что он был садоводом-любителем, вечно копался в земле. Когда я была девочкой, ему принадлежал дом бок о бок с нашим, точно такой же. У нас весь двор был размером с лужу, а его дом угловой, с задним двориком, и там росли розы, азалии и какие-то крошечные плодовые деревья,

которые распластывают по стене — мучают, как я всегда считала. Не люблю я такие деревья. И еще был настоящий фонтанчик со статуей богини. Ну, не совсем настоящий, гипсовый, что ли, но все-таки. Хорас каждое утро поливал цветы и подрезал кустики, если из них хоть один сучочек вылезал не туда. Я над ним смеялась из-за этого. А потом приносил мне только что срезанные розы в каплях воды и с тлями, и я говорила: «О, спасибо» — мне они были безразличны, но когда он не приносил, я это замечала. Ведь если привыкаешь к чему-то, а оно исчезает, остается пустое место, верно? Думаю, ему было одиноко. Он говорил, что я напоминаю его гипсовую богиню, но я только сильнее смеялась. У нее одна грудь отвисала и пупка не было. И потом, он же был *старым* или казался мне в то время старым — эти узловатые белые ноги в садовых шортах… правда, у нас он появлялся в брюках и белой рубашке с таким, знаете, широким, как крылья, воротником. Ох, я все еще искренне скучаю по нему, — сказала она, — и наверное, всегда буду скучать. Теперь я сама розы ношу — на его могилу.

— Все уложено, — сказала Леону Эмили.

— Хорошо.

Он спустил Гину на пол и встал.

— А самое смешное, — продолжала, тоже вставая, Бриндл, — я теперь старше, чем был Хорас, когда начал ухаживать за мной. Можете вы в это поверить?

Леон устремил на Эмили долгий, суровый взгляд. Ясно было, что он спрашивает: «По-твоему, это подходящая для ребенка жизнь?» Луиза, словно услышав этот вопрос, горделиво приподняла подбородок и гневно уставилась на Леона.

— К вашему сведению, — сообщила она ему, — я провела жизнь в более изысканной обстановке.

И Бриндл, резко повернувшись к ней, попросила:

— Ох, мама, замолчи. Разве каждый из нас не мог бы сказать то же самое? Успокойся.

Эмили же Леону ничего не ответила.

Леон и Морган понесли сундук по коридору. Впереди радостно поспешал Гарри, за ним шла со спальным мешком в руках Гина. Эмили посадила Джошуа себе на бедро. После купания прошло совсем немного времени, а он уже выглядел замарашкой. Эмили прижалась к нему щекой, вдохнула его запах — молоко, моча, детская присыпка. Она спустилась следом за всеми по лестнице.

— Я приехал в отцовском «бьюике», поскольку

знал, что понадобится место для багажа, — говорил Леон, — но наверное мне придется добыть где-то веревку, не уверен, что багажник закроется.

— Нужно всегда держать в машине веревку, — ответил Морган. — А еще лучше шнур в нейлоновой оплетке, знаете, с крючками на концах. Просто загляните в любой дешевый туристский магазин и…

Леон опустил на землю свой конец сундука, полез в карман за ключами. Солнце придавало его волосам синеватый оттенок, словно кусочку угля. Эмили наблюдала за ним из проема двери. Странно, хоть она больше и не любила его, происходившее казалось ей еще одним этапом их супружества: он открывает багажник отцовского «бьюика», Морган помогает ему погрузить туда сундук, Гина бросает рядом с сундуком спальник. В каком-то смысле они были связаны навсегда. Леон вернулся к ней, протянул руку. И Эмили впервые, наверное, в жизни пожала ее.

— Эмили, — попросил он, — ты все же подумай о моем предложении.

— Не могу, — ответила она. И немного передвинула увесистого малыша. Босая, с отставленным бедром, Эмили ощущала себя какой-то бесправ-

ной провинциалкой.

— Просто подумай. Обещай мне.

Она, не ответив, подошла к машине, склонилась, чтобы через окно поцеловать Гину.

— Будь осторожна, лапа. Желаю тебе хорошо провести время. Если заскучаешь по дому, позвони мне. Пожалуйста.

— Я позвоню.

— И возвращайся назад.

– *Возвращусь*, мама.

Эмили на шаг отступила от машины, Морган обнял ее рукой за плечи, и она стояла, старательно улыбаясь, крепко прижимая к себе Джоша.

6

— Я тут надумала писательницей стать, — объявила Бонни. — Всегда имела такую склонность. Сочиняю рассказ, который весь состоит из накопившихся за тридцать лет чековых корешков и записей в расходных книгах.

— Как же из них может рассказ получиться? — поинтересовалась Эмили и опустилась, прижимая трубку к уху, на ближайший кухонный стул.

— Вы удивились бы, узнав, как возникает сюжет. Знаете, чеки от службы доставки пеленок, потом от детских садов, потом от начальных школ… правда, грустно видеть, каким дешевым все было когда-то. За вторую неделю августа пятьдесят первого года я потратила на продукты десять долларов шестнадцать центов, разве это не трогательно? Морган видел мое объявление?

— Какое объявление? — спросила Эмили.

(Разумеется, видел.)

— Мое, в разделе личных объявлений. Только не говорите мне, что он больше не читает газет.

— О, так вы поместили объявление?

— Да, вот такое: «МОРГАНУ Г. *Все известно*».

Видел он его?

— Не читает же Морган в газете каждую строчку.

— Я думала, оно его достанет по-настоящему, — объяснила Бонни. — Он же ненавидит, когда все известно!

Она была права. Морган это ненавидел.

— И что оно значит? — сказал он. — Я понимаю, разумеется, что это шуточка Бонни, однако… ты не думаешь, что объявление мог дать кто-то другой? Да нет, конечно, Бонни. Что она хотела этим сказать — «все известно»? *Что* известно? О чем она?

— Ему нравится думать, будто он идет по жизни загадочным незнакомцем, — пояснила Бонни.

Эмили сказала:

— По-моему, малыш заплакал.

— Иногда, — продолжала Бонни, — я думаю, есть ли какой-нибудь смысл винить его. Уж так он *устроен*, верно? Тут гены или… Мне никто из его родных не казался вполне нормальным. Отца я, конечно, не знала, но каким он мог быть человеком? Покончил с собой без серьезной причины. А его дед… а двоюродный прадед! Он не рассказывал вам про своего двоюродного прадеда? Дядя Оуэн, паршивая овца их семейства.

Только дивиться остается: что же надо натворить, чтобы стать паршивой овцой в такой семейке? Никто о нем ничего не говорил, даже если знал. Это было, когда они еще жили в Уэльсе. Дядя Оуэн был для них такой обузой, что они отправили его в Америку. Он стал чем-то вроде… эмигранта на содержании семьи, так их, кажется, называют?

— Мне придется положить трубку, — сказала Эмили.

— Когда корабль подплывал к Америке, дядя Оуэн до того разволновался, что начал плясать на палубе, — рассказывала Бонни. — Увидел статую Свободы и как будто умом тронулся. Принялся скакать у самых поручней. А потом свалился за борт и утонул. — Она засмеялась. — Можете себе представить? Это задокументированный факт! Все случилось на самом деле!

— Мне нужно идти, Бонни.

— Утонул! — воскликнула Бонни. — Ну и человек!

Она так и смеялась, смеялась, несомненно покачивая головой и утирая глаза, все время, пока Эмили стояла и слушала ее.

7

Однажды августовским вечером в дверь позвонили — неуверенно, два коротких звонка, и все. Моргана дома не было, он вышел за покупками. Эмили подумала, что это он, наверное, слишком нагруженный, чтобы справиться с ключом. Однако, открыв дверь, увидела бледного толстого юношу, обильно потевшего. Он держал в руке букет красных гвоздик. Переминаясь на грациозных ножках, юноша произнес:

— Миссис Мередит?

— Да.

— Собака не кусается?

Говорить, что не кусается, ей не хотелось, хоть это и было очевидно. Гарри сидел за ее спиной, проявляя к гостю не более чем вежливый интерес и постукивая по полу хвостом, — звук получался, как от резинового шланга.

— Ну, дружок, лежать, дружок, — сказал, переступая порог, юноша. Эмили отступила, а он продолжил: — Вы меня не знаете. Я Дервуд Линтикум из Тинделла, Мэриленд.

Выступивший на лбу пот придавал юноше вид отчаянный, безрассудный. Лет ему, подумала

Эмили, никак не больше восемнадцати. Цветы, что же, ей предназначаются? Но тут юноша сказал:

— Я принес это для вашего мужа.

— Мужа?

— Для мистера Мередита, — подтвердил он и сделал еще один шаг вперед. Эмили снова отступила и ударилась о коробку с чашками-блюдцами. — Я сын преподобного Р. Ионы Линтикума, — сообщил юноша. — Он уже умер. Скончался в июне.

— О, прискорбно слышать, — сказала Эмили. — Мистер Линтикум, мужа сейчас нет дома…

— Я вижу, имя ничего вам не говорит.

— Мм…

— Не беда, оно известно вашему мужу.

— Да, но, мм…

— Мой отец и мистер Мередит переписывались. По крайней мере, мой отец писал ему. Отец управлял развлекательной компанией «Священное слово».

— Ах да, — припомнила Эмили.

— Так вы о ней слышали.

— Ваш отец вроде бы хотел, чтобы мы… давали библейские спектакли, ведь так?

— В самую точку!

— Ну, видите ли, мистер Линтикум…

— Дервуд.

— Видите ли, Дервуд…

Дверь за ним распахнулась пошире, и в дом вошел Морган с двадцатипятифунтовым бочонком сухого обезжиренного молока, облитым с одного бока водой.

— Мистер Мередит! — воскликнул Дервуд. — Это вам.

— Да? — Морган опустил бочонок на пол, принял гвоздики. На Моргане был его тропический наряд — белая панамская шляпа и белый костюм. Рядом с этой белизной гвоздики выглядели поразительно яркими, слишком яркими, чтобы быть настоящими, — как вино в рекламе дорогого журнала. Морган зарылся в них бородой и задумчиво, протяжно втянул носом воздух.

— Я ждал встречи с вами с тринадцати, четырнадцати лет, — сказал Дервуд. — Каждый раз, как мы оказывались вблизи Балтимора, я изводил отца просьбами позволить мне увидеть одно из ваших представлений. Дервуд Линтикум, — представился он, не без напыщенности произнеся свое имя. И протянул Моргану большую мягкую ладонь. В пальцы врезались перстни с изумрудом и рубином (или с цветными стекляшками). —

Конечно же, *вы* меня знаете, ведь вы получили столько писем.

— А. Линтикум, — сказал Морган. И пожал ему руку, глядя мимо Дервуда на Эмили.

— Развлекательная компания «Священное слово», — подсказала она.

— Ну да.

— Не хочу дурно отзываться о покойном, — продолжал Дервуд, — но мой отец не всегда демонстрировал такое уж хорошее деловое чутье. Например, он увидел какое-то из ваших представлений и высоко оценил его, он читал в газетах статьи о вас, но думал только одно: этот человек мог бы ставить прекрасные, прекрасные библейские истории. «Даниил во рву со львами», «Руфь и Ноеминь», верно? Но я-то знал, что вы откажетесь! Вы показываете совсем другое, вы показываете «Красную Шапочку», «Красавицу и чудовище». *Уверен* в этом!

Морган поглаживал бороду.

— Мы не могли бы где-нибудь присесть? — спросил Дервуд. — Я предложил бы вам определенный план.

— Да, конечно.

Морган направился по коридору к гостиной, Дервуд пошел за ним. Эмили волей-неволей

потащилась следом. Подходящий момент она упустила. Хотела все разъяснить, но теперь было уже поздно.

В гостиной сидела, покачиваясь в кресле, и вязала Луиза. Мельком взглянув на Дервуда, она аккуратно обвила спицу пряжей.

— Мама, — сказал Морган, — это Дервуд Линтикум.

— Рад знакомству, — поклонился Дервуд. Он опустился на кушетку, обернулся к Луизе, сплетя перед собой пальцы. — Я полагаю, мэм, вам известно, что представляет собой ваш сын.

Луиза оглядела Моргана, приподняв двумя кровельными коньками мохнатые черные брови.

— Я годами твердил отцу: «Папа, тебе нравится этот человек, и ты можешь его получить. Мы же хотим расширить дело, Библия теперь никому не интересна. С нашими контактами — в школах, клубах, церквях — мы просто обречены на успех!» — так я говорил. Мне и еще одна группа нравится — «Стеклянный аккордеон». Я по их музыке с ума схожу. Однако он отвечал: нет, наша музыка — это госпел. Не желал их знать, и все. Даже не послушал ни разу. Ладно, тут другая история. Я собираюсь отправиться к ним от вас. Однако к вам, мистер Мередит, сэр, я питаю

особый интерес, вы, можно сказать, мой кумир! Я следил за всеми новостями о вас. Я считаю вас чудом!

— Ну что же, спасибо, — сказал Морган и понюхал гвоздики.

— Вот только странно: вы совсем не похожи на ваши фотографии.

— Я, как видите, бороду отрастил.

— Да, наверное, дело в бороде. — Дервуд оглянулся на Эмили: — Но, надеюсь, это не означает, что вы… подались в хиппи или что-нибудь такое.

— Нет-нет, — заверил его Морган.

— Вот и хорошо! Очень хорошо! Потому что, понимаете, может быть, мы с отцом и не сходились во взглядах по всем вопросам, но, знаете, я все же хочу, чтобы наша компания оставалась христианской, мне нужна здоровая, честная труппа, которую не стыдно показать школьникам… — Он вдруг примолк, нахмурился. И, помолчав, сказал: — Я, конечно, хотел бы думать, что парни из «Стеклянного аккордеона» не сидят на наркотиках. Как вы считаете?

— О нет-нет, я и представить себе такое не могу, — успокоительно ответил Морган.

— Думаю, в Тинделле вам понравится, мистер

Мередит.

— В Тинделле?

— Ну вы же не захотите остаться в Балтиморе, верно? У нас имеются контакты по всему Мэриленду и в Южной Пенсильвании тоже.

Луиза сказала:

— Я была в Тинделле.

— Ну вот видите! — воскликнул Дервуд.

— Отвратительный городишко.

— Отвратительный? *Тинделл?*

— В нем и люди-то не живут.

— Даже не знаю, почему вы так говорите.

— Пусто, как на погосте. Все магазины закрыты.

— Вы, должно быть, приезжали туда в воскресенье.

— В воскресенье, — согласилась она. — Воскресенье, шестого марта двадцать первого года. Морган тогда еще не родился.

— А кто это, Морган?

— Вот он, — Луиза указала подбородком на Моргана.

— Это семейное прозвище, — пояснил Морган. — Знак любовной привязанности. Эмили, ты не могла бы отвести маму в постель?

— В постель? — удивилась его мать. — Еще и

девяти нет.

— Ну что же, день был трудным. Эмили?

Эмили встала, подошла к Луизе, подсунула ладонь под ее тощую руку, ласково помогла ей подняться на ноги.

— Что на него нашло? — спросила Луиза. — Не забудьте мое вязанье, Эмили.

— Уже взяла.

Она отвела старушку по коридору в ее комнату. Там сидела Бриндл, писавшая что-то в дневнике. Подняв на них взгляд, она спросила:

— Что, уже пора ложиться?

— У Моргана гость.

Луиза сказала:

— Лучше бы мы вернулись в дом Бонни. Там человек хоть дышать может. А здесь меня передвигают с места на место, как мебель.

— Простите, матушка Гауэр.

Эмили подошла к стенному шкафу, чтобы взять висевшую там на крючке ночную рубашку Луизы. Перекладину шкафа занимали шелковые платья Луизы и Бриндл. С краю размещались вещи Гины: два школьных джемпера, две белые блузки и синий стеганый купальный халат. Эмили с грустью посмотрела на них, сняла ночную рубашку с крючка, закрыла дверцу.

— Помогите ей с пуговицами, ладно? — попросила она Бриндл. — Мне нужно вернуться в гостиную.

Однако, выйдя из комнаты, пошла вовсе не в гостиную. Постояла немного в коридоре, слушая говорившего с придыханием Дервуда — мистер Мередит то, мистер Мередит это.

— В прежние времена мне кукольные спектакли попросту не *нравились*, я никогда не любил Панча и Джуди, но ваши куклы, мистер Мередит, — это совершенно другое дело.

Эмили пересекла коридор, вошла в свою комнату. Притворила дверь, оставив лишь узенькую полоску света, переоделась в *собственную* ночную рубашку и скользнула в постель. У другой стены пошевелился в кроватке и шумно вздохнул Джошуа. В открытое окно вплывали звуки лета: выла полицейская сирена, кто-то насвистывал «Клементину», из проезжей машины неслась музыка.

Дервуд говорил:

— Подумайте, насколько это развяжет вам руки! Подумайте, мистер Мередит. Мы берем на себя продажу билетов, берем расклейку афиш, а вы получаете возможность заниматься вещами более существенными. Да что там, у нас есть даже

кредитная карточка «Мастер чардж». Есть «Банк Американкард». Есть «Эн-эй-си», наконец.

Звуки, которые слушаешь лежа, обладают странным свойством — они тише, но четче. Эмили слышала даже, как чиркает спичка Моргана, когда он закуривает. Улавливала острый запах табачного дыма. Он напоминал о домах, в которые она заглядывала девочкой, — резкий, шершавый дым самокруток, ароматы жареного шпика и керосина в кухнях Шафордов и Биддиксов, где она конфузилась, чувствовала себя посторонней. Внутренне поеживаясь, чего, собственно, и желали бы от нее родные, она ждала у самого порога, пока какая-нибудь из ее одноклассниц искала орфографический справочник и пару лепешек на ланч. И все те годы ей так хотелось углубиться в эти кухни, заставить их раскрыться перед ней. Сейчас она улыбалась в темноте и постепенно засыпала под раскатистый голос Моргана.

Потом квартира вдруг затихла, а Морган оказался в спальне. Он стоял в лившемся из коридора свете, глядя в зеркало над одним из комодов. Панамская шляпа так и сидела на его голове. Он снял очки, почесал переносицу. Выгреб из карманов мелочь, хрусткую пачку «Кэмел» и еще что-то, прокатившееся по крышке комода и

упавшее на пол. С кряхтеньем нагнулся за этим. Эмили окликнула:

— Морган?

— Да, милая.

— Он ушел?

— Да.

— Эта нелепость с «мистером Мередитом», — сказала она. — Почему ты не объяснил?

— Ну, если ему так легче…

Морган подошел, присел на край кровати. Наклонился, чтобы поцеловать Эмили (по-прежнему в шляпе, которая едва не свалилась на нее), и в этот миг в коридоре послышались медленные неровные шаги. Он выпрямился. Тихий стук в дверь.

В подсвеченном дверном проеме обозначился силуэт Луизы. Длинная белая ночная рубашка очерчивала ее тощие ноги.

— Морган? — произнесла она.

— Да, мама.

— Боюсь, я не смогу заснуть.

— Господи, мама, ты же только что легла.

— Морган, как звали того человека, которого мы так часто видели?

— Какого человека, мама?

— Он вечно крутился вокруг нас. Жил в нашем

доме. Как его звали, Морган?

— Мама! Иисусе! Иди спать! Уходи отсюда!

— О, прошу прощения, — сказала Луиза.

И убрела. Они услышали ее блуждания по гостиной — сначала по одной части, потом по другой, как будто она слонялась там безо всякой цели. Вскоре прямо за их головами скрипнули пружины софы.

— Тебе не следует быть с ней таким грубым, — сказала Эмили.

— Нет, — согласился он. И вздохнул.

— Зачем было кричать? Что с тобой?

— Не сумел сдержаться. Она никогда не спит. И теперь до трех ночи не угомонится.

— Таковы все старики, Морган.

— У нас нет ни единой возможности остаться наедине, — сказал он. — Мама, Бриндл, ребенок… это как пересадка на новую почву. Я пересадил сюда из дома всю тамошнюю неразбериху. И получился какой-то дурацкий розыгрыш. Разве нет? Господи, у меня даже дочь-подросток опять появилась! Или почти подросток, теперь они обращаются в девушек быстрее, так мне кажется…

— Я не против, — сказала Эмили. — Мне даже нравится.

— Тебе легко говорить. По сути, это не твоя

проблема. Ты остаешься необремененной, что бы ни произошло, как люди, которые едят, едят и не толстеют. Ты так и носишь все ту же запашную юбку. Все тот же леотард.

Знал бы он, сколько леотардов ей пришлось сменить за эти годы. Похоже, Морган думает, что они носятся вечно. Она убрала волосы с его лба:

— Вот переедем отсюда, и тебе станет легче. Конечно, так жить трудно, шесть человек в двух спальнях.

— Ага! На какие шиши мы переедем?

— Я подыщу для моих кукол других продавцов. По-моему, миссис Эппл мне недоплачивает. И делать их стану больше. А Бриндл — почему Бриндл не может работать?

— Кем? Заправщицей на бензоколонке?

— Что-нибудь да нашлось бы.

— Эмили, тебе никогда не приходило в голову, что Бриндл не вполне адекватна?

— Ну, это, пожалуй, слишком…

— Мы живем среди умалишенных.

Эмили молчала. Он словно какой-то винт повернул на телескопе.

— В любом случае, — продолжал, уже помягче, Морган, — она хоть помогает тебе в том, что касается мамы. Бриндл, может быть, и не годится

ни на что в других отношениях, но хотя бы избавляет тебя от части этих забот — от маминого слабоумия, от ее кормления и таблеток.

Он подвинул Эмили и лег — все еще одетый — рядом, упершись затылком в стену.

— Что нам следует сделать, — сказал он, — так это дезертировать.

— Как это?

— Бросить их всех и уйти. Нам с тобой нужна квартира поменьше, а не побольше.

— Ах, Морган, не говори глупостей, — сказала Эмили.

— Милая, ты же знаешь, с Леоном Гине жилось бы лучше.

Эмили резко села:

— Неправда!

— Ну какая у нее здесь жизнь? Чужие женщины в ее спальне… Попомни мои слова. Она поживет в этом роскошном лагере, проведет пару дней в доме Леона, пройдется под парусом с дедушкой Мередитом, по магазинам одежды с бабушкой, а потом позвонит сюда и попросит разрешения остаться с ними. Хочешь, поспорим? В таком она сейчас возрасте, ей не по душе беспорядочное существование. Ей понравится плавательный бассейн Леона, теннисные корты и что там у него

еще есть? Может быть, даже сауна! Ты об этом когда-нибудь думала?

— Я не смогу без Гины, Морган.

— А другие, — продолжал он. — Мама и Бриндл. Думаешь, Бонни не примет их назад? Если мы уйдем, оставив их здесь, так и до тротуара добраться не успеем, а Бриндл уже позвонит Бонни. «Бонни, дорогая, они нас бросили! — радостно пропищал Морган. — Как чудесно, теперь мы сможем вернуться к цветному телевизору и цивилизации!» А Бонни скажет: «О боже, полагаю, теперь вы — моя забота» — и прискачет сюда, выкатив глаза и кудахча, но, знаешь, втайне она будет довольна. Ей нравится шум, суматоха. И чтобы над ее гнездом вилось побольше перьев. Я снова попрошу ее о разводе и на сей раз получу его. Хотя нет, этого делать нельзя, я не хочу, чтобы она знала, где мы. Не хочу, чтобы Бонни гналась за нами в машине, набитой шляпами, собаками и моими родственницами. Я возьму с собой один костюм, одну шляпу, тебя и Джоша. Мы просто смоемся — свернем наш шатер и исчезнем.

— Да? И куда же? — Эмили снова легла, закрыла глаза. Не было никакого смысла принимать его всерьез.

— В Тинделл, штат Мэриленд, — ответил он. —

В распоряжение этого деятеля, Дервуда.

— Ему был нужен Леон.

— Насколько ему известно, *я* и есть Леон.

— Ох, Морган, ну право же.

Он молчал. Похоже, что-то обдумывал. И наконец сказал:

— Разве не забавно? Я никогда не менял имени. Самое большее — переворачивал его задом наперед. Имя было последним, за что я цеплялся.

Эмили открыла глаза и сказала:

— Я говорю серьезно, Морган, я не собираюсь отказываться от Гины.

— А, ну ладно, ладно.

— Совершенно серьезно.

— Это же разговор, не более.

Он встал, направился к стенному шкафу, Эмили услышала, как его панамская шляпа с тихим шуршанием укладывается среди остальных.

8

— Вам-то легко, — говорила Бонни, — потому что Морган теперь занимает определенное положение. Вы понимаете, о чем я? Он… затвердел. Вы унаследовали его, когда он постарел и определился. Вам никогда не случалось заблудиться с ним вместе в машине и орать друг на друга над картой; для вас он всегда был главным.

Эмили стояла в кромешной тьме, приподнимая то одну, то другую ногу над холодным, скользким кухонным полом. Она спросила:

— Бонни, почему вы постоянно звоните мне?

— Ммм?

— Это же попросту неестественно. Почему вы все время звоните?

Бонни со свистом выдохнула табачный дым.

— Понимаете, меня беспокоят его глаза.

— Глаза?

— Я тут одну книгу читаю. Написанную японским специалистом. В глазах есть все, говорится в ней. Если вы видите белую каемку под радужной оболочкой, можете быть уверены — у этого человека не все в порядке. Со здоровьем, с эмоциями… А вспомните глаза Моргана. Там не просто *каемка*

белизны, там целый океан! И нижние веки у него отвисают, как гамаки. Я думаю, он неправильно питается. Ему нужно есть побольше овощей.

— Он ест много овощей.

— Вы же знаете, у него слабость к сладкому. Он пьет слишком много кофе, да еще сахар сыплет без меры. Смертельно опасный! Рафинированный белый сахар, обогащенный. Чудо, что он вообще дожил до своих лет. Ах, Эмили! Ему следует питаться ростками люцерны и свежей, органически выращенной клубникой.

— Морган питается совершенно нормально.

— И ограничить потребление красного мяса и насыщенных жиров.

— Мне придется повесить трубку, Бонни.

— Вам не кажется, что если бы он хорошо кормился, то и вел бы себя иначе? — спросила Бонни. — Я хочу сказать, ведь, по существу, он человек хороший. Отзывчивый, открытый. На самом деле открытость — это и есть его главная беда. Ах, Эмили, если бы он вернулся, я бы теперь кормила его получше, вы так не думаете?

9

Эмили на ощупь пробралась по темному коридору, зашибив палец о плетеного слона. А войдя в спальню, обнаружила, что Морган вовсе не спит, а сидит, прислонясь к стене, и курит сигарету. Она забралась в постель, разгладила подушку, легла. На кухне зазвонил телефон.

— Не бери трубку, — сказал Морган.

— А вдруг это кто-то другой?

— Не другой.

— А если Гина? Если что-нибудь случилось?

— Не случилось. Пускай звонит.

— Ты же не можешь знать наверняка.

— Я почти уверен.

В такой час и при таком настроении «почти» казалось достаточно резонным. И она решила рискнуть. Не станет она вставать. Было что-то успокоительное в том, чтобы наконец сдаться — сложить полномочия, позволить кому-то другому направлять ее. Телефон звонил и звонил, сначала настойчиво, потом смиренно, слабо и жалко, рифмуясь сам с собой, как песенный припев.

1979

1

Морган стоял посреди «Аптеки Ларраби», ожидая сдачи. Он купил здесь пачку «Кэмел», коробочку пастилок от кашля и номер «Тинделл уикли газетт». Продавщица пробила чек, но затем отвлеклась на разговор еще с одной покупательницей. И вправду холодно, согласилась она. Слишком холодно для марта. Ее кошка не слезает с плиты, а собаке приходится носить пальтишко в красную клетку. Сдачу Моргана она держала, машинально позвякивая ею, в ладони. Морган стоял и ждал — безымянный бородатый мужчина в очках, ничем ей не интересный. В конце концов он сдался и раскрыл газету. «Газетт» ему очень нравилась, хоть Энн Ландерс[21] в ней и не печатали. Он просмотрел персональные объявления. *Я не буду ни за что отвечать, я не буду ни за что отвечать*.

Из раздела «Потеряно — найдено» он узнал, что кто-то потерял каучуконосный фикус. И че-

[21] Сноски: 21

«Спроси у Энн Ландерс» — колонка ответов на вопросы читателей, впервые появившаяся в газете «Чикаго сан таймс» в 1943 г. и в течение 56 лет публиковавшаяся во многих изданиях. Реальной Энн Ландерс никогда не существовало.

го только люди не теряют! Как неопрятно они живут! Посреди Норс-Дил-роуд найден полный комплект кастрюль «Ривервэйр». А на парковке средней школы — браслет с брелоками.

Так, теперь некрологи. Мэри Лукас, давнишняя жительница Тинделла. А также Пирл Джо Паскаль, Морган Гауэр и…

МОРГАН ГАУЭР,

ДИРЕКТОР
ХОЗЯЙСТВЕННОГО МАГАЗИНА

Морган Гауэр, 53 лет, проживавший на трейлерной стоянке «Поместье Тинделл», скончался вчера после продолжительной болезни. Мистер Гауэр работал директором расположенного в центре Балтимора филиала «Хозяйственного магазина Каллена». После него остались…

Он оторвался от газеты, огляделся. Магазинчик был обшит старым темным деревом, товары на его полках отнюдь не теснились. На некоторых стояло только по одной вещи — оббитая по углам коробка с пакетиками сахарина, накрытый неказистым зеленым колпачком флакон шампуня «Прелл». Ничего особенного. Запах сырого

картона. Старенькая продавщица со свисавшими с шеи на цепочке очками и лицом до того морщинистым, что оно казалось простеганным на швейной машинке.

> …его оплакивают – жена, в девичестве Бонни Джин Каллен, и семь дочерей: Эми Г. Мерфи из Балтимора; Джин Г. Ханли, также из Балтимора; Сьюзен Гауэр из Шарлотсвилла, Виргиния…

— Сэр, — сказала продавщица, протягивая ему сдачу.

Он закрыл газету, сунул деньги в карман.

На улице в него ударил холодный влажный ветер. Утро воскресенья. Улицы пусты, тротуары кажутся шире и белее обычного. Все прочие заведения закрыты — магазин мелочей, продуктовый, парикмахерская. Морган медленно шел мимо них. Его пикап стоял перед салоном красоты «Голливудские звезды». Накрывавший кузов красный фанерный короб с изгибавшейся по каждому боку надписью КУКОЛЬНАЯ ТРУППА МЕРЕДИТ потрескивал на ветру. Морган забрался в кабину. Распечатал пачку сигарет, закурил. И, как обычно сухо покашливая, снова раскрыл газету.

…Кэрол Г. Хейнз, также из Шарлотсвилла; Элизабет Г. Уинг из Нэшвилла, Теннесси…

Морган отложил газету и завел двигатель.

Дурацкая газета, глупые захолустные редактора. Но кажется, даже они могли бы обладать здравым смыслом и благопристойностью и проверять такие сведения, а уж потом печатать. Где их нравственные принципы? И это они называют журналистикой?

Он ехал, часто попыхивая сигаретой, по Главной улице. Над перекрестком Главной и Хайэлл горел красный свет. Морган затормозил, скосился на газету.

…Молли Г. Эббот из Буффало, Нью-Йорк; Кэтлин Г. Бруштейн из Чикаго…

Кто-то гуднул позади, и он тронулся с места. Свернул с Хайэлл в проулок, в лунный ландшафт побелевшей, колючей глины с несколькими пустыми бутылками из-под пива, валявшимися в сорной траве, а из проулка выехал на шоссе штата. Вскоре показался трейлерный парк. Облупившийся металлический щит извещал: ПОМЕСТЬЕ ТИНДЕЛЛ, ПЛАТА ПОМЕСЯЧНО, ВЛАДЕЛЕЦ ДЖ.

ФУТТ. Морган повернул налево, на посыпанную гравием дорожку, миновал контору — обтекаемый алюминиевый трейлер, чье шлакобетонное крылечко и цветочные ящики пытались создать видимость постоянства. *А также мать, Луиза Бриндл Гауэр*, продолжал бубнить в его голове настырный голос, *сестра, Бриндл Г. Т. Робертс, и одиннадцать внуков*. За конторой стояли под случайными углами один к другому трейлеры поменьше, числом около дюжины. Их мог разбросать вздорный ребенок, а с ними и окружавший их хлам — пустые сварочные баллоны, матрасы в ржавых пятнах, обвалившуюся софу, между двумя подушками которой выросло деревце. Морган проехал мимо старухи в мужском твидовом пальто. Остановился перед маленьким зеленым трейлером, вышел. Старуха обернулась, чтобы посмотреть на него, смела с глаз нависшие пряди седых волос. Ясно было, что она собирается завести разговор. Морган отказался признавать ее присутствие. Пригнул голову и быстро пошел к трейлеру. Собственный рот казался ему слишком большим. Налицо, беспристрастно отметил он, все физические симптомы… стыда — да, точно. Как странно. Фуражка — аккуратный узенький козырек, отсутствие выраженного характе-

ра — укрывала его в недостаточной мере. Перед дверью он поднял воротник куртки.

— Что, холодно? — тонким, далеко разносящимся голосом крикнула старуха.

Морган нагнулся к замку.

— Эй! Мистер Мередит!

Похороны будут скромными.

Эмили готовила завтрак. Морган унюхал бекон — особое воскресное угощение. Джош в мокрых вельветовых штанах, одна помочь которых волоклась за ним по полу, бродил по гостиной. Морган подхватил его на руки.

— Газету купил? — спросила Эмили.

Он опустил Джошуа и ответил:

— Нет.

Газету он оставил в пикапе. Попозже выбросит ее.

Нет у него никаких причин стыдиться. Пусть стыдится Бонни. Ведь это ж ее рук дело. Конечно, ее. Чьих же еще? А его реакция попросту глупа. Он наблюдал за собой с отстраненным, удивленным любопытством. Он и ведет-то себя воровато — передвигается по трейлеру, производя сколь можно меньше шума, сутулится, пригибает голову, словно стараясь не потревожить воздух. Морган покинул гостиную (одна кушетка под маленьким,

с жалюзи окном), миновал узкий проход между столом и разделочным прилавком — это была кухня. Протискиваясь мимо Эмили, поцеловал ее в загривок, по которому тянулась мелкая зыбь косточек, напоминавшая Моргану гребешки некоторых морских раковин.

Теперь в спальню — единственный встроенный комодик и кровать. Все остальное место занимала детская кроватка. Чтобы долезть до маленького, занавешенного стенного шкафа в углу, пришлось перебираться через кровать. Он снял фуражку, положил ее на полку рядом с чемоданом Эмили. Снял куртку, повесил на плечики. Куртку он купил в прошлом ноябре в магазине «Бережливый Боб». Большую часть своей одежды он бросил, когда бежал из Балтимора, ничего достаточно теплого, чтобы помочь ему пережить зиму, у него не осталось, вот и пришлось заплатить пять долларов за плотную синюю куртку, скорее всего составлявшую когда-то часть обмундирования военного летчика, а теперь ставшую пресной и скучной, ничем не украшенной. Все знаки отличия с нее, по-видимому, удалили, от них остались только швы на рукавах и поперек одного кармана. Морган полагал, что этого требовали какие-то правила. Естественно, армия не

хочет, чтобы кто-то смог выдавать себя за офицера. Что же, это всего лишь разумно. Но иногда ему нравилось воображать, что знаки отличия были *сорваны*. Он представлял себе сцену на летном поле: ряды стоящих по стойке смирно мужчин, сигнал горна, бой барабанов, Морган лихо делает шаг вперед, а его командир театральным жестом сдирает с него все нашивки. Подумав об этом, он всякий раз выпрямлялся под курткой, а на лице его появлялось бесстрастное выражение человека, который намеренно и бесшабашно избрал в своей жизни путь, ведущий к крушению. Впрочем, Морган сознавал, что никто из увидевших эту куртку второй раз на нее не взглянет. Да и фуражка его хоть и называлась «фуражкой греческого моряка», ничего греческого, а равно и морского в ней не было; теперь такие кто только не носит, даже старшеклассницы здешней школы нахлобучивают их на свои спутанные лохмы.

Он помыл в крошечной уборной руки и вернулся на кухню. Эмили распределяла по тарелкам завтрак. Морган сидел за столом, наблюдая, как она выкладывает на его тарелку два ломтя бекона.

— Джош, иди есть, — позвала она.

Джош катал по краю кушетки жестяной трам-

вай. Он понес игрушку к столу, раскачиваясь на ходу, точно конь-качалка, старательно сохраняя молчание. Самый спокойный, самый покладистый ребенок, какого когда-либо знал Морган. Одет он был в несколько рубашек и свитеров, отчего казалось, что ему трудно сгибать короткие ручонки. Эмили подняла сына, усадила в его креслице.

— Там что? — спросил он, указав на свою чашку.

— Апельсиновый сок, Джош.

Мальчик откусил кусочек бекона, другой — и скормил его через переднее окошко трамваю.

— Ты мое письмо отправил? — спросила, садясь напротив Моргана, Эмили.

— Какое письмо?

— Письмо Гине, Морган.

— Ах да. Опустил в ящик перед почтовой конторой.

— Значит, до Ричмонда оно дойдет во вторник, — подсчитала Эмили.

— Ну да. Или в среду.

— Если она ответит в тот же день, я получу ее письмо в пятницу.

— Угу.

— Хотя она почти никогда в тот же день не

отвечает.

— Нет.

— Жаль, что она не любительница писать письма. — Морган не ответил. Эмили вгляделась в него и спросила: — Что-нибудь случилось?

— Случилось?

— У тебя вид какой-то не такой.

— Все хорошо, — сказал он.

Эмили продолжила намазывать масло на тост. Руки ее были белыми от холода, ногти синеватыми. Ресницы отбрасывали на скулы легкую тень. Неизменчивость Эмили поражала Моргана. Год за годом все вокруг нее старели, а Эмили сохраняла молодое, бледное, гладкое лицо со светлыми глазами, которые придавали ей вечно невинный вид. И одевалась она все так же. И причесывалась по-прежнему — укладывала на макушке косы, из которых выбивались и штопорами спадали на шею несколько непокорных завитков, словно намекавших на возможность, никогда не осуществлявшуюся, некоторой потаенной расхлябанности, и поныне возбуждавшую Моргана.

Ладно, он мог бы пойти в редакцию. Конечно, мог бы. Ворваться туда, потрясая газетой: «Посмотрите, что это такое? Вы вообще когда-нибудь проверяете факты? *Морган Гауэр, директор*

хозяйственного магазина! Где ваше чувство ответственности? Вот он я, Морган Гауэр. Перед вами!»

А они ответят: «Да разве вы не Мередит? Тот, что работает у молодого Дервуда?»

На самом-то деле предъявить ему нечего.

2

Эмили, собираясь на прогулку, застегнула молнию на курточке Джоша. Морган решил с ними не идти.

— Ты плохо себя чувствуешь? — спросила она.

— Я же сказал, все хорошо.

— Пастилки от кашля купил?

— Да-да, они где-то здесь…

Он похлопал себя по карманам, широко улыбнулся ей, пытаясь успокоить. Однако Эмили продолжала хмуриться.

— Не забывай, у нас сегодня спектакль, — напомнила она.

— Я и не забыл.

Они ушли, Морган понаблюдал за ними в окно гостиной — за хрупкой, тонкой как ниточка Эмили, за ковылявшим рядом с ней в пухлой красной куртке Джошем. Они шли через поле на север, к роще низкорослых сосен, что тянулась вдоль шоссе. Поле было таким комкастым и изрытым, что Джошуа иногда спотыкался, однако Эмили держала его за руку. Морган без труда представлял себе ее крепкую, надежную хватку — стальные сухожилия запястья, похожие на фортепьянные

струны.

Он отвернулся от окна за долю секунды до того, как затрезвонил телефон, — словно ждал звонка. Может, просто не отвечать? Наверняка какой-нибудь пройдоха, желающий разоблачить его: «Так-так! А я слышал, вы умерли». Да нет, никто ничего разузнать не мог. Морган заставил себя направиться в спальню, где стоял на комодике аппарат. И добрался до него лишь после шестого звонка. Снял трубку, набрал в грудь воздуха и сказал:

— Алло.

— Это ты, Сэм? — спросил мужской голос.

— Да.

— Ты?

— Да.

— Что-то голос на твой не похож.

— Я простудился, — сказал Морган.

И ухмыльнулся в зеркало.

— Ну, ты наверняка слыхал уже, что случилось с Леди.

И тут произошло нечто странное. Моргану показалось, что пол просто-напросто уехал из-под него на несколько футов. Нет, равновесия он не потерял, стоял себе как стоял, и голова сохраняла ясность. Однако оптическая иллюзия продолжала

развиваться. Все окружающее скользило мимо. Он словно ехал на одной из тех конвейерных лент, что перевозят в аэропортах пассажиров. Если подумать, он уже пережил однажды нечто подобное — и как раз в аэропорту под Лос-Анджелесом. Ему требовалось забрать Сьюзен, года четыре-пять назад это было. Девочка пережила что-то вроде нервного срыва, следствие неудачного романа, и он провел в воздухе целый день и, приземлившись, все еще продолжал лететь, во всяком случае, так это ощущалось. А может быть, все вокруг отлетало от него — он проделал столь долгий путь, что внезапная остановка была попросту невозможна. Морган поморгал, протянул руку к комоду.

— Сэм?

— Я не Сэм. Простите. Вы ошиблись номером.

Он положил трубку. Окинул взглядом трейлер, все уже стояло по местам.

Тогда он вытащил из стенного шкафа фуражку и куртку и написал Эмили записку: *Уехал по делу. Скоро вернусь*. Вышел из трейлера, пересек двор и сел в пикап.

Езды до Балтимора было минут сорок пять, и все эти минуты он не замолкая бормотал вполголоса. «Чертова дура Бонни, чертова зануда, тупая,

во все сующая нос зануда, думает, она такая…» Он взглянул в зеркальце заднего вида и бросил машину в сторону, чтобы обогнать фургон. «Сидит там, потирая ручки, смеется надо мной, думает, что она меня таки уела. Ха, много она понимает, вот именно…»

Интересно, как она узнала, где он живет. Он же ей не говорил. Может, она разместила некролог во всех газетах штата Мэриленд, а то и во всех газетах страны? Господи, по всему континенту, чтобы каждый увидел. Морган представил, как Бонни звонит в сотни, в тысячи редакций, как врывается в них, роняя комочки «клинекса» и черновики некролога, записанные на обороте магазинных чеков, — женщина с заклинившей педалью акселератора. Она всегда жила опрометью. Любой имевшийся у него мысленный портрет Бонни (припоминал Морган, гудя болтавшемуся впереди спортивному автомобилю) изображал ее запыхавшейся, с упавшими на глаза волосами, в блузке, выбившейся из юбки. Да посмотрите хотя бы, как она выбросила из машины его одежду, мать, сестру и собаку! Бормоча дурные слова, ударяя по тормозам, он забыл, что Бонни выбросила их не в один день, а в разные. Теперь ему представлялось, что это случилось

единым махом. Он вроде бы помнил, как Бриндл с Луизой сидели перед хозяйственным магазином на складных табуреточках, ожидая, когда их заберут. Да какие, к черту, табуреточки? Лежали, будто перевернутые жуки, навзничь посреди океана его разбросанных костюмов! Он вспомнил, что Бонни часто казалась ему скрепленной английскими булавками. Одна крепила к лифчику бретельку, другая — пуговичную петлю к тому месту, где полагалось быть пуговице, третья — часы к черному матерчатому ремешку. Впрочем, часов она почти никогда не носила. А прорехи в подоле юбок залепляла скотчем, который шуршал на ходу, — нет, на бегу; нет, на скаку. Просто ходящей, как люди, ее и не видел никто.

Раньше тут были сплошные пастбища да пахотная земля, а теперь каждый городок соединялся с другими рваной цепочкой заправочных станций и торговых центров. Морган несся мимо них. Кузов его пикапа постанывал. Всякий раз, как он сбрасывал скорость, на задней дверце кузова громыхал висячий замок.

«Думает, она такая умная, думает, мне есть до этого дело. Думает, учиненная ею глупость для меня что-то значит».

Вот и пригороды Балтимора. Многоквартирных

домов все больше, уже и повернуться негде. На светофоре за ним затормозил юноша в длинном, выпущенном не меньше двадцати лет назад «додже» с похожими на плавники крыльями. Все окна его были закрыты, но радио работало на такой громкости, что музыка все равно пробивалась наружу — *«Steadily Depressing, Low-Down, Mind-Messing, Working at the Carwash Blues»*[22]. Морган невольно начал отбивать пальцами на руле ритм.

Ну, по крайней мере, здесь хоть солнце светило — бледное, слабое солнце поздней зимы, озарявшее белые колокольни и пустые тротуары. Он поехал на север по Чарльз, миновал вереницу магазинчиков, потом университет, пустой, с чистыми зданиями, расставленными с точностью игрушечных блоков. Повернул в коридор больших особняков, кафе, многоквартирников и остановился на улице Бонни, но подальше от ее дома — так, чтобы пикап не был виден из окон. Вылез наружу, закурил и стал ждать.

Было холодно, даже на солнышке. Морган поднял воротник к самым ушам. Увидел на парадном крыльце Бонни газету. Десять с чем-то утра, а

---

[22] Сноски: 22

Песня Джима Кроче: «Бесконечно депрессивный, опускающий, терзающий мозг блюз работающего на мойке машин».

газета так у двери и валяется — типично для Бонни. В кроне кизила сидел кардинал — красная капля в сетке черных ветвей. Может быть, тот самый, подумал Морган, что несколько лет назад высиживал птенцов в кустах чубушника. У Моргана проснулся тогда интерес собственника. Он целое лето отгонял от этих кустов кошку, родители птенцов призывали его к себе, вспархивая и тревожно щебеча, — звуки эти походили на звон мелочи в кармане. Да, но разве кардиналы не перелетные птицы? Вкус сигареты отдавал горящим мусором. Он бросил ее на землю и раздавил.

Появилась жена Билли, Присцилла, легко шагавшая в щегольском белом пальто по тротуару. На крышке ее похожей на баскетбольную корзину сумочки наверняка был вырезан кит. Она скрылась в доме (переступив через газету). Моргану Присцилла была неинтересна, он и не думал о ней никогда и сейчас тоже выбросил из головы. Немного склонившись вперед, он смотрел, как снова открывается дверь. Из нее вышел мальчик. Его внук? Тодд? Если так, он подрос. Мальчик нес скейтборд и, выйдя на улицу, встал на доску и умчался — только что был здесь и сразу исчез. Впрочем, Морган за ним не наблюдал. Его инте-

ресовала дверь.

Прошло немалое время. Он стоял, прислонясь к капоту и слушая, как пощелкивает остывающий двигатель.

Дверь сначала потемнела, оттянутая внутрь дома, а затем и вовсе исчезла из виду. На крыльцо вышла Бонни. Необъяснимого цвета кардиган, под ним что-то деревенское, неуместное — прозрачная широкая блуза и толстившая Бонни юбка в сборку. Морган решил, что она вышла за газетой, однако Бонни, не обратив на нее, как и все прочие, никакого внимания, спустилась с крыльца. Морган отступил за пикап. Впрочем, она в его сторону не посмотрела. Повернула на запад, пошла торопливо. Что-то блеснуло в ее руке — красный бумажник, набитый, как и всегда, кредитными карточками, старыми фотографиями, скомканными банкнотами.

Некоторое время он следовал за ней, держась на изрядном расстоянии. Разумеется, он знал, куда она направляется. Воскресное утро, в доме Присцилла, Тодд и бог знает кто еще, значит — в продуктовый, за булочками с корицей. Но все равно следовал, не спуская с нее глаз. Она, заметил Морган, отпустила волосы — и напрасно. Маленький пушистый клок на загривке обратил-

ся в какой-то овал с рваными краями.

Что творится в ее голове?

Так ведь он затем и приехал, чтобы выяснить это. Мчался сюда, не думая, чего ради, а теперь понял, да так неожиданно, что даже остановился. Все, чего он хотел, — спросить, почему она так *поступила*.

Что хотела сказать?

Или она вообразила?..

Да нет, конечно.

Или она вообразила, что он и вправду отошел в мир иной?

«Отошел в мир иной» — вот единственная формулировка, с какой он готов сейчас смириться. «Помер» как-то застревает в горле. Нет, этого вопроса он задавать не станет.

Морган стоял на месте, а Бонни целеустремленно шла к магазину.

Потом он развернулся и направился назад, к дому. Обогнул его (парадная дверь вела в центральную прихожую, его появление там мог заметить кто угодно), прошел вдоль боковой стены к сетчатой задней двери, просунул руку в дыру на сетке, поднял ржавый крючок. Прелый запах плетеной мебели — подобный запаху мышей и дешевых журнальчиков — напомнил ему

о лете. Он покрутил ручку застекленной двери в гостиную. Не заперто. А ведь тысячу раз предупреждал. Беззвучно проскользнул в нее.

Гостиная была пуста. На кофейном столике раскрытая доска «Парчиси». Он перешел в прихожую. Из кухни позвала Присцилла: «Бонни? Уже вернулись? Так быстро?»

Морган метнулся к лестнице, стараясь не ступать с глушившего шаги ковра. Взлетел по ней так шустро, что и сам испугался — взлет был слишком бесшумным, слишком вороватым. Наверху его каблуки все-таки пристукнули разок по половицам, случайно. Он нырнул в спальню и похлопал себя ладонью по бухавшей груди.

Никто не появился.

Ее незастеленная кровать, ее ночная рубашка — лужица заношенного нейлона цвета слоновой кости на коврике. Все ящики комода выдвинуты. Дверцы стенного шкафа распахнуты. Морган на цыпочках подошел к нему. Шкаф был не похож на себя — чересчур много свободного места. Назвать его совсем запустелым было нельзя — ее неистребимая одежда, юбки с десятки раз подштопанными подолами, блузки пятидесятых годов с питер-пэновскими отложными воротничками, — но шкаф определенно был пустее, чем

прежде. Полка, на которой Морган держал свои шляпы, теперь вмещала футляр от пишущей машинки, фен и обувную коробку. Коробку он открыл — пара туфель, тупоносых и таких устаревших, что они уже снова входили в моду.

Он выдвинул ящик ее тумбочки — тюбик крема для рук и сборник стихотворений Эмили Дикинсон.

Выдвинул ящик принадлежавшей ему (когда-то давно) тумбочки — купон на покупку растворимого кофе, шариковая ручка с подсветкой, крошечная кожаная записная книжка с позолоченной надписью «Ночные мысли» на обложке. Ага! Впрочем, ночных мыслей у Бонни набралось всего ничего:

Гель для стирки
Цветочник из Роланд-парка
День рождения Тодда?

Что-то стиснуло его запястье, точно когтями. Он уронил книжку.

— Сэр, — сказала Луиза.

— Мама?

— Я забыла телефон полиции.

— Мама, — сказал он, — я всего лишь хотел… забрать кое-какие вещи.

— 222-3333? Или 333-2222?

Запястье она не отпускала. Морган никогда не поверил бы, что она так сильна. Когда он попытался вывернуться, она только крепче сжала пальцы. Вырваться он и смог бы, но боялся причинить ей боль. Что-то очень хрупкое и ломкое ощущалось в ней. Он попросил:

— Мама, милая. Отпусти меня, пожалуйста.

— Не называйте *меня* «мамой», вы, нечесаный, лохматый прохвост.

— О, — произнес он. — Так ты меня не узнаешь?

— А с чего бы это? — спросила она.

Она была в воскресном наряде — просторном черном платье, хотя в церковь никогда не ходила, с камеей у горла. На ногах синие махровые шлепанцы, из носков которых торчали искривленные пальцы с пожелтевшими ногтями — тоже когти. На запястье Моргана словно защелкнулся костяной наручник.

— Я сказала женщине внизу: «У нас на втором этаже воры». А она: «Это снова всего лишь белки». А я говорю: «На сей раз воры».

— Послушай, если ты мне не веришь, спроси у Бриндл, — предложил Морган.

— Бриндл? — Она подумала, а затем повтори-

ла: — Бриндл.

— Твоя дочь. И моя сестра.

— Она говорит, это белки, — сказала Луиза. — А по ночам спрашивает: «Кто там бегает? Кто там топочет? Это воры?» Я отвечаю: «Это белки». А теперь *я* говорю: «Слышишь, на втором этаже воры?» А она: «Всего лишь белки, мама. Ты же сама всегда так говорила, верно? Прячут желуди среди чердачных стропил».

— О? У вас завелись грызуны? — спросил Морган.

— Нет. Белки. Или еще кто, шмыгают там…

— Будьте осторожны, — предупредил Морган. — Это вполне могут быть летучие мыши. Последнее, что вам требуется, это взбесившаяся летучая мышь. Знаешь, надо просто натянуть кусок сетки на…

Мать спросила:

— Морган?

— Да.

— Это ты?

— Я, — сказал он.

— Здравствуй, милый, — мирно произнесла она. И отпустила его запястье, и поцеловала сына.

— Рад тебя видеть, мама, — сказал он.

И тут от двери прозвучал голос Бонни:

— Убирайся.

— Ну что ты, Бонни! — удивился Морган.

— Вон отсюда.

Она держала в руках принесенный из магазина пакет, а пахло от нее корицей и свежим воздухом. Глаза ее тревожно темнели. Да, она не шутила, будьте уверены. Морган эти признаки знал. Он отступил от матери, однако дверь всего одна, и ее перекрыла Бонни.

— Я, собственно, уже уходил, Бонни. Да я и приехал, лишь чтобы спросить тебя кое о чем.

— Я не отвечу, — сказала она. — Уходи.

— Бонни…

— Уходи, Морган.

— Бонни, зачем ты напечатала *это* в газете?

— Что напечатала?

— Твое… объявление. Как оно называется?.. Некролог.

— Ой. — Губы ее чуть изогнулись, он хорошо знал этот изгиб — гримаску, выражающую нечто среднее между весельем и сожалением. — *Вот* ты о чем.

— Что тебя толкнуло на это?

Она призадумалась.

Мать сказала:

— Уверена, это не летучие мыши, я же слышала, как они там ходят.

— По правде, — сказала Бонни, — я совсем о нем забыла. Ох господи. Я действительно собиралась все отменить, это был просто порыв, знаешь, налетит иногда…

— Не могу понять, как ты узнала, где я живу.

— Позвонила в Ричмонд, Леону, и спросила, — ответила Бонни. — Сообразила, что уж ему-то ты адрес сообщил, из-за Гины.

— Но какой в этом был смысл, Бонни? *Некролог*, господи помилуй.

— Или у летучих мышей тоже ноги есть? — спросила его мать.

— Это было вроде как извещение, — сказала Бонни.

— Извещение о чем?

Она немного порозовела. Коснулась ямочки под горлом.

— Ну, я теперь встречаюсь кое с кем, — пояснила она. — С другим мужчиной.

— А.

— Профессором истории.

— Этим и объясняется желание напечатать некролог обо мне?

— Да.

Ну, в общем, да.

И ему вдруг стало жалко ее — порозовевшие щеки, неловкий, горделивый, потупленный взор.

— Ладно, — сказал он. — Я только это спросить и хотел. Ухожу.

Бонни отступила, пропуская его. Она уже пришла в себя — посветлела, выпрямилась. Он шагнул в коридор. Оглянулся:

— Но боже ты мой, Бонни, ты не знаешь, что я почувствовал! Право же, такой… стыд. Это сообщение у всех на виду, и все из-за какой-то твоей причуды, недодуманной мысли!

Изгиб ее рта вернулся назад, став более приметным. Ну конечно, ей это казалось смешным.

— Не исключено, что ты даже закон нарушила, — сказал Морган.

И закашлялся. Полез в карман за платком.

— Хочешь «клинекс»? — спросила она. — Что с тобой Морган? Ты плохо выглядишь.

— Наверное, я мог бы потребовать, чтобы тебя арестовали. — И, найдя платок, прижал его ко рту.

— Давай не будем, а то каждый из нас мог бы потребовать, чтобы другого арестовали, — ответила Бонни.

Морган спустился на первый этаж, даже не по-

прощавшись с матерью, не взглянув на нее. Бонни последовала за ним. Он слышал, как за спиной шуршит ее хозяйственная сумка, — неприятный звук. Неприятная женщина. И перила липнут к ладони, откровенно грязные. А на коврике в прихожей ничего не стоит шею сломать.

У двери, когда его мысли уже устремились к пикапу (заправиться, проверить давление в шинах) и возвращению домой, Бонни вдруг вспомнила самое главное. Она убрала со лба прядь волос и сказала:

— Его зовут Артур Амхерст.

— Что?

— Имя мужчины, с которым я встречаюсь, — Артур Амхерст.

— Хорошо, Бонни, хорошо.

— Он очень степенный и серьезный.

— Рад это слышать, — сказал Морган, позвякивая в кармане ключами.

— По-твоему, это означает, что он скучный.

— По-моему, это ничего не означает.

Морган вытащил из кармана ключи, повернулся к двери, но тут вспомнил еще кое-что и обернулся:

— Послушай. Ты знаешь, ведь это и в самом деле могут быть летучие мыши.

— Кто?

— Те твари, которых мама слышит на чердаке.

— А, ну они же никакого вреда не приносят.

— Как ты можешь быть уверена в этом? С ними надо что-то делать. И не откладывая. Они могут проводку перегрызть.

– *Летучие мыши?* — спросила она.

— Да кто угодно, — ответил Морган.

Он потоптался на месте, потом прикоснулся, прощаясь, к фуражке и ушел.

Движение на улицах стало, что называется, «церковным» — старики в фетровых шляпах вели машины, полные бренчавших украшениями старушек, с тротуаров летело цоканье высоких каблуков. Морган ехал к центру, все еще пребывая в заторможенном состоянии, стараясь избавиться от утренних досад. И ехал, и ехал, не покидая город, но углубляясь в него. От того, что он навестит «Хозяйственный магазин Каллена», вреда никому не будет. Глядишь, там и Баткинс обнаружится, несмотря на воскресенье, — он вполне может раскладывать товары или лениво, непонятно зачем стоять, как он временами делал, у витрины.

Однако хозяйственный исчез. Осталось лишь пустое пространство между магазином ковров

и риелторской конторой «Братья Гримальди» — даже и не дырка, а просто голый участок земли. На нем уже и трава выросла. И бумажный сор, приставший к его буграм, успел пожелтеть и раскиснуть. Доска на задах участка извещала: «НИФФ ДЕВЕЛОПМЕНТ КОРП.» ВОЗВЕДЕТ НА ЭТОМ МЕСТЕ…

Морган простоял с минуту, поддел повыше очки и поехал дальше. А как же Баткинс? Где он теперь? Поворот налево. Вот и Кросуэлл-стрит. «Мастера на все руки» стоят на месте, закрытые на воскресенье, но, судя по всему, процветающие. Ряды глиняных кувшинов в витрине придают магазину этакое археологическое обличье. Окна третьего этажа, как всегда, темны и пусты. Морган наполовину поверил, что, поднявшись по лестнице, он обнаружит там Эмили и Леона Мередит, все еще ведущих, словно пара детей из сказки, чистую, бродячую жизнь.

3

— Она обязательно налезет, — сказала вторая сводная сестра. — Просто я весь день по лавкам ходила, и оттого ноги мои малость опухли.

— Так прошу вас, мадам, — устало откликнулся Принц.

— Может, мне стоит пальцы на ноге подрезать.

— Ну а вы, юная леди? — спросил Принц.

Он смотрел на Золушку, которая выглядывала из-за задника сцены. Одетая в мешковину, стеснительная и хрупкая, она шагнула вперед и приблизилась к Принцу. Он опустился перед ней на колени, держа в руках стеклянную туфельку или, может быть, мерцающий клочок целлофана. И каким-то чудом мешковина ее вмиг обратилась в лавину льдисто-голубого атласа.

— Любимая! — воскликнул Принц, и дети затаили дыхание. Совсем еще маленькие.

Лица у них были блаженные, ошеломленные, и даже когда в зале зажегся свет, они остались сидеть на стульях, приоткрыв рты и глядя на сцену.

Субботний сбор средств в баптистской церкви Избавления. Два кукольных спектакля, этот по-

следний, вечерний. После него Морган и Эмили смогут собрать реквизит и покинуть зал воскресной школы, в котором стоял пронзительный и словно бы мятный запах детсадовских макарон. Смогут проститься, хотя бы на время, со «Стеклянным аккордеоном», «Пятью поющими Питерсонами» и Волшебником Боффо. Эмили укладывала кукол в винную коробку. Джошуа брел по проходу с одним из больших медных обручей Боффо. Морган сложил деревянную сцену, взгромоздил ее, кряхтя, на плечо и понес к боковой двери.

Вечер был светлый, мглистый. В зареве уличных фонарей поблескивал тротуар. Морган убрал сцену в кузов пикапа, захлопнул дверцу. Постоял, оглядываясь, вдыхая ласковый влажный воздух. Мимо прошло семейство — раздраженные дети, которым пора уже было спать, плелись по бокам от матери. У автобусной остановки целовалась юная парочка. Почтовый ящик на углу напомнил Моргану о его письме к Бонни. Письмо он протаскал с собой весь вечер, надо бы его отправить. Он достал из кармана своей авиаторской куртки конверт, пошел через улицу (*…просто рассыпь горсть нафталиновых шариков*, шептало письмо, *по чердачному полу и под свесами кровли…*).

Ботинки его шуршали, как будто он шел по песку, ему этот звук нравился. Мимо с шипением проплывали машины, фары их облекал туманный ореол. Он разгладил конверт, уголки которого уже начали загибаться. *Но если это летучие мыши…* следовало ему написать. Мышей он упомянуть забыл. *Не стоит заделывать все отверстия, пока ты не удостоверишься, что мыши…* А еще надо было написать: *Помни, что затраты на мамины витамины налогом не облагаются*, и *НЕ спеши с этим твоим профессором*, и *ты же знаешь, просто любить его — это далеко не все*. И еще следовало добавить: *Я всегда считал достаточным то, что я люблю; думал — по крайней мере, я человек мягкий и любящий, но теперь понимаю, как важно и то, кого ты любишь и по какой причине. Ах, Бонни, ты иногда бываешь так не права…*

Он стоял у почтового ящика, ошеломленно покачивая головой. Потребовался гудок автомобиля, чтобы привести его в чувство, — и, похоже, не один. Из окна «шевроле» высунулась женщина, вся в кудряшках.

— Ну что? — спросила она. — Дойдут они или не дойдут?

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, дойдут мои письма ко вторнику или они опять будут мешкать и еле ноги волочить, как в прошлый раз? Ваши ребята вечно твердят: доставка-на-следующий-день, а потом вы затягиваете кредитные выплаты по «Банк Американкард» на два, на три, на четыре дня, и мне приходится штрафы платить.

Она помахала пачкой конвертов. Морган поправил на голове фуражку и взял у нее письма.

— Разумеется, — сказал он. — Всем этим занимался Робинсон, однако теперь его уволили. Отныне и навеки вы можете доверять почтовой службе США, мэм.

— Не сомневаюсь, — сказала она.

И подняла стекло, и укатила, визжа покрышками.

Морган опустил в прорезь ящика письмо к Бонни. Потом пересмотрел конверты женщины. «Модный магазин Патти Джо», «Домашняя техника Ле Болта»… они тоже пошли в ящик. «Клэрион — электротовары». Туда же. Остальные были письмами личными, с написанными наклонным почерком адресами женщины из Эссекса, женщины из Аннесли, семейной пары из Мэдисона, штат Висконсин. Можно было отправить и эти, но сначала неплохо бы на них

взглянуть. Морган направился к церкви, сухо покашливая, постукивая конвертами о ладонь. Какие они хрусткие, толстые, утяжеленные секретами. Они шептали: *провела понедельник избавляясь от этого платья схватки были такие что ей хотелось умереть и самое малое что ты могла сделать это проявить порядочность и все мне рассказать*. Впереди стояла у бордюра картонная коробка, а рядом с ней Эмили. Джош сидел на ее бедре. По какой-то причине у Моргана стало легко на душе. Он прибавил шагу. Заулыбался. И, подходя к Эмили, уже напевал. Ведь куда ни взгляни — везде столько света, столько красоты, столько возможностей.